

Гай Юлий
Орловский

Длинные Руки —
принц-реиент
— принц-премьер

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки

Длинные Руки —
принц-реиент

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ричард Длинные Руки
Ричард Длинные Руки — босон Господа
Ричард Длинные Руки — наладин Господа
Ричард Длинные Руки — сеньор
Ричард де Амальфи
Ричард Длинные Руки — властелин трех замков
Ричард Длинные Руки — виконт
Ричард Длинные Руки — барон
Ричард Длинные Руки — джл
Ричард Длинные Руки — граф
Ричард Длинные Руки — бургграф
Ричард Длинные Руки — ландграф
Ричард Длинные Руки — ифальциграф
Ричард Длинные Руки — оберграф
Ричард Длинные Руки — констабль
Ричард Длинные Руки — маукиз
Ричард Длинные Руки — гроссграф
Ричард Длинные Руки — лорд-протектор
Ричард Длинные Руки — майордом
Ричард Длинные Руки — маукграф
Ричард Длинные Руки — штурраф
Ричард Длинные Руки — фрейзграф
Ричард Длинные Руки — вильдграф
Ричард Длинные Руки — юнграф
Ричард Длинные Руки — кокунг
Ричард Длинные Руки — церюг
Ричард Длинные Руки — эрцгерцог
Ричард Длинные Руки — фюрст
Ричард Длинные Руки — курфюрст
Ричард Длинные Руки — гроссфюрст
Ричард Длинные Руки — ландесфюрст
Ричард Длинные Руки — гранд
Ричард Длинные Руки — князь
Ричард Длинные Руки — эрцфюрст
Ричард Длинные Руки — рейхсфюрст
Ричард Длинные Руки — принц
Ричард Длинные Руки — принц-консорт
Ричард Длинные Руки — вице-принц
Ричард Длинные Руки — эрцпринц
Ричард Длинные Руки — курпринц
Ричард Длинные Руки — эрбпринц
Ричард Длинные Руки — принц короли
Ричард Длинные Руки — грандпринц

**Ричард Длинные Руки —
принц-регент**

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Фицорд
Длинные Руки —
принц-регент

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *A. Старикова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета использован рисунок
B. Коробейникова

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — принц-регент : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2013. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-66571-6

Доблестный рыцарь сэр Ричард говорил, рисуясь перед дамами, что каждый день спасает мир, но на этот раз пришла настоящая беда. И все указывает на то, что мир будет уничтожен в самом деле. И уничтожить его решил Тот, кто и создал.

Последний лучик надежды — Храм Истины, о котором ходят столько таинственных слухов. Но все оказалось не таким, как надеялся отчаявшийся паладин...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-66571-6

© Орловский Г.Ю., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Часть первая

Глава 1

Трек в небе затих и отдалился, выдавленный со стороны Храма мощными и насыщенными медью звуками огромного колокола, медленными и тягучими, как молодой, но уже застывающий мед. Следом едва слышно донеслись, несмотря на немалое расстояние, слова молитвы, называемой спасительной, что ограждает весь мир защитным от Зла щитом.

В детстве читал, что однажды корабль короля Филиппа Августа застиг на море сильнейший шторм, и король повелел всем молиться: «Если удастся продержаться до того часа, когда в монастырях начнется утреня, будем спасены, ибо монахи начнут богослужение и сменят нас в молитве».

Огромная черная гора вблизи еще выше и страшнее, тучи выглядят скальными массивами, что соударяются над головой, высекая искры молний, а те бросают вниз страшные сполохи неистового небесного огня, однако с каждым шагом арбогастра молитва звучит громче и яснее.

Гора ограждена высокой каменной стеной явно просто по традиции — кто в здравом уме приблизится к таким ужасам? Разве что бесстрашный Бобик весело ринулся огромными прыжками в сторону массивных ворот в ограде.

За Храмом, как уже вижу, поднимаются здания монастыря. Молитва оттуда звучит настолько мощно и властно, что заглушила треск и грохот в тучах, а чудовищные молнии потеряли жуткий блеск, только на землю все еще падают страшные отсветы небесной битвы.

— Назад, — велел я Бобику. — Рядом!.. И вести себя весьма. Мы же теперь как бы вот!.. Понял?

Он вздохнул и пошел рядом с моим стременем; для него не так важны слова, как интонация, собакам вообще можно бы говорить только одно слово, только у нас не хватит интонаций на все случаи жизни.

Я постучал рукоятью меча в калитку в левой половинке ворот, подумал и слез, даже брату паладину надлежит выказывать смирение перед теми, кто выше по рангу в духовной области.

Через минуту прогремел могучий бас, похожий на рык молодого сильного медведя:

— Кто дерзновенно стучит в ворота нашей скромнейшей обители?

— Ладно, — сказал я, — открывай. Видно же, не мимо ехал.

— Мы не перед всеми распахиваем ворота, — ответил голос.

— Мы не гордые, — ответил я, — можем и через калитку. А есмь я по сути брат паладин, паладин Господа нашего Всевышнего и Милосердного. Свой, как бы вот так, если смотреть сбоку.

Калитка распахнулась без скрипа. Я все-таки думал, что для арбогастра придется открыть ворота, однако Зайчик нагнулся голову и прошел достаточно легко, словно проем в калитке специально для него раздался, а то и в самом деле вроде бы раздался, что-то у меня с глазами.

Бобик смиренно вдвинулся следом и тут же воспитанно сел, изображая комнатную болонку-переростка.

По ту сторону забора монах огромного роста в темно-коричневой рясе и с надвинутым на лоб капюшоном с огромным интересом рассматривает Бобика. С таким же вниманием перевел взгляд на арбогастра, наконец повернулся ко мне.

— Твои, брат паладин? — прогрохотал он.

— Нет, — ответил я с достоинством, — это я ихний. Вернее, мы друг друговы. В общем, не считаемся титулами, ибо друзья, хотя субординацию и вассальную присягу блюдем, ибо такова жизнь в том оставленном за спиной греховном, но таком весьма как бы мире...

— Такова жизнь, — повторил он. — И так везде. Да будет Господь с тобой, брат паладин. Давно не видел таких замечательных собачек... Меня зовут брат Жак.

— Мы все трое замечательные, — ответил я с достоинством.

— Я вижу, — согласился он и добавил деловым голосом: — Только гордыня в стенах нашего монастыря не приветствуется. Почему? Как думаешь, почему?

— Спасибо, брат, — ответил я. — В мирской жизни порой забываешь базовые требования к человеку вообще, не только к элите нашего мира, монахам. Ибо человек он только тогда, когда чуточку монах, верно?

Он кивнул в сторону арбогастра и Бобика.

— Они в самом деле... породистые. Хорошо, найдем место. Собака вообще божья тварь, все идут в рай... Про лошадей ничего не сказано, но, думаю, коням тоже там есть уголок, подальше от сада, чтоб райские куши не объедали, вон какая пасть... А собакам, конечно, там бегать можно везде.

Я спросил:

— А здесь?

Он скромно улыбнулся.

— Конечно, нет. Или думаешь, собакам можно забегать в ризницу? Да туда не всем монахам разрешено!.. Мне, правда, можно.

— Поздравляю, — сказал я. — А на кухню?

Он оглянулся на Бобика.

— Ему или мне? Это как посмотрят повара.

— Тогда все в порядке, — сказал я с облегчением. — Это такой подхалим, к любому умеет подлизаться, если только его чесать и подкармливать.

— Выходит, устроить нужно только тебя? — спросил он. — Тогда все проще. Пойдем, покажу свободную келью.

— Никого не стесню? — спросил я.

Он покачал головой.

— У нас треть келий пустые.

Я промолчал, что в других монастырях монахи спят в общих помещениях, достаточно тесных, а здесь то ли нехватка кадров, то ли Храм действительно в слишком суровом климате.

Он подошел к арбогастру, без боязни перед его страшной пастью взял под уздцы, правда, рука у него с бревно, а ладонь с лопату...

— Пойдем со мной, лошадка. Я тебя устрою по-королевски. Мы не занимаемся коневодством, но у нас десяток коней и добротная конюшня.

— Прекрасно, — ответил я. — Только поместите моего коня подальше от других. Из него неважный монах.

— В смысле?

— Может и подраться, — пояснил я, — если заденут. Ну никакого смирения, хоть какие молитвы ему читай!

Он спросил с интересом:

— А «Аве Мария» пробовал?

— Нет, — сказал я озадаченно. — А что, поможет?

— Нет, — ответил он, — но интересно было бы взглянуть.

— А насчет моей маленькой собачки?

Он сказал после паузы:

— Я такое не решаю, но пока возьми ее с собой, только пусть не выскакивает из твоей кельи.

— Вообще?

— До особого распоряжения старших, — пояснил он. — Если бы я тут распоряжался, я бы им нараспояржался!

— Рядом женский монастырь поставил бы?

Он хохотнул.

— Понимаешь, брат паладин! Желательно в том же здании, чтобы по морозу не бегать.

— Прекрасно, — ответил я с энтузиазмом. — Мне, как христианину, главное, чтобы были устроены мои конь и пес, а я уж как-нибудь перебьюсь, если женский монастырь близко! Лучше, конечно, два, но и с одним жить можно!

Он молча улыбнулся и повел арбогастра в сторону просторного каменного сарая, что наверняка и есть конюшня.

Я проводил их взглядом. Огромный монах завел арбогастра в темный проход, Бобик чинно пошел следом, дескать, только посмотрит, а у меня за спиной раздался мягкий голос:

— Приветствуем тебя, путник!

Я обернулся. В трех шагах появился, когда только и подошел, толстенький священник, невысокий, с округлым мягким лицом и бесконечно добрыми, почти детскими глазами.

— И вам благодать Божья, — ответил я.

Он сказал участливо:

— Позволь принять тебя, путник! И устроить с теми скромными удобствами, которые нам доступны.

— Я вообще могу без удобств, — сообщил я. — Господь терпел и нам велел.

— Да-да, — согласился он, — это угодно. Я отец Мальбрах.

— Наставник новициев? — спросил я.

Он мягко улыбнулся.

— Нет, туда еще рано. Я елемозинарий...

— А-а-а, — сказал я, — понятно. Нет, я не нуждаюсь в милостыне...

— В милостыне нет ничего унизительного, — возразил он и покраснел. — Это от слова «милость», «милосердие», так что отбрось гордыню, брат. Никто не узнает, что ты принял помощь...

Я кивнул понимающие. Монахи полагают, что лучше быть обманутыми, чем оказаться подозрительными и безжалостными. Потому к тем людям, которые, на их взгляд, были некогда богатыми и могущественными, а сейчас стали нищими, относятся с особой деликатностью, чтобы не травмировать их гордость, а помочь им вообще предпочитают втайне.

— Я в самом деле не беден, — сообщил я, — а прибыл сюда по важному делу. Мне бы встретиться с аббатом.

— Служение Всевышнему не терпит суэты, — ответил он благочестиво, — у аббата забот много. Но тобой займутся либо келарь, либо бейлиф.

— Хорошо, — сказал я, — когда?

— Как у них появится время, — ответил он кротко, но с едва заметным упреком, дескать, не следует требовать к себе повышенного внимания у занятых людей, это неучтиво и не весьма по-христиански. — Жди, сейчас придут и займутся тобой.

Я оглянулся на дверь конюшни, откуда выскочил Бобик, а когда снова повернул голову к отцу Мальбра-

ху, там было пусто до самого входа в Храм, а ступени ровно и чисто запорошены снегом.

Бобик примчался вприпрыжку, веселый, все понравилось, хотя ему почти всегда везде нравится. Я потрепал его по башке, а когда двинулся к главному зданию, оттуда торопливо вышел и поспешил мне навстречу, оставляя следы на снегу, молодой монах — капюшон отброшен на спину, лицо очень худое, бледное, но без привычной монашеской мягкости.

Он сунул руки в знак смирения в широкие рукава, правую в левый, левую в правый, держа их на груди, поклонился достаточно учтиво, но с достоинством знатного человека.

— Приветствуем тебя, брат паладин, в нашей обители!

— И я рад, — ответил я. — А что, на мне написано, что я паладин?

Бобик тоже посмотрел на него с интересом: а ну-ка отвечай, откуда сведения, кто передал, когда. Монах ответил уклончиво:

— Красный крест на плаще...

— Знак участника Крестового похода, — напомнил я.

— Простой крестоносец не сумеет пройти через врата, — ответил он, и я не понял, врет или говорит правду: монахи редко жестикулируют и гримасничают, — а ты вошел... и не один.

Он покосился на громадного черного пса, я видел в его глазах испуг, но он постарался не выказывать страха, ведь все в руке Творца, и произнес ровным бесцветным голосом:

— Меня зовут брат Альдарен. Елемозинарий велел мне встретить тебя и показать свободную келью.

— Гм, — сказал я, — вообще мне уже предложили разместиться...

Лицо его не изменилось, но в голосе прозвучала нотка неприязни:

— Кто, брат Кердалт?

— Я еще не знаю, — честно ответил я, — кого как зовут. Но вроде бы его звали Жаком.

Он чуть отступил, это Бобик начал рассматривать его слишком пристально, быстро посмотрел по сторонам.

— Брат Жак, вы сказали?

— Сейчас устраивает моего коня.

Он чуть сдвинул брови.

— Человек декана. Да, десятник тоже может встречать гостей, но вообще-то их обустройством должен заниматься келарь.

— Хорошо-хорошо, — сказал я поспешно, — я разве против? Мне лишь бы устроили хорошо моего коня и собачку.

Он кивнул, быстро зыркнул на конюшню и сказал поспешно:

— Пойдемте. Пусть брат Жак устраивает коня, а мы покажем, где можно разместиться вам самому при наших скромных удобствах.

Я прислушался: даже сюда доносится ровный монотонный гул, а пол под ногами вроде бы слегка подрагивает.

Брат Альдарен снова посмотрел на Бобика, затем на меня.

— Слышите?

— Да, — ответил я. — И как вы...

Он отмахнулся.

— Не обращайте внимания, брат паладин. Как давно уже не обращаем мы. Привыкнете, перестанете замечать. Демоны беспрестанно ломают нашу защиту, да только им это не под силу.

Бобик посмотрел на него, слегка зарычал, шерсть на загривке вздыбилась.

— Это он на демонов, — объяснил я поспешно. — Святая собачка, рвет их на куски, а иногда и в клочья.

Он побледнел, перекрестился.

— На куски... как отвратительно...

— Не всем же молитвой, — сказал я, чуть обидевшись за Бобика. — А защиту не расшатают?

— Ни за что, — заверил он. — Поставили еще те святые, что основали Храм. Мелкие демоны сгорают за милю, средние рассыпаются в прах в сотне ярдов, а самые могучие успевают коснуться стен, но все равно погибель настигает всех, ибо святость Храма велика, крепка и незыблема.

Он двинулся к раскрытым воротам в главное здание, мы с Бобиком пошли следом, я пробормотал на ходу:

— Странно...

— Что?

— Когда я подъезжал, — пояснил я, — не видел ни одного... Хотя да, могут быть незримыми. Но почему никто не набросился на одинокого всадника?

Он сказал с чувством превосходства:

— Так это же демоны! Тупые. Им велели штурмовать Храм, вот и штурмуют. А их самих в это время хоть по голове бей.

— И что, — уточнил я, — никто...

Он пожал плечами.

— Говорят, аббат Гильом в очень древние времена выходил и бил их в спину, уничтожая десятками в день. Но взамен каждого убитого тут же появляются новые, к тому же брат Герберт упрекнул Гильома, что бить в спину нечестно даже демонов, и аббат повинился, что да, дескать, старая воинская привычка взяла верх, но теперь надо вести себя как подобает смиренным монахам, защищаться только молитвой...

Входя в широко распахнутые, несмотря на зиму, двери, я все еще не понимал, то ли в самой горе про-

долбили ниши для Храма и монастыря, то ли такая странная архитектура, а все эти страшные черные сколы, вздымающиеся в небо, нечто вроде ужасающих по красоте и величию башен Кельнского собора, их строили четыреста лет, ухлопали несметные ресурсы, но все назначение — только вызывать восторг у всякого, кто их видит даже издали.

Едва переступил порог, всего охватила торжественнейшая тишина, и я сообразил, что во дворе, несмотря на приглушенность, все же раздражают постоянный треск над головой, грохот и рев, как и суматошный блеск молний, зато сейчас блаженно спокойно, мирно, как и должно быть под сводами монастыря, где так хорошо размышлять над вечными проблемами.

Бобик смироно идет следом, понимает, что здесь ему не там. В этом благочестии пересекли два зала. Во втором я наконец увидел двух монахов, но оба прошли под дальней стеной, тихие и незаметные, как две чучундры, склонив закапюшоненные головы и держа руки на груди в широких рукавах.

Глава 2

Светильники на стенах, на мой взгляд, слишком уж высоко, это ж какие лестницы к ним надо. Я засмотрелся, и Бобик тут же оказался рядом и, подпрыгнув, предложил достать их и потрепать на полу.

— Как светло, — сказал я, — только вот люстры...

Брат Альдарен спросил вежливо:

— Что с люстрами?

— Хороший свет, — похвалил я, — но где веревки...

Или как у вас их спускают?

Он спросил:

— А зачем?

— Чтоб заменить свечи, — объяснил я непонятливому, слишком уж заучился парень, простых вещей не понимает, скоро совсем святым будет. — А иначе как?

Он сказал равнодушно:

— А-а, это... Брат паладин, не стоит забивать голову посторонними и весьма мирскими мелочами. Служенье Богу не терпит суеты. Не отставайте. Эти свечи менять не нужно.

— Чего?

— Они горят, — произнес он без всякой насмешки над моей тупостью, — вечно.

Я сказал понимающе:

— Магия... Но разве не запрещена?.. Или это чудо?

Он поморщился.

— Брат паладин, ну какая тут может быть магия?.. Да и чудес мы еще не удостоены. Простые свечи. Только вечные, понимаете?

Бобик тоже посмотрел на меня с удивлением: что тут понимать и вообще зачем ломать голову, все же понятно.

Я пробормотал:

— Но... как?

Он отмахнулся.

— Просто там воск продолжает... расти, что ли? Как гриб, что растет и растет, понял? С такой же скоростью, как горит свеча.

— А-а-а, — сказал я, — потому их не стоит гасить днем?

Он сказал довольно:

— А ты быстро схватываешь, брат паладин. Может быть, проживешь до первого испытания веры.

Он обращался ко мне то на «ты», как к равному себе собрату, то на «вы», все-таки я паладин, а это как бы выше или, по крайней мере, что-то другое, но, похоже, вежливость все-таки начинает брать верх.

— Не пугай, — сказал я по-свойски. — И так уже всего колотит. Я ужась как боюсь привидений и священников.

Дальше еще зал, наконец лестница, ведущая вниз. Опускались мы достаточно долго, пока не вышли в бесконечно длинный коридор, дальний конец теряется в темноте, по одну сторону массивные двери из темного дерева, расположены близко одна к другой, так что помещения должны быть совсем крохотные, придется отвыкать от королевских апартаментов.

— Уже скоро, — сообщил он доброжелательно.

— Здесь?

— Да, — ответил он, — с самыми младшими.

Я покосился на стену, напротив каждой двери по жестяному подсвечнику, свет яркий, ясный и чистый. Думаю, и по всему монастырю эти вечные свечи. Их состав монахи вряд ли знают, уровень знаний не тот, однако наверняка на бесчисленных опытах проверили, что если отрезать от свечи немножко и оставить на столе или блюдце, то начнет медленно расти новая свеча. Если ее не разжечь, будет расти и расти, пока не заполнит собой всю комнату. Думаю, самый простой способ уничтожить — выбросить на мороз, холод убивает такое почти сразу.

Правда, можно и сжечь, если швырнуть в камин или вообще на горящие угли. Тогда рост не поспеет, и масса свечи сгорит, охваченная пламенем со всех сторон. Но методом проб и ошибок отыскали, молодцы, оригинальное решение...

Бобик забежал далеко вперед, остановился возле одной двери, оглянулся и весело оскалился, показав страшную красную пасть с двумя рядами острейших зубов.

Брат Альдарен замедлил шаг.

— Он что... чует?

— Мышей? — спросил я.

— Нет, — ответил он шепотом, — где вас разместим.

— Он много чего чует, — ответил я сварливо, — да только не говорит! Но лучше всего чует кухню.

Бобик смотрел, как приближаемся, и весело помахивал хвостом. Брат Альдарен сказал бледным голосом:

— Но он остановился точно у этой двери... Да, все верно, это ваше пристанище на эту ночь, брат паладин. А что будет дальше, ведают только Господь и наш келарь.

Он улыбнулся, дескать, шутка, я могу и не сообразить, все-таки воин, а у воинов, как известно, чугунные головы и почему-то медные лбы.

— Спасибо, брат Альдарен, — сказал я. — Аминь.

— Аминь, — ответил он автоматически, хотя я брякнул, как мне кажется, совсем не к месту.

Я потянул дверь на себя, но первым вбежал, понятно, Бобик, отпихнув меня так мощно, что я впечатался в косяк. Келья выглядит прямоугольной пещерой, выдолбленной в толще камня, там узкое ложе, стол, длинная лавка, два стула, а на столешнице, что радует, чернильница и стопка перьев в стаканчике из глины.

Нарушая простоту кельи, в стене напротив довольно большой камин, огражденный изысканно сплетеными в орнамент толстыми железными прутьями, да еще простая деревянная лестница, что наискось над ложем и ведет наверх, словно бы на чердак...

Когда я оглянулся, монах уже уходил, набросив капюшон на голову и спрятав руки в рукава.

Я захлопнул за собой дверь, Бобик уже покрутился в тесной келье на месте и плюхнулся посредине, а я задумчиво посмотрел на деревянное ложе. Вроде бы не видать сюрпризов, хотя помню, как придворные короля Неаполя и Сицилии обвинили Гильома Верчерского,

основателя комплекса монастырей Манте-Вирджино, что он втихую распутничает, и подослали к нему самую красивую куртизанку. Гильом ответил, что ляжет с нею, но только в ту постель, где спит он сам. Обрадованная дура торопливо вошла в его келью и увидела ложе с раскаленными углями, на которых и спит всегда Гильом, чтобы бороться с искушениями плоти.

Потрясенная куртизанка тут же продала все свое имущество, принесла деньги Гильому, а тот основал для нее женский монастырь в Венозе и ее сделал настоятельницей. Она стала известна как блаженная Агнесса де Веноза, но это уже неинтересно. Куртизанки нам все-таки чем-то интереснее. Странно, чем?

Никаких куртизанок, напомнил я себе. Здесь все борются с искушениями плоти, вот и ты борись, герой, с самым упорным и опасным врагом, а уступай не так уж и сразу.

Бобик поднял голову и внимательно посмотрел на меня.

— Тебе проще, — напомнил я. — Самые мощные искушения у людей... Несмотря на времена года.

Он удовлетворенно вздохнул и опустил морду на лапы, уже готовый заснуть крепко и чутко. Я опустился на лавку и обратил внимание на лестницу.

Монашеская келья, рассчитанная на одного человека, не крохотный чуланчик, как я представлял в детстве, а система помещений, где на первом этаже рабочие комнаты монаха, а на втором две комнаты, где он молится, читает книги, ест и спит.

Кузнечные мехи, подставка для дров, камин с простой железной решеткой, что не дает вываливаться углям на пол, кочерга, совок, длинный и кривой садовый нож, кирка, ящик с берестой...

На отдельном столике кремень, но это дань традиции, наверняка огонь зажигают от свечей, а также

рубанок, им можно настрогать стружку для разведения огня.

Бобик поднялся, скорбно вздохнул, подошел к двери. Во взгляде, брошенном на меня через плечо, читалось неимоверное страдание.

— Понял, — буркнул я. — Только недолго! Ты мне нужен. И не лопни.

Он стрелой выметнулся в приоткрытую для него дверь, а я закрыл и вернулся к ложу.

Меч поставил у изголовья, запрет на ношение оружия не распространяется на гостей, а я так и вовсе брат паладин, воин Господа, для паладинов отдельные правила, надо их поскорее узнать, чтобы отстаивать свои гражданские и прочие права и не давать садиться на голову.

Вообще-то мало кто знает, но если верующий совершают греховное деяние, ангел ждет сто восемьдесят минут, а то и целых три часа. Если человек осознает греховность поступка и чем-то компенсирует его добрым, то грех не будет засчитан и обращен против него в Судный день. Так что очень важно еще и задумываться о том, что совершил, иногда можно успеть отыграться назад.

В дверь мощно поскреблись, я торопливо отворил, пока Бобик не процарапал ее насквозь. Он вошел важно, бока раздуты, без ритуальных кругов плюхнулся посредине и сразу же заснул.

— Молодец, — похвалил я. — Быстро ты там все очистил. Ничего, приготовят заново. Труд из обезьяны сделал человека, а усердность — монаха.

Я готовился лечь, когда в дверь вежливо постучали. Бобик поднял голову и посмотрел строго, но пока что не зарычал.

Я крикнул:

— Открыто!

Вошел очень молодой монах с подносом в руках, посмотрел на Бобика и в ужасе застыл на месте.

Я поднялся с лавки, а он сказал торопливо, все еще не отрывая взгляда от Бобика:

— Нет-нет, брат, помогать не надо. Если ваша собачка не очень возражает, я поставлю это на стол. Такова моя обязанность.

— Хорошо, — сказал я, — не буду. Но я думал, обедаем в общей трапезной.

— Так и будет, — сообщил он, — с завтрашнего дня. А пока вы путник, прибывший из холодного и злого мира. Насыщайтесь, отдыхайте... Испытания начнутся завтра. Но если вы не для вступления в орден, то все будет иначе.

— Как?

— Не знаю, — признался он. — Пока вы просто гость.

Я наблюдал, как он ловко, но без излишней суеты перекладывает на стол хлеб, сыр, с десяток круто сваренных яиц, достаточно крупную и толстую рыбину, при виде которой Бобик приподнялся и облизнулся.

— Сегодня постный день, — сообщил он, словно извиняясь, — так что мясо будет только завтра.

— Ничего, — ответил я, — Христос тоже рыбу весьма любил! А Петр так и вовсе ею промышлял. Как тебя звать, брат?

— Брат Жильберт.

— А меня Ричард, — сказал я. — Пока еще не брат... и вряд ли им стану. Но не возражаю, если так называют.

Он скромно улыбнулся.

— Еще бы.

— Это очень высокое звание? — спросил я. — В этом монастыре? Вроде титула?

— Думаю, — ответил он осторожно, — выше, чем в большинстве монастырей. Возможно, выше, чем во всех остальных.

— Брат Жильберт, — сказал я, — присядь и раздели со мной трапезу.

Он покачал головой и ответил смиренно:

— Брат паладин, я не должен.

— Повинуйся, — сказал я настойчиво. — Я паладин, выше по званию.

— Но вы не из нашего монастыря, — произнес он.

— Мы все из одного монастыря Господа Бога, — сказал я внушительно и перекрестился. — Ибо так рекомо.

Он сказал поспешно:

— Аминь.

Я жестом велел ему сесть, он присел послушно и уставился на меня добрыми и чистыми глазами невинного ребенка.

— Как тут вообще идут дела? — поинтересовался я.

Он ответил быстро:

— Как положено.

— А как положено?

— Согласно уставу, — ответил он. Мне показалось, по лицу скользнула некая тень, однако он продолжал смотреть мне в лицо честными глазами. — И положению о монастырях.

— Ах да, — сказал я, — ну конечно... Это мы, паладины, свободнее в своих действиях и поступках.

— У вас большая ответственность, — ответил он смиренно. — Я предпочитаю по правилам и уставу. Когда слишком свободен... можно ошибиться и совершивший великий грех..

— Ну, — сказал я, — мелкий человек не совершил великого греха. Для этого надо быть человеком с большими запросами. У вас все поступают по уставу?

Он ответил чуточку уклончиво:

— У нас очень свободный устав... если сравнивать с уставами других монастырей.

— Вы их читали? — спросил я с интересом.

— У нас в библиотеке много чего интересного, — ответил он так же уклончиво.

Я вслушивался в его мягкую речь, правильно построенные фразы, в какой-то момент он бросил взгляд на меня, когда я смотрел в сторону, и мне показалось, что это другой человек, постарше, поопытнее, и повыше рангом, чем рядовой монах.

— Чем занимаются монахи? — спросил я.

Он ответил уклончиво:

— Работы в монастыре много. И всем занятие находится по их силам и способностям. Отдыхайте, брат паладин.

— Как долго?

— Завтра, — сказал он значительно, — вас примет приор, а то и сам аббат, настоятель монастыря.

— Спасибо, — произнес я. — Это великая честь.

Он кивнул.

— Разумеется. Ведь аббатом у нас сам отец Бенедарий!

— Ага, — ответил я, — сам Бенедарий, кто бы подумал... В самом деле сам Бенедарий? Не шутите?

Он произнес с гордостью:

— Вы убедитесь завтра сами.

Я не стал провожать его к двери, здесь он хозяин, а я гость, прислушался к удаляющимся шагам, сбросил сапоги и рухнул на ложе, чувствуя, как сладко заныло усталое тело, получив наконец-то отдых.

Эту ночь буду спать как бревно, измотался за долгий путь в седле через морозный мир, хоть вот сейчас, когда уже засыпаю, хорошо бы осмыслить увиденное: странные недоговорки брата Альдарена, разнобой при

встрече, когда явно две группы собирались меня устроить... Интересно, куда определил бы брат Жак, этот гигант показался простецким и бесхитростным малым; еще надо понять опасливые взгляды любого монаха, встречаемого на пути...

Тело мое вздрогнуло само по себе, по коже прокатилась холодная волна. Я почувствовал, как на обеих руках шевелятся волосы, вставая дыбом.

Где-то близко появилась опасность, нечто огромное и чудовищно сильное вышло на охоту, бесконечно злое, сейчас осматривается, как только что выбравшееся из глубокой черной норы.

Опасность приблизилась, я торопливо выдернул меч из ножен, скатился на пол и, выставив перед собой острие, замер в ожидании. Для замаха не будет времени, а так вдруг да оно само напорется на острие.

Холод прокатился по телу, неведомый враг приближается, приближается... Я задержал дыхание, сейчас распахнется дверь, из коридора метнется нечто ужасающее, точно не люди...

Я покосился на Бобика, но Адский Пес, чуткий к любой опасности, почему-то спокойно дрыхнет, даже ухом не шелохнет.

В какой-то момент мелькнуло нечто темное, на краткий миг возникло на стыке стены и потолка, в самом уголке, там и так темно, и почти сразу ощущение близкой и смертельной опасности начало слабеть, отдался, уходить.

Когда совсем испарилось, я переполз обратно на ложе, но рукоять меча из ладони не выпустил, стараясь сообразить, что же случилось и почему эта тварь не набросилась.

Возможно, не заметила? Или все-таки послана не за мной? Возможно, она на свободной охоте, либо нужен кто-то иной...

И все-таки сон теперь не шел, я лежал с колотящимся сердцем и старательно продумывал все варианты, кто мог за мной послать и, главное, что именно. Первоначальное предположение, что это не за мной, пришлось отбросить. Слишком облегчающее жизнь, а та научила, что меня что-то все стараются нагрузить, лягнуть, пнуть, ударить, но никак не дать пряник или хотя бы похлопать по плечу, не говоря уже о том, чтобы почесать спинку.

Сна ни в одном глазу, ах да, нужно поупражняться в переносах, пока еще получается замедленно, не умею сосредотачиваться, всякая мелкая хрень отвлекает...

Представил в руке меч, выкованный гномами, сейчас он у меня в моей королевской опочивальне, буквально ощущил в ладони холодную рифленую рукоять... чувство такое, что вот уже сомкнул пальцы, но перевел взгляд на ладонь...

Сжал и разжал пальцы, условия для переноса самые идеальные, ничто не мешает и не отвлекает, однако... однако меча нет.

Возможно, расстояние, возможно, свирепые холода, но самое разумное объяснение — святость монастыря блокирует любые магические действия.

На всякий случай попрактиковался, создавая вино в большой глиняной кружке; получилось, хотя чему так уж радоваться? Видимо, создание вина и пищи у меня за счет моей паладинистости, а телепортация мечей — уже магия, здесь абсолютно неприемлемая, хотя намного более нужная.

Глава 3

В дверь осторожно и очень деликатно постучали, однако настойчиво; очень интересное сочетание, подумал я, вот это деликатно и весьма настойчиво.

— Открыто! — сказал я громко.

Вошел брат Альдарен, осторожно и не отрывая взгляда от дремлющего Бобика притворил за собой и поклонился со всей учтивостью, больше приличествующей рыцарю, чем монаху.

— Брат паладин...

— Добрый день, — приветствовал его я. — Он ведь добрый?

— Господь всегда посыпает добрый, — ответил он. — Мы сами делаем его тем или иным. Брат паладин, вам, как новичку, проделавшему такой долгий и тяжкий путь, отец настоятель милостиво разрешил не присутствовать на всемоношной...

Я воскликнул:

— Ура!

— ...утрене и службе после заутрени, — договорил он, — что в четыре часа утра...

— Вот щасте-то привалило, — сказал я.

Бобик приподнял голову, посмотрел на меня в поисках счастья, в глазах пропал укор, нехорошо обманывать, снова уронил голову и засопел.

— Вы также пропустите окончательный общий подъем, — продолжил Альдарен, — личную молитву и первый канонический час...

— Это когда собирается капитул? — спросил я. — Ну, я общую молитву произношу мысленно. У нас, паладинов, это получается неплохо — дисциплина ума называется. Читать главы из устава или Евангелия мне тоже не обязательно, я Библию знаю наизусть, могу на спор или шелобаны зачитать любой отрывок...

Он поморщился.

— Брат паладин, в этом нет необходимости. Как и нет заслуги в том, чтобы зачем-то заучивать Библию.

— Правда? — спросил я с интересом. — Почему?

— Не проще ли, — спросил он, — держать под рукой книгу? Но капитул нужен, на нем выслушивают отчет старших монахов о работах, сообщают о положении текущих дел... вам разве не интересно?

Я воскликнул:

— Еще как!

— А также, — добавил он, как мне показалось, значительно, — проводится дисциплинарная часть. Иных монахов обвиняют в нарушении дисциплины. Обычно они каются сами, но если их обвиняют братья, то в этих случаях дело разбирает обвинительный капитул...

— В общем, — сказал я, — я все это счастье пропустил? Мне надлежит быть только на утренней мессе, когда все монахи обязаны присутствовать в полном составе...

— За исключением тяжело больных, — подтвердил он. — Но это только сегодня. С завтрашнего дня вы подчиняйтесь уставу без каких-либо послаблений.

Я спросил с тревогой:

— А который час?

Он взглянул на свечу, где отметки показывают интервалы в четверть часа, затем перевел взгляд на большие песочные часы в нарочито грубой подставке из некрашеного дерева.

— Через два часа наступит полночь, брат паладин, так что отдохните до самого утра. После утренней мессы вам предстоит помолиться в течение часа в своей келье, затем монастырская месса... а потом вам дадут какую-то работу.

— Вот спасибо, — пробормотал я жалко, — наконец-то! Щасте-то какое... А когда завтрак?

Бобик, услышав знакомое слово, тут же пробудился от глубокого сна и с требовательным вопросом в глазах воззрился на молодого монаха.

— Трапеза, — сообщил Альдарен дрогнувшим голосом, — будет около двенадцати. А легкий ужин с пяти вечера до половины шестого. Потом повечерие, а после него братья отходят ко сну.

— Хорошо, — сказал я. — Обязательно приду! Как не прийти? Не могу же пропустить такое... интересное мероприятие. Можно смело сказать, увлекательное до глубины души, хоть и для любителя, а я еще тот любитель церковного пения!

Он замедленно поклонился, явно стараясь осмыслить сказанное, и вышел, держась возле стены, чтобы не потревожить собачку ростом с теленка, а весом с быка.

Я торопливо оделся, на душе пакостно и тревожно. Из головы не идет то чувство близкой опасности, а также моя неспособность призвать оружие или что-то еще из так необходимых, как теперь кажется, вещей, оставленных, можно сказать, в стационаре.

В дверь мощно бухнули, как будто бревном, и она тут же отворилась, не дожидаясь моего отклика. Вошел брат Жак, огромный и медведистый.

— А-а, — сказал он довольно, — и не ложился?.. Иди пожри на ночь, а то по себе знаю, никакой сон не идет, когда брюхо пустое. Твоя собачка уже успела и за тебя? Молодец, я так и думал, она у тебя хозяйственная! А как насчет выпить?

— Она или я? — спросил я осторожно.

Он довольно хохотнул.

— Хороший вопрос. Чувствую, ты паладин еще тот! И вполне уживешься, у нас тут просто.

— Погоди, — сказал я, — а разве трапеза не в двенадцать?

— Точно, — подтвердил он, — трапезная — хорошее место, можно поговорить обо всем, но если хочешь пожрать, то либо проси, чтобы тебе привнесли

в келью, а если не слишком зажрался, то и сам сходишь... Кстати, твоя собачка так уелась, что чуть там спать не легла.

— Вот свинья, — буркнул я. — Правда, мы так долго добирались сюда по морозу, что ей надо восполнить потерю жировых запасов. А где у вас кухня?

— Я проведу, — сказал он. — Разве не долг наш заботиться о братьях наших меньших?

Я вышел вслед за ним, а когда проходил по коридору, свечи на стене вспыхнули ярче. Жак от неожиданности остановился так резко, что едва не ударился о выступ стены.

Я по инерции сделал еще пару шагов, следующие две тоже вспыхнули, как два маленьких солнца.

— Чего это они? — проговорил он с недоумением.

Я ответил натужно бодро:

— Да просто приветствуют гостя. Вежливые значит. Ты же свой, тебя чего замечать?

— Что значит, — спросил он сердито, — приветствуют? Раньше никого не приветствовали!

— Времена меняются, — ответил я. — Вернее, мы их меняем.

— Лучше бы не менялись, — проворчал он. — Так спокойнее.

Я сделал еще несколько шагов, там дальше свечи, горит едва-едва, однако только я подошел ближе, вспыхнула радостно и празднично, даже цвет пламени поменялся, хотя, на мой взгляд, пурпурный выглядит несколько зловеще в сравнении с желтым или оранжевым.

— Мне больше нравится, — сказал я, — когда времена меняются.

Он покосился на меня с неудовольствием.

— Пойдем быстрее, брат паладин!

— А что с Храмом? — спросил я на ходу. — Над ним часто такое вот... с тучами, молниями...

Он посмотрел равнодушно.

— Всегда.

— Ого, — сказал я. — И что?

— И ничего, — ответил он.

— А не вредит? — спросил я. — А что это хоть?

Почему?

Он пожал плечами.

— Говорят разное, но мне кажется, просто темнят.

Сами точно не знают и даже не догадываются. А когда начинают объяснять, то такое несут, что уши вянут и хочется в зубы двинуть... А когда сцеплятся, то такое начинается...

— Что, — спросил я с недоверием, — никто не знает?

Он сказал с досадой:

— Что знают старшие монахи, нам неведомо. Они даже спят отдельно. В смысле, от нас отдельно. А молодые только строят догадки. У нас, да будет тебе известно, послушники по пятнадцать лет трутся, пока их допускают до монашества!.. Так что молодые монахи не обязательно с соплями до пояса. Говорят, то ли от демонов, осаждающих святую обитель, то ли от просто погодных явлений. Хотя, конечно, когда молнии становятся багровыми, а с неба падают камни, то это уже на дождь не похоже, но отец Леклерк все равно стоит на своем. Говорят, особые ветры могут поднимать даже камни и переносить на тысячи миль... но я все равно не понимаю, почему эти дурные ветры всякий раз обрушаивают камни на Храм.

— И как, — спросил я, — повреждают сильно?

Он посмотрел на меня с удивлением и чувством превосходства.

— Ничуть. Наш настоятель ограждает обитель святым щитом. Все исчезает, аки дым перед очи Господа.

Следующий зал разделен на три части двумя ровными рядами колонн, толстых, как двухсотлетние дубы.

Сверху соединены красиво и торжественно выгнутыми арками, но все серо, и сказочным контрастом в дальней стене три цветных витражных окна со стрельчатыми арками.

В конце коридора он отворил последнюю дверь, я оглянулся. Свечи продолжают гореть так же празднично, свет озаряет стены из камня, делая их похожими на полудрагоценные, что для монастыря вообще-то лишний соблазн.

— Мне нравится, — сказал я и переступил порог.

Комната небольшая, светлая, хотя при таких свечах это нетрудно. За большим общим столом уютно устроились трое монахов, все молодые, при моем появлении поднялись и вежливо поклонились.

Я сказал, скрывая неловкость:

— Я не аббат пока что, так что не надо, а то впаду в гордыню, а на мне и так грехов больше, чем на бродячей собаке репьев.

Брат Жак сказал бодро:

— Это вот брат Смарагд, это Жильберт, дальне Гвальберт Латеранец. Мы иногда завтракаем вместе... ну, а сейчас у нас промежуточная, так сказать, трапеза между ужином и завтраком.

Я сел, сказал осторожно:

— Но вы уверены, что ничего не нарушаете?

Интенсивнее всех в меня всматривается, как я обратил внимание, брат Гвальберт, крупный и с массивной абсолютно лысой головой, что сидит прямо на плечах, минутя шею или вдавив ее так, что ее и нет вовсе, из-за чего поворачивается по-волчьи: всем корпусом.

Я ощущил, что по ту сторону глаз расположен мощный мозг, что смотрит через эти глаза, и хотя это у всех, но у него видно. Это когда смотришь в лицо

брата Альдарена, помощника отца Мальбраха, елемо-зинария, то какой там мозг, в пустой голове лишь вера во Всевышнего...

Брат Жак сел рядом и придвинул мне тарелку с жареной рыбой.

— Ешь, а то не успеешь.

— Отнимут? — спросил я опасливо.

— Мясо принесут, — ответил он со смешком.

— Ого, — сказал я, — я как-то по-другому представлял монастырскую жизнь.

Брат Гвальберт взглянул на меня, как показалось мне, с некоторым колебанием.

— Брат паладин... у нас монастырь, а не сборище немытых аскетов. Мы помним, как святая Колумба каждую ночь читала Псалтырь, стоя в ледяной воде, а Бригита из Киндара в зимнюю ночь окуналась в пруд и молилась там...

Я порылся в памяти.

— Те, для которых Всевышний осушил тот пруд?

Он кивнул.

— Похвально знание таких вещей, брат паладин. Ты, оказывается, человек грамотный... Всевышний в первый раз осушил пруд, но когда его наполнили снова и Бригита подошла к нему, он вскипятил воду, так что ей пришлось отказаться от самой мысли погрузиться в нее. Понимаешь, что хотел сказать Господь?

— Еще бы, — ответил я. — Заставь дурака молиться, он и лоб побьет. А зачем Всевышнему набожные дураки? Ему нужны работники, что преобразуют неограниченную землю, куда он пинком выбросил Адама, в райский сад наподобие того, который тот потерял!

Он просветлел лицом, вздохнул с превеликим облегчением.

— Святые слова, брат паладин. Ты, оказывается, не только грамотный, но и хорошие книги читал?

— Правильные, — уточнил я. — Хотя да, все правильное — хорошее. Жаль, хорошее не всегда правильное. Прекрасная, кстати, рыба! Такой нежной вообще еще не ел... давненько. Откуда?

— Из наших прудов, — живо ответил за Гвальберта Смарагд, быстрый и остроглазый монах. — У нас там всякая рыба! Даже разная.

Брат Гвальберт проговорил несколько настороженно, как мне показалось:

— Брат паладин, как вам у нас?

— Нормально, — ответил я, — только мне показалось, что приняли как-то странно.

— В чем?

— Опасливо, — сказал я, — что ли...

Жак гулко хохотнул.

— У нас уже полгода ждут визитатора. Вот и подумали, что ты можешь быть им самым.

— А те что, не представляются?

— Одни сразу, — ответил он, — другие погодя... Так бывает легче копаться. Потому аббаты визитаторов не любят. Да и сами монахи...

Неслышино ступая, в келью вошел молодой монах или послушник с огромным подносом в обеих руках, опустил на край стола и начал перекладывать в блюда огромные куски прожаренного мяса.

— Здорово, — сказал я Жаку, — я думал, шутишь насчет мяса.

— Почему? — спросил тот. — Ах да, устав... Понимаешь, у нас тут разногласия насчет устава. Да и вообще... Грядут выборы аббата, наш аббат Бенеда-рий заявил, что устал и желает уйти на покой. Понимаешь?

— Еще бы, — ответил я мрачно. — Сразу же оказывается, что не все так единодушны во взглядах, идеях и даже реализации. И хотя аббат наверняка рекомен-

дует на место настоятеля своего человека, но немалая группа против...

Наступила тишина, на меня смотрели во все глаза, а брат Жильберт сказал с уверенностью:

— Я же говорил, он — визитатор!

Остальные промолчали, только Жак пихнул меня локтем в бок.

— Что скажешь?

— При чем здесь визитатор, — сказал я, — это же всегда так, когда главу не назначают, а выбирают в результате свободных демократичных выборов. Когда-нибудь монахи эту весьма справедливую систему из желания делать добро навяжут всему миру, даже королей так будут избирать... мы сейчас видим самое начало, как это делается... Значит, есть оппозиция, есть претенденты на кресло настоятеля... Главный вопрос: не будет ли победа оппозиции катастрофой? Так уже бывало, предупреждаю.

Они переглянулись, брат Гвальберт проронил неспешно:

— Сложно сказано, но суть ясна. Если вы не визитатор, то почему здесь? К нам в монастырь так просто не заехать, дескать, мимо по дороге.

Я сказал так же медленно:

— А можно я напомню, что любые результаты выборов, любые ваши планы и задумки будут разрушены раньше чем через полгода... когда прибудет Маркус. Надеюсь, здесь-то о нем слышали?

В комнате повеяло ощутимым холодом. И это не ощущение, я отчетливо видел, как в полной чаше брата Жильберта поверхность покрылась тонкой корочкой льда, но едва он вздохнул и завозился на месте, моментально растаяла.

Все молчали, наконец тихонько подал голос брат Смарагд, вежливо помалкивающий во время умных разговоров:

— Вы прибыли в нужное место, брат паладин. Наш Храм... единственное, что уцелеет. Маркус нам не повредит.

Я сказал зло:

— А остальные? Разве мы не в ответе за всех людей на свете? Даже за дураков, хотя лично я, конечно, всех бы их перебил!

Гвальберт чуть повысил голос:

— Брат паладин, мы сами себя постоянно виним во всем, так что не надо... У вас что, есть возможность драться с Маркусом?

— Я всю жизнь дерусь, — отрезал я. — Почти всегда успешно! Возможно, пришла пора не прятаться, а дать бой?

— А что у вас есть? — спросил он.

— Много чего, — огрызнулся я. — Но с тем, чем я владею, Маркуса не победить, иначе не пришел бы сюда. Но, может быть, совместными усилиями?.. Может быть, что-то успеем придумать?.. Изобрести? Создать?.. Помните, Господь, насылая потоп, предупредил об этом за сто тридцать лет!..

Брат Жильберт спросил озадаченно:

— Вы хотите сказать, что если бы люди покаялись... пусть не все, а какая-то часть, то Господь отменил бы потоп?

— А вам такое не говорили? — спросил я зло. — Человечество все держится на подвижниках. Народ составляют святые, а не толпа, даже если в этой толпе все человечество. Даже ради одного праведника держится мир!

Брат Жильберт спросил несмело:

— Но ради Ноя не отменил...

— Ной был хорошим человеком, — напомнил я, — но не был праведником, что и стало видно, когда после потопа посадил виноградник, наделал вина и упился

так, что голым валялся на земле... Он просто был лучшим среди тех скотов, в которых превратились люди, потому его и взяли черенком для нового сорта человечества. Сейчас же, похоже, этому виду предстоит новое испытание... Господь, как и Ною, дает шанс.

— Глубокие пещеры? — спросил Жильберт.

— Нет, — отрезал я. — Пещеры — то же самое, что ковчег!.. Но сто тридцать лет были дадены Ною вовсе не на постройку ковчега!

Смарагд сказал быстро:

— Но в пещерах мы, как и Ной, можем спастись и дать начало новому человечеству...

Я быстро посмотрел на остальных: что-то не видно радости, хотя и спасутся.

— Господь, — сказал я с нахимом, — будет счастлив, если мы выкажем себя взрослыми и дадим Маркусу отпор!

Брат Гвальберт сказал мрачно:

— Господь дал Ною и его поколению сто тридцать лет... а нам меньше чем полгода?

— Он дал нам пять тысяч лет, — возразил я жестко, — между визитами Маркуса!

Он тяжело вздохнул, посмотрел на меня исподлобья.

— Хорошо. Я с тобой, брат паладин. Это сумасшествие, но погибнуть за других людей — угодно Творцу.

Брат Смарагд сказал пылко:

— И я!

— Считайте и меня, — сказал Жильберт. — Мне всегда казалось нечестным спасаться, когда все люди на земле погибнут.

Гвальберт пробормотал с иронией:

— Думаю, Господь зачтет, что мы могли спастись, но предпочли остаться с грешными людьми, которым безуспешно несли свет и просвещение. Брат паладин,

как ты видишь это самое сопротивление Маркусу? Что мы вообще можем сделать?

Я перевел дыхание, крохотный шажок сделан, заговорил как можно убедительнее:

— Для выживания все средства и методы хороши. В моем королевстве, когда отбирают самых лучших бойцов для важнейших боев, заставляют проползти по канавам, заполненным нечистотами. Кто отказывается или не выдерживает, того возвращают в ряды... простых воинов.

Гвальберт поморщился.

— Жестко, но... оправданно. Рыцари, понятно, отказываются.

— Потому им нет места в будущем, — сказал я. — А мы должны хвататься за все, что может помочь в борьбе с Маркусом. Я уже говорил с некоторыми иерархами церкви... Они с пониманием отнеслись, что надо привлечь к сражению всех колдунов, магов и волшебников, а также всех тех, кто все равно обречен на гибель: троллей, эльфов, огров...

Я услышал потрясенный «ох», но не сводил взгляда с Гвальберта, он здесь самый авторитетный, а его явно корежит при упоминании, что придется кооперироваться с проклятыми магами.

Он долго хмурился, сопел, морщился, наконец проговорил тяжелым, как горы, голосом:

— Давайте отложим до утра. Днем, если будет возможность, переговорю еще кое с кем. Выясним...

Он замолчал, раздумывая или подбирая слова, я пришел на помощь:

— Что именно можем сделать?

Он огрызнулся:

— Мы ничего не можем! Только отыскивать тех, кто готов хоть что-то делать...

Брат Смарагд поднялся первым, голос его звучал достаточно бодро:

— Я переговорю с братом Анселем и братом Райнеком.

— А я с самим отцом Леклерком, — сказал Гвальберт; я понял по его тону, что этот самый отец Леклерк и есть глава оппозиции или одна из ключевых фигур.

Глава 4

Бобик поднял голову, взгляд внимательный, я сообщил, что все в порядке, проветриться выходил, а что ночь — неважно, лег на ложе не раздеваясь и закинул ладони за голову.

И все-таки сон не идет. Я вспомнил, что в монастырях жизнь не замирает ни на минуту, ночные бдения здесь в ходу и приветствуются, облачился в доспехи, сверху надел оставленную для меня монашескую рясу, надвинул капюшон поглубже на лицо и вышел из кельи.

Монашеское одеяние просто идеально для шпионов и убийц: никто не видит твоего лица, а под широкой рясой можно спрятать целый арсенал.

В доспехи влез вовсе не потому, что чего-то опасаюсь, просто надо отстаивать свои привилегии, которые хозяева всегда хотят по меньшей мере ограничить. И хотя паладины в общем подчиняются церковным правилам, однако внутри этих правил у нас, как уверен, весьма широкие возможности и полномочия.

Капюшон мне нужен потому, что до того, как отличительными признаками монаха стала его ряса, их узнавали издали по тонзуре. Не знаю, кто придумал, но верхушку головы брили, а оставшиеся волосы как бы символизировали и доныне символизируют венец

апостола Петра, основополагающий камень церкви и первого папу римского.

Когда тонзуру выстригают у новициев, то читают семь псалмов, а потом уже шесть раз в год стригут в полной тишине. Самые продвинутые монахи выделяются среди серых собратьев необычными тонзурами, которые изобретают сами или обезьянничают у еще более авангардных хиппарей, так что аббаты то и дело выпускают строжайшие предписания, требующие единообразия и возврата к традициям.

К счастью, я не новиций, а гость, и хорошо еще, что это не орден валломброзанцев, у них новиции с первого же дня должны голыми руками вычистить свинарник. А еще, давая обет, в течение трех дней лежат распостертыми на полу неподвижно и храня «сугубое молчание», этого я бы точно не вынес, разве что ухитрился бы заснуть на это время.

Коридор вывел в прямоугольный зал, где с одной стороны колонны якобы поддерживают свод, а с другой из ниш молча и вопрошающе смотрят деревянные фигуры святых и подвижников.

Монахов почти нет, лишь однажды промелькнула вдали фигура в таком же, как и у меня, надвинутом на глаза капюшоне. Я только успел разглядеть узкий и раздвоенный, как козлиное копыто, подбородок, как монах исчез, словно ушел сквозь стену.

Из зала ведут две лестницы в разные стороны, однако обе наверх, а мне чудится, что все самое важное находится где-то внизу, оттуда доносится ровный гул, будто за толщей скальных пород работают огромные механизмы.

Из боковой двери появился приближающийся свет, стал заметнее, ярче. В зал вошел монах с так глубоко надвинутым капюшоном, что упрятан даже подбородок, что же он видит...

Вокруг головы сияние, нет, вокруг всего тела, только от головы ярче. Я охнул нарочито громко:

— Как здорово! Это что с тобой, брат?

Он повернулся ко мне спиной, замедлил шаг, я смотрю с прежним интересом, он нехотя остановился.

— Брат, — прозвучал тихий голос, — это не моя заслуга...

— Открой личико, — сказал я, — а то как-то не совсем вежливо. Вроде бы гордыня... Я паладин, зовут меня Ричард.

— Я брат Целлестрин,— прошелестел он.

Я смотрел, как он поспешил поднял капюшон, но не отбросил за спину, а оставил на уровне чуть выше бровей. Лицо бледное, изнуренное, но красивое той трепетной интеллигентностью и духовностью, что любим в друзьях, но не хотели бы иметь в себе из чувства благородства и трезвого понимания, в каком мире живем.

И самое удивительное — от лица идет чистый свет, а когда он взглянул по-детски распахнутыми глазами, наивными и бесхитростными, я задохнулся от ощущения счастья.

— Я слушаю тебя, брат, — произнес он вежливо и стеснительно. — Я вижу, ты человек новый.

— Да, — ответил я, — этот дивный свет...

Он сказал виновато:

— Я ничего не могу сделать, чтобы его скрыть, прости.

— За что?

— Да так, — сказал он стеснительно. — Сколько раз пытался сделать его незаметнее, но он все ярче и ярче. Прости, брат, за невольное...

Я прервал:

— Нет-нет, я в восторге! Замечательно, что ты такой. Нельзя становиться незаметным, никто подражать не будет. Это должно быть заметно, весомо, зримо...

Он поклонился, снова надвинул капюшон на лицо и пошел, сгорбившись и почти касаясь плечом стены, к дальнему выходу из зала. Он так усердствовал в своей скромности, что я едва не выругался вслух от злости за его неверное понимание основных постулатов в целом вообще-то великолепного учения — христианства.

Громко лязгнуло, это отодвинулся тяжелый металлический засов, прячась в железные петли. Массивная дверь с готовностью распахнулась, словно дюжие слуги поспешно открыли ее перед королем.

Я постоял с целую минуту, тупо глядя на служивую дверь.

— Нет, — сказал я себе, — хоть часок, но поспать надо. А то тут и рухнуться недолго.

Первое требование устава предписывает вставать зимой до петушиного пения. Я надеялся, что петухов здесь не отыщется, но едва сомкнул глаза и начал погружаться в непонятный пока сон, как услышал откуда-то снизу хриплый и наглый крик, тут же горлопана поддержали другие петухи.

Если в других монастырях приходилось наблюдать за звездами, чтобы отсчитывать время, замерять длину тени, то здесь я еще вчера увидел клепсидру в большом зале, так что в комнатах монахов наверняка есть песочные часы самого разного размера.

Следом за пением петуха, хотя какое это пение, отвратительный хриплый крик, донеслись удары колокола.

Я раскрыл глаза, уже четко зная, где я и с какой миссией, никакой затуманенности в мозгу, только полудурки просыпаются и пытаются понять, чего это они тут оказались.

Камин полыхает ярко и жарко, несмотря на ряд свечей вдоль стен, а на столе ко всему еще и большая

лампа, хотя это та же свеча, только побольше, накрытая колпаком из матового стекла, чтобы оранжевый огонек не досаждал утомленным от долгого чтения глазам.

Я торопливо слез с постели. Если монах не поднимается с первым же ударом колокола, это уже серьезный проступок, который рассматривается на обвинительном капитуле, ибо запоздавший может не успеть к заутрене. Я вообще-то гость, гостям в монастырях дают некоторые послабления, но гости сами ими не злоупотребляют, ибо «в чужой монастырь со своим уставом не ходят».

Ряса по мне, хотя в плечах узковато, а рукава широки уж чересчур, еще непонятно, кто разжег камин, пока я спал, и почему Бобик позволил кому-то войти... если только камин не возжегся сам, среагировав ночью на понижение температуры, и откуда взялась лампа...

Напялив рясу, я тихо вышел, ступая на цыпочках, а дальше сунул руки в рукава друг друга и пошел, склонив голову, стараясь ничем не выделяться, а это нетрудно, когда в рясе до пола и с капюшоном, скрывающим лицо.

Для монахов достаточно было бы выращивать хлеб по той же технологии, по которой растут свечи, а воду можно добывать, растапливая снег, однако в монастыри частенько идут наиболее умные и предприимчивые и создают хозяйства, на сотни лет опережающие свою эпоху, в чем я убедился и на этот раз, проходя мимо мастерских, складов, и в конце концов спустился по широким выдолбленным в толще камня лестницам в пещеры под Храмом.

Похоже, монахи давненько обнаружили, что там внизу текут не только ручьи с чистейшей водой, но и реки, в которых водится удивительно вкусная и нежная, совершенно безглазая рыба.

Один из монахов могучего сложения приволок мокрую сеть и со вздохом облегчения свалил ее в угол. Постоял, опираясь на толстый длинный щест, к которому прикреплена сеть, а когда поднял голову, я узнал брата Жака.

— Слава Всевышнему! — воскликнул я. — Хорошо, что встретил тебя, брат Жак, ибо ты понравился мне!

Он оглянулся, на лице появилась широкая ухмылка.

— Что, поработать восхотелось?

— Да, — сказал я с восторгом. — Еще как!.. Очень!.. Правда, не сейчас и не здесь, а так даже как-то сам себе не верю, такой энтузиазм, такой энтузиазм!

Он улыбнулся еще шире.

— В это верю. Что, в самом деле нравится здесь?

— Да, — ответил я и, понизив голос, поинтересовался: — Что с братом Целлестрином?

Он помолчал, подумал, посмотрел исподлобья.

— А что не так?

— Да все так, — ответил я, — даже слишком. От него прет свет во все стороны, как от тебя запахом вина. Засовы перед ним отодвигаются, двери распахиваются, чуть ли не осанну поют... Он что, святой?

Он снова подумал, сдвинул глыбами плеч.

— Не знаю. Мне самому казалось, что святыми могут становиться только мудрые старцы.

— Ну да, а он вроде бы не старец...

— Точно, — подтвердил он. — Я помню, когда он пришел. Совсем сопляк еще... Но он так неистово истязал свою плоть, так страстно жаждал просветления и очищения... этой, как ее... ага, души, что... ну вот это и ага.

— Значит, — спросил я с замиранием сердца, — все-таки святой?

— Ну, — сказал он в затруднении, — типа да.

— Настоящий?

— А этого никто не знает, — ответил он. — Еще больных излечивает одним прикосновением, любые тревоги может отогнать, стоит заговорить участливо... а он очень добрый, перед всеми душу распахивает, всем готов помочь так, что хоть бей его...

— А как, — спросил я, — он всего этого добился?

Он поскреб в затылке, лицо стало задумчивым.

— Долго и трудно, — сказал он нехотя, — боролся со злом в себе.

— Разве он один? — спросил я.

Он криво улыбнулся.

— Точно подмечено! Все мы боремся, изгоняя из себя соблазны, похоть, нечистые желания, но у всех по-разному, понимаешь?

— Еще как, — согласился я. — Я вот тоже борюсь, но недолго.

— Побеждаешь?

— Нет, — пояснил я, — сдаюсь. А они сразу же теряют ко мне интерес и уходят. И я снова почти пра-ведник.

Он посмотрел на меня озадаченно и с растущим уважением.

— Вот как... Хитро... Надо как-нибудь... Но Цел-лестрин прост, он бил в одну точку, и у него, похоже, получилось лучше, чем у других.

— А остальные?

— Пока только он.

Я сказал подбадривающе:

— Но и ты, наверное, близок?

Он покачал головой.

— Не смеши. Я весь из соблазнов и пороков. А по нему видно, что никогда не воровал яблоки из чужо-го сада, как святой Августин. С молитвами, ночныхми бдениями, мольбой об очищении он вообще стал не-

досягаем для нас... Я как вспомню, когда увидел в коридоре тот яркий свет из-под его двери!

— Ну-ну?

— Я первым вбежал к нему, — сообщил он с некоторой гордостью, но тут же перекрестился, — и увидел тот неземной свет, исходящий от его лица! Выражение было такое краткое и всепрощающее, что даже меня проняло, а это не так просто ввиду моей великолепной и такой нужной для жизни толстокожести. Братья, понятно, пали на колени и вознесли Господу благодарственную молитву.

— Представляю, — сказал я.

— Да, — согласился он. — Это было громко.

— Счастливые вы здесь, — сказал я. — А на тебя как взгляну, так плакать хочется. От зависти.

Он вздохнул, оперся обеими руками на шест и прижался к нему щекой, отчего вся огромная рожа перекосилась.

— С того дня, — сообщил он, — брат Целлестрин и стал творить чудеса. Пусть не великие, но, смекаю, постепенно вырастет, как думаешь?

— Я просто уверен, — ответил я бодро. — Значит, он постоянно творит чудеса?

— Небольшие, — снова уточнил он, — зато часто.

— Остальные завидуют?

— Еще бы! Сам понимаешь, другие вообще кипятком разбрызгивают!

— Особенно молодежь, — согласился я. — А что говорит аббат?

Он пожал плечами.

— А что он скажет? Ставит в пример. Говорит, из брата Целлестрина вот-вот выпустится очень великий подвижник, раз он уже сейчас праведник перед Господом. И предвещает, что брату Целлестрину предстоят великие дела и свершения.

От тележки с рыбой в нашу сторону крикнули и помахали руками. Брат Жак сказал добродушно:

— Надо идти работать. А то поговорить мы все любим. Даже без вина.

— Ну, — сказал я, — вино будет. Настоящее, церковное.

Он посмотрел с недоверием, я лишь загадочно улыбнулся. Вообще-то почти любое вино создано монахами, начиная от шампанского и всевозможных ликеров и кончая уже не вином, а гротом, глинтвейном, ромом и виски, но среди обывателей утвердилось мнение, что только кагор считается церковным вином, раз им причащают в церкви. Так что угощу их для начала кагором.

Похоже, местные монахи, не довольствуясь простой рыбной ловлей, разводят рыбу в искусственных прудах, так называемых садках, видно по тому, какие отборные рыбины на тележках, все одинакового размера и откормленные так, как никогда им не удается отожраться в диких условиях...

— Брат паладин!

Я оглянулся, меня торопливо догоняет брат Альдарен, помощник самого елемозинария отца Мальбраха.

— Приветствуя тебя, брат, — сказал я приветливо. — Как спалось?

Он ответил с горделивой кротостью:

— Я эту ночь не спал.

— Ого, — сказал я, успев вовремя проглотить шуточку насчет горячих потных баб. — Работал?

— Молился, — сообщил он. — Лежал на полу перед распятием, раскинув руки крестом, и просил заметить меня, скромного слугу Божьего...

— Зачем? — спросил я с удивлением. — Ты какой-то язычник... Создатель наш велик, не знал? Он видит все и всех, слышит даже топот ног муравья, бегущего

за добычей! Предполагать у него тухоухость — кощунство, брат.

Он вздрогнул, сказал испуганно:

— Но молитва же... чтобы Господь услышал?

— Он и так слышит, — заверил я, — даже мысли! Предполагать иное — умалять его величие. А молитвы... что молитвы? Они для того, чтобы самому лучше понять и сформулировать, что же в конце концов хочешь. Ты чё хотел хрюкнуть?

— Совместная трапеза, — напомнил он. — Присутствуют все, кроме тяжело больных. И все гости.

— Для меня как бы честь, — сказал я высокопарно. — Веди, брат, здесь нам не грозит попасть в жаркие и цепкие лапы распутных, но веселых дев...

Он вздрогнул и торопливо перекрестился, а затем еще и забормотал молитву.

— Вот так, — сказал я поощряюще, — а можно и еще тише.

Он сказал слабо:

— Молитвы... молитвы в самом деле помогают весьма как бы не совсем так, как ждут. Это только слова. А воточные бдения перед алтарем...

Я спросил осторожно:

— А есть разница?

Он кивнул.

— Огромная. В молитве просишь, чтобы Господь выполнил за тебя какую-то черную или тяжелую работу, а в бдении раскрываешь свою душу, копаешься в ней, высвечиваешь все темное, что еще осталось, а его всегда много, и не просишь Господа за тебя что-то сделать, а спрашиваешь совета, как самому сделать эту работу быстрее и правильнее.

— И что, — спросил я, — помогает?

Он взглянул на меня с иронией.

— Я понимаю ваше недоверие, брат паладин. Но разве не так брат Целлестрин получил святость?.. Более того, открою вам, как человеку, что пришел и скоро уйдет, некоторые наши отцы через бдения обрели дар творить чудеса... перед которыми брат Целлестрин просто щенок.

Я охнул.

— Через бдения? Самосозерцания?..

— Инквизиционное самосозерцание, — уточнил он. — Ведь можно самосозерцать спокойно и бесстрастно ради самого самосозерцания, но если смотреть внутрь себя с неистовой страстью выжечь слабости и укрепиться духом, то... некоторым удается. Эти люди, не буду называть их имена, в самом деле способны сдвинуть горы.

Я смотрел потрясенно.

— Брат Альдарен... вы меня удивляете зело. Я вам почти верю, а это весьма нечто.

— А я вижу, — проговорил он медленно, не сводя с меня испытующего взгляда, — вы сами уже рветесь пройти, хотя еще не отдаете себе отчет, обряд посвящения и суровый период бдения!

— Да? — переспросил я в полном смятении. — Не знаю, вы правы. Я об этом не думал, но когда такие возможности... хотя бы шанс... гм, творить чудеса одним щелчком пальцев...

Он окинул меня чуть скептическим взглядом, дескать, чудеса делают не так, вдруг глаза его чуть расширились, а брови полезли на середину лба.

— Брат паладин, — вскричал он тоненьким голосом, — что это у вас?

Его палец обвиняюще указывал на мою рясу, где навершие рукояти меча оттопыривает ее характерным бугорком.

— Мои атрибуты, — ответил я с достоинством, — как у вас, скажем, тонзура. Ибо я весьма паладин!

Он воскликнул:

— Брат паладин, мы в мирном храме!.. Имеет ли смысл вам не расставаться с мечом? Это же оскорбление для Храма, нашего монастыря и всех здесь обитающих!

— Милый братец, — проговорил я медленно, — я ценю твою заботу о Храме и целомудренности монахов. Но как ты не можешь пойти по Храму голым, так и я не могу без меча. Рыцарь без меча уже голый.

Глава 5

Зал для совместной трапезы велик и просторен, однако же упрощен до того предела, когда скромность вот-вот перейдет в свою противоположность, ибо скромностью гордиться можно еще как, даже не гордиться, а гордыниться.

Я с тоской взглянул на стену, там должны бы красоваться различные мечи, топоры, молоты, кинжалы, мизерикордии, а на стене слева — луки, арбалеты, пращи... но, увы, с обеих стен смотрят только строгие лики святых.

Правда, в самом дальнем конце прямоугольного зала стена отдана под деревянные скульптуры. Я сконцентрировал зрение и рассмотрел мощно и красиво вырезанные фигуры как святых, так и противников: вот смерть с косой в костлявой руке скелета, у нее королевская корона на голове, оскаленные зубы, ниспадающий с плеч плащ, скрепленный на груди золотой пряжкой с большим рубином, — как же у нас у всех вкусы схожи.

Святая Дева с младенцем в руках, похожим на уменьшенную копию взрослого человека, ну да, еще не научились искусству пропорций, три коленопрекло-

ненных мужика... судя по ослику рядом, волхвы, что пришли в конюшню поклониться Иисусу.

А вот еще зубчатая стена, с которой бородатые люди сбрасывают камни на огромного змея, что ползет себе мимо, только поглядывает наверх с обидой...

Правила этикета придуманы монахами, это я знал раньше, а сейчас убедился, когда смирно прошел к столу строго вовремя, как и предписано уставом. Иначе, дескать, пренебрегу молитвой, читаемой перед вкушением, а это не просто нарушение этикета, но даже этики.

С вымытыми под присмотром других монахов руками я встал перед указанным мне за столом местом и в молчании ждал аббата. Аббат, очень-очень древний старик, невысокий и с неприметным лицом, явился буквально через минуту после того, как вошли гурьбой последние из монахов, помолчал мгновение и начал дряблым скрипучим голосом читать *De verbo Dei*.

Я стоял молча, неподвижно, не глядя по сторонам и не дотрагиваясь до салфетки. Все тоже стоят молча, неподвижно, глядя перед собой. Жизнь в узком кругу диктует строгое соблюдений правил, дабы не было трений, к тому же строгий устав ордена порождает постоянный контроль над собой, как ради себя, так и ради остальных. Так что да, монастыри со временем уйдут, а их правила этикета останутся уже для общества, сперва аристократического, потом разделятся на деловой, дипломатический, светский и всякие прочие.

Когда аббат закончил «О Слове Божьем», монахи начали тихо и степенно опускаться на лавки. Я напомнил себе, что хотя жрать уже хочется, но нельзя до подачи первого блюда есть хлеб, хотя он только что испечено и источает одуряющие ароматы. Лучшие пекарни, естественно, в монастырях, как и лучшие пекари и булочники.

Когда приступили к трапезе, я обратил внимание, что никто не заглядывает к соседу в тарелку, не оглядывается по сторонам, не беседует с друзьями, а молча и с достоинством вкушает, глядя только в свою тарелку. Даже самым галантным из рыцарей далеко еще до настоящего этикета, пока он только в монастырях, а выйдет не так уж и скоро. И то по частям.

Иногда кто-то из монахов подавал знак, что у соседа опустела тарелка, а когда тому подавали недостающее, благодарил кивком, в то время как тот, кому наполнили тарелку, скромно помалкивает, ибо заботиться надлежит о других, а не о себе.

Все происходит в полном молчании, нельзя даже грызть орехи, а только вскрывать их ножом или давить специальными щипцами.

Те из монахов, кому выпала честь прислуживать за столом, подали на первое кашу, на второе овощи и зелень: салат-латук, кресс-салат, керель, петрушку, редис, салат, огурцы, капусту, лук-порей. Также подали и «корешки», это все то, что растет под землей: репа, редис, пастернак, спаржа...

В больших широких чашах поставили на стол также лесные и грецкие орехи, мушмулу и персики, клубнику и вишни, смоквы, каштаны и айву...

Я спросил шепотом брата Жака, едва шевеля губами и не глядя в его сторону:

— Разве сейчас не зима?

Он шепнул:

- Брат, ты не видел, что у нас в подземельях!
- Даже не представляю, — ответил я.
- Приходи, все покажу...

Вода в кувшинах чистейшая, родниковая, я поглядывал на других исподтишка и пил, как они, держа стакан обеими руками, можно только так, в этом вели-

кий смысл, ибо так каким-то непонятным мне образом чтится память отцов и всех прародителей.

Правда, остальные монахи сделали по глотку, а то и вовсе только коснулись губами и тут же принялись за вино. Его на столе в изобилии, нет монастыря без больших запасов так называемого монастырского вина, когда слово «монастырское» служит синонимом «лучшего из лучших». Вино в Библии упоминается всегда в положительном смысле, а единственный праведник, по мнению Господа, Ной, посадил виноградник и упился так, что лежал пьяным совершенно голым, однако без особого осуждения даже со стороны родни.

Первой задачей любого визитатора становится проверка запасов вина, его обязательно должно хватить до следующего урожая, иначе аббата долой, приора долой, келаря долой.

Насколько я помню, вина разрешалось на рыло до четырех литров в день, что вообще-то понятно, если учесть, что простую воду в монастырях вообще-то не потребляли практически никогда, за исключением наказаний, когда сажали «на хлеб и воду».

Те, кто уже пожрал быстро, сидят в молчании, аббат же зорко смотрит, чтобы и самые медленные насытились, я бы уже прибил этих неторопливо пережевывающих черепах, и наконец поднялся из-за стола, худой, сморщеный, но величественный, как монарх.

Все монахи встали, каждый пробормотал слова благодарственной молитвы, это слилось в тихий шелест, словно под полом разом заскреблись обнаглевшие мыши.

Аббат повернул голову к толстенькому пухлому человеку с добрым лицом, тот отыскал меня взглядом и сказал мягким голосом:

— Братия, считаю приятным долгом сообщить, что к нам прибыл из дальних южных королевств брат

паладин. Он является верным слугой церкви, но ввиду того, что он еще и паладин, то освобождается от строгого следования нашему уставу, за исключением, конечно, ежедневной мессы, обязательной для всех, в том числе и гостей.

Аббат произнес ровным, хотя и скрипучим от старости голосом:

— Разумеется, чтобы войти в братство и стать полноправным членом ордена, ему придется пройти по всем ступенькам искуса.

Брат Жак толкнул меня локтем в бок.

— Повезло...

— Какое повезло, — шепнул я. — Ты же слышал, по всем ступенькам...

Он скривил лицо.

— Куда хуже эти мелкие ежедневные и ежечасные обязанности.

Монахи спокойно и без суеты начали покидать трапезную, но я смотрел на то место, где только что был аббат.

Там пусто, а монахи толпятся со всех сторон, так что незамеченным он бы выйти не сумел.

На выходе из обеденного зала я обратил внимание, как один монах что-то сказал другому резкое, а тот лишь виновато опустил голову, однако эта мелочь незамеченной не осталась, отец Мальбрах жестом подозвал первого и сказал мягко, но твердо:

— Брат Галлий, ты забываешь о милосердии и вообще человеческой сдержанности.

Монах воскликнул:

— Я хотел его только поправить!

— А не поранить? — спросил отец Мальбрах. — Воздержись, сын мой, от любого осуждения до завтра. За ночь, возможно, передумаешь сказать то, что собирался. Иди с Богом!

Он перекрестил монаха, тот поцеловал ему руку и поспешно удалился мелкими шажками, хотя вообще-то при его росте ноги должны быть длинными.

— А что, — поинтересовался я, — брат Галлий был неправ?

Отец Мальбрах покачал головой.

— Любезный брат паладин... Уставы всех монастырей гласят, что никогда не следует порицать в тот же день того, кто уже получил духовное увещание. Следует избегать высказываний под влиянием гнева. В миру люди могут вести себя несдержанно, что свойственно животным, а здесь все обязаны вести себя тактично.

Я пробормотал:

— Меня впервые называют любезным... Даже не знаю, хорошо это или плохо.

Он сказал со вздохом:

— Что значит, ты слишком долго был в миру. Учтивое обращение «любезный брат» или «дорогой брат» принято даже у тамплиеров, а они все воины, редко выпускающие из рук мечи. Их образ жизни склонил бы простых людей к великой грубости, но тамплиеры — монахи-воины, и любые бранные или грубые слова даже у них запрещены, приказы отдают без грубости, а что уж говорить про нас?

— Да, — согласился я поспешно, — вы интеллектуальная элита. Над чем работаете?

Он запнулся, слегка поморщился, помолчал — в монастырях думают быстро, но отвечают не сразу, чтобы ни лишнего слова, а то бывает чревато, если говоришь с людьми знающими.

— Любезный брат паладин... У нас достаточно большой монастырь.

— Понятно, — сказал я с удовлетворением, — много творческих задач, много разработок, еще больше

в проектах, задумках... Похоже, меня направили сюда в самом деле не зря.

Он поинтересовался мирно, но я уловил настороженность в его тихом голосе:

— Можно поинтересоваться, кто направил?

— Тертуллиан, — ответил я.

Он вскинул брови, я ощутил прощупывающий взгляд.

— Квинт Септимий Флоренс?

— Ого, — сказал я невольно, — а я думал, его зовут Тертуллианом! Значит, это не имя?.. Хотя неважно, других нет и быть не может. В общем да, он довольно настойчивый и злой. А когда ярится и кричит... не знаешь, куда и прятаться.

— Да, — произнес он мягко, — неуживчивость его была весьма... заметной. Помню, как-то раз... Хотя вы правы, любезный брат паладин, нужно заниматься сегодняшним днем. Вас интересуют, как понимаю, наши достижения в военной области? Увы, мы мирные монахи...

— Все мирное, — бодро сказал я, — часть войны. А любой мир — только короткое перемирие, да и то в одном месте, а в других войны гремят, гремят, совершенствуя род человеческий. Хотя меня вообще-то интересует все. Я не свинья какая-то разборчивая, я всеядное. В смысле, все достижения, что ведут к возделыванию райского сада на земле... можно еще сказать, строительства Царства Небесного, я потребляю, и даже зело.

Он слушал, иногда чуть наклонял голову, соглашаясь или принимая сказанное, а я ошелепо старался понять, почему мое сообщение, что я здесь по направлению Тертуллиана, не вызвало особого удивления.

И вообще странное ощущение, словно отец Мальбах знает Тертуллиана тоже. И даже лучше меня. Что вообще-то объяснимо, оба церковники, однако... как?

— Отдохните с дороги, брат паладин, — произнес он мягко, — у вас будет время поговорить с монахами, а затем и с иерархами Храма.

— Вообще-то я уже отдохнул, — возразил я. — Сколько можно?..

— Тогда сходите в часовню, — посоветовал он.

Я спросил с настороженным интересом:

— А что там?

Он пояснил с мягким упреком в голосе:

— Можете помолиться. Разобраться в себе.

— Ну вот еще, — возразил я, — стану я с собой разбираться! Вот если бы за мое примерное благочестие подбросили воинской святости в духе усиления ударной мощи... То ли дело с магией, там все проще!

Он подумал, посмотрел на меня с сомнением.

— Полагаете? Это значит, вы далеки от понимания.

Все не так...

— А как?

— Магию надо копить долго, — произнес он сухо и ровно, — а святость присутствует всегда. Потому благородному паладину должно быть все равно: встретился один нечистый или тысяча, его святость всегда при нем и всегда служит защитой. Единственно уязвимое место у такого человека — сомнение в правоте своего дела. Усомнитесь в том, что на верном пути, святость уменьшится либо покинет вовсе.

Я вспомнил Тамплиера, не совсем честно его подставил, а выиграл схватку только потому, что схитрил, потому что честно у такого не выиграть.

— Уж в этом я убедился...

— Для мага, — продолжил он, — нет необходимости верить в правоту своего дела. Магия работает вне зависимости, каков человек: хорош или плох, силен или слаб, на стороне добра или зла. Потому магом стать намного проще, как вы понимаете, сэр Ричард.

Я встретил его прямой взгляд.

— Понимаю, святой отец. И даже понимаю, зачем вы это сказали.

Пока мы разговаривали, он незаметно подвел меня к дверям часовни, дверь распахнута настежь, я успел увидеть небольшую комнату, почти маленькую церковь, но без алтаря, на стене крупное распятие с фигурой человека, справа и слева деревянные фигурки святых.

Он проговорил неспешно, глаза оставались такими же строгими:

— Тогда вы можете войти, брат паладин. Попытаться войти.

Я молча шагнул в распахнутые двери. Когда переносил ногу через порог, ощущил сильнейшее сопротивление, словно ломился через встречный ураган, который не ревет и не разметывает волосы, но стремится вообще отшвырнуть, но я стиснул челюсти и, заявив, что я здесь по праву, ломанулся вперед.

Отец Мальбрах вроде бы заметил, что я не просто вошел, я проломился, как будто снес каменную стену, и быстро спросил:

— Что с вами, брат паладин?

— Да это я усомнился в своей чистоте, — ответил я скромно и благочестиво, — подумал и заколебался, достоин ли... но потом вспомнил, что да, я паладин и воин Господа, так что да, вот.

— А-а-а, — протянул он, — правильно, в своей чистоте нужно сомневаться всегда, ибо чистыми никогда не бываем настолько, чтобы считаться действительно чистыми.

— Аминь, — ответил я и перекрестился.

— Аминь, — сказал и он, хотя по лицу я видел, что поразглагольствовать ему еще хотелось, еще как хотелось, все старики любят свысока поучать молодежь,

что всегда для них зеленая и недоразвитая. — Оставляю вас здесь, брат паладин. Можете помолиться, ибо совсем скоро вас примут иерархи Храма.

— Аббат?

— Вряд ли, — ответил он. — Но приор... вполне возможно.

Я перекрестился, пошлепал губами, дескать, молюсь беззвучно и в ускоренном режиме, Творец поймет, Он вообще-то понимает много чего, так что не надо про церкви и часовни, Всевышний и в пустыне услышит, даже в лесу, если не слишком густом...

Отец Мальбрах с изумлением наблюдал, как я кивнул распятию, повернулся, вышел из часовни. Он поспешил следом.

— Уже?

— Да, — ответил я скромно. — Мне просить Создателя не о чем, Он и так одарил меня выше крыши. Я скромный, знаете ли. Весьма. Все наоборот, я как раз думаю, что для Создателя сделать... если не полезное, ведь неисповедимы Его пути, то хоть приятное? С другой стороны, раз пути неисповедимы, то, видимо, неисповедимы и вкусы... Как полагаете, отец Мальбрах?

Он вздрогнул, перекрестился.

— Вы в такие дебри заезжаете, брат паладин!.. Я бы не советовал.

— Почему?

— Свихнетесь, — предположил он. — Творец выше вас, как вы, к примеру, выше муравья.

— Резонно, — согласился я, — но если учитывать, что Создатель сотворил нас по образу и подобию своему...

— Это в духовном смысле, — сказал он. — А вкусы... это не духовность.

— А что?

— Чревоугодность, — сказал он после раздумья.

— Фи, — сказал я, — как не стыдно, отец Мальбрах! Я имел в виду вкусы насчет музыки, живописи, тонкой эстетики... Или, по-вашему, это дьявол заложил в человека?

Он снова задумался, голос прозвучал совсем осторожно, словно отец Мальбрах вместе с ним идет по очень тонкому льду над глубоким местом:

— Есть и такое мнение... Да-да, брат паладин. Некоторые отцы церкви, как вы должны знать, отрицают музыку, как слишком чувственную, противную духовности. Да и живопись должна быть очень сдержанной, нельзя изображать живое, это кощунство! Только орнамент, наподобие божественно прекрасных снежинок...

Мы приблизились к нише в стене, где за металлическим барьерчиком находятся настоящие механические часы. Еще Герберт из Ориньяка, ставший папой под именем Сильвестр II, изобрел часы, которые «регулировались сообразно движению небесных светил», и если даже я с удивлением поглядывал на эти часы, то понятен восторг тех монахов, что толпятся здесь часами, чтобы посмотреть на эти удивительные ходики с цепью и гирей.

Отец Мальбрах гордо посматривал на меня, в восторге ли гость, нравится играть роль гида. А мне и прикидываться не надо, Храм великолепен, монастырь тоже просто чудо, идеальное сочетание практичности и красоты, даже утонченности в архитектуре, а на цветные витражи в огромных стрельчатых окнах я готов смотреть, с восторгом распахнув рот, часами.

В большинстве монастырей все еще запрещено иметь не только эти вот красочные витражи, но также органы, ковры, цветные и раскрашенные пергаменты, картины. Однако здесь Храм и монастырь являются как бы единое целое, потому все это было сперва в Храме, какой со-

бор без витражей, а потом, как догадываюсь, постепенно перебралось и в монастырь, пусть и не в таком обилии, ибо Храм — это Храм, а монастырь — монастырь.

Мимо прошли грузный священник с бульдожным лицом и нахмуренными бровями и худенький юркий монах, что вертелся ужом перед толстяком и, часто кланяясь, торопливо объяснял:

— Я доставил всю заказанную золотую бумагу, рыбьи плавники для варки клея, свинцовые белила...

Толстяк прорычал:

— Тонкие?

— Тончайшие! — заверил худой.

— Ну, дальше, — сказал толстяк нетерпеливо.

— Тонкий синопль, — сказал монах быстро, — массикот, финроз, лакмус, тонкий сурик...

Толстяк отмахнулся.

— Вези на склад, а массикот сразу передай брату Карметизу...

Отец Мальбрах проводил их долгим взглядом.

— Келарь Иннокентий, — сказал он, — и один из его помощников. Брат паладин, вам что-то нужно? Вы могли поистрепаться в дороге...

— Не только в дороге, — ответил я бодро. — Жизнь так треплет, так треплет!.. Только одни из трепки выходят потрепанными, а другие в трепках наращивают мышцы.

Он усмехнулся.

— Понимаю, из какой категории вы. Значит, вам пока ничего не нужно...

— Многое, — ответил я, — многое нужно! Человеку надлежит быть жадным и завистливым. Я имею в виду жадным до духовных приобретений и завистливым к тем, кто уже удостоился благодати, чтобы и самому как бы тоже ухватить духовности... Ну, вы понимаете меня, верно, благочестивый отец Мальбрах?

Он кивнул, хотя вряд ли понял, но вежливые люди стараются избегать негативных ответов, а келарь хоть и келарь, но в культурном обществе вроде бы и не совсем келарь, а здесь еще та атмосфера...

В зале впереди монахи в два ряда нараспев читают молитву, у меня дрогнуло и защемило сердце. При всей своей абсолютной нерелигиозности все же любуюсь как красотой храмов, так и внутренним убранством, а слова молитв всегда трогают так, что порой выступают слезы. Правда, для этого нужно только слушать эти искренние и чистые голоса, дышащие верой и страстью, но не вслушиваться в слова.

Увы, я из тех уродов, что все равно слышит и слова, мелочно цепляясь к их значению, но в последнее время научается снисходительно пропускать мимо ушей — мало ли чего нагородили те дикие люди, что создавали это учение, названное верой, хотя более точный термин — вероучение. Молитвы вообще-то надо бы модернизировать, придумывать новые, более современные, да и само слово «молитва» заменить на что-то менее унижающее, а то меня как-то не тянет молить или умолять кого-то, даже очень могущественного.

— Отец Мальбрах, — сказал я, — а как здесь вообще?.. Я, как человек войны, в первую очередь интересуюсь фортификациями и оборонными сооружениями. Это правда, что в Храм и монастырь ничто враждебное не проникнет?

Его широкое добрейшее лицо расплылось в довольнейшей улыбке.

— Правда!

— Это хорошо, — сказал я. — Это хорошо бы...

Он спросил с изумлением:

— А что, у вас есть сомнения? Брат паладин, отбросьте всякие! Здесь самое защищенное место на всем

белом свете! Про темный не знаю, но здесь вас не достанет сам дьявол!

— Гм, — проговорил я неуверенно, — а я думал, что дьявол внутри нас...

Он чуть нахмурился.

— Мы все носим в себе его часть, как наследие греха Евы, но здесь он не посмеет высунуться. А почему у вас такие сомнения?

— Хороший вопрос, — сказал я. — Дело в том, отец Мальбах, я видел нечто темное, очень злое и опасное.

Он дернулся, выпучил глаза.

— Здесь?.. Невозможно!..

— Я видел, — сказал я настойчиво.

Он сказал озабоченно:

— Я поговорю, чтобы вас приняли отец госпиталий и санитарный брат. Отец госпиталий выделит помещение возле больницы, а санитарный брат у нас очень умелый лекарь, Терендиус, осмотрит вашу голову, брат паладин. Бывает такое, когда после сильных ушибов...

— Забудем, — прервал я. — Видимо, это мое личное дело и справляться должен я сам.

Он посмотрел на меня внимательно и с грустью.

— Как вы обычно и делаете?

— На вершинах мало народу, — ответил я.

Глава 6

На ужин явилось совсем немного обитателей монастыря, по уставу собирать всех не требуется, я увидел монахов и одного священника, которых на обязательной совместной трапезе не было.

Смарагд указал глазами на священника и шепнул, глядя дальше в тарелку:

— Отец Зибериус. Госпиталий.

Я ел чинно и не забывая о манерах, но госпиталия рассматривал внимательно. Очень важное лицо в монастырях, отвечает за прием гостей и старается создать самое благоприятное впечатление, уже тогда этому придавали исключительно важное значение.

Странствующие не всегда оказывались святыми. Нужно с ходу отличать жуликов, ворье, заболевшим сразу предоставлять место в больнице, а путешествующих инкогнито стараться поместить в те условия, которые для них более свойственны, а такое угадать не просто, как и то, какие блюда предложить, какое место предоставить за столом, куда допускать, а куда вежливо запретить. Все это должен как можно быстрее сообразить отец госпиталий, что безумно важно в строго иерархическом обществе.

Однако гости в Храм Истины не прут косяками, так что здесь отец госпиталий занимается тем, чем и должен заниматься в свободное от приема гостей время: следит за чистотой в помещениях, за бельем, одеялами, скатертями и посудой, поддерживает огонь в каминах, присматривает, чтобы в помещениях не появлялась паутина...

Еще на госпиталиях лежит не самая приятная обязанность следить за гостями, чтобы те, отправляясь снова в путь, не забыли чего важного. Для этого в присутствии гостей осматривают помещения, заодно проверяя, не прихватили ли по забывчивости что-либо из монастырской утвари, посуда гостям выделяется обычно серебряная...

Когда с ужином покончили и покидали помещение, отец Зибериус сам приблизился ко мне. Высокий, с приятным лицом и живыми умными глазами, отвесил легкий поклон, хотя священник такого ранга не должен кланяться простому монаху, однако я со своим паладинством что-то непонятное, а вежливый

человек всегда предпочитает поклониться, чем недопоклониться.

Я в свою очередь поклонился, отец Зибериус явно постарше, а я поклоны распределяю больше по возрасту, чем по титулам.

— Брат паладин, — произнес он приятным голосом, полным искреннейшего раскаяния, чуть ли не отчаяния, — прошу простить, что не я принял вас после долгой дороги! У нас много лет не было гостей, потому давно сосредоточился на других заботах.

— Пустяки, — ответил я легко, — меня просто перехватили у вас.

— В какой-то мере верно, — сказал он так же легко и дружелюбно. Для работы госпиталиями отбирают самых любезных, приветливых и с хорошими манерами, чтобы легко могли вступить в беседу и свободно поддерживать на любом уровне, — у нас все соревнуются друг с другом в доброте и милосердии.

— Особенно накануне выборов, — обронил я самым невинным тоном.

Он бросил быстрый взгляд на мое невозмутимое лицо.

— Уже поняли? Увы, брат паладин, если бы Господь сам назначал аббатов, было бы проще. Но он зачем-то возложил эту тяжелую ношу на плечи самих монахов...

— Испытание, — сказал я с видом знатока, подумал и уточнил: — А еще и некий важный искусств.

Он произнес со вздохом:

— Весьма серьезный, вы проницательны, брат паладин... А так у вас пока жалоб нет?

— Никаких, — заверил я.

— Точно? — переспросил он. — А то отец Мальбрах сказал мне, что у вас есть некоторые сомнения...

— А-а-а, — сказал я, — так это добрейший отец Мальбрах вас направил? Нет-нет, ничего особенного, святой отец.

— Но вы что-то видели... непривычное? Брат паладин, в мои обязанности входит, чтобы в помещениях было чисто и... ничего лишнего.

Я ответил как можно спокойней:

— Видел, как по стенам носится некая темная тень.

— Тень? — переспросил он. — Просто тень?

— Да, — сказал я. — Возможно, все к ней привыкли и просто не обращают внимания, но меня она приняла весьма враждебно.

Он переспросил:

— Это... Как?

— Я чувствую опасность с ее стороны, — пояснил я. — Ну, может быть, слово «опасность» не очень подходит, небольшая темная тень что может?... Но чувствую угрозу.

— Чувства нас обманывают, — заметил он. — Чувства частенько идут от дьявола.

— Но не чувство опасности, — сказал я серьезно. — Я паладин, у меня это развито по воле Господа. С таким чутьем лучше выполняю боевые задачи, которые перед нами ставит Всеышний. Оно уже не раз спасало мне шкуру в сложной тактической обстановке и полевых и не очень условиях.

Он покачал головой.

— Вам просто померещилось. Тени постоянно прыгают по стенам, стоит кому пройти мимо свечи.

— От тех теней у меня не скачут мураски по спине, — ответил я. — И прочим частям тела, не в монастыре будь сказано. Впрочем, оставим это. Если будет появляться еще, заметят и другие. Если не появится... сам скажу, что померещилось.

В нашу сторону поглядывают выходящие из трапезного зала монахи, один задержался, молодой еще и с заметно выступающим брюшком, но все равно бледный вынош со взором горящим, дождался паузы в нашей беседе и воскликнул пламенно и с горькой обидой:

— Отец Зибериус, почему мне запретили поститься?.. Я хочу посерьезнее испытания!.. И бодрствовать я готов больше... И бичевать себя хочу!

Отец Зибериус бросил на меня странный взгляд, словно не знает, как отнесусь я, темная лошадка, сказал увещевательным голосом:

— Брат Миригулиус, не следует поститься в иное время, кроме установленного. В предписанные часы нужно спать, а не бодрствовать. Не следует подвергать себя истязаниям без разрешения отца настоятеля... Эти правила вовсе не от недоверия к твоей ревностности в служении! Просто мы все хотим, чтобы твоего огня хватило надолго...

Монах открыл было рот, чтобы возразить, но тоже посмотрел на меня, при чужаках вроде бы не стоит выяснять всякое, а то вдруг я да визитатор, с тяжелым вздохом поклонился и поцеловал руку отцу Зибериусу.

— Спасибо за мудрый совет, святой отец...

По его виду заметно, что охотнее пнул бы ногой за такой совет, но сейчас изо всех сил старается держать на лице личину кротости и смирения.

Отец Зибериус сказал с добродушной снисходительностью:

— Брат Миригулиус, не отчаивайтесь. В жизни никогда не наступит день, когда вы станете настолько мудрым, опытным и успешным, чтобы ни в чем не ошибаться. Ожидайте провалов и позвольте им закалить ваш дух. Минуты позора делают вас сильным, минуты успеха — благодарным. То и другое чередуется в жизни

так же неизбежно, как ночь и день. Брат паладин, не так ли?

Я подтвердил бодро:

— Главное — баланс!

Брат Миригулиус сказал хмуро:

— Только у меня что-то ночи долгие, а дни такие короткие...

— Так это же здорово, — сказал я и похлопал по его выступающему пузу. — Можно отоспаться, отожраться... Спасибо, отец Зибериус!

Тот спросил с удивлением:

— За что?

— Да так просто, — ответил я и бесстыдно улыбнулся во весь рот. — Здесь так приятно быть вежливым!

Старшими братьями здесь называют, как я понял, всех, кто стоит на следующих ступенях иерархической лестницы: всевозможные должностные лица вроде приора, келаря, деканов, камерария, прекантора, скриптора или нотариуса, которого иногда называют просто канцлером, ризничего, госпиталия, елемози-нария, наставника новоциев и различного рода советников из старых и мудрых, а также ту часть, пока еще скрытую от меня, которые достигли то ли высот, то ли некой святости, но трудятся в своих кельях, расположенных неизвестно где, во всяком случае для рядовых монахов, и даже редко появляются на общие молитвы.

Хотя не так уж неизвестно, в головном здании монастыря несколько этажей, все младшие монахи располагаются на первом, старшие — на втором, с третьего уже священники, куда младшим вход закрыт, а кто выше... теряюсь в догадках, этажей здесь пять, да еще и надстройки, где тоже есть комнаты...

Я высмотрел брата Жака, его легко узнать в любой рясе и под капюшоном, рост и ширину плеч не скроешь, догнал, хлопнул по плечу.

— Попался!

Он охнул, обернулся в испуге.

— Что?.. Где?.. Я не... А, это вы, брат паладин! Что за шуточки, у меня чуть сердце не выскочило!

— Воровать идете? — сказал я понимающее.

Он дернулся.

— Почему воровать? У кого воровать?.. Да и не воровство это, а так... заимствование. Если разбогатею, отдам. А вы что здесь высматриваете?

— Все, — ответил я. — Гость обязан все высматривать и вызыривать. Как пройти к аббату?

— Зачем? — спросил он.

— Нужно, — заверил я. — Думаешь, ехал в такую морозную даль, чтобы посмотреть на ваши рожи?

Он поскреб в затылке, подумал, поглядел по сторонам.

— А что у нас с рожами не так? Рожи как рожи... Сегодня аббат тебя точно не примет, как и завтра. Да и вообще... Но можешь попытаться насчет общения с одним из помощников приора, у того их четверо.

Я ощутил быстро поднимающийся гнев, но сказал как можно спокойнее:

— Жак, чтобы добраться до вашего Храма, до этого Храма!.. я промчался сотни и сотни миль ледяной пустыни, замерзших лесов, расколотых холодом гор и темных земель, где царствуют дикие твари!

Он с виноватым видом развел руками.

— Знаю, тебе наши порядки не очень... У паладинов, наверное, прощё?

— Наверное, — согласился я зло. — Где сейчас приор?

Он огляделся по сторонам и сказал шепотом:

— В это время чаще всего в левом крыле библиотеки. Там самые старые рукописи. Потом уже неизвестно...

— Спасибо, Жак.

— Но я тебе ничего не говорил!

— Конечно, нет, — успокоил я. — Наткнулся на него совершенно случайно. Я же сам такой любитель книг, такой любитель...

Он ухмыльнулся, я уже взял гнев в кулак, подмигнул почти весело и отправился искать библиотеку.

Глава 7

В церкви и соборы я и раньше заходил часто, положение обязывает, хоть подолгу там не задерживался, молитв благодаря хорошей памяти помню много, а вот с монастырями практически дел не имел, потому сейчас во все попадающееся по пути всматриваюсь и вчувствываюсь очень рьяно, стараясь все охватить и понять.

Насколько помню, во главе любого монастыря всегда настоятель, он же викарий, что означает «заместитель самого Христа», он заступник, наставник, арбитр и организатор всей монастырской жизни.

В общем, как я бы сказал, вождь, в руках которого все нити власти. И его положение особое: питается отдельно, хотя почти постоянно приглашает за свой стол кого-то из монахов, — это честь, от которой нельзя отказаться; гостей принимает в специально отведенном для этого помещении, не спит в общей спальне, а мес-су творит отдельно со своими капелланами.

Наш аббат, как и абсолютное большинство настоятелей, благородного происхождения: младший сын герцога, которого отец, чтобы не дробить имение, от-

правил по духовной части. Потому еще имеет не только собственные доходы, но свой герб и жезл. Таких вообще-то было немало, но народ помнит разве что герцога Ришелье, что стал всесильным кардиналом и рулил королевством...

Правда, власть аббата никак не абсолютная, он сам обязан жить по уставу в духе умеренности и тщательной обдуманности каждого слова и решения. Как раз именно потому, что жизнь монахов в его руках, он так осторожен, ибо это ему придется давать отчет главе Страшного суда Иисусу о вверенных его попечению душах, а уже затем о своей собственной.

Аббат подчинен уставу, и монах не обязан повиноваться аббату, если тот не соблюдает устав. Огромные права аббата уравновешены такими же огромными обязанностями. Аббат выдвинут на этот пост монахами, чтобы лучше служить им и помочь им самим лучше служить Богу.

Приор — помощник аббата и его заместитель, замещает аббата в случае болезни или отсутствия. Приора тоже избирают сами монахи, но аббат вправе сместить его после трех предупреждений, суть которых объяснит братии.

В крупных монастырях обычно несколько приоров: главный приор, помощник приора, третий приор, четвертый приор. К какому приору меня могут направить, можно даже не загадывать: был бы пятый или шестой, направили бы к седьмому.

В помощниках у приора также деканы, или, говоря проще, десятники. Они тоже избираются монахами из своего числа, их обязанность — забота о монахах.

Келарь — это эконом, он заботится о продовольствии, одежде и вообще всем-всем, что нужно монахам, контролирует все хозяйство, склады, амбары,

производство свечей, меда и все прочее, что делают в монастыре для себя или других.

Из широкого прохода в скальном массиве выметнулся Бобик, за сутки успевший раздобреть, просто слон, а не болоночка, запрыгал вокруг, приглашая сходить вот сюда, нет, сюда, ну что ты не понимаешь...

По запахам я уже чуял, куда зовет, но пошел на встречу ароматам вареной, печеной и замоченной в острых специях рыбы.

Просторная пещера открылась с царственной неторопливостью, столы выплывают один за другим, длинные, как связки плотов, на них цельные и разделанные туши животных, дальше рыба, рыба, рыба...

Монахи с закатанными выше локтей рукавами занимаются составлением блюд, я поклонился вежливо:

— Хорошая работа, братья! Готов променять свое истребление драконов и спасений принцесс на это вот занятие...

На меня оглянулись с довольными улыбками, один сказал веселым голосом:

— Меня зовут брат Лосатый. Хотите заказать что на ужин?

Я помотал головой.

— Жру все, я же человек, а не свинья какая-нибудь разборчивая.

Он улыбнулся.

— Это хорошо, а то некоторые ворчат, что завтра снова постный день, мяса не полагается, а будут только угри, щуки, караси, а также жареные и вареные яйца по дюжине на человека.

— Неплохо, — пробормотал я. — И птица, конечно?

— Разумеется, — подтвердил он. — Птица — не мясо, а скорее рыба, так как Господь сотворил рыб и птиц в один день. Потому птицу можно есть всегда...

— Однако, — сказал я провоцирующее, — Адам и Ева были вегетарианцами!

— Так было, — подтвердил он, — до самого потопа. Вернее, запрет был до самого потопа, но люди мясо ели уже начиная с Каина. Затем Господь все-таки разрешил есть мясо всем, «ибо помышление сердца человеческого — зло от юности его».

Я посмотрел на него с уважением.

— Но вы, я смотрю, запреты соблюдаете?..

Он пояснил:

— Дело не в запрете, что нельзя, а в дисциплине ума и подчинении плоти духу нашему. Говядину можно есть только по воскресеньям, вторникам и четвергам, свинину, а также солонину — по понедельникам, в воскресенье — мясная кулебяка.

— Да, — сказал я с облегчением, — это важно. Это дисциплинирует.

— На ужин, — сказал он, — наши монахи получают жареную курицу и еще порцию жареной свинины. Некоторые жарят мясо на вертеле, этим соблюдают традиции, но мы здесь предпочитаем сковородки.

— Прогресс на марше, — сказал я одобрительно. — Не подскажете, библиотека от кухни далеко?

Он задумался, возвел очи к высокому своду.

— Интересный философский вопрос... Вроде бы книги — духовная пища, а почему-то на самом дальнем от кухни конце! Разве не хорошая кухня крепче всего связывает между собой хороших и одухотворенных книжников?

— И еще хорошее вино, — поддакнул я. — Значит, на самом дальнем конце?

— На этом этаже, — уточнил он. — А то до конца наших владений и за неделю не добраться...

Размышляя, что он имел в виду под такими загадочными словами, я отпихнул Бобика, что рвался со-

проводить меня в странствиях, вышел на узкие просторы этажа, где среди пещер, отесанных под залы, встречаются и просто пещеры с неровными стенами и остро торчащими глыбами.

Гастрономию, кстати, тоже изобрели монахи, все они обычно сидят на строжайшей диете, потому изобретают самые разные блюда из тех продуктов, которые им позволены, записывают, составляют сборники рецептов, а такого новшества еще долго не будут знать даже короли.

Острое чувство приближающейся опасности кольнуло, как шилом. Я прыгнул под защиту стены, выдернул меч из ножен и замер, торопливо шаря взглядом во все стороны и на всякий случай прыгая от теплового диапазона к запахам.

Нечто огромное и чудовищно сильное приблизилось, отступило, затем снова появилось вблизи...

Толстая стена напротив выглядит монолитом, да это и есть монолит, но что-то подсказывает, что для чудища на той стороне это не такая уж и серьезная помеха...

Я покрепче сжал рукоять обеими руками, вот опасность ближе, еще ближе... остановилась, начала отдаляться медленно, и словно бы нечто чудовищно злое и омерзительное оглядывается в нерешительности: не вернуться ли, не напасть ли...

Когда оно отдалилось и пропало, я едва не всхлипнул от облегчения. Руки так тряслись, что едва-едва попал острием меча в щель ножен, ноги были как ватные, а ступней вообще не чуял.

Кто-то из монахов прошел вблизи, лица я не видел из-под капюшона, но он каким-то образом разглядел меня, поинтересовался участливо:

— Брат, тебе плохо?

— Уже лучше, — ответил я. — Участие братьев всегда дает силы.

— Пусть Господь даст тебе силы, — сказал он и пошел своей дорогой. — Аминь.

— Ага, — согласился я дрожащим голосом, — еще как аминь.

Даже от двери приятный запах страниц, словно держу в руках старинную книгу, очень толстую и безумно интересную. Я толкнул — закрыто, потянул на себя, ругая себя за то, что никак не запомню правило противопожарной безопасности, сформулированное еще в каменном веке: любая дверь должна распахиваться только изнутри.

Это даже не пещера, а уже облагороженный зал, где высокие шкафы с книгами не только у стен, но выстроились ровными рядами и посредине, разделяя пространство на длинные коридоры.

Я двинулся вдоль стены, книги здесь тоже не только в шкафах и на полках, но даже стопками на полу. Толстые фолианты старинных книг, многие с обложками из металла, застегнутые на висячие замки.

В центре зала четверо монахов разбирают книги, выбирая из кучи на полу и складывая в аккуратные стопки там же рядом на полу, хотя на полках много свободного места.

Один из монахов поднял голову и, всмотревшись в меня, сказал сухо и без приязни, что вообще-то диктуется правилами любого монастыря:

— Я отец Кроссбрин, приор. Кого-то ищете?

Высокий и поджарый, с резким худым лицом крупного человека, где кости выпирают мощно на скулах, надбровных дугах, подбородке, а мяса как будто и нет вовсе, такие всегда одерживают верх и достигают вершин, будь они солдаты, воины или политики.

Сейчас он смотрит так, словно видит меня насквозь, я в самом деле смешался и ответил почти невпопад:

— Да, как бы ишу...

— Кого?

— Приора, — ответил я. — Мне подсказали, что вы здесь.

Он повторил еще резче:

— Да, это я приор. Что вы хотите?

Я снова смешался, начало разговора не в мою пользу, сказал торопливо:

— Как у вас здесь... дивно. Да, господин приор, я искал вас...

— Зачем?

Я сказал смиренно:

— Прошу меня простить, святой отец, я гость, и если что-то нарушу, то лишь по невежеству, а не злому умыслу...

Он поморщился, покосился на своих помощников, но сказал достаточно любезно:

— Говорите, сын мой. Только коротко. Мы в библиотеке, а не в кабаке.

Я осмотрелся с подчеркнутым восторгом на лице.

— Всегда представлял себе рай не с розовыми кустами, а вот так, со шкафами, заполненными книгами, книгами, книгами...

Его лицо чуть потеплело, но голос прозвучал все еще сурово:

— Возможно, часть рая будет отдана под библиотеку, где соберутся книги всех времен и народов... Мне розовые кущи тоже не очень нравятся. Вам что-то нужно, брат паладин?

— Да, — ответил я, делая голос мягким и отстороненным, — да... что за наслаждение находиться в хорошей библиотеке! Я вам завидую... Смотреть на книги — и то уже счастье, а вы их еще и щупаете...

Приор поморщился, один из его помощников дернулся, словно я его ударил под зад.

Я поспешил смягчить свое умничание:

— Перед вами пир, достойный богов! Духовная пища... это нечто. Ее можно жрать и жрать, а чтобы насытиться... даже и не знаю, что надо и кем надо быть... У меня, правда, от второй строки уже начинает голова трещать, но то у меня, а это вы, у вас головы крепкие, литые, без пустот...

Приор сказал резко:

— Брат паладин! Вы что-то хотели сказать?

— Маркус, — ответил я, уже начиная злиться. — Надеюсь, достаточно коротко?

Его помощники застыли на местах, на меня поглядывают с тревогой, а на приора с беспокойством.

Его голос прозвучал холодно:

— Что тебя интересует?

— Маркус летом все сметет с лица земли, — напомнил я.

— Вы пришли сообщить нам такую редкую новость? И неожиданную, да?

— Думаю, — ответил я, — вы отбираете книги, чтобы опустить в пещеры пониже, не так ли?

— И что?

— Меня интересует, — сказал я, чувствуя закипающий гнев, — собираются ли монахи дать отпор? Я слышал, что если на всей земле и найдется сила, что остановит погибель человечества, то она здесь, в Храме Истины.

Он перекрестился, сказал сухо:

— Господь дает нам силу. И что пошлет, то и примем!

Не глядя на меня, вернулся к работе, и я понял, что он уже забыл обо мне или заставил себя забыть.

Помощники один за другим подавали ему книги, он короткими жестами распределял, куда что отнести.

— Да, — пробормотал я, — конечно, примем... куда денемся?

Примем, конечно, примем. Только все-таки, думаю, не так, как считает правильным приор.

Хотя не оставляет ощущение, что он просто отдался от меня, — вовсе не потому, что нечего ответить насчет Маркуса. Просто почему-то не хочет говорить...

Глава 8

Не привлекая внимания, вернулся в свою келью, но едва медленно и настороженно — все-таки не дома — переступил через порог, как повеяло легким холодком, словно чуть-чуть приоткрылась форточка.

Так же неспешно прошел к постели, чувствуя, как опасность приближается, подступает медленно, но неотвратимо, как движение планет, вытащил меч и ждал.

По коже сперва гулял холодок, затем ее заледенило, словно стою голым среди льдин под сильным ветром.

В келье начал сгущаться мрак, стены отдалились, мир стал неясным и угрожающим. Я создал шарик света, но он моментально истощился и погас, не успев отодвинуться от меня даже на расстояние вытянутой руки...

Холод приблизился вплотную, я отодвинулся вдоль стены, чтобы хотя бы с этой стороны обезопаситься, обошел комнату — нигде и ничего, но все чувства кричат, что опасность стала даже ближе.

— Знаю, — сказал я медленно, — ты здесь... Да, ты здесь... Что тебе мешает напасть?

В дальнем углу кельи начало проступать нечто темное, сперва как черный дым пожарища, только полу-

прозрачное, с разводами и струями, затем уплотнилось, словно разрастается емкость с тяжелой и быстро густеющей черной смолой.

Я напрягся, не представляя, как с таким драться, и защитит ли меня мое паладинство, вообще-то довольно хилое, а магия здесь не действует, да и маг из меня тоже никакой...

Раздался стук в дверь, и, не дожидаясь моего отзыва, дверь распахнулась, вошел с горящим факелом, несмотря на две зажженные свечи в келье, высокий худой монах с бледным лицом и ввалившимися глазами.

Я быстро зыркнул в сторону темной твари, но там уже чисто, когда только и успела исчезнуть, мне бы такую скорость, а то только за столом и удается развить в полную силу.

К чистому свету свечей добавился еще и трепещущий оранжевый от факела, структура камня видна отчетливо, но там ни следа исчезнувшей тени, что не тень вовсе...

— Брат паладин, — вскрикнул монах тихонько, — что с вами?

Факел он держит так, чтобы его узнавали сразу, его обязанность проверить все постройки, залы, хоры, кладовые, трапезную, лазарет, закрыть входные ворота, это принято в каждом монастыре не только во избежание поджогов и проникновения воров, но и чтоб не выходили братья монахи.

— Да так, — ответил я, как можно незаметнее переводя дыхание, — я же паладин, ты сам проблеял сие только что... А паладины обязаны совершенствовать умение защищать веру нашу святую и как бы правильную в ряде отношений!..

— А-а, — произнес он с облегчением, но посматривал на меня все еще опасливо, пока я не сунул меч в ножны. — Тяжелая у вас жизнь...

— И не говори, — согласился я. — Постоянно рубить головы, проливать реки крови, одновременно проповедуя милосердие и сострадание... это, скажу тебе, весьма как-то даже лепо зело, а местами не совсем лепо, а то и вовсе нелепо, но зато зело и обло.

Он зябко передернул плечами, боязливо посмотрел по сторонам, одной рукой придержал дверь приоткрытой, выглянул в коридор, как мне показалось, тоже украдкой, закрыл плотно и навалился на нее спиной.

— Брат паладин, — прошептал он, — вы в самом деле хотите попытаться... воспротивиться?

— Отцу Кроссбрину? — спросил я.

Он с досадой отмахнулся.

— Отец Кроссбрин просто напыщенный богослов. Я говорю про эту проклятую звезду Маркус!

Я сказал торопливо:

— Да-да, конечно!..

Он огляделся, сказал шепотом:

— Тогда приходите в полночь к брату Гвальберту Латеранцу. Знаете, где его келья?

— Нет...

— Второй коридор, — прошептал он, — двенадцатая дверь. Запомните, в полночь!

— Умру, но приползу, — пообещал я.

Он тут же отворил дверь и выскользнул в коридор, оставив меня с сильнейшим сердцебиением и тревожным ощущением, что вот едва прибыл, и уже становился участником некоего зловещего заговора.

Дождавшись полуночи, я тихо выбрался из кельи, хотел даже перекинуться незримником, но не получилось, пришлось осторожно пробираться вдоль стен.

Один раз чуть не попался: кто-то шел под дальней стеной зала; я замер, а когда монах исчез, двинулся дальше, крадучись еще осторожнее. Впереди показался второй коридор, я затаил дыхание и пошел вдоль ряда

дверей на цыпочках, задерживая дыхание и чувствуя в который раз, насколько же этот Храм огромен.

Понятно, такой не мог бы существовать здесь сам по себе, вокруг на сотни миль только промерзшая земля, покрытая вечным льдом и снегом, однако монастырь — другое дело.

Неутомимые монахи всегда искали и находили для себя места среди диких лесов, непроходимых болот и долин высоко в горах, где тишина, покой и уединение, а уже там корчевали лес, осушали болота, приручили дикий скот и разводили стада.

Собственно, в те времена только монахи этим и занимались, вся Европа после отступления ледников была сплошным болотом, где на отдельных островках прорастал лес, и привести эти земли «в божеский вид» и была задача монахов.

Здесь же забрались на далекий север, как только смогли, где невероятными титаническими усилиями основали этот монастырь, а уже при нем, как понимаю, намного позже собор, названный Храмом Истины.

Была ли гора такой или же монахи сами сумели создать это все — святость творит чудеса, уже знаю, — но для меня сейчас это третьюстепенно, если вообще имеет значение, а вот насколько эти монахи готовы уже на этот раз вступить в бой против Маркуса?

Я осторожно стукнул в двенадцатую дверь, с той стороны голос тихо спросил:

— Кому это не спится?

— Паладину, — ответил я.

Приоткрылось окошко, меня осмотрели, дверь тихонько приотворилась. Я торопливо скользнул в келью, за моей спиной уж захлопнули, а чей-то голос сказал негромко:

— Я же говорил, что видел, как он шел в эту сторону!.. Приветствуем, брат паладин!

— Приветствую и вас, карбонарии, — ответил я тихо.

Первое впечатление от собравшихся — что все молоды, намного моложе среднемонастырского возраста. Это насторожило — у молодежи слишком много энергии и нет ума, хотя всегда уверены, что знают уже все, и потому надо сбросить власть замшелых стариков, впавших в маразм.

И хотя я сам молод, даже моложе половины из присутствующих, но старые книги читал, меня клевали, топтали, били и волочили мордой по битому стеклу так часто, что уже набрался ума, а у них жизнь неторопливая, им еще предстоит, да и то не всем.

За столом расположились плечом к плечу Смарагд, Жильберт, Гвальберт Латеранец, Жак, а также незнакомый мне священник, суровый, нахмуренный и настороженный.

Он сразу взглянул на меня недоверчиво.

— Брат паладин, я был против, чтобы вас приглашали на эту встречу. Но братья Гвальберт и Жильберт, которых я очень уважаю, заверили меня, что вы прибыли специально, чтобы просить помощи в борьбе с Багровой Звездой Зла.

Я ответил смиренно:

— Это так, братья. Мир уже сдался и склонил выю под топор смерти. Надежда только на вас.

Монахи тихо переговаривались, я чувствовал себя на перекрестье взглядов, один поерзал, в неловкости отводя взгляд.

— Мы сами, — буркнул он нехотя, — ее потеряли.

— Но мы не сдались, — ответил брат Жильберт с нажимом. — Мы будем искать до последнего дня, до последнего часа, до последней минуты!

— И если Господь позволит нам, — добавил Смарагд, — мы отдадим свои жизни, но будем драться!

Говорил он пафосно и высоко, то есть возвышенно, вдохновенно и с блеском в глазах, что хорошо действует на женщин, но, увы, мы здесь в чисто мужской компании.

Священник промолчал, мне показалось, что чуточку поморщился от излишней пафосности.

Я опустился на край скамьи, все поглядывают с ожиданием, я сказал негромко:

— Скажу сразу, хотя я паладин, но могу получать титулы и даже сидеть на троне, как любой мирской правитель. Так вот, титулов у меня как листьев в лесу, я уже на троне, у меня огромные армии... но это ничто перед мошью Маркуса! Храм и здешние монахи — на сегодня самая могучая сила на земле, так говорят сведущие. Я хочу попытаться дать бой уже в этот раз, а не через пять тысяч лет, когда якобы подготовимся лучше!.. И я, честно говоря, весьма и зело разочарован, братья...

— Чем? — спросил священник.

Я признался честно:

— Когда мчался сюда через ночь и лютый холод, я питал себя надеждой, что здесь куют оружие, которым сбьют Багровую Звезду еще в небе!.. Но обнаружил, что все больше заняты будущими выборами аббата... И даже на то, что здесь у вас шастает некое зло, никто не обращает внимания...

Священник спросил быстро:

— Ты о чем?

— Я видел только темную тень, — ответил я, — но у меня кровь стыла в жилах, когда она приближалась. Еще могу сказать, что эта тварь свободно проникает через самые толстые каменные стены, будто их и нет вовсе! Про двери уже молчу.

Они переглядывались, Гвальберт спросил осторожно:

— Брат паладин, ты уверен... что тебе не померещилось?

— У меня звериное чутье, — огрызнулся я. — Ко мне только подойди кто сзади с палкой, сразу ограбят... Это вы только молитвами да пропитанием заняты! Эта тварь появлялась уже трижды! Нет, это я увидел ее трижды, а сколько она тут у вас шастает и что творит... даже боюсь и подумать!

Все смотрели с испугом и непониманием, а Гвальберт сказал примирительно:

— Брат паладин... ты только появился и уже трижды увидел. Не странно ли, что мы живем здесь по много лет и ни разу ничего подобного не зрели?

— Может быть, — предположил брат Смарагд, — она охотится именно на брата паладина? Мстит, например, за убитых демонов из родни... Вы много убили демонов, брат паладин?

Священник сказал резко:

— Ни одна тварь не в состоянии проникнуть в Храм, пока аббат жив. Ни один демон не в состоянии даже коснуться стен нашей священной твердыни!

— Хорошо-хорошо, — сказал я. — Пусть мне почудилось или даже померещилось. Оставим эту темную тень, раз вы к ней так привыкли. Но что насчет Маркуса?

Священник произнес мрачно:

— На этом уровне мы ничего не решим. Но в то время как приор уже начал отбирать книги, которые надлежит спрятать в самые надежные места, камерадий Ансельм и отец Ромуальд чаще других поговаривают, что вот бы не перекладывать эту ношу на плечи потомков, а самим дать отпор...

Я спросил жадно:

— Как-то можно с ними переговорить?

— Я сам переговорю, — пообещал священник. Он взглянул на меня в упор. — Я отец Леклерк. Ко мне они точно прислушаются.

Я возвращался обратно тихими ночными залами, свечи горят приглушенно, все величественно и таинственно, когда все такое огромное, сам поворачивал так и эдак слова отца Леклерка. Похоже, он в монастыре играет далеко не последнюю роль, на собрании явно был окружен почтением вовсе не потому, что священник, я сам чувствовал струящуюся от него мощь, которую можно назвать святостью, а можно не называть, но он явно силен, влияние у него есть...

По лицу опять пахнуло холодным воздухом, как показалось, но тут же холод прокатился и по всему телу. Свечи горят как обычно, однако на той стороне зала свет исчезает, теряется, словно образовалась дыра, через которую смотрит ледяная северная ночь.

Я замедлил шаг, прислушиваясь к себе, — странное дело, совершенно не чувствуя опасности; вообще-то понятно, та стена от меня далеко, но все же непонятно как-то...

Напрягая зрение, я вперял взгляд в ту тьму, однако тьма и есть тьма, ничего, кроме тягостной черноты, при виде которой начинает щемить сердце.

В стороне послышались легкие шаги, я всмотрелся и узнал брата Жильбера, он, как бы ни прятал лицо под капюшоном, все равно брат Жильберт, высокий, сутулый и неимоверно костлявый.

Он спросил торопливо приглушенным голосом:

— Брат паладин?

— Я...

— Узнал по голосу, — сообщил он, — вы с кем-то разговаривали?

Я бросил быстрый взгляд на тень, но там уже пусто, оранжевый свет освещает верх стены ровно и чисто, высвечивая каждую щербинку в камне.

— Все равно не поверишь, — ответил я. — Иди спи, тебе скоро к утрене?

— Да, брат, — ответил он и добавил с беспокойством: — Если что, зовите сразу же!

Послышались шаги, в подрагивающем свете показалась фигура в рясе, капюшон отброшен на плечи, я узнал суровое лицо отца Леклерка.

— Что-то случилось? — спросил он негромко.

— А поверите? — спросил я.

Он покачал головой.

— Только если увижу сам.

— Увидите, — пообещал я. — Она растет.

Он нахмурился, а я кивнул на красные от ночных бдений глаза молодого монаха.

— Стоит ли бедного брата Жильбера так уж мучить чтением толстенных манускриптов?

Отец Леклерк посмотрел на меня с упреком, но сказал предельно сдержанно:

— Брат паладин, невежественный человек не может быть благочестивым! И вообще ученье — это... К примеру, в большинстве монастырей, когда умирает монах-ученый, то все считаются его родственниками, и все должны разрывать свои платья, снять с себя обувь и устроить тризну!

— Гм, — ответил я озадаченно, — это как бы да, верно. У вас нет монаха по имени Мендель?

Он подумал, покачал головой.

— Насколько помню, вроде бы нет...

— А Шварц? — спросил я с опаской. — Хотя, конечно, лучше бы не было.

Он снова подумал, ответил со вздохом:

— Вступая в монахи, все порывают с прошлой жизнью и берут новые имена.

— Значит, — сказал я, — никто не знает, с чем монах экспериментирует в свободное от работы время: с опасным порохом или безобидной селитрой?.. Ладно, это я так... Прогресс не остановить. Разве что раньше

других попользоваться, как я использую открытия монахов Гутенберга или Периньона? Отец Леклерк, а как насчет выходных? Дни отдыха здесь бывают?

Он посмотрел с еще большим укором.

— Брат паладин, вы разве не знаете, что Всевышний позволил, чтобы о Нем сказали, что Он создал мир за шесть дней и отдыхал на седьмой. Если даже Он, который не знает усталости, позволил, чтобы о Нем было так написано, насколько же больше нужен отдых на седьмой день человеку, про которого сказано: «А человек рожден для забот!»

— Простите, отец Леклерк, — сказал я смиренно. — Великая мудрость в ваших словах. И вообще, уже чую, уходить из монастыря не захочется. Обожаю, когда все вокруг такие умные, а я один только... сильный. Спокойной ночи и добрых вам снов!

— Аминь, — ответили они в один голос.

Глава 9

Здесь в монастыре быстро сдвигается граница между днем и ночью. К тому же свечи горят круглосуточно, чему монахи, естественно, нашли обоснование, полистав Библию; я сам могу найти десяток обоснований любой затеи, как и десяток опровержений, хоть в Библии, хоть в Святом Писании.

Монахи, ложась спать, обычно накрывают глаза темной тряпичкой, так успевают поспать полноценнее. Тем более что сон у них обычно короткий, ночью спят два-три часа, а потом дважды днем по полчаса или по часу, у кого какие запросы.

Я лег, не раздеваясь, поверх одеяла, намереваясь не столько спать, как поразмышлять, вопросов много, слуха почти сразу коснулось нечто вроде далекого

крика, даже не крика, а слабая тень крика, но я уловил ужас и боль, насторожился, прислушался.

Везде тихо, однако сердце колотится бешено, что-то уловило еще раньше, чем это что-то доползло до мозга, мышцы напряглись.

Я сбросил скованность усилием воли, медленно слез, все еще прислушиваясь, взял меч и тихо вышел из кельи.

В коридоре пусто, свечи на стене горят ровно, клиновидные оранжевые огоньки не шелохнутся, здесь сквозняков не бывает, полнейшая тишина...

...мои ноздри дрогнули, по жилам пробежала дрожь, умом еще не понял, но инстинкт подсказал быстро: там кровь! Свежая.

Стены коридора пронеслись навстречу по обе стороны, я выметнулся в прямоугольный зал с колоннами, а там невольно затормозил. Мягко освещенный зал, тишина, и только посредине лежит, подобрав под себя руки, монах, уткнувшись лицом в пол.

Длинный кровавый след тянется за ним через весь зал, изорванная ряса пропитана кровью.

Я торопливо присел перед ним, ухватил за плечи, осторожно переворачивая на спину. На меня взглянуло смертельно бледное лицо молодого монаха, где-то я его уже видел, но не среди заговорщиков.

Правая щека страшно распорота в двух местах, меня передернуло, когда сквозь рану, что побольше, увидел окровавленные коренные зубы.

— Господи, — прошептал он едва слышно, — прими... душу... мою...

— Рано, — ответил я, — еще поживешь...

Мои ладони почти не ощутили холодок, хотя монах уже одной ногой в ладье Харона. Лицо его медленно порозовело, он задышал чаще, всмотрелся с растущим изумлением в мое лицо.

— Брат пала... дин?

— Он самый, — ответил я скромно. — Давай помогу добраться до кельи, а ты расскажи по дороге, что стряслось. Женщин здесь вроде бы нет, из-за чего подрались?

— Драка, — прошептал он. — Какая... вы не... вы совсем не...

Холод прокатился по рукам, вошел в грудь и кольнул в сердце. На миг увидел, как мелькнула вдали по стене темная тень, похожая на огромного безобразного паука.

Монах сказал слабо:

— Нужно... к отцу... Муассаку... Я брат Бретоний...

— Хорошо, — сказал я быстро. — Я помогу добраться. Где он?

— Я смогу, — сказал он все еще слабым голосом. — Но если сможете проводить меня, брат, за счет своего личного времени...

— Не болтай, — прервал я.

Он дышал все еще часто, приходя в себя, но я чувствовал, как силы постепенно возвращаются в еще истощенное, но молодое тело. Когда добрались до двери с большим серебряным крестом на третьем этаже, я уже почти не поддерживал его, а дышал он без хрипов и надсадности.

Я ждал в сторонке, он постучал в дверь трижды. Мне показалось, что стук условный, между вторым и третьим чувствуется нарочитая пауза.

За дверью послышался совсем не сонный голос:

— Брат Бретоний?

— Да, — ответил монах. — Поскорее, отец...

Дверь распахнулась, я увидел крупного человека с густыми черными бровями и такими же черными глазами. Он сразу же впился взглядом в покрытое кровью лицо монаха.

— Бретоний?.. Что с тобой?

Я зашел следом и прикрыл за собой дверь. Брегоний без сил повалился на широкую дубовую лавку, словно путешествие на третий этаж забрало последние силы, и, прислонившись к стене, сказал трепещущим голосом:

— Отец Муассак... на меня что-то напало... Я не успел даже рассмотреть, не то чтобы защититься святым словом или книгой... а исчезло так же быстро... Я думаю, брат паладин спутнул...

Священник повернулся ко мне, я покачал головой.

— Вряд ли. Я не видел, что именно там случилось.

— А что успели?

— Брат Брегоний полз, волоча за собой кишки. Когда я прибежал, он уже был почти без сознания.

Он посмотрел на меня остро.

— Похоже, у вас есть какие-то предположения?

— Вы очень проницательны, отец Муассак, — ответил я. — Весьма. Предположений у меня нет, но есть серьезные подозрения, что с ним произошло...

Отец Муассак спросил резко:

— Выкладывайте все!

— Я трижды, — сказал я, — нет, уже четырежды видел некую темную тень. Носится по Храму... Конечно, вы так уверены в неприступности Храма, что никто мне и не подумал верить, но сейчас-то что?

Брат Брегоний часто дышал и закатывал глаза. Я создал чашу с коньяком и сунул ему в ладонь. Он ощущил по запаху вино, жадно выпил, а потом застыл с вытаращенными глазами, не в силах дохнуть, зато на мертвенно-бледных щеках выступил яркий румянец.

— Да вы лекарь, — проговорил отец Муассак странным голосом.

Я создал еще чашу, но уже с ликером. Отец Муассак осторожно принял из моей руки, но принюхиваться не стал, выпил быстро, не скривился, только ненадолго задержал дыхание.

В коридоре послышались голоса, топот, а внизу под дверью замелькали оранжевые огни факелов.

В дверь, не постучав, просунул голову брат Жильберт с отчаянно расширенными глазами.

— Что, — вскрикнул он, — правда?.. Мы сейчас облаву...

Заметив меня, сделал вид, что не узнал, конспиратор хренов, исчез, я не успел даже спросить, откуда все так быстро узнали. Двери распахнулись шире, темные тени страшно и суматошно заметались по комнате, пугая резкими изломами, когда перескакивали со стены на стену.

Отец Муассак и еще один из священников высокого ранга, судя по рясе с красной окантовкой, склонились над братом Брегонием. Я видел, что врачают не столько уже подлеченное мною тело, как душу, а бедный монах все еще тряется в ужасе и с трудом выговаривает слова, пытаясь рассказать, что его покалечило и как это случилось.

В коридоре слышится требовательный голос брата Гвальберта, велит усилить охрану жилых помещений, зато брат Смарагд рассыпает людей на поиски того, что могло повредить Брегонию, и выяснить, был ли это человек, нежить, демон или что-то новое, против чего еще нет защиты.

Я поднялся с лавки, священники обратили вопрошающие взоры в мою сторону.

— Я буду у себя, — сказал я кротко. — Если понадоблюсь, только позовите. Здесь я пока без надобности.

Через час молодые монахи торопливо прошли по кельям и сообщили всем, что в большом зале для общих молитв сейчас срочно собирается капитул, всем оставить все дела, присутствовать будет также сам аббат.

До этого я так и не вернулся в келью, переходил от одной группки возбужденно переговаривающихся монахов к другой, слушал, иногда что-то вставлял в разговор или, говоря простым языком, подкидывал в огонь дровишек.

Кворума на этом капитуле не требуется, потому если на собрании придут к какому-то решению, то оно станет обязательным вне зависимости, сколько человек явится, но я видел, как из самых глубоких пещер поднимаются монахи, с лицами, обожженными глубинным огнем, и покрытыми мозолями ладонями, которых здесь наверху встретить просто невозможно, так что кворум будет точно.

Один из монахов зажег особую свечу и установил так, чтобы ее видели все собравшиеся. Собрание будет длиться ровно столько, сколько горит свеча, затем прения прекращаются, начинается голосование за различные варианты решения проблемы.

Брат Жак, чувствуя ко мне смутную симпатию, как к человеку такого же роста и, как предполагал, полному желания где-то да подраться, встал со мной рядом и вполголоса комментировал, давая характеристики входящим, как священникам высокого ранга, всяkim должностным лицам, а их здесь масса, так и особо заметным монахам.

Я все поглядывал на свечу.

— А если не успеют? — спросил я шепотом.

Он буркнул:

— Тогда завтра на свежую голову снова.

— А продлить сейчас на часок?

Он скривил рожу.

— Считается, что за это время у всех мозги и так свернутся в трубочку. Это точно! Еще не началось, а мои уже сворачиваются.

После того как последние монахи вошли стайкой и встали смиленно и сложив руки на груди, без всяких фанфар медленно появился аббат в сопровождении приора, помощников и советников, на этот раз я лучше рассмотрел его тонзуру из коротких волос сияющего серебра, с жестким, хотя и предельно старым изношенным лицом, словно вырезанным из дерева, сейчас уже изъеденного жуками-короедами и местами трухлявого, и, как мне почудилось, весь неестественно прямой и негнувшийся.

Ему услужливо придвинули кресло к столу, он коротко оглядел всех выпуклыми, как у хищной птицы, глазами, кивнул, разрешая всем сесть.

Сам он, как я заметил, опустился абсолютно ровно, не наклоняясь вперед, как все мы делаем, словно погрузился в воду и остался там, возвышаясь над столом на уровне чуть выше пояса, что значит, с позвоночником тоже серьезные проблемы.

Ему в самом деле пора на покой, мелькнула у меня сочувствуя мысль. Уже высох и стал похож на кузнечика или даже богомола, так происходит в последней стадии старости, когда даже толстяки постепенно теряют жир и всю мышечную массу.

Выглядит старым и беззубым в прямом и непрямом: часто улыбается как-то даже виновато, словно извиняется, что вот знает как, но не может всех сделать счастливыми, не доросли и многие вообще не драстут, но во взгляде я не усмотрел старческой немощности, а только мудрое понимание всего, всех и вся, а также свое бессиление исправить все неправедности в мире.

Приор, отец Кроссбрин, встал рядом, возвышаясь красиво и властно, всем видом показывая, что рулит он, а аббат здесь всего лишь почетное лицо, не принимающее решений. Во всяком случае, я понял имен-

но так, а монахи, полагаю, люди не менее сметливые и сообразительные.

— Братья, — сказал Кроссбрин торжественно и властно тем могучим голосом, от которого вздрогивают армии при обращении к ним полководца, — у нас случилось то, чего не было вот уже больше тысячи лет... Брат Брегоний подвергся нападению!.. И мы пока ничего не знаем, кто на него напал... и почему.

Отец Леклерк сказал живо:

— Позвольте поправить достопочтенного отца Кроссбрина! Зато мы знаем, кем это существо не является.

Кроссбрин метнул в его сторону злой взгляд, я сообразил, что у них тут свои войны и отец Леклерк заранее отрезает Кроссбрину какие-то пути, попутно защищая меня, ведь так просто бросить подозрение в мою сторону, дескать, эта тварь появилась именно с паладином, он и виноват...

Хотя я сам считаю, что она как-то проникла, охотясь за мной, но все-таки куда стража на воротах смотрит?

Отец Кроссбрин снова оглядел всех властно и заговорил громко и напористо трубным голосом. Я внимательно и с напряжением вслушивался, страшась пропустить хоть одно слово, однако он с гневом доказывал, что никто не может проникнуть в Храм, ни человек, ни демон, а также нечисть, нежить или самый изощренный колдун.

Все, как и я, слушали в напряженном молчании, но наконец отец Леклерк прервал:

— Достопочтенный брат, прости, что перебиваю, но это мы знаем и помним. Не говори лишних слов, хорошо? Время дорого. Если, конечно, ты не затягиваешь его нарочито...

Отец Кроссбрин взбеленился, это было видно по его лицу, но невероятным усилием воли взял над собой контроль, даже сумел выдавить некое подобие снисходительной улыбки.

— Да, я знаю, что братья помнят, но не был уверен, что не забыли вы и ваши... помощники, отец Леклерк. Но если в самом деле вам не отшибло память в ваших мастерских за вашими странными занятиями, то перейдем к основному вопросу: что мы должны сделать, чтобы защитить наших братьев и наш Храм от проникших одновременно с братом паладином чудовищ?

Я задержал дыхание от внезапного удара, хотя и ожидал чего-то подобного. Не от этого священника с выправкой кадрового военного, так от кого-то еще.

— Скажите нам сперва, — заговорил Леклерк подчеркнуто мирно, — что это за чудовища, и мы сразу же примем меры.

Отец Кроссбрин сказал раздраженно:

— Вы прекрасно знаете, достопочтенный, что это пока не определено...

— Вот и определим сперва, — прервал Леклерк. — Простите, что прерываю, но я так сохраняю время капитула. Наши мозги должны быть еще свежими к моменту принятия решения.

А он выигрывает, мелькнула у меня мысль. Пусть Кроссбрин и старше по должности, но сейчас симпатии большинства на стороне Леклерка.

— А возможно ли вот так здесь определить? — возразил Кроссбрин. — Мы ничего не знаем об этой твари...

— Тогда обратимся сперва к тем, — предложил отец Леклерк, — кто с нею сталкивался. Брат Брегоний, к сожалению, сказать ничего не может помимо того, что на него напали сзади... или не сзади, он даже этого сказать не может. Зато брат паладин утверждает, что трижды видел...

Взгляды монахов обратились ко мне, я поднялся и сказал твердо:

— Четырежды. Дважды видел только как темную тень, дважды она обретала плоть, один раз была готова наброситься на меня...

— И не набросилась? — уточнил отец Леклерк. — Почему?

— Не знаю, — ответил я честно. — Не думаю, что моя святость была защитой, ее у меня меньше, чем у муравьев, что у вас тут бегают, я видел...

— Так что же?

— Мне показалось, — сказал я, — ее просто заинтересовало появление нового человека. Она уже начала осторожно приближаться ко мне.

— Осторожно?

— Медленно, — уточнил я. — То ли опасалась меня спугнуть, то ли сама чего-то ожидала. В последний раз, когда она была в моей келье, в дверь постучали, а когда я оглянулся, ее уже не было. Еще могу сказать точно, эта тварь свободно ходит через каменные стены любой толщины!..

Отец Леклерк хотел что-то сказать еще, но приор прервал, умело перехватывая инициативу:

— Спасибо, брат паладин, садитесь. Итак, что мы имеем?.. Непонятного происхождения тварь, что свободно проходит сквозь стены и не страшится святости этих мест, святости братьев... Меня страшит мысль, что сегодня напала на брата Брегония, а завтра нападет... а то еще и сегодня!.. на остальных братьев! И единственное святое место на земле перестанет быть таким!

Отец Леклерк сказал негромко, но достаточно четко, чтобы услышали все, кто сидит вблизи, это достаточно, чтобы пересказали потом остальным:

— Достопочтенный брат, это смахивает на святотатство — предполагать, что Ватикан недостаточно свят...

И хотя в его тоне звучал отчетливый намек, что да, Ватикан вряд ли свят, однако отец Кроссбрин даже взбледнул, сказал поспешно:

— Я имел в виду только эту часть мира, столь удаленную от Ватикана!

— А-а, — протянул отец Леклерк и добавил покровительственно: — Это вы просто отучились в своих библиотеках выражать мысль достаточно четко... Хорошо, и что вы предлагаете?

Глава 10

Судя по обозленному лицу отца Кроссбрина, он и не собирался ничего предлагать, кроме как растерзать отца Леклерка, но, прижатый к стене, выговорил с трудом:

— Всем быть начеку... Помнить, что защищаете не только себя, но и своих товарищей.

— И это святое для всех место, — льстиво добавил один из его помощников.

Отец Леклерк напомнил значительно:

— Для этого разрешается прерывать молитву или бдения.

— Да, — нехотя подтвердил отец Кроссбрин, — любое занятие можно прерывать. Возможно, нужно организовать облавы...

— А где искать? — спросил отец Леклерк. — Храм и монастырь огромны.

Отец Кроссбрин ехидно улыбнулся.

— Возможно, вы не поняли или уже успели забыть, чудовище появлялось, как сообщил брат паладин, только в районе монашеских келий. И на брата Брегония нападение было совершено тоже там.

Очко в пользу Кроссбрина, мелькнуло у меня. Отец Леклерк потерял бдительность, критиковать всегда легче, выглядеть таким умным, понимающим, когда все руководство такое тупое, правую руку от левой отличить не могут...

Отец Аширвуд, первый помощник приора, сказал примирительно:

— Значит, организовать группы, которые будут патрулировать коридоры, а все остальные, какими бы работами ни были заняты, обязаны бдить. Если заметят появление чудовища, обязаны все бросить, Господь простит, и немедленно сообщить, где появилось, как себя проявило, куда направилось...

Я слушал внимательно, капитул протекает, я бы сказал, в соответствии с самыми демократическими процедурами. Монахи растормошились, сперва просто переговаривались, затем начали выкрикивать с мест, кое-что можно бы назвать условно дельным, хотя видно и то, что наиболее мудрые уже избраны в правление этого муравейника этими же монахами, так что система выборов отлажена умело и правильно.

Отец Аширвуд вскинул голову и взглянул на меня в упор, мне его пристальный взгляд очень не понравился.

— Хорошо, — сказал он, — кое-что мы наметили... Хотя меня по-прежнему очень смущает одно обстоятельство... У нас везде несокрушимые заклятия на проникновение любых демонов, не говоря уже о нечисти, нежити, призраках... но что может быть на свете еще?

— Нужно спросить отца Велезариуса, — предложил Леклерк, — он у нас знает все виды демонов, не говоря уже про нечисть...

— Спросите, — согласился отец Аширвуд, — однако давайте и сами подумаем. Если эта тварь спокойно разгуливала по монастырю...

Он посмотрел на меня, я увидел, что нужно ответить, снова поднялся, чувствуя на себе взгляды всех собравшихся.

— Она не разгуливалась, — сказал я.

— Что делала?

— То ли пряталась, — объяснил я, — то ли гналась за кем-то... но действовала очень скрытно.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Но вы ее заметили, брат паладин? Никто не видел, только вы?

— И что? — спросил я. — Хотите и теперь сказать, что я ее придумал? Как уже говорили, пока не появилась первая жертва?

Он помотал головой.

— Нет-нет, брат паладин, просто странно... Монастырь наш весьма населен, а ночью все братья в жилом корпусе... Бывает, не протолкнуться.

— Во-первых, — сказал я, — все уже разошлись по кельям. Во-вторых, ничего не хочу сказать плохого, но ваши глаза замылены.

— Брат?

— Замылены учебой, — уточнил я, — повседневностью... ну, молитвами, работой! А я человек новый, постоянно оглядываюсь по сторонам и хожу с раскрытым зевом, хотя это и осуждается уставом и правилами благочестия, что будут названы правилами приличия.

Леклерк сказал примиряющее:

— Следует учитывать, что брат паладин — паладин, человек войны. Он настороже постоянно, потому, наверное, и увидел только он.

— Наверное, — сказал отец Аширвуд, но посмотрел на меня с сомнением. — Если здесь нет других опасных моментов.

— Отец Аширвуд?

Отец Аширвуд покачал головой.

— Я говорю только о том, что не следует хвататься за первую же попавшуюся мысль.

— Это сужает, — вставил один из молодых монахов, что, как я заметил, постоянно вертится возле отца Аширвуда и смотрит влюбленными глазами.

— Сужает, — согласился отец Аширвуд невозмутимо. — А нам нужно зреть все варианты.

Я сказал примирительно:

— Может быть, мне просто повезло. Хотя да, вы правы, брат, я по большей части настороже. Уже приходилось расплачиваться за то, что терял бдительность, потому лучше перебдить, чем недобдить.

Аббат за все время взглянул на меня лишь однажды, после чего потерял интерес, что, конечно, обидно, хоть и не до слез, переживу, вчера дверью палец прищемил, и то выжил, так что обойдусь, я все еще местами бунтарь, а любой настоятель — эксплуататор, так что с простыми и очень простыми монахами буду искать возможности борьбы с Маркусом, аббат же пусть думает, что это завелось в его якобы тщательно охраняемых территориях и как это неизвестное отловить.

Сразу после капитула монахи разбились по группам и началось планомерное прочесывание всех коридоров и залов. И хотя, на мой взгляд, это все напрасно, тварь ходит сквозь стены напрямую, но монахам, наверное, самим так спокойнее, когда все организованно и все при деле.

Вообще-то происшествие встряхнуло весь монастырь, везде монахи собираются в кружки и шепчутся, бросая по сторонам опасливые взгляды. Обсуждают, как я понял, нечто такое, что не совсем укладывается в официальную линию, провозглашенную аббатом.

Правда, аббат тоже не может сделать ни шагу за пределы строжайшего устава, что регламентирует его жизнь еще строже, чем жизнь простых монахов, однако вот в таких экстренных случаях у него почти вся полнота власти.

Я прошел к себе, раненого монаха жаль, но куда больше жаль человечество. Шуточки насчет того, что встал, вытер сопли, надел штаны и пошел спасать мир, неожиданно и страшно оборачиваются реальностью, к которой, оказывается, не очень-то и готовы.

У меня своя задача, напомнил я себе, мне надо расшевелить народ на борьбу с Маркусом. Все остальное — третьюстепенно.

Закрыл за собой дверь, но пока снимал через голову перевязь с мечом, ощущил, как нечто опасное довольно быстро двигается в мою сторону.

По коже прошла легкая волна холода. Я мысленно прикрикнул на свою трусливую натуру, сел на край ложа и, уперев острие меча в пол, осмотрелся.

В углу на стыке потолка и стены свет померк, оранжевое пламя в свечах опустилось, прижалось к расплавленным лужицам воска, вот-вот утонут.

В помещении стало не везде темнее обычного, только на стыке стены и потолка, там самое мрачное место. Темная тень, как я уже заметил, больше всего предпочитает такие места, сама смотрит с высоты, а до нее не дотянуться вот так сразу.

Я вперил в нее взгляд, стараясь увидеть что-то хоть в запаховом, хоть в тепловом или уловить что-то понятное, знакомое, однако там темнота начинает сгущаться, наливаться зловещей тяжестью, превращаясь в нечто гнетуще темное, злое, коварное, беспощадное и абсолютно чуждое нашему миру.

Странное ощущение, нет леденящего ощущения близкой беды. В прошлый раз пробирало до костей, кровь замерзала в жилах, пальцы сводило холдом, а сейчас почему-то ничего этого нет, а что было в первые мгновения, быстро уходит...

Темнота разрослась, зато обрела объем и даже мас-су. Я чувствовал ее на расстоянии, нечто безмерно тя-желое, гнетущее, мрачное, словно вобрало в себя все худшее, что можно насобирать в тайниках земли.

Я некоторое время безуспешно всматривался в этот сгусток мрака, взгляд тонет, словно смотрю в бездонный космос, где нет даже звезд, наконец тяжело вздохнул.

— И что?

Темнота не стала темнее, но ее прибавилось. Раньше казалась мне размером с тарелку, теперь уже с поднос. И это не просто тень на потолке и стенах, я впервые увидел и даже ощутил до мурашек по коже пугающий объем.

— Говорить не умеешь, — сказал я с сильно стучащим сердцем. — Тогда как? Танцами, как пчелы? Феромонами, как муравьи?.. Только не тактильно, мы еще не настолько знакомы, чтобы генитально или еще как-то общаться для взаимопонимания народов и демократии...

Тень вроде бы прислушивается к тому, что я несу, а для меня главное — говорить уверенным и усыпляющим голосом, как политики с народом, общими округлыми фразами, в которых звучат привычные слова и потому не настораживают, не заставляют просыпаться, напротив — погружают в еще большую дрему.

Она увеличилась в размерах еще, нависает массивной темной каплей размером с барана и вот-вот вырастет до габаритов коровы.

Я еще раз прислушался к себе уже с пристрастием, никакой угрозы пока нет, а только вроде бы некое

смутное любопытство со стороны этого непонятного образования.

В коридоре послышались легкие шаги. Дверь осторожно приоткрылась, брат Жильберт заглянул вполглаза.

— Брат паладин... можно войти?

— Заходи, — сказал я.

Пока переступал порог, я бросил быстрый взгляд на тень, но на том месте уже пусто, оранжевый свет свечей освещает угол ровно и чисто, высвечивая каждую щербинку в камне.

Он перехватил мой взгляд, глаза стали тревожными.

— Что-то стряслось?

— Да как тебе сказать, — ответил я медленно.

— Брат паладин, — воскликнул он с укором, — так и скажите, мы же здесь все братья!

— Садись, — сказал я и указал на скамью. — И держись за стол, а то упадешь.

Он сел, глядя настороженно, спросил шепотом:

— Что-то про эту тварь?

— Ты догадостный, брат, — похвалил я.

— Тогда, — сказал он быстро, — может быть, сказать братьям?

— Только не всем, — ответил я.

— Понял, — сказал он быстро и торопливо выскользнул за дверь.

Через четверть часа в келью тихонько и смиренно вошли братья Смарагд, Гвальберт, Жак и следом сам Жильберт.

— Садитесь, братья, — пригласил я. — Вина, кофе?

Гвальберт проговорил медленно и с сомнением:

— Если послать за вином, это будет слишком заметно...

— Не будет, — заверил я. — Чтобы творить вино, можно и не быть святым.

Гвальберт спросил осторожно:

— Брат паладин?

Я кивнул на столешницу, сосредоточился, и перед монахами начали появляться грубо сделанные глиняные кружки, доверху наполненные вином.

Брат Жак опомнился первым, жадно цапнул свою, все смотрели, как он поднес ко рту и сделал первый глоток. Судя по его довольной роже, вино оказалось лучше, чем он ожидал.

Остальные зашевелились, кто-то взял сразу, кто-то еще посматривал на других, только Гвальберт проговорил озадаченно:

— Но... как?

— Мир немножко шире, — пояснил я, — чем Храм и ваш монастырь. В нем много такого, о чем не знают ваши горации и курации.

Он покачал головой.

— Если творить без святости, то это магия.

— Паладин не может быть святым, — ответил я, — в привычном значении слова и в понимании простых людёв. Потому что с мечом и весьма как бы нередко проливает... ну, не вино, вино он не прольет. Однако этим проливанием не вина выполняет волю Господа! Потому ему, то есть мне, дано больше, чём тем, кто сидит тихо и старается не замарать белые ручки. Пусть даже с чернильными пятнами. Всевышний тоже шесть дней творил мир в поте лица своего, и, думаете, ни разу не испачкался?

Гвальберт, как и остальные, ощущил упрек, сказал примирительно:

— Каждый из нас выполняет волю Господа, брат паладин. Хотя ты прав, меньше ноша — меньше плача... Чудеснейшее вино! Даже не представлял, что такое возможно.

Остальные помалкивали, не отрываясь от кружек. Брат Смарагд осушил первым и спросил дерзко:

— А снова наполнить сумеешь?

Гвальберт сказал сурохо:

— Мы не пить сюда пришли!.. Брат паладин, ты сказал, что выяснил нечто?

— Да, — ответил я. — Сегодня я видел эту тварь снова...

Они слушали в молчании, как я ее описывал, хотя описывать нечего, я мог только как можно лучше передать впечатление, и, похоже, на них это тоже подействовало.

Кто-то побледнел, кто-то молча засопел и опустил голову, а Гвальберт тихохонько упомянул нечистого.

— Вот и все, — закончил я. — Думайте, что в поведении этой твари настораживает.

— Что? — спросил Жильберт.

— Полуразумное поведение, — пояснил я. — Я здесь единственный чужак, и она выделила именно меня. Случайно ли? Сомневаюсь. Ладно, еще вопрос: а не мог кто-то из монахов...

— Из братьев, — поправил Гвальберт.

— Простите, — сказал я смиренно, — из братьев за нести в Храм какую-нибудь вещицу из наследия древних, что высвободила демона...

На их лицах отразилось то, что я назвал бы покровительственным высокомерием.

Брат Жильберт, как самый деликатный, хоть и самый молодой, сказал мягко:

— Брат паладин, это исключено.

— Почему?

— Любые вещи, — объяснил он, — теряют любую магию, когда их проносят через порог.

Я поинтересовался:

— Какой-то особый порог? А если из глубин, что прямо под Храмом? От них как-то отгорожены?.. Хорошо-хорошо, вопрос снимаю. Но тогда, возможно, что-то другое.

Гвальберт спросил:

— Что?

— К примеру, — сказал я, — эта вещь способна вызвать демона... Нет-нет, в ней самой нет магии, это простая мертвяя вещица, но если ее включить... включить это, ну, как бы оживить, заставить работать!.. то она может создать некий путь, по которому проскользнет демон...

Он ответил все так же мягко:

— И это невозможно!

— А как же утверждение, — спросил я, — что демону достаточно тончайшей шелковой нити, натянутой над любой широчайшей рекой, чтобы перебежать на ту сторону?

— Но никакая вещь древних не начнет работать сама по себе, — осторожненько возразил Гвальберт.

— И не протянет нити, — добавил Смарагд, — которой мы бы не заметили.

Я ощущал злость, но сразу же взял себя за глотку и крепко встяжнул — нельзя гневаться на людей, что не знают тех вещей, которые знаю я, это не моя заслуга, как и не их вина.

Гвальберт взглянул как-то странно, мне показалось, что увидел как мою вспышку гнева, так и быстрое подавление более высокими свойствами человека.

— Если хотите, — сказал я, — прямо сейчас соружу перед вами прибор, что как бы проснется сам по себе.

Он насмешливо улыбнулся.

— Сказал — делай!

— Как прикажете, — ответил я кротко.

Под их взглядами я поставил поднос на край стола, водрузил на него увесистый кубок, а затем прицепил нить к краю подноса, другим концом набросил петелькой на крюк в стене.

Все с интересом смотрели, как я устанавливаю зажженную свечу, после чего сел вместе с ними и стал ждать.

Язычок свечи довольно быстро пережег туго натянутую нить, но еще до того, как это случилось, почти все поняли, чего ждать, за исключением Смарагда, но когда поднос накренился и кубок рухнул ему на ногу, он охнул от боли и вроде бы понял.

— Чепуха, — сказал он. — А где там свеча?

— Свечой может быть что угодно, — сказал я терпеливо. — Свет солнца, к примеру, что зимой и не заглядывает в келью, а летом, когда дни длинные, освещает даже противоположную стену... Какие-то запахи, что появляются раз в году...

Лицо Гвальберта посерезнело, он сказал резко:

— Стоп-стоп!.. Раз в году мы отмечаем гибель святого Урсушира, только в этот день в огонь кладем дерево из бука, на котором демоны и сожгли великого подвижника...

Жильберт буркнулся:

— Это было полгода назад. А эта чертова штука стала появляться всего пару дней. Я не указываю пальцем на брата паладина, просто так совпало, я понимаю...

Гвальберт отмахнулся, в другой руке задумчиво поворачивал кружку, я сосредоточился и наполнил ее до половины коньяком. Он ощущал, что кружка потяжелела, отхлебнул, посмотрел на меня в великом удивлении, отхлебнул снова, уже осторожнее и даже с опаской.

— А что, — сказал Жильберт бодро, — если собрать всех подвижников и праведников монастыря и устро-

ить облаву? Против их объединенной мони... против нашей мони!.. никакой демон не устоит. Он вынужден будет отступать, а там его будет ждать брат паладин, которого темная тень почему-то избегает.

Он посмотрел на меня.

— Если, конечно, брат паладин не будет отказываться.

Я пробормотал:

— Хотел бы отказаться, но... будет ли это хорошо? Если нет варианта лучше, то что ж...

— Предложите, — сказал он с готовностью. — Какие мы только не перепробовали!

— Уже? — спросил я.

Он покачал головой.

— Я хотел сказать, перебрали. Мысленный эксперимент почти так же хорош. Увы, все с очень серьезными изъянами.

— У меня тоже появилась одна идея, — сказал я медленно. — Вот сейчас постучал в брата Жильберта... и как бы сверкнуло!

Гвальберт спросил замедленно, коньяк уже действует:

— Что требуется от нас?

— Мне нужно знать, — сказал я, — где видели эту темную тварь. Все случаи. Все-все!

Глава 11

Выпроводив всех, облачился мечом, что крайне запрещено уставом монастыря, но у паладинов свои привилегии, и не собираюсь поступаться ни одной, хотя меч тут и не пригодится, чую, однако, от этой тяжести металла исходит такое чувство надежности, что даже мне с ним расстаться трудно и на минуту.

Видимо, стоит не просто обойти все помещения монастыря, а заглянуть в пещеры под ним, где мастерские, оранжереи и теплицы, в которых круглый год выращивают всякие там, как они скромно говорят, опуская глазки, корешки.

В коридоре светло и тихо, как в церкви. Я шел быстро, но вслушивался и всматривался так, что голова трещит, а когда издалека донесся крик, полный страха и боли, ринулся в ту сторону, не раздумывая и едва не сшибая каменные углы.

Эхо пытается сбить с пути, отражаясь от стен и высокого свода, я пронесся с обнаженным мечом в руке, как вихрь, и замедлил бег, только когда впереди услышал громкие голоса, уже встревоженные и скорбные.

На выходе в зал трое монахов склонились над распростертым в крови телом. Хватило одного взгляда, чтобы понять свое бессилие что-то сделать. Лужа крови расплылась чуть ли не по всему залу и уже потемнела, кровь начала сворачиваться.

Монах обернулся на не по-монашески громкий стук моих подошв, на бледном скорбном лице я увидел глубокую печаль.

— Убери меч, брат паладин, — сказал он сурово. — Здесь это... не оружие.

— А тяжкое оскорбление, — процедил второй сквозь зубы.

Третий промолчал, он держал в ладонях изуродованное лицо жертвы, совсем молодого монаха, и шептал слова молитвы.

Я послушно убрал обнаженный меч в ножны.

— Кто это?

— Старший монах, — сказал мне первый, — брат Шелестини...

— А с виду совсем мальчик, — сказал я.

— Заслуги считаются не по возрасту, — ответил мне тот же монах. — Он был строг к себе и другим, продвинулся далеко... но темные силы сумели его остановить.

Я наклонился и потрогал обезображенное жуткими ранами лицо. Да, уже успел остыть, черная тень расплосовала его тело словно остройшими ножами. Несчастный сразу изошел кровью, и смерть его была быстрой.

— Второе нападение, — сказал я. — Нужно торопиться.

Первый монах произнес бесстрастно:

— Мы все в руках Господа. Первую жертву вы успели спасти, брат паладин, за что все мы перед вами в неоплатном долгу. Но всесилен только Всевышний и Милосердный.

— Сочтемся славой, — пробормотал я, — свои же люди... и пусть нам общим памятником будет... Примите мои соболезнования, братья. Жаль, что ничем пока.

— Господь примет его безгрешную душу, — сказал монах.

— И даст место, — сказал второй.

— И работу, — добавил третий.

Я посмотрел на него с удивлением, но остальные никак не отреагировали на это странное уточнение.

— А мы будем искать эту тварь, — пообещал я.

Подошли еще монахи, расстелили рядом с телом погибшего плащ. Я не стал смотреть, как перекладывают и уносят, в груди тяжесть, вот и первая смерть от этой твари.

Один из монахов сказал мне в спину:

— Не терзай душу, брат паладин! Зато брат Шелестини сегодня же узрит Господа.

Я кивнул и пошел в свою келью, но в голове начали роиться первые вопросы, которые пока не знаю кому и задать. Да и можно ли здесь такое спрашивать, не влезу ли со своим уставом...

Монастырей тысячи, везде свои правила. К примеру, в одних предпочитают вообще не работать, а только молиться, питаться готовы тем, что принесут миряне, это направление получило распространение в православии, другие осторвено бросаются в работу, как цистерцианцы или подобные им ордена.

Поговорка, что в чужой монастыре со своим уставом не ходят, получила распространение потому, что в миру люди живут, как и свиньи, почти не зная никаких правил, а здесь строжайшая дисциплина, монахи принимают ее добровольно, мы все на самом деле хотим дисциплинироваться и всякий раз клянемся с понедельника начинать жизнь сначала, ну пусть с первого дня месяца или нового года.

Однако непонятно это странное равнодушие к ранению брата Брегония, а теперь уже и гибели второго монаха. Да, конечно, сегодня же брат Шелестини узрит Христа и сядет с ним за стол пировать в их Валгалле среди райских кущ, но все это мы говорим в утешение скорбящим по умершим, сами понимаем, что нужно жить и бороться за жизнь...

...Но здесь монахи ведут себя так, словно в самом деле нет особой разницы между жизнью и смертью. А это странно, монахи как раз меньше всех других рвутся в рай. Упоение в бою и смерти мрачной на краю культивируется по необходимости среди военных, они должны стремиться к героической гибели, но монахи обязаны жить долго и накапливать знания...

Я шел по длинным коридорам, прорубленным в монолитном камне, когда резко повеяло холодом. Я метнул ладонь к рукояти меча, инстинктивный жест, сам знаю, что против этой черной твари, появляющейся в виде темного тумана, холодное оружие не поможет. Как, думаю, не помогло бы и любое горячее.

Даже не представляю, что это за тварь, если спокойно резвится в таком святом месте...

Мне показалось, что темная тень, как я ее называю, пару раз слегка высовывалась в одном углу, но не уверен, что не померещилось, я сейчас что-то слишком часто вздрагиваю.

Уже когда подходил к двери своей кельи, догнал брат Смарагд, запыхавшийся и суетливо оглядывающийся по сторонам.

— Брат паладин, — спросил он торопливым шепотом, — вы будете на общей трапезе?

— Если необходимо, — ответил я, — а то я по скверной воинской привычке привык есть тогда, когда хочется, а не когда положено.

Он сказал с сочувствием:

— Как это ужасно!

— Да, — согласился я, — свобода пугает даже в мелочах. Мне бы тоже, наверное, хотелось, чтобы кто-то расписал для меня не только жизнь, но каждый день по часам и минутам, как здесь в монастыре...

Он кивает, смотрит добрыми глазами, сопереживает, хотя, конечно, хрен бы я хотел, чтобы кто-то расписал мне жизнь вперед на годы, пусть даже это и дало бы мне абсолютную безопасность, но монахам такое говорить не следует. Я политик и потому просто обязан говорить то, что следует, если это не противоречит моим интересам.

— Я зайду за вами, брат паладин, — пообещал он и добавил с извиняющейся улыбкой: — Вы здесь гость!

— Спасибо, — сказал я.

Я сходил проведать арбогастра, почесал его, как Бобика, на что Бобик серьезно обиделся, но тут же простили, я расцеловался с обоими и вернулся в главный зал, а там меня перехватил Смарагд и повлек в сторону трапезной.

С той стороны к ней приближается группа монахов во главе с отцом Аширвудом, первым помощником приора. Все настолько торжественные, важные, преисполненные такого мощного смирения, что тоже спесь, да еще какая, у всех в руках Библии, да не просто обычные рабочие, а толстые фолианты, такие поносить с утра до вечера — мускулы будут как у Сизифа.

Я сбавил шаг, дабы пропустить их вперед — всегда нужно выказывать смирение, если это нам ничего не стоит, а выгоду может принести.

Отец Аширвуд оценил мой жест, но вместо того чтобы принять с благодарностью, напыжился и сказал важно:

— Брат паладин, вы в таком святом месте, как наш Храм и монастырь, могли бы держаться и более...

Он запнулся, подбиравая слова, видит, что со мной их выбирать нужно тщательно, а один из монахов подсказал суетливо:

— Или менее!.. Менее суетно, так ведь, отец Аширвуд?

— И более скромно, — закончил отец Аширвуд.

Я спросил с холодком, но подчеркнуто вежливо:

— Я нескромен, отец Аширвуд?

Он произнес высокопарно:

— Монахам присуща сдержанность как в поведении, так и в одежде. А вы, брат паладин, одеты весьма ярко и богато! Рясу лишь набрасываете поверх своего дорогоого и с украшениями камзола. Это недопустимо для смиренного монаха!.. Все мы знаем, что у вас под рясой дорогая одежда!

За это время подошли и другие монахи, прислушиваются, по лицам вижу, что мне сочувствуют, но ведь помощник приора прав...

— Да, — согласился я, — это ужасно, верно?.. А под камзолом я вообще голый!.. Вы правы, вообще безоб-

разно и бесстыдно ходить по Храму голым, всего лишь прикрывшись одеждой!.. Правда, я вижу, что я как бы не один тут хожу голым...

Они начали переглядываться, кто-то вдруг посмотрел пугливо на приора и дико покраснел, только один начал хитро улыбаться, остальные просто притихли, как зайцы под дождем.

Отец Аширвуд дернулся, на породистом лице отразилось беспокойство, как-то непривычно, когда не он вещает, а его слушают, а кто-то весьма так ехидно дает отпор.

— Брат паладин, — сказал он гневно, — вы весьма не так зело...

Я прервал громко:

— Отец Аширвуд! Конечно же, вы абсолютно правы в своем страстном и, я бы сказал, пламенном призывае как бы подвижника и праведника! Я счастлив за Храм и монастырь, что в нем такие неравнодушные к нравственным ценностям нашего суетного и мирского... э-э... мира. И я практически во всем всецело полностью и даже целиком поддерживаю ваше стремление...

Он слушал сперва настороженно, затем расслабился и только кивал, важный и довольный, теперь все снова вошло в прежнюю правильную колею, его свита поглядывает на него как на победителя, что прям на их глазах завалил огнедышащего дракона, подтвердив свою славу непревзойденного бойца.

— ...Вот только, — закончил я смиренно, — грешно стараться быть святым самого Иисуса Христа.

Он застыл в непонимании. За его спиной испуганно умолкли и не двигались, зато остальные монахи начали тихонько переговариваться и переглядываться.

— Что, — проговорил отец Аширвуд с усилием, — это как... в чем вы меня обвиняете?

Я сказал поспешно:

— Я? Ни в чем, как я посмею!..

— Но тогда...

Я сказал пламенно:

— Иисус Христос, как все мы знаем, а вы тоже... наверное, читали или слышали, даже в тот страшный день, когда его повели на казнь, был в красивой и богатой одежде!

Все обалдело молчали, отец Аширвуд дернулся, вытаращил глаза.

— Что-о? Откуда вы взяли этот бред?

— Из Библии, — ответил я проникновенно. — Есть такая книжка, правда-правда!.. Попросите кого-нибудь, пусть дадут вам прочесть. Хотя она толстая, все не одолеете, но пусть вам пальцем покажут это место, оно там ближе к концу... Ах да, это же она у вас в руках и есть, кто бы подумал?

— Что-что?

— В Библии написано, — объяснил я ласковым и милосердным голосом, — что римские легионеры бросали жребий, кому достанутся одежды Иисуса после казни!.. Написано там это?

— Ну, — промямлил он настороженно, — да...

Я сказал покровительно:

— Будь он в бедной одежде или вот в таких рясах, как мы здесь, кто бы позарился на его одеяния?

Они все молчали, я смотрел на их вытянувшиеся лица и понимал: такая мысль им просто не приходила в головы. Проповедующий примат духовности над плотью как бы обязательно должен быть сам в тряпье и ходить немытым, как понимают святость аскеты; вот уж совсем детское представление, а вроде взрослые люди.

Монахи, постепенно смелая, начали переговариваться, только отец Аширвуд тупо молчит, подыскивая аргументы, но трудно опровергать то, что записано в Священном Писании.

Брат Шмендрий, верный сподвижник отца Аширвуда, сказал несмело:

— Те солдаты... они... из-за святости Иисуса...

Я фыркнул:

— Римские солдаты?.. Которые распяли его и пошли в ближайший кабак пропивать его одежду?.. Вот что, брат, не нужно быть святым папы римского!..

Он пристыженно замолчал, как уже молчат остальные. Я заулыбался чисто и светло, умею, перед зеркалом repetировал, сказал подчеркнуто почтительно, это так нетрудно, когда только что дашь звонкую оплеуху могущественному должностному лицу:

— Но направление ваших мыслей мне нравится, отец Аширвуд!.. Оно такое... как бы весьма чистое... таким точно уготовано место в самых густых райских кущах, я просто уверен.

Один из монахов сказал торопливо:

— Брат паладин прибыл, как он сам рассказывал, из Срединных Земель! Возможно, у них там так принято одеваться.

Отец Аширвуд сказал мрачно:

— Весь мир создан Господом! Потому нам абсолютно неважно, из какой его части кто пришел.

Другой монах добавил важно:

— Но нам важно, какой человек сейчас...

— И куда идет, — закончил еще один.

Постепенно начинают приходить в себя, но все равно удар получили сотрясающий. Я с самым скромным видом сделал еще полушажок в зад и пропустил впереди себя не только отца Аширвуда, но и всех его помощников и советников.

Победителю надлежит быть скромнее побежденного, это еще больше добавляет очков, будто свалил на пол и попинал ногами.

Глава 12

Трапеза обычно проходит в молчании, таковы правила этикета, которые монахи установили, но сами же монахи и творчески развиваются свои правила: за едой не следует вести беседы, но обсуждать важные вопросы можно и нужно, ибо когда еще вот так вместе собирается огромная семья?

Аббат тихим голосом прочел молитву, все слушали внимательно, молитва даже для меня прозвучала слишком короткой, но, оказывается, и в монастырях можно ограничиться двумя словами, а затем перейти к делу.

— Братья, — произнес аббат устало, — впервые за столетия мы столкнулись с необъяснимой угрозой. Брат Брегоний был серьезно ранен, а брат Шелестини погиб мученической смертью...

Приор перекрестился и сказал громко:

— Его душа пойдет в рай.

— Несомненно, — ответил аббат, — но в рай не попадет тот из нас, кто не будет искать пути, как уничтожить это создание дьявола!.. Пусть это станет вашей первой задачей.

Приор Кроссбрин сказал важно:

— Именно! Первой и важнейшей. До тех пор, пока нет.

— Повелеваю, — закончил аббат с жалкой просящей ноткой в голосе, — оставить все второстепенные вопросы и сообща готовиться дать отпор силам зла. А сейчас приступаем к трапезе, аминь.

— Аминь, — прозвучали голоса со всех сторон.

На столе, как я заметил, мяса сегодня нет, хотя день не постный, но это в память о погибшем брате Шелестини, зато всевозможной рыбы вдоволь, как печеной, так и жареной и вареной.

Рыба не запрещена ни в одном монастырском уставе, ибо рыбой питался сам Иисус, да и апостол Петр, будущий глава церкви, был рыбаком.

А если учесть, что самую лучшую рыбу монахи разводят сами в чистых подземных озерах с каменистым дном, то грех жаловаться, что сегодня обходимся без жаркого из баранины, которое, кстати, тоже первыми ввели в употребление по всей Европе именно монахи.

Брат Жак сидит рядом, его мощные челюсти работают, как камнедробилка, от костей остаются только мелкие острые щепочки, их Жак красиво выкладывает по краю тарелки, на стол нельзя: там скатерть.

Скатерть в монастырях на трапезах покрывает только половину стола, чтобы тарелки, кувшины с вином и кружки не стояли на ней, в этом глубокий смысл, затерянный в глубине веков начала христианства.

По уставу скатерть покрывает стол только в праздники, а вот для аббата — круглый год, хотя я такими сложностями голову не забиваю, просто копирую поведение других монахов, это помогает избегать досадных промахов.

— Брат паладин, — сказал Жак негромко, — ты человек войны, что-нить придумал?

— Пока ничего, — ответил я, — для меня такое еще большая новость, чем для вас. Но обязательно спрашиваясь, мы же элита!

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Брат паладин, только свистните. Все сделаю, что прикажете. Вы лучше знаете, как поступать. Если надо, возьму из кухни самый большой нож.

— Пока не надо, — ответил я. — Может быть, удушим голыми руками.

Он ухмыльнулся.

— Это еще лучше. Без крови, как и велит церковь.

Итак, аббат повелел оставить все дела и сосредоточиться на поисках борьбы с этой напастью, все вроде бы правильно, а что еще можно сказать в такой ситуации, но что-то кажется, монахи выслушали и продолжают заниматься своими делами, как будто одновременно получили от аббата и другой приказ, пусть не отменяющий первый, но как бы передвигающий его из неотложных в желательные.

Или же существует нечто такое, против чего аббат не может и слова сказать. Хотя да, это существует в любом монастыре и называется уставом. Аббат подчинен уставу, любой монах может отказаться выполнить указания аббата, если те противоречат уставу.

Не представляю, что это может быть, однако у меня странное ощущение, что наряду с обычной жизнью в монастыре протекает и еще одна, незримая для меня, хотя это дико, и не понимаю совершенно, зачем.

После трапезы монахи разошлись по своим делам, а я поскитался некоторое время по этажам и залам, перебирая в памяти все о демонах, нежити и нечисти, а также стараясь понять, что же все-таки происходит здесь и почему.

Ни у кого из язычников, утонченных эллинов или грубых скандинавов не могла возникнуть такая цель, как построение людьми счастливого царства на земле. У них все было заранее предопределено и расписано, в Книгу Судеб внесен каждый будущий шагок, и человек был лишь игрушкой в руках жестоких, мстительных и сладострастных богов.

Все идет по кругу, так твердили древние религии, но христианство разорвало эту цепь, и человечество обрело волю и свободу. Конечно, большинство устранились свободы и попытались вернуться в состояние, когда не они определяют свою жизнь и поступки, а кто-то более сильный и властный: устремились

к астрологам, предсказателям, ясновидцам, стали изучать гороскопы, не понимая, что христиане сожгли Книгу Судеб, и любой человек, даже если он того не хочет, отныне сам отвечает за свои поступки.

В монастыре то же самое: человек создает Устав и Правила, которым клянется следовать, «а если перестану, то пусть моя душа в аду горит вечно», это чтобы сжечь за спиной мосты и дополнительно мотивировать себя поступать только правильно.

Именно это и есть самое достойное: человек сам себе пишет «правильные правила» и клянется их выполнять, чтобы стать лучше, значимее, уметь больше делать и созидать.

В дверь осторожно постучали, я сказал громко:

— Открыто!

Тихохонько заглянул брат Смарагд, очень живой и блестяще-глазый, спросил страшным шепотом:

— Брат паладин, тут ко мне двое привязались, хотят узнать у тебя, что за страны там на юге?

— Заходи, — сказал я.

Он впустил двух немолодых монахов, а может быть, и молодых, это аскеза сделала обоих такими жухлыми, я широким жестом указал на лавку у стола.

— Располагайтесь, друзья. Только в обмен, хорошо? По бартеру, я вам про дальние страны, а вы мне про ближний монастырь и Храм Истины. Нормальные рыночные отношения!

Они сели степенно, как старики, я натужился и создал лучшие вина, мясные и рыбные закуски, дескать, этого всего на юге навалом, сразу поинтересовался:

— Во всех королевствах о Храме Истины упоминают как о месте, где обитают одни чудотворцы. Но чудотворцы ли вы, братья?

Они переглянулись, сдерживая усмешки, один сказал за всех:

— Брат паладин, народ любит чудесные истории. Нам жаль разочаровать тебя, однако здесь живут простые скромные монахи, удалившись от суетного мира.

Лица вскоре раскраснелись от крепкого вина, голоса стали свободнее, однако до чего же крепка дисциплина, никто не брякнет лишнего, и хотя я не знаю, что тут лишнее, однако же вижу, все четверо сдерживаются от несдержанной болтовни, даже Смарагду вино никак не развязывает язык.

Разочарованный, я провожал их до двери, где один повернулся и, видимо, все же смягченный вином и моим удрученным видом, сказал дружеским голосом совершенно трезвого человека:

— Если хочешь узнать больше, загляни в помещения Храма... что пониже. Ты паладин, тебя пустят.

Я переспросил:

— Пониже пола?

Он ответил туманно:

— Где есть граница? Где ее проводят, там она и есть. Храм езмь выше, храм езмь ниже, чем ты думаешь.

— Учту, — сказал я. — Кстати, вы не отведали эти дары моря, давайте я вам заверну во что-нить, хоть в полу рясы. Это вот страшный зверь морской, что топит корабли, обхватывая его гигантскими шупальцами, а когда не топит, то насыпает штормы и ураганы. Здесь еще маленький, как видите... А вот еще с десяток, эти меньше...

Монах перекрестился и сказал с чувством:

— Благослови Господи моряков, что вылавливают этих чудовищ, пока они еще не выросли!

Второй монах посмотрел на меня с вопросом в глазах.

— Дары моря?

— В точку, — одобрил я. — Почему-то дураки их называют дарами. На самом деле это планомерное и жестокое мародерство природных ресурсов, но человек любит красивые слова, потому отнятое силой

у моря называем дарами... Хотя такое и надо отнимать, это как бы плата за потопленные корабли с сокровищами. Ну, и людей на кораблях тоже как бы жалко.

Он сказал кротко:

— Что наши жизни?

— Верно, — одобрил я. — Что ваши жизни?.. Главное, чтобы работу сделать вовремя. Мы же Царство Небесное строим!

— Золотые слова, брат паладин, — согласился он.

Я закрыл за ними дверь, больно серьезные они тут все, я хоть и сам серьезный по самое некуда, однако они совсем уж, никто даже не улыбнулся ни разу, а мы же не на молитве, в каждом монастыре предусмотрены послабления для слабостей человеческих, а истязают себя строгостями только аскеты на добровольных началах.

Бобик поднялся, посмотрел на меня очень серьезно.

— Угадал, — сказал я, — только тебя на этот раз не возьму. Там, наверное, ступеньки, а ты по ним лазить не умеешь.

Он взвился от такого оскорбления, но я обнял его, поцеловал и сказал, что он же не здешний монах, должен понимать шутки. Конечно же, он умеет лазить даже по деревьям, наверное, но не станет же опускаться до какой-то паршивой обезьяны?

Он задумался, все-таки по деревьям лазают не только обезьяны, вон медведи тоже, а это звери серьезные, важные, солидные, с чувством лесного достоинства...

Я еще раз чмокнул его в умную морду с преданными глазами и вышел.

Глава 13

«Oga et labora», «Работать значит молиться». Труд — это закон природы. Монастырская община — одна семья. Поэтому совершенно естественно, что каждый из

членов семьи трудится, чтобы удовлетворить не только свои нужды, но и потребности остальных.

Каждый обязан трудиться, ибо Господь сказал, что детство в раю закончилось, Адам уже взрослый, если не слушается Создателя, теперь пора во взрослую жизнь, где в поте лица должен добывать себе хлеб. Иисус, к примеру, большую часть жизни провел в мастерской плотника, где помогал отцу, то удлиняя, то укорачивая ему доски, а первых учеников набрал из работящих рыбаков, а не каких-нибудь парапитеков или перипатетиков.

Лишь в апостольской ветви в монастырях монахи аки «птицы небесные, что не сеют и не жнут», а живут только подношениями верующих, хотя апостол Павел прямо сказал: «Кто не хочет трудиться, то и не ешь», то есть к ногтю таких, не нужны они новому миру.

Из зала, отданного под склад, ведет вниз широкая каменная лестница, вырубленная прямо в скальном массиве. Я опускался недолго, навстречу гостеприимно распахнулась широкая и захламленная монастырским добром пещера, но таким добром, что выбрасывать жалко, вдруг еще пригодится.

Я прошелся мимо рядов, чувствуя сильнейшее разочарование, осмотрелся в поисках еще лестницы. Она обнаружилась за горой мешков с шерстью, правда, ступеньки посредине заметно истерты, спускаются по ним явно не одну сотню, а то и тысячу лет.

Где-то на второй сотне ступеней услышал внизу некий едва улавливаемый шум, на третьей уже не шум, а грохот, что по мере спуска то почти совсем затихает, то усиливается до такой степени, что начинает подрагивать все каменное основание, по которому ступаю.

Снизу, мерно ступая, как некий древний механизм, поднимается человек в рясе и с надвинутым на лицо капюшоном, на плече мешок, судя по размерам и конфигурации, с камнями.

Я остановился, всматриваясь, спросил громко:

— Брат Жак?

Он вскинул голову, лицо потное, красное, со вздохом опустил, напрягая мышцы рук и плеч, мешок под ноги. Там глухо грюкнуло, резко и сильно пахнуло озном.

— Брат паладин? Чего тебя сюда занесло?

Он откинул капюшон, ухо с той стороны, где был мешок, красное и напухшее. Если бы не толстый капюшон рясы, мешковина вряд ли смогла бы защитить так же надежно. Интересно, что за ткань у них тут и откуда ее берут...

— Да так, — ответил я с беспечностью гуляки праздного, — пока мой вопрос насчет Маркуса не дойдет до самого верха, брошу вот.

Он посмотрел с такой надеждой, что стало неловко.

— Ничего не надумалось насчет той темной тени? А то старшие монахи говорят, самые лучшие решения приходят во время прогулок. Потому и гуляют куда-то... очень далеко. Младшим туда вход заказан.

Я сказал с неуверенностью:

— А не кажется, что эта темная тень появилась в результате некого просчета этих самих старших монахов?

Он тяжело вздохнул; я уловил запах горелого угля и серы, словно он побывал в аду и несет оттуда в мешке что-то украденное.

— Это как, брат паладин?

— Аббат ломает голову, — пояснил я, — где и как нарушена защита Храма, но, возможно, эта темная тень и не проламывала ее? А появилась именно здесь?.. Ладно, неси, а то спину сломаешь. Это что у тебя?

Он прорычал недовольно:

— Руда...

— А там не могут на месте?

— Там и обрабатывают, — ответил он сердито, — но эти куски для каких-то снадобий или зелий... Толочь надо прямо перед смешиванием. Спасибо, брат паладин!

— Пока не за что, — ответил я.

Он уже уходил, но нашел в себе силы оглянуться.

— За то, что вникаешь в наши дела. У тебя свежий взгляд. Замечаешь то, к чему мы привыкли и не видим.

Я двинулся в ту сторону, откуда он появился, из зала на первом этаже ведут сразу три широкие лестницы в обширные подвалы, оттуда начинается бесконечный и пугающий новичков спуск, а я не весьма как бы знаток и эксперт в монастырских подземельях, так что пошел без торопливости, осматривался и прислушивался.

Чувствуется, что монахи не рубили тупо камень, а творчески приспосабливались к рельефу пещер, делали ступени где шире, где уже, чаще всего пускали их по краю, но в одном месте предпочли прорубить вертикальную шахту, пустив ступеньки винтообразно.

Я спустился по кругу в пещеру, где ахнул от размиров и мрачной красоты и величия.

Гвальберт Латеранец, сильно накренившись над поручнями, рассматривает нечто внизу в глубокой пещере, где в полной тьме что-то огромное шуршит, гулко вздыхает, скребется, иногда раздается сухой треск, словно лопается не просто камень, а целые скалы.

— Что там за чудовища? — спросил я.

Он оглянулся, сказал равнодушно:

— Керкенсы. Такие черви, хотя не черви, а... в общем, не черви. Грызут камень, что-то в нем находят и жрут, ты бы слышал, как чавкают, заодно расширяют пещеры. Надо только направлять их, чтобы рушили что надо, а то наломают...

— Все как у людей, — согласился я. — Пусть ломают, у них вводить демократию не будем. Ты у них надсмотрщиком?

Он покачал головой.

— Слово какое-то поганое.

— Тогда пастух?

— Это ближе, — согласился он. — Христос тоже был пастухом, а не надсмотрщиком, хотя когда я сам прочел, что он и как говорил... гм... У тебя какие-то новости?

— Да, — ответил я. — Черная тень появлялась в моей келье. Это достаточная новость?

Он насторожился.

— И?

— Убралась, — сообщил я.

Он вздохнул с облегчением.

— Слава Творцу!

— Правда, — добавил я, — пришлось наорать на нее, но не думаю, что на нее так уж подействовала моя ругань. Скорее то, что я паладин, профессиональный истребитель всякой нечисти, нежити и прочих демонов и недемонов.

Он всмотрелся внимательно.

— Значит, вас, паладинов, в самом деле страшатся?

— Хорошо бы, — ответил я. — Плохо, когда хорошие люди почему-то побаиваются этой тени. Это значит, поступают не весьма зело и сами это понимают.

— Тогда можем попробовать ее как-то погонять?

— Как? — спросил я с досадой. — Мне ее не догнать. Она быстрее, для нее стены ничего не значат, а я лоб расшибу.

— Да, — признался он, — как-то не подумал. Сперва решил, что можно бы зажать с двух сторон... тут бы наш аббат помог, но у него и так дел хватает...

— Вообще-то, — сказал я осторожно, — что может быть важнее жизни монаха вверенного ему монастыря?

Он подумал, предположил:

— Может быть, жизнь всех монахов?

Я прислушался к грохоту внизу: а что, если эти черви, что не черви, вздумают грызть свод своей пещеры, они ж дураки, наверное, все мы рухнем к ним в пасть. Правда, Гвальберт выглядит достаточно уверенным и знающим, но не секрет, что самые уверенные на свете люди — дураки. А еще они и все знают, и всем дают советы.

— А чем занимается аббат, — поинтересовался я, — кроме защиты периметра Храма?

Он взглянул с удивлением.

— Всем монастырем. А сейчас еще и выборами. Он уходит с должности настоятеля, а за его кресло борются две группы.

— Приор Кроссбрин, — сказал я, — и еще... кто?

Он ухмыльнулся.

— Кроссбрин останется приором, если победит отец Фростер. Ты его видел на трапезе, но вряд ли обратил внимание. Отец Фростер говорит мало, внимание не привлекает, но это самый лучший знаток традиций как нашего монастыря, так и всех остальных на свете. Он строг, но справедлив.

— А кто второй?

— Отец Хайгелорх, — сказал он.

— Тоже знаток?

— Как раз Хайгелорх за реформы, — ответил он. — Резкие. Тебе с ним надо пообщаться, брат паладин. Только вряд ли сейчас, день выборов уже определен, это случится всего через три недели. Потому отец Хайгелорх занят.

— Еще бы, — согласился я. — Быть настоятелем такого монастыря — это огромная власть и ответственность. То-то все слышу из келий *Veni Creator...*

Он криво улыбнулся.

— Все согласно традиции перед выборами.

— А почему, — спросил я, — аббат не хочет назначить своего преемника? Чаще всего поступают так. В других монастырях. Нормальных.

Он скромно улыбнулся.

— Хорошее уточнение. Чаще всего и у нас так, но сейчас особый случай. Трудно решить, кто прав...

— Выбирают по личностям?

— Точный вопрос, — сказал он с уважением. — А вы, брат паладин, смотрите в корень. Выбирают пути, но во главе каждого стоят определенные люди. Выбирая Фростера, монахи голосуют за стабильность и устойчивость, медленное продвижение к цели, а кто-то за Хайгелорха — тот жаждет рывка с неясными... до конца еще не осмысленными последствиями. Монахи разделились на два лагеря. Тебе нужно принять участие в выборах, брат паладин.

— У меня нет права голоса, — напомнил я.

— Возможно, — ответил он загадочно, — будет. А в нашем случае каждый голос важен.

— Учту, — ответил я. — Спасибо за подсказку!.. А что там за ступеньки... вот там, слева?.. Ниже тоже пещеры?

Он ухмыльнулся.

— Еще какие! Хочешь взглянуть?

— Свежий взгляд, — ответил я словами Жака, — вроде бы хорошо. Не повредит как бы.

— Бог в помощь, — сказал он, — там ступени широкие, но ты только прижимайся к стене. Иначе керкенсы могут заметить.

— Сожрут?

— Они хватают все, — ответил он серьезно, — что движется. Хотя непонятно, почему.

— Инстинкт, — сказал я книжно. — В древности боролись за место под... сводами с кем-то еще, а теперь просто осталось в памяти.

— Будь осторожен, — напутствовал он. — Ты еще можешь пригодиться в монастыре.

— Ну, спасибо...

Ступени вырублены в отвесной стене, как в разрезанной вдоль толстой трубе, что под углом идет вниз, приходится нагибать голову, в монастыре только брат Жак мне вровень; я двигался медленно и все поглядывал опасливо вниз — никаких перил, а если голова закружится, то рухнешь в бездну, и неизвестно сколько падать, пока неожиданный шлепок в темноте не расплескает в тончайшую лепешку, а то и забрызгает тобой стены.

Однажды сумел краешком глаза увидеть одного из керкенсов, не самого керкенса, а то ли голову, то ли хвост, то ли середину, осталось впечатление чего-то огромного, бронированного, некой чудовищной твари, созданной постоянно прорывать норы.

Монахи, как я понимаю, научились ими управлять, но только частично. Как люди вроде бы управляют пчелами, гордо называя их домашними, хотя пчелы и не подозревают, что кто-то считает себя их хозяином.

Голова продолжает работать, отвлекая от ужасов спуска, я старательно пытался собрать в памяти то немногое, что знаю о выборах в монастырях. Жизнь монахов вся в правовом режиме, это от них пошла мажоритарная система и все прочее, что станет определяющей чертой демократии, а пока такое только в монастырях, где устав тщательно определяет дух, структуры, функционирование и даже механизмы пересмотра и приспособления правовых норм к жизни монашества.

Если старший приказывает нечто «невозможное» для выполнения — и морально и физически, — то монах имеет право возразить ему, однако «без высокоме-

рия или постоянного духа противоречия». В крайнем случае монах может даже воззвать к совести. Проявлять послушание он должен лишь там, где «не замечает греха», как позднее скажут иезуиты.

В монастырях жестко соблюдается принцип всеобщего избирательного права. «Ни один епископ не должен быть навязан», — предписывал папа Целлестрин. «Каждый, кому предстоит управлять, должен быть избран всеми, кем он призывается руководить», — уточнял папа Лев I.

Другой принцип: делом всех являются не только выборы, но и само управление. «То, что касается всех, должно быть обсуждено и одобрено всеми», — писал папа Иннокентий III.

Однако, судя по словам Гвальберта, здесь назревает... или уже назрело столкновение двух или больше подходов к управлению, а то и вовсе к целям и задачам монастыря.

И мне, похоже, предстоит как можно быстрее разобраться, по какую сторону забора упасть, потому что бунтарский дух Хайгелорха хоть и вызывает сразу симпатию, однако я уже убедился, что не все старики — глупцы и маразматики, а поспешные реформы чаще всего заканчиваются крахом, кровью, войнами и всеобщим упадком.

Сама суть конфликта, как догадываюсь, — не баптильная борьба за высший пост, что дает неограниченную власть. Это бывает чаще всего в мирской жизни, но здесь люди духовные, то есть одухотворенные, Гвальберт прямо указал на некую борьбу старого с новым, молодых монахов с консервативным старичьем.

Только непонятно, почему уходит аббат, обычно это пожизненная должность, снять могут только визитаторы из Ватикана за четко доказанные прегрешения, как будут говорить позже, а сейчас говорят «грехи», как будто это не одно и то же.

Воздух снизу поднимается теплый, даже жаркий, но не сухой, как ожидаю подсознательно, скорее напротив — влажный, словно вхожу в огромную оранжерею.

Пещеры переходят одна в другую, как по горизонтали, так и под углами, но я выбирал те ступени, которые ведут вниз как можно круче, обычно по винтовой, наконец выбрался в пещеру, что выглядит обычным гротом, только большим, даже очень большим, чтобы не сказать огромным.

Воздух свежий и чистый, словно я только что причалил на лодке к скалистому берегу и вошел в красивую пещеру, где вход наполовину замаскирован, как вот здесь, цветущими виноградными плетями.

Посредине журчит и прыгает по гладким обкатанным камешкам широкий ручей. На той половине пещеры бассейн с чистейшей водой, ручей красиво ниспадает туда широкой стеклянной струей, что выглядит неподвижной, но внизу вода пенится и величаво расходится кольцевыми волнами.

Вдоль ручья торчит высокая зеленая трава, хотя и бледноватая, на мой взгляд искушенного филателиста. Вокруг бассейна даже кусты, почти половина в мелких розовых цветах.

— Нравится?

Я вздрогнул, резко повернулся. Шагах в пяти на уступе монах в коричневой рясе смотрит на меня с приветливой улыбкой. Лицо розовое, кустистые брови совершенно седые, широкий в скулах, лоб покрыт бисеринами пота.

Я сказал почтительно:

— Здравствуйте, достопочтенный! Не очень потревожил?

Он заулыбался, лицо стало еще шире.

— Всегда рад, когда кто-то решается набраться отваги и спуститься к нам. Вы, я смотрю, новенький?

— Просто гость, — ответил я. — Мимо ехал. Думаю, дай загляну.

Он спросил недоверчиво:

— Мимо? Куда же дальше ехать, там Край Света!.. Ах, это так шутите... Видите, я отвык от гостей, уже и шуток не понимаю.

— Ну да, — сказал я, — а кто сказал так серьезно насчет Края Света? Меня аж прошибло... Как у вас здесь удивительно! Раньше я скорее бы уился, чем поверил в такие чудеса под землей!..

Он заулыбался.

— Вы о чем?

— Как вам это удалось?

Я указал на роскошные кусты и зеленую сочную траву. Он посмотрел на меня с затаенной улыбочкой и тем выражением, когда держат за спиной некий и довольно крупный сюрприз.

— Поднимайтесь ко мне, — предложил он кротко. — Здесь для вас есть кое-что еще...

Заинтригованный, но и настороженный, я быстро взбежал на восемь ступенек выше, монах оказался ма-кушкой мне по грудь, смотрит снизу вверх, однако улыбается покровительно, как человек, у которого в кармане большой сюрприз.

— Идите за мной...

Глава 14

Мы прошли немного по карнизу над пропастью, где на дне ручьи, трава между округлых камней, дальше небольшой проход по туннелю и красиво прорубленная арка, как понимаю, в следующую пещеру, что оказалась размерами не больше деревенского сарая, зато на той стороне видна самая настоящая

дверь, плотно вписанная в стену так, что ни малейшего зазора.

Монах со сдержанной улыбочкой потянул дверь на себя, из-за нее донеслось веселое птичье щебетанье. Пахнуло ароматом цветов, а когда монах сдвинулся, я потрясенно в той исполинской пещере увидел прекрасный сад, кусты в цветах, высокую траву, толстые стволы деревьев с красиво изогнутыми ветвями.

Я охнул:

— Как такое возможно?

Он довольно улыбался.

— Это одна из оранжерей, за которыми я присматриваю. Не самая крупная, конечно, но где-то миль четыреста по площади... гм... в ней наверняка есть.

— Ну да, — сказал я ошарашенно, — что такое четыреста миль?.. Пара королевств, конечно, поместится, но Мамонтова намного крупнее. Надеюсь, ниже вас там пещер нет?

Он изумился, посмотрел даже с некоторой обидой.

— Как это нет? Все, что связано с камнями и металлами, ниже. А в самой глубине те, куда уже начали свозить запасы зерна, муки, благо подземные реки вряд ли иссякнут... так уж сразу.

Я поинтересовался:

— Скоро тут у вас будут выбирать нового настоятеля. Вы уже решили, за кого отадите голос?

Он распахнул глаза шире.

— А что, аббат Бенедарий уходит?.. Жаль. С ним было так спокойно...

— Не сомневаюсь, — согласился я. — Вы давно не поднимались в общий зал для совместной молитвы?

Он посмотрел на меня с некоторой робостью, явно подозревая визитатора.

— Наш Создатель, — ответил он с осторожностью, — как мне по своей простоте кажется, не страда-

ет глухотой. Он услышит меня, надеюсь... Может быть, услышит, даже если заберусь в подземелье и поглубже?

— А что, — спросил я, — ниже что-то есть еще, если не считать складов для отсидки на время прихода Маркуса?

— Есть, — ответил он. — Но я люблю сады, потому не опускаюсь ниже, где в адском пламени куется ни с чем не сравнимое оружие.

— Адском?

Он усмехнулся.

— Так говорится. Конечно, там не ад, хотя в подземных реках течет не вода, а расплавленный металл... Наши умельцы там обожают плескаться.

— Плескаться? — переспросил я осторожно.

Он пожал плечами.

— В смысле, работать. Есть еще пещеры, где дивные кристаллы всему придают необычные свойства. Отец Мантриус утверждает, что они созданы не Господом в первые дни творения, а уже людьми...

— А как на самом деле?

Он снова пожал плечами.

— Не знаю. Я лишь садовник. И настолько люблю свой сад, что даже, каюсь, редко поднимаюсь, как вы уже заметили, на обязательные общие молитвы... Уповаю только на доброту Господа. Ему стоит только разок заглянуть сюда, чтобы понять меня и простить!

Он кротко улыбался, уверенный в доброте Господа, и в том, что за такой ухоженный сад ему простили бы и куда большие грехи, чем непосещение общей молитвы.

Я кивнул в сторону каменных ступеней в стене — ведут вниз и, судя по всему, рассчитаны на долгий спуск.

— А там?

— Еще пара садов, — ответил он довольно. — А потом уже мастерские гномов.

— Гномов?

Он улыбнулся.

— Так называем наших кузнецов и оружейников.

Они же и рудокопы, но это уже между прочим.

— Господи, — сказал я, — что там можно ковать?

— Там еще ниже, — объяснил он доверительно, — редкие руды! Даже рыть не надо. Все на поверхности. Ну, если пещеру можно назвать поверхностью, хотя в самой пещере как бы поверхность?

— Вы философ, — сказал я. — Пастухи да садовники — лучшие философы в мире! Ладно, спасибо за подсказку. Пойду взгляну, а то всю жизнь буду вспоминать, что был так близко, но не посмотрел!

Он кивнул, чуточку разочарованный, что хочу кроме его сада увидеть еще что-то на свете.

— Для молодых ног там не так уж и далеко...

— Если только обратно не по ступенькам, — согласился я, — а на крыльях бы...

Позеленевшие от древности каменные ступени неспешно повели вниз, вечные свечи горят даже здесь, мягкий свет падает красиво и рассеянно, из сада внизу толстые плети виноградных лоз грациозно и картишно поднимаются по стенам, цепляясь за любые неровности, и я спускался, в самом деле любуясь красотами, сказал бы себе такое раньше, сам бы плюнул себе в глаза. Надо мир спасать, а ему, видите ли, ах как красиво!

Ниже открылся сад, виноградные плети и здесь обвивают стволы деревьев, гроздья спелых ягод блестят в пламени свечей, тугие и налитые соком...

Я покрутил головой, ну и монахи, все равно для меня это больше чудо, чем искусство селекции.

Белые розы, гудят пчелы, ну да, это же божьи пчелки, знаю-знаю, монахи по пчелам первые в мире, хотя все равно не понимаю, как они здесь живут...

Свет на мгновение померк, я остановился так резко, будто ударился о препятствие, и тут же в стене со всем рядом, иногда показываясь наружу, пронеслась, как черная комета, целиком состоящая из ночи, та проклятая темная тень, что умеет облекаться тяжелой и смертельной плотью.

Это было неожиданно и страшно, когда в таком идиллическом раю такое вот чудовище, я остановился с колотящимся сердцем. И вообще там ли ишу, или же подсознательно стараюсь уйти от поисков решения, оправдывая себя тем, что правильные решения лежат обычно не там, где ищет большинство.

Черная тень уже исчезла, я постоял некоторое время в проходе между садами и мастерскими, уже совсем собрался вернуться, как увидел поднимающуюся снизу огромную фигуру.

Мне показалось, что это брат Жак, хотя это немыслимо, я же встретил его там наверху, когда он тащил примерно такой же мешок...

И все-таки это брат Жак, его и в монашеской рясе спутать с кем-то еще трудно. Поднимается, глядя себе под ноги, на плече мешок с погромыхивающими камнями, но идет бодро, до конечной цели пока далеко, еще и намурлыкивает что-то под нос.

Я сказал весело:

— Привет, брат Зубодробитель!

Он вздрогнул, остановился, вскинул голову.

— О, брат паладин... Глубоко же ты забрался...

— Да так, — ответил я легко, — почему бы, думаю, не?.. Вот я и. Перед обедом рекомендуют легкую прогулку.

Он спросил обеспокоенно:

— А что, скоро обед?.. Я думал успеть к завтраку...

Опустив мешок под ноги, он со вздохом облегчения откинул капюшон. Я мазнул взглядом по сильно

покрасневшему и даже чуточку подраспухшему уху, стараясь, чтобы это выглядело как бы невзначай.

— Могу, — предложил я, — укрепить твои силы прямо сейчас... Держи, это святая вода, в других странах именуемая вином. А вот тебе ветчина, сразу сил прибавится.

Он с недоверием принял грубую кружку из глины, сделал глоток, глаза расширились в радостном изумлении, и дальше не отрывался, пока не осушил до дна.

— Да, — просипел он счастливо, — в самом деле святая вода, а то весь иссох... Значит, умеешь делать не только за столом? А что это за ветчина такая странная? Руки человеческие не в состоянии нарезать такими тонкими ломтиками!

Ломти ветчины в самом деле размером с лопату, но все абсолютно одинаковые, я смотрел, как они исчезают в его широкой пасти, словно сухая солома в огне пожара, наконец он довольно вытер толстые губы тыльной стороной ладони.

— Спасибо... Как жаль, что у нас нет паладинов!

— Рад, — сказал я, — что тебе понравилось, Жак Зубодробитель.

Он переспросил заинтригованно:

— Зубодробитель? Так меня еще никто не называл.

— Не обижайся, — сказал я. — Это по старой памяти.

Он широко заулыбался.

— Я не обижаюсь, даже нравится. Мне всегда хотелось кому-то дать в зубы даже здесь. А раньше, когда в деревне... гм... А что, у тебя был такой дружок?

— У меня не было, — признался я, — но один монах по имени Жак Зубодробитель из цистерцианского аббатства Дюн во Фландрии... это в моем королевстве такая область, узнал, что армия чужого короля направляется в сторону его монастыря. Он тотчас же оставил

свои обязанности, сразился с чужеземными рыцарями, убив сорок из них в знаменитой битве Золотых шпор, и с гордостью вернулся в свое аббатство.

Ноги брата Жака подкосились, он едва не сел на свой мешок с камнями, а на меня смотрел огромными вытаращенными глазами.

— Как? — прохрипел он потрясенно. — Сорок рыцарей?.. Как такое возможно?.. А запрет брат монахам в руки оружие?

— То мечи нельзя, — напомнил я, — и всякое колюще-рубяще-режущее тоже, а вот дубинку да, ею как бы не проливаешь кровь.

Он просиял.

— Дубинка? Ах да, дубина... Ну да, ее же можно самому вытесать по своей руке и своим размерам.

— Стоп-стоп, — сказал я, — не спеши. Маркус еще не скоро, а с братьями тебе драться, что с мухами. Потерпи.

Он смотрел на меня радостными глазами.

— Как Зубодробитель... Интересно у вас там живут!.. А ты чего здесь?

— Да просто гуляю, — пояснил я.

Он ухмыльнулся.

— Сейчас там ниже встретишь брата Кэпингема. Он тебе понравится!

Я посмотрел ему в спину, поднимается наверх с грузом бодро, насыщивает, хотя впереди этих ступеней даже не сотни, а тысячи. Вообще-то монахи могли бы придумать и соорудить какой-нибудь грузовой лифт, но думаю, таким, как брат Жак, и нужно таскать руду наверх, чтобы всякие нечестиво плотские мысли выбить из головы и тела...

Интересно, он и глазом не моргнул, встретив меня снова на той же дороге вниз. И вообще сделал вид, что сегодня видит впервые. Как будто этот Жак совсем не тот Жак.

Воздух поднимается снизу не просто теплый, как там, в оранжерее, а уже горячий, прокаленный, я все чаще подумывал, что обратно хорошо бы попробовать птеродактилем... но, увы, вряд ли получится, аббат перекрыл все лазейки для магии, уже убедился, пытаясь перенести сюда мечи...

В лицо пахнуло жаром, из бездны выметнулся огненный гейзер, я уставился на него со страхом, это не магма, это расплавленный металл, что за сила его вытолкнула на такую высоту...

— Эй, — донесся голос, — заблудился?

Я оглянулся, в широкой расщелине в стене раскорячился огромный мужик, заняв собой почти весь проем, голый до пояса, но при кожаном фартуке, в руке огромный молот.

Я помахал рукой.

— Имею честь видеть доблестного и благороднейшего мастера железных дел непревзойденного Кэпингема?

Он покачал огромной башкой, из-за всклокоченных черных волос похожей на голову горгоны Медузы.

— Чую речь образованного человека. И как вы оказались здесь... сэр?

— Да вот мимо ехал, — объяснил я. — Задумался о высоком, а тут смотрю, уже в монастыре, конь в стойле, а я вот иду по ступенькам, как часто бывает... Это хде я?

Он заржал, рассматривая меня, пока я взобрался на камни и прыгал по ним, приближаясь к хозяину этих мест. Издали показался настолько похож на гнома, что я даже засомневался, но, правда, трудно представить гнома моего роста, а выглядит брат Кэпингем ниже только потому, что вдвое шире, руки и ноги как бревна, голова сидит прямо на плечах, безумно массивных

и раздвинутых в стороны так, что нужно поворачивать голову, чтобы посмотреть на каждое из них.

— Дивно видеть человека, — сказал он задумчиво, — такого сложения в стенах монастыря...

— Но вы с Жаком здесь, — напомнил я. — Да и вообще... разные причины заставляют нас менять места. Я вообще паладин, так что не совсем правильный монах.

— А-а, — сказал он понимающе, — тогда это другое дело. То-то смотрю на рукоять вашего меча, она достаточно потерта...

— Это не от моих ладоней, — уточнил я. — Предпочитаю надевать боевые рукавицы.

Он широко улыбнулся.

— Добро пожаловать, брат паладин, в мою мастерскую!

Глава 15

Мастерская просторнее иной церкви, брат Кэпингем обставил ее с размахом: помимо обязательной наковальни в центре еще с полдюжины помельче разных размеров, вдоль стен развесаны десятки молотов, щипцов, клещей и всякого рода менее знакомых мне вещей, что желательны для кузнеца и обязательны для оружейника. Некоторые инструменты больше подошли бы хирургу, но здесь они, судя по их виду, используются довольно часто.

А в дальнем углу огромная кровать на каменных ножках, что значит брат Кэпингем и спит здесь, прямо в мастерской, предпочитая молитву делом, что вообще-то Всевышний ценит больше всего, за что и награждает, в том числе и мирскими благами.

Стол вместительный, шесть массивных кресел, я по жесту хозяина опустился в одно и сразу же сотворил две большие чаши вина.

— Прошу меня простить, — сказал я виновато, — но долгий спуск иссущил до крайности. Присоединитесь, дорогой брат, чтобы я не чувствовал себя неловко...

Он хмыкнул, сел за стол и сразу цапнул чашу, что почти утонула в его громадной ладони.

Я выждал, пока осушит, не отрываясь, тут же наполнил снова. Брат Кэпингем посмотрел на чашу, на меня.

— И как часто?

— Да хоть бочку, — сказал я. — Но сразу бочку пока не могу, не дорос. А вот так, по капельке...

Он довольно хохотнул:

— ...Можно накапать целую бочку! Неплохо вас, паладинов, Господь одарил. Правда, постоянно шкурой рискуете, по голове получаете, все время в дороге... У вас, смотрю, неплохой меч на поясе...

— Да, он хороший, — ответил я, — хотя, конечно, есть и лучше. Там, дома. Только все они в чем-то о-го-го, а в чем-то...

Он вскинул брови.

— Это как?

— Травяным мечом, — сказал я, — есть у меня такой, могу разрубить все, что по земле бегает, но против гарпий, горгон или любой твари, что летает, все равно что палка... Нет, палка даже лучше. Красный меч использует магию огня, это очень красиво, когда, как архангел, машешь пылающим клинком и рубишь закованного в стальные доспехи противника так, словно тот голый... Но если тот использовал для защиты магию воды, то лучше бы я взял в руки опять же палку...

— Гм, — сказал он задумчиво, — против таких доспехов, я говорю про защищенных магией воды, пригодился бы разве что легендарный Озерный меч...

— Легендарный? — спросил я в удивлении. — А он у меня просто висит на стене рядом с другими. Даже ниже, потому что те красивше... Давай еще налью, только это покрепче. Как, выдержишь?

Он самодовольно улыбнулся, но когда сделал огромный глоток выдержанного коньяка, лицо побагровело, а глаза полезли на лоб, заметно поднимая не только брови, но и массивные навесы надбровных дуг. Когда все-таки перевел дыхание, на меня посмотрел с уважением, и я понял, что дальше будет пить крохотными глотками, а каждое мое слово ловить, как откровение свыше.

— Вопрос воина знатоку, — сказал я, — есть ли на свете оружие, с помощью которого можно бы дать отпор приближающемуся Маркусу?..

Он нахмурился, поджал губы. Рука понесла к губам чашу с коньяком, но он посмотрел на нее как на врага и поставил обратно на стол.

— Именно Маркусу?

Я сказал быстро:

— Не спрашиваю, есть ли оно здесь или можно ли сковать, я вообще о самой возможности!

— О таком не слышал, — ответил он зло. — Не слыхал! И никто не знает!.. Но ты, брат паладин, не скисай. Если не знаю и другие не знают, то это не значит, что все на свете такие же олухи. Да и вообще... не знаю, но, может быть, сумели бы и сами?

— Времени мало, — сказал я.

— Да, — возразил он, — но еще не совсем прижало рогатиной к стене! Еще что-то можно...

Щенячье ликование наполнило меня от пяток до ушей. На этого огромного лохматого мужика я смотрел с такой нежностью, что чуть не прослезился.

Он заметил, как изменилось мое лицо, с беспокойством вскинул мохнатые брови.

— Брат паладин?

— Я проехал десятки королевств, — сказал я с чувством, — от берегов южного моря до этих земель Предельного Севера... но ты первый, брат! Первый, кто сам заговорил о сопротивлении, а не бегстве! Все уже сложили лапки, я просто бешусь.

Он пробормотал:

— Сложили не все... У нас народ боевой, но тут такое дело...

— Какое?

— Многие, — сказал он нехотя, — считают Маркуса карой Божьей, а ее нужно принять и не противиться.

Я сказал зло:

— Все можно трактовать так или эдак в зависимости от того, на чем стоишь и чего держишься. Говоришь, есть такие, кто готов вступить в бой с Маркусом?

— Таких много, — заверил он, — только все понимают, что это бесполезно.

— Тем более, — сказал я с жаром, — это герои, если готовы вступить в неравный бой и погибнуть... красиво! Но мы постараемся, чтобы те гады, что прилетят, погибли. Пусть даже красиво, согласен. Я добрый и всегда прощаю врагов, как только убью и попрыгаю на их трупах. Или хотя бы попинаю.

Он сказал хмуро:

— Да, так победа слаще... Лично для тебя могу постараться и сковать доспехи, которые устоят против магии воды, огня, ветра и любых заклятий... но поможет ли это против Маркуса? Мы же ничего не знаем, и никто не знает... С большой высоты ломают всю землю, разбивают горы в пыль и опускают королевства на дно морей, проходят по странам, как гигантским плугом...

— Но прежде опускаются, — напомнил я, — и набирают пленников!.. В этот момент уязвимы. Возмож-

но, уязвимы. По крайней мере, можно попытаться вдарить со всей дури.

— Можно, — согласился он, взглянул на меня пытливо. — А ты точно пойдешь в бой?

— Клянусь, — ответил я твердо.

— Что у тебя, — спросил он, — кроме Травяного и Озерного?

— Красный, Зеленый, — начал я перечислять, махнул рукой. — Все раздам тем, кто пойдет со мной. Искусство должно служить народу! И вообще все должно служить... Еще у меня куча всякого, из чего можно подшибить даже дракона, но Маркуса этим вряд ли даже поцарапаем...

— Что за штуки?

— Небесные Иглы, — сказал я, — Костяные Решетки, Комья Мрака...

Он прервал:

— Погоди-погоди! Давай подробнее. Я вроде бы тут лучший спец по оружию, но даже не слыхал...

Я рассказывал, а он впитывал как губка. После Небесных Игл и прочего начал расспрашивать про молот, хотя его уже давно нет, но молот заинтересовал, как вижу, потому что оружием считается только рубящеколющее с режущей кромкой, а церковь вообще питает отвращение к крови, даже инквизиция своих жертв милосердно сжигает без ее пролития, чистюли.

Монахи в путешествиях вооружаются дубинками, ими при умении можно пользоваться эффективнее мечей, а от дубинки рукой подать до молота, что всего лишь орудие кузнеца.

— Язычники, — сказал он наконец с пренебрежением, — слыхал о таком. Первый сковали для Тора, но хреново сковали, ручка оказалась коротка... Потом делали и получше. А все, что умели язычники, мы умеем тоже. И намного лучше.

— Понятно, — согласился я, — христианство есть надстройка над примитивизмом.

Он скорбно покачал головой, когда на столе появились крупные ломти истекающей соком ветчины, какой недавно угощал брата Жака.

— Ты и это умеешь?.. Но сегодня, увы, четверг.

— И что? — спросил я. — Ах да, рыбный день. Но мы, паладины, знаем, как соблюдать законы! И тебе покажу.

Ветчина исходит сладким соком, запах одуряющий, мясо нежнейшее, и Кэпингем смотрел уже жадно-голодными глазами, но вздрогнул и посмотрел умоляющее.

— Брат паладин, не совращай... Сегодня постный день!

— Давненько я не совершал этого чуда, — пробормотал я. — Господи, услыши меня и преврати по моей просьбе поросся в карася... Ага, вот так... Спасибо, Господи, можешь идти. Брат Кэпингем, приступайте к трапезе.

Он посмотрел на ломти ветчины, снова на меня.

— Брат паладин?

— Да?

— Но это же ветчина, — сказал он с запинкой.

Я ответил с легкой укоризной:

— Дорогой брат, вы прям Фома Неверующий. На ваших глазах произошло священное таинство, а вы все упираетесь, как язычник какой!.. Мало ли что зрит простыми глазами, это все не совсем то, что открыто паладинам. Я вот уже вижу карасей, толстых, свежих, хорошо прожаренных... Ах, какой запах! Вы допускаете, что вера двигает горами, как сказано в Священном Писании, но не верите, что она же превратит обычновенную ветчину в обычновенных карасей? Фу, вам должно быть стыдно...

Он зыркнул на меня исподлобья, вздохнул, на лице все еще колебание, сказал умоляюще:

— Видать, я плохой христианин, что все еще вижу ветчину... А как-то иначе нельзя?

— Можно, — ответил я, сложил ладони у груди ковшиком и возвел глаза горе. — У нас, паладинов, возможности растут с каждым подвигом во славу. Это я так скромно намекаю, что то и дело вершу подвиги от завтрака и до обеда, а потом от обеда и до ужина... Господи, услыши мою молитву и оставь на минутку свои дела, ибо милосердие прежде всего, как ты и говорил где-то... Преврати сегодняшний четверг в пятницу!.. Спасибо, можешь идти. Дорогой брат, тебе повезло. Для всех в монастыре четверг, а в этой комнате сегодня пятница.

Он вздохнул с облегчением.

— Спасибо, брат паладин!

— Не за что, — ответил я скромно. — Служить человечеству — высшая награда. Вообще быть слугой народа! И даже, по возможности, народов.

— Как же я люблю пятницу, — сказал он с чувством. — Перед воскресеньем вообще можно пить и есть все без всяких запретов.

— Да здравствует пятница, — воскликнул я и приединил к нему ветчину, что так и не стала блюдом с карасями. — Не спеши, а то удавишься, но и слишком не медли...

— А что, — спросил он с беспокойством, — пятница не надолго?

— На всю трапезу хватит, — успокоил я. — И на пару больших кружек вина.

— Брат паладин, у тебя такое вино, что кружками пить как-то неловко... Да и не попьешь, под столом окажешься!

— Не спеши, — сказал я еще раз. — Господь пока что с нами. И он нас не оставит, несмотря на.

Часть вторая

Глава 1

Возврачаюсь, я не то чтобы так уж устал, это всего лишь ступеньки, хоть их и многовато, но злился на бесцельную трату драгоценного времени. В будущем надо попытаться узаконить превращение в птеродактиля, подобрав достойное и благочестивое объяснение божьей метаморфозе, и тогда можно сокращать время и расстояния...

Ну что-то типа того, что вон гусеницы превращаются же в бабочек, почему же людям тоже не, хотя они вообще-то обладают даром превращаться из бабочек в гусениц, особенно женщины, когда выходят замуж...

Души наши воспаряют, а если очень поднатужиться, то можно и телом...

Я резко остановился. Конечно, в чужой монастырь со своим уставом не ходят, но при чем тут устав, пусть покажут, где у них записано, что нельзя превращаться в птеродактилей?

Я отошел в сторонку, чтобы не на виду, если кто вдруг увидит, присел к каменному полу и старательно представил себе, что мое тело трансформируется, претерпевает метаморфозу, вот уже отрастают крылья, мощные и с коки-стыми перепонками...

Внутри меня разлился горячий огонь, я взывал, но стегнула радостная мысль, что да, получается, какая же я замечательная и настойчивая цаца, сумел, ай да молодец...

Затем боль стала сильнее, по всему телу нервы напалились, как нити накаливания, запахло вроде бы горелым мясом, зрение расфокусировалось, вместо одного появилось два, а потом четыре изображения, я с огромным усилием свел воедино, успел отметить немыслимую четкость и глубину изображения, боль уже исчезла, хотя незримые тиски еще некоторое время стискивали и пытались тащить и не пуштать, никогда превращение не происходило так трудно, и когда наконец обнаружил себя в теле крылатого существа, сердце колотилось, словно взбежал на высокую гору, не снимая доспехов; отдыхал и приводил расстроенные чувства в порядок.

Наконец ощущалась легкость, пришло неосознанное желание подпрыгнуть и взмахнуть крыльями, что значит уже все утряслось, Храм поворчал, но все-таки разрешил малость поптеродактилить...

Я оглядел себя, веря и не веря в громаднейший успех. Как бы здесь в Храме ни наловчились защищаться от магии, однако у меня, возможно, вовсе не магия, а нечто другое, о чем всякий раз думаю с радостной надеждой.

Наверх пошел легко, горячий и плотный воздух сам старается вытолкнуть наверх, только через узкие тунNELи пришлось, царапая когтистыми крыльями о стены, а все остальное время красиво и мощно возносился из пещеры в пещеру мимо трудолюбиво продолбленных в стенах ступеней.

Я успел даже восхититься тем, какой долгий путь я проделал вниз, и когда наконец показалась последняя пещера, со вздохом облегчения поднялся к дверям, откуда уже можно подняться в нижний зал Храма.

Группа монахов вышла оттуда, когда я опустился на край уступа и начал превращение. Пытаться остановиться уже поздно, я сжался в ком и подгонял все процессы как только мог, ускорившись до того, что едва не вскипела кровь.

Двое монахов в ужасе стоят, прижавшись спинами к двери, кто-то из умных успел выскочить и закрыть за собой на засов, а я расправился и прокаркал хриплым голосом:

— Привет... Как там наверху, обед скоро?

Оба таращили глаза, наконец один пролепетал:

— Да... не очень... брат паладин... это вы?

— А кто может быть еще? — спросил я оскорблённо. — Где вы найдете еще такого красавца?.. Вы же видели, какие крылья?.. А гребень?.. Нет, вы гребень, гребень рассмотрели? Это же всем гребням гребень! Даже у Морского Змея такого нет, хоть у него и побольше, но никакого изящества, а моим залюбоваться можно, хоть вы и мужчины... вроде бы, хотя в таких рясах что поймешь...

Они проводили меня взглядами, как я величественно прошел мимо, один жалобно вскрикнул вдогонку:

— Брат паладин!.. Но это же... это магия?

Я изумился:

— Какая магия? Где вы узрели, а то и просто увидели... какую-то магию?

Он промямлил:

— Ну да... это же...

— Просто расширенные возможности, — объяснил я терпеливо. — Возможности расширенного человека. Когда-то это будет доступно и простому человеку, а потом даже очень простому, а то и простейшему, а пока вот только паладинам! Вы же понимаете, всего на всех не хватит!.. Сперва дают тем, кто работает, а в последнюю очередь тем, кто на курорты ездит.

Если хватит, конечно. Кто-то и две возможности возьмет, а то и три. У нас умные люди запасливые, жизнь учит хомячистой хомяковости.

Похлопав обоих по хилым плечикам, я важно прошел в зал, а оттуда, подрагивая в ногах, поспешил к своей келье. Все-таки нехорошо получилось. Надо бы как-то скрыть, но сам знаю, что такое не скроешь в тесном коллективе. Надеюсь, в здоровом. Со здоровым находить общий язык проще и даже легче, а больные всегда всем недовольны.

Воображение — кобылка резвая. Одно плохо: перед ней слишком много дорог. Я лежал поверх одеяла и перебирал мелкие камешки фактов, стараясь уложить в ясную картину, желательно — цветную.

Пока же слишком много непонятного, начиная от этой черной тени, в которой необъяснимо абсолютно все, от происхождения и кончая поведением, а также странным отношением монахов и руководства монастыря: тут люди гибнут, а они процедурными вопросами занимаются...

Насчет Маркуса я, похоже, опоздал. Здесь уже все решили, и мне придется бороться с уже принятым решением...

Бобик вскочил, внимательно посмотрел на дверь, потом на меня и снова на дверь.

Я спросил с интересом:

— А ты точно знаешь, что идут именно ко мне? Здесь полсотни келий!

Вскоре и сам, насторожив слух, уловил звук приближающихся шагов. Еще пару минут, и в дверь деликатно постучали.

Я поднялся с ложа, оглядел себя, хорошо ли смотрюсь, и сказал громко:

— Заходите, бить сразу не буду, обещаю.

Через порог осторожно переступил Жильберт, Бобик посмотрел на него зло. Жильберт замер на месте, глаза испуганные, сказал виновато:

— Похоже, ваша собачка чувствует неприятности...

— У меня? — спросил я. — Или вообще?

— У вас, — ответил он и вздохнул. — Вас срочно вызывает на монастырский суд отец Ансельм.

Я порылся в памяти, переспросил:

— Камерарий?

— Да, — ответил Жильберт упавшим голосом, — но он еще и глава церковного суда.

— Гм, — ответил я, — вряд ли это в его юрисдикции, однако, чтобы не портить отношения с местными властями, я смиленно являюсь на их суд и попробую защитить свою честь и достоинство. А чего им надо?

— Говорят, вы на виду у всех пользовались магией...

— Хорошая формулировка, — ответил я, — на виду у всех... Да, это не весьма, ваш камерарий прав. Когда состоится суд? Надеюсь, к тому времени я буду далеко на Юге...

Он покачал головой.

— Просят явиться немедленно.

— Ого, — сказал я невольно, — зашевелились перед выборами!

Он потупил взор, даже пошаркал ножкой.

— Вообще-то да. Все ускорилось.

— В самом деле сочту себя важной персоной, — сказал я. — Такое внимание... Ладно, пойдем... Нет, Бобик, не ты. Это Жильберт сейчас бобик, а ты, как монах, поспи до ужина... Молиться можешь про себя, Господу все равно.

Мы прошли по узкому залу, больше похожему на коридор из-за ряда близко поставленных одна к другой колонн, все серое, суровое и безрадостное, как и должно быть там, где думают о высоком и вечном.

В просторной комнате за длинным столом около десятка монахов, еще трое только-только усаживаются, все немолодые и, как я ощущал, наделенные. Некоторые даже очень наделенные.

Во главе стола в кресле с высокой спинкой, что везде олицетворяет власть, громоздкий в прямом значении слова священник при регалиях, суровый и властный по виду, осанке и прямому взгляду.

— Брат Ричард, — сказал он непререкаемым тоном, — нам сообщили потрясающую весть! Вы используете гнуснейшую магию, запрещенную церковью и всей нашей совестью!.. Это не только недопустимо, но и суроно наказуемо!

Я сказал вежливо:

— Отец Ансельм, я паладин, потому подсуден только ордену паладинов в Кернеле.

— Ошибаетесь, — отрезал он. — Наша власть выше. Я уверен, одного слова нашего аббата достаточно, чтобы вас лишили этого обязывающего звания! Ну, пусть двух-трех слов.

Один из священников заметил ровным голосом:

— Для вас это будет даже лучше.

— Почему? — спросил я.

— Орден паладинов, — пояснил он, — по нашему представлению не только снял бы с вас высокое звание паладина, но и подверг бы жестокому и унизительному наказанию!

Меня пробрала дрожь, я сглотнул ком в горле и проговорил смиренно:

— Не сомневаюсь, что вам многое виднее. Я же, паладин Господа, всегда поступаю по велению совести. И готов представить на суд паладинов всю свою жизнь, развернуть все поступки и дать им подробное объяснение...

Отец Ансельм прервал:

— Сейчас вы не на суде паладинов. Вы на суде в Храме Истины. И было сказано, что вы поднялись из адских бездн в виде отвратительной твари, похожей на ящерицу с крыльями...

Тот же священник сказал с негодованием:

— Хотя бы в птицу! И то...

Я развел руками и ответил самым сокрушенным тоном:

— В птицу не могу. Птицы живут уже в этом греховном мире, пропитанном человеческой злобой и нежестяством! Однако те существа, одно из которых зрели ваши монахи в моем почти светлом облике, были созданы Господом в первые дни творения, когда свет был еще чист и ясен. Потому мне удается это превращение, ибо я паладин!.. Птица слишком греховна, хотя она ни рыба ни мясо, а вот это существо — это дорыба!

Отец Ансельм морщился, наконец прервал:

— Нам неважно, во что вы превращались! Превращение человека в зверя или птицу — нечестивая магия!

Я воскликнул:

— Но разве в Храме это возможно?.. Магия?

Он посмотрел на меня зло.

— Раньше такого не случалось. Вы первый! Потому это и нужно прекратить в самом зародыше.

— Жестоко прекратить, — сказал священник. — Дабы не. Потому что!

Я сказал торопливо:

— Погодите-погодите!.. Я вас прекрасно понимаю, как и ваше вполне справедливое рвение и негодование насчет соблюдения священных традиций, дабы их не попирали всякие там. Однако если превращение удалось в святом Храме, то это не магия, а что-то другое!

— Что?

Я ответил со значением в голосе:

— Моя скромность не позволяет указывать пальцем, но это может быть, к примеру, наука...

— Что-что?

— Алхимия, — объяснил я. — Рафинированная алхимия, очищенная от примесей и готовая смиренно служить матери-церкви на ниве разгадывания тайн природы, запрятанных дьяволом. Алхимия враждебна магии, а значит, лояльна... да что там лояльна! — влюблена в матери-церковь, которая если и сжигает алхимиков, то лишь по недоразумению, ведь когда ведьм рубят, алхимия летит, летит...

Он с самым непреклонным видом покачал головой.

— Нет-нет, брат Ричард, если вы все еще брат. Алхимия или не алхимия, а превращаться человеку ни во что нельзя.

Я спросил живо:

— Где это сказано?

— Что? — спросил он гневно. — Вам указать на сотни трудов наших виднейших богословов?

— Зачем? — спросил я мирно. — Знаете ли, отец Ансельм, вы, похоже, плохо читали Библию. Укажите мне пальцем, можно даже мизинцем, который вы так изящно оттопыриваете сейчас, словно за обедом, где в Священном Писании сказано о запрете превращаться в существо с крыльями, если это позволяет совершать больше добрых дел во славу Христа и церкви?..

Он отрезал:

— Все равно грех!.. Человек должен оставаться человеком!

— Почему?

Он сказал непререкаемо:

— Господь создал человека по своему образу и подобию!

— Это язычество, — сказал я кротко, — полагать, что Всевышний имеет облик человека. Всевышний

всюду и везде, в каждой душе и каждой травинке, каждом камешке. Он по определению не имеет и не может иметь облика. Всех зверей и муравьев он создавал просто так, чтобы населить и разнообразить мир, дескать, пусть цветут все цветы, а человека — уже с целью по своему образу и подобию! Дабы тот правил этим миром, а для этого Всевышний дал ему то, в чем отказал всем остальным, — душу!.. Это и есть создание по своему образу и подобию.

— Вот-вот, — сказал он, — из этого подобия и нельзя выходить!

Я ответил смиренно:

— По милости матери нашей церкви, я и не выхожу.

— Но эта мерзкая тварь с крыльями...

— Это одежда, — пояснил я, — которую меняю, а вот душу постоянно беру с собой.

— Это не одежда, — сказал он громко, но я все же уловил нотку неуверенности, — это данное Господом тело!

— Я могу перечислить семь смертных грехов, — предложил я, — и там нет запрета на временные изменения плоти. Преподобный отец, это всего лишь одежда души!.. Которая и так, кстати, меняется сама по себе, изнашиваясь с возрастом. Летом одеваемся едва-едва, зимой кутаемся в толстые теплые шубы... Я могу вам привести примеры, когда я на таких крыльях преодолевал сотни миль и успевал спасти человеческие жизни!

— Жизнь ничего не стоит, — отрезал он, — важнее спасти души!

— Спасал и души, — ответил я.

— Как?

— По-всякому, — объяснил я очень подробно. — В общем, отец Ансельм, как я понял, вы против заме-

ны каменного молотка железным, а железного стальными. Поздравляю, вы потеряли голоса всех монахов, что занимаются ремеслами. Я также подробно расскажу монахам о ваших взглядах, пропитанных нетерпимостью, ксенофобией, демократией и нежеланием лучшей жизни для монахов, а также прочего человечества!

Он нахмурился. На его стороне железно останутся только переписчики древних книг, богословы да знатоки права, а этого может и не хватить для перевеса их партии на выборах.

— Хорошо, — сказал он рассерженно, — я снимаю это обвинение. Но вы понимаете, что, превращаясь в такое существо, подвергаете огромному риску не столько тело, сколько свою душу?

Я посмотрел на него с огромным уважением.

— Отец Ансельм, вы очень умный человек.

Он зыркнул исподлобья.

— Ну, спасибо...

— Вы заметили то, — сказал я доверительно, — чего никто не зрит. Только вы поняли, что в теле этого существа приходится бороться с новыми демонами, что терзают мои ум и душу.

Он спросил понимающие:

— Плотские?

— Да, — подтвердил я, — но в чревоугодном смысле. Самые сильные плотские бушуют в человеке, это единственное существо на свете, что готово вязаться круглый год, в то время как все животные для этого целомудренно выбрали только весну, а вот чревоугодность... это ужас! В крылатом теле зверя только и думаю, что бы сожрать еще, а потом еще... Постоянно терзает голод, хотя это ложный голод, но, конечно, я борюсь и с этими искушениями во славу Всевышнего!.. И только вы это поняли и заметили, отец Ансельм!

Он проговорил, уже заметно смягчившись:

— Да... гм... это да, я такое зрю, ибо мне дано... Но вы это делайте пореже, как можно реже...

Я воскликнул:

— Только в крайних случаях, отец Ансельм! Господь сотворил человека совершенным для всех случаев жизни. Ну, почти для всех. Только вот человек — существо азартное. Хорошего ему мало. Ему подавай самое лучшее, что предусмотрено Господом и всячески поддерживается матерью нашей, церковью!..

Глава 2

Когда я вышел, навстречу бросился не только Жильберт, но и Смарагд, Гвальберт, а с ним двое робко взирающих на меня монахов. Я не успел плотно закрыть за собой дверь, как нетерпеливый Смарагд вскрикнул, перебирая ногами, как нервная лошадка:

— Ну что? Ну как?

Я посмотрел на него свысока.

— Как что? Отец Ансельм весьма умный человек. Думаю, он уже с нами.

— Ансельм? — охнул Жильберт. — Да никогда... Он же поддерживает Фростера!

— Почему никогда? — спросил я.

— Потому что узколобый догматик, — горячо сказал Жильберт. — Церковные догматы заслонили ему все, что происходит в монастыре!

— А мелочи нужно отбрасывать, — пояснил я. — Он зрит в корень, потому он с нами. Хотя, конечно, сам об этом еще не догадывается.

— Какой корень? — спросил Жильберт обалдело.

— Свой корень, — ответил я. — Но это ничего, это нормально, он же мыслящий человек, потому ничего другого не видит и не желает знать, кроме своего мне-

ния. Когда мы покажем ему свои корни, он наверняка пересмотрит свои ошибочные взгляды. Вы же знаете, что все взгляды, которые не наши, ошибочны. И даже неверны по определению.

Гвальберт проговорил с подозрением:

— А с чего он вдруг пересмотрит?..

— Мы предъявим ему такое, — пообещал я, — против чего он устоять не сможет!

— А... что?

— Пока не знаю, — ответил я с оптимизмом, — и даже не представляю! Но мы обыщем и предъявим. Надо верить в светлое будущее всего прогрессивного человечества, в авангарде которого с песней шагаем мы!

— С молитвой? — переспросил брат Жильберт нерешительно.

— Ну да, — сказал я удивленно. — А я как сказал? Разве молитва — не наша любимая песня? Я такие боевые молитвы знаю, даже маршевые под рев труб, вздрогнете! От ликования, конечно.

Издали донеслось густое протяжное пение, полное скорби и печали. Все умолкли, повернулись в ту сторону. Из крыла, где кельи монахов, медленно шествует колонна монахов.

Четверо монахов с надвинутыми на лица капюшонами несут простой и даже не окрашенный гроб. Первым за ним идет отец Аширвуд, в правой руке кадило, которым помахивает с размеренностью механизма, следом престарелый отец Хайгелорх опирается на трость при каждом шаге, его почтительно поддерживает под руку брат молодой монах и тоже старается идти в ногу мелкими семенящими шажками.

Я остановился, смиленно опустив голову, гроб пронесли мимо, я слышал удаляющийся голос отца Аширвуда:

— Господь наш милосердный, мы молим за брата Шелестини, что умер без отпущения грехов...

— Ибо пал в неравной битве в борьбе со злом, — добавил кто-то.

— Не забудь о нем, — сказал третий, — и позаботься о его душе, она того заслужила.

Гроб пронесли мимо входа в главный зал для общих молитв, где у порога уже ждут в торжественном молчании аббат Бенедарий, приор с помощниками, келарь и прочие должностные чины монастыря.

Отец Бенедарий, как настоятель всего монастыря, одной рукой прижимая к груди Библию, другой медленно и торжественно перекрестил гроб. Лица у всех суровые и сосредоточенные: прошли века с тех пор, как врагу удавалось пробираться в сам монастырь, и вот он, грозный час, наступил снова.

— Во имя Господа, — сказал отец Бенедарий слабым голосом и перекрестил гроб еще раз. — Милости-вого и Всемогущего.

Монахи ответил в один голос:

— Аминь.

Гвальберт спросил меня шепотом:

— С церковным судом — это хорошо, а насчет темной тени есть хоть какие-то новости?

— Есть, — ответил я. — Но только не лучшие.

— Что, снова показывалась?

— Да, — ответил я.

Он прорычал:

— Ну почему мне эта тень ни разу? Я бы эту сволочь... Прости, брат паладин, я не то хотел сказать. Ты делаешь все, что можешь, я знаю. Мы бы и того не сумели.

Я хлопнул его по плечу и отправился к себе в келью. Мыслей роится куча, все такие умные и блестательные, но мне сейчас хотя бы одну дельную или

полудельную, дальше уже начнется обработка и шлифовка, но пока в черепе, как в деревне, через которую прошли войска Мунтвига.

В длинном узком коридоре пусто, мои подошвы стучат не по-монашески громко, я задумался и, когда повеяло холодом, просто поежился, еще не сообразив, что это вовсе не сквозняк...

Стена, мимо которой проходжу, потемнела быстро и страшно. Погасли свечи, только там вдали еще горят, мирно освещая коридор и двери келий, а здесь холодный, как в могиле, мрак...

Темная тень выдвинулась и устремилась в мою сторону. Я задержал дыхание и напрягся, готовясь к короткой страшной схватке, что непонятно как и произойдет...

Однако тень остановилась прямо перед моим лицом, затем медленно, что совсем непохоже на ее судорожные рывки, отодвинулась и замерла.

Я рассмотрел более отчетливо этот огромный густок мрака, нечто отвратительное, мохнатое, словно скопище червей во тьме, но полное мертвенного холода.

Волосы начали шевелиться у меня на руках, а кожа пошла «гусиками», но я смотрел в нее и нагнетал в себе ярость, что никто не смеет становиться у меня на пути, вот возьму и порву голыми руками, уничтожу, сожгу без остатка и даже клочка шерсти не выплюну...

Тень отодвинулась рывком, я осмелился и сделал шагок вперед, грудь колесом и глаза навыкате, готов сразиться. Тень скакнула в сторону, затем назад и зависла в верхнем углу комнаты темным пятном, из которого тянет холодом.

— Что, тварь, — сказал я громко, — кишка тонка сразиться с паладином?.. Спускайся, я тебе ее расширю!..

Сделал еще шаг, тень поспешно втянулась в стену, а когда я приблизился вплотную, передо мной уже только камни, и ни следа, что какая-то мерзость проникала сквозь них.

Сердце колотится, я с трудом перевел дыхание; все-таки это дурость — переть вот так на незнакомого противника. Хотя да, для него я тоже незнакомый, тень ощутила не только мою незнакомость, но и то, что во мне есть некая для нее угроза.

Разумеется, я не так чист, как брат Целлестрин, однако все еще храню и даже умножаю мощь паладина. Эта тварь ощутила ее и на всякий случай отступила, хотя я сам не уверен, что моей силы хватило бы...

Издали донесся отчаянный крик. Чувствуя беду, я ухватил меч и понесся по коридору. Эхо сбивает с толку, я дважды промахивался, наконец выбежал в небольшой зал, где уже толпится большая группа монахов.

Протолкавшись, я обнаружил распластанного на залитом кровью полу монаха. Изувеченная голова оторвана и лежит в шаге от тела, что расположено чем-то острым до костей, не хочется верить, что такие глубокие раны можно нанести когтями.

С той стороны присел возле трупа на корточки отец Леклерк.

— Во всех трех случаях, — произнес он печально и задумчиво, — жертву увечили, но... не больше.

Я спросил зло:

— А что может быть больше смерти?

— Зверь бы лакал кровь, — пояснил он, — или выдрал хотя бы клок плоти... А вот так убивают, ничего не взяв, разве что из мести... Или есть другие мотивы?

Я смолчал. Отец Леклерк прав: поймем мотивы, легче будет справиться с нападениями.

— Что общего между тремя убитыми? — спросил я. — Если найдем, может быть, отыщем и ключ...

Меня молча отпихнули, дюжие монахи уложили труп на носилки и унесли, а еще двое пришли с ведрами воды и тряпками, начали замывать пол, убирайя кровь.

Я пошел рядом с отцом Леклерком, он продолжал хмуриться, я сказал виновато:

— Вы правы, отец Леклерк. Вовсе не черствость не плакать о погибшем, а искать по горячим следам его убийцу.

— Это надо сделать, — ответил он мрачно. — Оставив все дела.

— Вы хорошо их знали, — спросил я, — что у них общего?

Он кивнул.

— Вы тоже правы, брат паладин. Но общего у них разве то, что все три были монахами.

— Возраст, специализация?

— Двое молоды, — ответил он, — но третий почти старик. Все трое работали в разных местах: библиотекарь, рыбак и столяр, их кельи не только не рядом, но даже в разных коридорах.

— Но что-то же есть, — сказал я, — потому что если эта тварь убивает кого попало, это намного хуже.

— Почему?

— Жертва будет намного больше.

— Верно, — согласился он. — Но она не убивает кого попало. Видимо, не убивает.

— Может быть, после каждого убийства этой твари нужен отдых?

— Если бы мы поняли, — сказал он, — что это за тварь или почему она их убивает, нашли бы и ключ...

— Может быть, — сказал я.

— Наверняка бы нашли, — сказал он зло. — Что-то в голове вертится, но никак не схвачу.

— У меня тоже, — признался я. — Ладно, пойду подумаю. Если что, зовите сразу!

В конце коридора появилось громадное черное тело. Я вздрогнул, но это всего лишь мой Бобик, что кратчайший миг смотрел на меня багровыми глазами, а затем во мгновение ока оказался рядом, толстый, теплый и ласковый.

Отец Леклерк отпрыгнул, ухватился за сердце.

— Господи... я люблю собак, но эта лошадь разве собака?

В келье я успел пройтись пару раз вдоль стены, когда в дверь стукнули, брат Жильберт вошел смиренный и тихий, как тень, остановился, опустив голову и держа руки в рукавах на груди.

— Брат Жильберт? — спросил я.

Он сказал замедленным голосом:

— Брат паладин, отец Мальбрах желает созвать капитул. Вас приглашают принять участие.

Я изумился:

— Еще один? Зачем?

— Не о выборах, — пояснил он, — отец Мальбрах считает, пришла необходимость внести изменения в наше ношение монашеской одежды. Точнее, о необходимости возврата к традициям, ибо некоторые братья весьма вольно смотрят на эту важнейшую особенность монашеской жизни...

Я переспросил, не веря своим ушам:

— Что-что?

— Некоторые братья начинают забывать, — договорил он заученно и монотонным голосом, — что ряса и тонзура постоянно напоминают о целях жизни, потому братья обязаны носить всегда самые дешевые и темные одежды, а также закрывать себя от мира с ног до головы.

Я сжал челюсти, чувствуя нарастающую, но беспомощную злость. Отец Мальбрах, елемозинарий, наме-

рен собрать капитул по такому ах-ха важнейшему вопросу, как будто Храм и монастырь не сотрясают бури вроде невесть откуда взявшейся темной тени, что начала убивать монахов внутри их же убежища, или раскола в монашеской среде накануне выборов! Уж молчу про Маркуса, а о его приближении, на мой взгляд, все должны говорить и думать!

— И что, — спросил я враждебно, — есть такие, кто готовы прийти на такой сраный... прости Господи... капитул?

Он ответил уклончиво:

— Брат паладин, но это в самом деле важно... хотя и не в той мере, как кажется тебе, человеку креста и меча. Даже меча, а потом чуточку креста. Отец Форенберг, его верный сторонник, яро напоминает всем, что провинившихся монахов заставляли неделями, какой позор, ходить в мирской одежде! Все знают, что в облачении монаха заключена священная мощь, а в мирской один грех, потому даже короли завещают хоронить себя в монашеском одеянии, несмотря на то, что частенько не просто нарушали заповеди, а очень даже нарушали, но благодаря монашеской рясе надеялись получить прощение...

Злость уже поднялась у меня до горла и вот-вот выплеснется: ну как же это жизненно важно — у каждого монашеского ордена своя одежда, за право носить именно ее готовы идти на костер, потому бесконечные споры не утихают насчет великого замысла, воплощенного в покрое и материале, спорят о цвете, длине, размерах капюшона, поясе, обуви... А если, упаси Господи, какая реформа, то надо и в одежду внести некое новшество, в то время как все старые монахи яростно требуют возврата к первоистокам.

— Единственное, — сказал он, — в чем отцы Мальбрах и Форенберг готовы рассматривать уставы дру-

гих монашеских орденов, — это бедность и простота одежды. Какую ни взять ткань: пеньку, овечью шерсть, козью или верблюжью, все равно одежда обязана быть грубой, жесткой, колючей! Монашеская одежда похожа на платье крестьян и пастухов, разве что ткань, как и шерсть, никогда не должны красить, это значило бы вводить в заблуждение.

Говорил он заученно, я наконец-то понял, молодой монах просто послушно пересказывает, что ему велели, а самому ему, возможно, как и всем молодым, хотелось бы как-то украсить свою рясу, выделиться среди остальных хотя бы расшитым капюшоном...

Он заметил наконец мое потемневшее лицо, спросил шепотом:

— Что-то случилось, брат паладин?

— Я прибыл в Храм, — ответил я горько, — полагая, что хотя бы здесь отыщу подвижников, готовых отдать жизни, но во что бы то ни стало остановить Маркуса... А что слышу? Споры о длине ряс?

Он виновато опустил взор, но потом поднял голову и посмотрел на меня ясными глазами.

— Брат паладин, ты делаешь слишком поспешные выводы.

— А какие я должен сделать?

Он ответил шепотом:

— У нас монастырь очень... велик. И среди братьев разные мнения, как поступать в том или ином случае. Ты мог бы же заметить, что помощник приора отец Кроссбрин — приверженец традиции, а вот отец Ромуальд — умеренный...

— Мне умеренные не нужны, — буркнул я. — Лучше уж крайности, чем серая серединка, которые осторожные дураки зовут золотой.

— Другая крайность, — шепнул он, — отец Хайгелорх.

— Хайгелорх? — переспросил я с недоверием.

— А что не так?

— Он же старый.

Он сказал с неудовольствием:

— И что? Бунтуют, ты прав, молодые, у которых ума нет, но бывает, что и мудрый человек, проживший немалую жизнь, стоит за резкие перемены.

— И в чем перемены для отца Хайгелорха?

Он ответил уклончиво:

— Брат паладин, вам нужно просто повидаться с ним. И поговорить с ним откровенно, распахнув душу.

— Ну да, — пробормотал я, — если распахну, из нее такое выскочит... В общем, на такой капитул не пойду, хотя я и верный воин Господа. Не все капитулы... капитулы. Мне вообще кажется, кто-то старается отвлечь внимание от того, что творится в монастыре!

— Как скажете, брат паладин, — ответил он смиренно. — Мне велено сообщить, я сообщил.

— Спасибо, — сказал я, — хотя мне кажется, что вот такими поспешными акциями, как церковный суд силами небольшой группки священников, это я сообразил уже потом, или этот вот капитул о длине ряс... это совсем не то, что мы видим.

— Брат паладин?

— Хотят привлечь больше братьев на свою сторону, — объяснил я. — Перед выборами всегда оживляется такая вот общественно-политическая деятельность. И трудно даже сказать, чего добиваются на самом деле...

Он спросил умоляюще:

— Брат паладин?

— Возможно, — сказал я, — отец Мальбрах, выступая за большие строгости в ношении ряс, провоцирует на выступления против?.. Да, и такое будет в предвы-

борной гонке... Возможно, уже началось. Жаль, не участвую, надо мир спасать, а то бы тут наловил толстых жирных левиафанчиков. Всех бы голодными оставил, как правых, так и левых, заодно и совсем зеленых... Ладно, брат Жильберт, спасибо за. В какой-то мере понимаю отца Мальбраха: когда мир рушится, нужно держаться за что-то надежное и устойчивое! Вот он и держится.

Он поклонился, отступил к двери.

— Отдыхайте, брат паладин.

Глава 3

Отец Леклерк, похоже, очень полюбил вино паладинов, как он называет коньяк. Через несколько минут после ухода Жильбера, словно тот ходил по его личному распоряжению, а не отца Муассака, пришел в гости и расположился на лавке, как в удобном кресле.

Бобик уже признал его за своего, даже не повел ухом, продолжая дрыхнуть посреди кельи, а я тут же создал для отца Леклерка выдержаный коньяк в фужере из прозрачного стекла, чтобы можно было любоваться игрой света в коричневой жидкости.

— Переживаете? — спросил он с сочувствием. — Удивляетесь нашей черствости?.. Ничего, потом поймете... возможно.

Коньяк он пил как знаток и ценитель, выдерживая первый глоток во рту, словно прополаскивая, прислушивался к ощущениям, глаза в это время становились задумчивыми, а взгляд отстраненным, словно видит нечто далекое, высокое и даже возвышенное.

— У меня не такая размеренная жизнь, — огрызнулся я. — И пять тысяч лет до нового прибытия Маркуса могу не дождаться.

— Колеса вертятся, — заверил он. — Как говорят у нас, медленно работают жернова богов, зато какая мелкая мука... Расскажите еще о дальних странах Юга...

— Для вас и ближние, — ответил я, — дальние.

Он кивнул, неспешно отхлебывая коньяк.

— Верно. И все южные...

— В обмен, — предупредил я, — на рассказы о монастыре и Храме. Разумеется, меня не интересуют споры насчет покроя ряс и жаркие дебаты о размерах капюшонов.

Он легонько усмехнулся.

— Тогда и рассказывать почти нечего. Самое важное, что делается в монастыре, это работа старших братьев. Они на верхнем этаже, туда нет доступа даже старшим священникам.

— Почему так секретно?

Он ответил уклончиво:

— Старшие братья отличаются необыкновенной скромностью. Они готовы показать только нечто законченное... Понимаете?

— Еще бы, — согласился я. — А можно и не показывать. Начинать сразу нечто новое... И тоже не показывать.

Он сделал глоток, растянул губы в довольной усмешке.

— Прекрасное у паладинов вино... Ну, это только предположение, что старшие братья что-то прячут. Хотя, конечно, эти предположения возникают не только у вас.

Бобик поднял голову, принюхался, посмотрел на меня с немым укором.

— Извини, — сказал я. — Лови...

Отец Леклерк проследил, как я вынул из воздуха мощный кусок ветчины, Бобик приподнялся на передних лапах, я бросил точно в пасть, бедной голодной собачке не пришлось даже подпрыгивать и ловить, по-

сле чего легла дрыхнуть снова, а отец Леклерк завиду-
юще вздохнул.

— А что еще можете?

— Только еду и посуду, — сообщил я.

— А одежду?

— Пробовал, не получается, — ответил я. — Не понимаю, по структуре проще... Наверное, мой уро-
вень пока недостаточен. Уровень подготовки, я имею
в виду. Так у нас, паладинов, называется святость на
воинском языке. Позвольте предложить вам вот этот
божественный напиток... Его создали монахи-бенедик-
тинцы, он так и называется — «Бенедиктин»...

Он попробовал осторожно, памятуя опыт с конъя-
ком, довольно заулыбался.

— Оригинальный вкус...

— Это ликер, — объяснил я. — Отец Леклерк, я не
вражеский лазутчик, а вы отвечаете так уклончиво,
будто я щас все ваши тайны передам на Маркус!..

Он вздохнул, сделал глоток уже побольше, некото-
рое время прислушивался, как огненный ком катится
по горлу и проваливается в желудок.

— Если честно, — ответил он, — то я не знаю, чем
заняты старшие братья. У нас очень строгий устав,
но с большими снисхождениями к слабостям челове-
ческим, ибо монахи... тоже люди. Монастыри со
слишком строгими уставами постепенно захиревали,
а монахи втихую разбегались, хотя никто их не гнал
в такие монастыри, сами шли и наивно верили, что
вынесут строгую и праведную жизнь. Потому у нас
сразу записано, что хотя все мы жаждем быть правед-
никами, но не всем удастся быть праведниками с утра
и до ночи... да еще каждый день!

Я сделал себе большую чашку крепкого черно-
го кофе, отец Леклерк сразу заинтересовался, уловив
дразнящий аромат, а я сказал со вздохом:

— Думаете, мне такое незнакомо? Сам время от времени устраиваю такую монастырскую жизнь! Еще в своих срединных придумывал строжайший режим и клялся начинать с понедельника или с первого числа месяца... в крайнем случае, с Нового года.

Он улыбался понимающие, пил ликер, я кофе, у меня странный метаболизм: кофе вообще-то вздрючивает, но могу нажраться самого крепкого на ночь и спать без задних ног...

Отец Леклерк начал рассказывать, что здесь же в ходу система *«discretio, sobrietas, moderamen»* — дискретности, трезвости, снисходительности, — то есть здравого смысла, истинной оценки вещей, понимания человеческих слабостей. Человек вообще-то слаб, но если уж он по собственной воле хочет совершенствоваться, то нужно ему всячески помогать, а когда срывается, то не укорять победно «Я же говорил! Ты слабак» и не требовать немедленного соблюдения заповедей, раз уж взялся, а снизить ему нагрузку и терпеливо ждать, когда он сам устыдится временной слабости и с удвоенным жаром возьмется...

Я слушал внимательно и уважительно, в духе *discretio* долил ликера в фужер и сказал с пониманием:

— А в нашем монастыре... ну, в нашем королевстве, все это нагромождение свели к простой формуле: «Что нельзя делать, то нельзя! Но если очень хочется, то можно».

Он задумался, подвигал бровями и морщинами на лбу.

— Очень... гм... емко.

— Был проделан огромный объем работы, — заверил я. — И столько копий сломано в дискуссиях! А, казалось бы, начали с невинного с виду вопроса, сколько ангелов уместится на кончике иглы!.. А потом слово за слово...

Он пробормотал:

— Да, по емкости заметно, что перелопачено и отброшено очень многое. Но все ли понимают, что это только снисходительность к слабостям человеческим?

— Так сказано же, — пояснил я, — нельзя делать того, что нельзя! А все знают, чего нельзя... И можно разрешать только в исключительных случаях, чтобы человек совсем не озверел. После этого он сам вернется в норму и, устыдившись, горы перевернет в деле самосовершенствования!

Он посмотрел на мерцающий свет свечи через фужер с ликером, таким же нежно-оранжевым, как и само солнце.

— Бог знает суть, — произнес он задумчиво. — Подробности нашептывает дьявол.

— Увы, — сказал я, соглашаясь, — Бог уловляет людские души удочкой, дьявол забрасывает сеть. Поэтому с добычей уходит чаше.

Остаток дня я бродил по монастырю, общался с монахами, молодыми и старыми, с удивлением обнаружил, что по большей части это еще не монахи, а все еще послушники, очень уж долгий у них путь в полноценное монашество.

А если учесть, что Храм держится на старших братьях, с которыми пообщаться еще не удалось, то моя миссия здесь, можно сказать, еще и не началась, хотя я потратил времени на первое знакомство больше, чем рассчитывал.

Прозвонил колокол, возвещающий об отходе ко сну, в монастыре иначе не угадать, когда ночь сменяет день. Я снял перевязь с мечом, лег, не раздеваясь, поверх жесткого, как и положено в монастырях, одеяла из грубой шерсти с колючим ворсом.

Мой спинной мозг чувствует присутствие огромных сил в Храме и монастыре, но внешне монахи как монахи, ничего необычного, вон даже капитул собирают по поводу одежды. Как говорится, орлам случается и ниже кур спускаться, только вот вторую половину пословицы «...но курам никогда до облак не подняться» я не зрю, только вижу, как орлы спустились и сидят на плетне для кур, где мирно беседуют о длине ряс.

Когда напряженные мышцы наконец-то расслабились, а мозг начало затягивать в свободные ассоциации, послышалось тихое пение. Я невольно прислушался: кто-то идет по коридору, слова молитвы мне знакомы, только время неподходящее...

Я вздрогнул — пение приближается не из коридора, а как бы наискось, свободно проникая через стены!

Пальцы сами по себе нашупали у изголовья рукоять меча. Дверь слегка озарилась мертвенно-бледным светом, я вздрогнул и замер, а в келью медленно вплыл призрак.

Лицо старое, морщинистое, даже призрачность не сглаживает глубокие скорбные морщины на лице, складки на лбу и острые скулы. Капюшон рясы отброшен на спину, я хорошо рассмотрел резкие черты лица, запавшие глаза и суроно скатый рот.

Несмотря на полупрозрачность, верхняя часть туловища просматривается отчетливо, ниже колышется туман, а у пола вообще пусто, но я смотрел в лицо и чувствовал, что монах что-то хочет сказать, но его несет мимо и дальше, а с ним уходит и едва слышное пение молитвы.

Он ушел в стену, я выскочил в коридор; пустынно и страшновато, веет ужасающим одиночеством. Я пребежал по нему, выскочил в зал и увидел, как призрака уносит дальше. Он с усилием оглянулся, я увидел стра-

дальческое лицо, и тут его повлекло в сторону лестницы, ведущей в подвалы.

Когда я добежал до первой ступени, там внизу пусто, и не узнать, потащило его по ступеням или же прямо в стену.

— Ладно, — пробормотал я, — вообще-то не мое это дело, чего я лезу, как дурной хомяк?

Спины словно бы коснулись незримые пальцы. Я резко обернулся — призрак, уже едва заметный, уходит вдаль по коридору, стараясь не дать втянуть себя неким силам в стену, но все равно задевает плечом, а иногда и почти весь уходит в нее.

Я ринулся следом, крикнул:

— Иду-иду!.. Ты только совсем не теряйся, хорошо?..

Он двигался достаточно медленно, как уносимый ветром клок тумана. Мне видно только верхнюю часть, волосы на затылке красиво и таинственно серебрятся, тонзуру почти не видно, вряд ли призраку ее выбривают так же, как выбривали живому.

Я промчался по ступенькам, призрак уже далеко, но когда я наддавал, его все больше затаскивала некая сила в стену. Некоторое время он двигался наполовину погруженный в нее, затем только плечо, а когда исчезло и оно, я пробежал пару ярдов вперед и растерянно огляделся.

То ли сюда призрак и вел, то ли незримые моему миру ветры унесли его с полдороги, и нам еще далеко до той цели, куда он меня вел.

Потоптавшись на месте, я крикнул:

— Ладно, давай в следующий раз!.. А то мне на молитву пора, искать некогда...

Вообще-то на молитву не собираюсь, но призрак не просто призрак, а призрак монаха, а у них не одни молитвы, так другие, так что поверит и не подумает, надеюсь, что я просто сбежал, убоявшись тут порыскать в одиночку.

К себе я вернулся, как полагаю, за полночь, рухнул на грубое ложе и велел себе спать. Хотя и могу не спать трое суток без последствий для мышечных реакций, но голова в таких случаях соображает хуже. Об этом мои дарители не предупредили, да скорее всего и сами не знали, зачем отважным рыцарям, яростным в бою, ясность мышления?

Бобик требовательно гавкнул, я повернулся на другой бок, но сон, если он и успел начаться, сдуло, как будто кто сорвал грубой рукой одеяло в холодное утро.

В коридоре тихо, но моя смиренная собачка что-то чует, вон подошла к двери и шумно сопит, прокачивая через ноздри воздух с его удивительными запахами.

— Ладно-ладно, — сказал я, — встаю...

Сперва распахнул для него дверь, вернулся к ложу и оделся, не забывши опоясаться мечом, а то если сниму, тут некоторые решат, что дожали меня насчет соблюдения их устава, а это значит, начнут давить с устроенной силой.

В коридоре пусто, но когда, ускоряя шаг, вышел в зал, там Бобик прыгает вокруг группки испуганных монахов и уговаривает их побегать с ним или побросать ему бревнышки.

С другого конца в зал вошел отец Леклерк с двумя монахами. Приказы отдает им, словно командир наемного отряда, а те кивают, отвечают коротко и не по-монашески четко.

— Брат паладин, — сказал он с ходу, — сегодня ночью убит еще один наш брат.

— Здесь? — спросил я.

— Да, на этом месте, — ответил он. — Труп уже унесли. Вам лучше было его не видеть.

— Я всякого насмотрелся, — пробормотал я. — Что-то особенное?

— Да, — сообщил он. — На этот раз не просто убит. Кишки вытащены наружу и развесаны на светильниках, руки и ноги оторваны, а голова расплощена так, что кровь забрызгала все четыре стены.

— Отгрызены? — уточнил я.

Он покачал головой.

— Нет, именно оторваны. Вы понимаете, что это значит?

Я кивнул. Это значит, сила этого чудовища просто невероятная. И либо ее раньше не выказывало, либо мощь возрастает день ото дня.

— Кто убит? — спросил я, готовый услышать неизвестное имя.

— Кэпингем, — ответил он зло. — Один из лучших оружейников! Чего его только и понесло наверх? Сидел бы там в глубинах, темная тень туда вроде не спускается... С его смертью все совсем запуталось.

Я сказал медленно:

— Но теперь уже есть статистика... Нужно сопоставить все случаи...

— И брата Брегония, — напомнил он. — Вы тогда подоспели вовремя.

— Спасибо, — ответил я, — хотя, думаю, если тварь хотела его убить, то убила бы... как Кэпингема. Но это была первая жертва, помните? То ли темная тень еще не умела убивать, то ли сил было маловато... Отец Леклерк, мне нужны имена всех. И места, где они работали. И вообще все об их привычках, пристрастиях, желаниях...

Он спросил раздраженно:

— А это при чем?

— Это поможет, — заверил я. — Должно помочь, по крайней мере. Почему выбраны именно эти?

Он вздохнул.

— Хорошо. Постараюсь помочь всем, что в наших силах. От этой твари нужно избавиться поскорее. А то последует за нами и в самые нижние пещеры.

— Ну да, — сказал я саркастически, — и сорвет все планы насчет Второго Шанса! Говорите, кто, где и что, я запомню. А потом буду стараться понять...

Вернувшись в келью, написал имена Брегония, что уцелел, и убитых монахов на большом листе в разных концах, и старательно вносил туда все, чем занимались монахи, с кем общались, что предпочитали, где работали и над чем.

Гвальберт, который взялся помогать собирать информацию, сообщил, что приор не просто недоволен, а буквально в ярости. И не стал возражать, что брат паладин на добровольных началах как бы возглавляет некий штаб, к нему тащат все, что удается нарыть.

Я в самом деле к середине дня уже знал о погибших не меньше, чем они сами, а то и больше.

Гвальберт долго тупо смотрел на схему, сказал в тягостном недоумении:

— Не понимаю, зачем?.. Тварь убивает просто тех, кто попадается на пути!

— Тоже начинаю так думать, — сказал я виновато, — только одно мешает бросить эту затею...

— Что?

— Эта темная тень, что ходит сквозь стены, — ответил я, — и никто ее не может остановить, могла бы перебить народу намного больше! Если бы убивала всех подряд.

Он задумался, спросил мрачно:

— Может быть, у нее какие-то приступы бешенства?

— А в остальное время белая и пушистая?

— Или спит, — предположил он. — Может она звалиться спать? Все звери спят намного дольше человека!

— Верно, — сказал я и вспомнил Бобика, что спит постоянно, если не прыгает и не жрет. — Мы об этом уже говорили с отцом Леклерком. Но на это рассчитывать не стоит.

Он внимательно всматривался в имена на листе, произнес с неуверенностью:

— Но что-то в них общее все-таки есть... Как сейчас помню, брат Шелестини и брат Брегоний работали в теплицах. Это им мы обязаны такой роскошной зеленью на столах среди зимы!

— А брат Кэпингем, — сказал я, — оружейник. Лучший или нет, но когда расспрашивал меня про всякие боевые штуки, весь светился радостью. А остальные двое?

— Не оружейники, — сказал он задумчиво, — однако работают в самых глубоких шахтах. Им там нравится, наверх поднимаются только для особых случаев...

— Как и брат Кэпингем?

— Да, — подтвердил он. — И вообще считают свое занятие самым важным, на общие молитвы даже не ходят.

Я задумался, снова упервшись в незримый тупик, но Гвальберт смотрит с ожиданием, я пробормотал только для того, чтобы что-то сказать:

— Не понимаю, с чего это темной твари убивать тех, кто не ходит на общую молитву?

— Должна бы наоборот?

— Да.

— В самом деле, — сказал он озадаченно. — Но все-таки вы правы, брат паладин! Общее у всех пятерых есть, вы нашли. Теперь понять бы, что вы нашли...

Когда он ушел, не дождавшись ответа, я остался сидеть над картой и наносить на нее точки, где видели ту тварь, потом соединял их линиями.

Получились почти правильные круги, похожие на те кольцевые волны, образованные камнем, брошенным в воду.

Я напряженно всматривался в них, стараясь ухватить некую ускользающую мысль, что дразнится, показывая то длинный язык, то рога и хвост, то лягая меня мелкими раздвоенными копытцами.

Темная тень не только упорно не желает покидать монастырь, но тот велик, а она почему-то держится в нем строго определенных мест.

Зашел брат Жак, в келье сразу стало жарко и тесно. Я показал ему карту и ткнул пальцем в центр кружков.

— Не скажешь, кто здесь?

Он долго всматривался, наконец сдвинул плечами.

— А что это?

— План монастыря, — сказал я с досадой. — Вон здесь оранжерея, здесь рыбные садки, а вот тут общие спальни...

Он помотал головой.

— Не-а, я в этом не разбираюсь. Какие-то черточки на бумаге. Брат паладин, тебе лучше к аббату. Когда такое творится, он все свои дела оставит!

Глава 4

Апартаменты аббата где-то на самом верху, но кабинет и канцелярия на первом, я отворил дверь, это оказалась приемная, навстречу поднялись сразу двое монахов.

— Брат паладин, что мы можем сделать для вас?

— Позвать настоятеля, — ответил я. — Или пропустить к нему.

— Он очень занят...

— Правда? — изумился я.

— Очень!

— Слово и дело, — сказал я значительно.

Они не нашлись что сказать в ответ на непонятное заклинание, а я, отстранив обоих, как бык отпихивает коз, открыл дверь и вошел в эту большую и с заметной роскошью обставленную комнату, хотя это оправдывается формулой «богатство не себе, а монастырю».

Аббат расположился по ту сторону стола в глубоком кресле, на коленях толстая книга большого формата, в руке аббата перо, словно он вносит пометки в Священное Писание.

Я сказал напористо:

— Ваше преподобие, монастырь в опасности!

Он поднял голову и посмотрел на меня с настороженностью во взоре.

— Что на этот раз?

Я без церемоний и не испрашивая разрешения расстелил перед ним на столе план монастыря.

— Ваше преподобие, взгляните сюда. Создается впечатление, что некоторые места темная тень посещает чаще, чем другие.

— И что?

— Намного чаще, — сказал я настойчиво. — Смотрите, вот здесь вообще не появлялась, хотя и места много, и людей полно, и работа кипит... Зато вот здесь ей как медом намазано!

Он с недоверчивостью всматривался в круги, покачал головой.

— Все же этих мест слишком много, брат паладин.

— А у нас есть другие зацепки? — спросил я. — Получше?.. Если нет, то давайте рыть здесь. Сперва выясним, что это за места. Потом узнаем, что за люди в этих местах трудятся.

— А люди при чем?

— Не знаю, — ответил я откровенно.

Он вздохнул.

— Хорошо, распоряжусь. А насчет мест скажу сразу, это вот оранжерея, это сукновальня, это трапезная, это склад, а это спальни.

— Спасибо, ваше преподобие, — сказал я. — Это уже сразу весьма чуточку облегчило задачу. Спасибо!.. А то монахи говорят, что аббат дурак и совершенно ничего не понимает и ничего не делает...

На обратном пути меня перехватили Жильберт и Смарагд. Тоже рыскают везде и собирают все, что можно нарыть о погибших. По их словам, темная тень чаще всего появлялась в кельях второго коридора, а в последнее время так и вовсе объявлялась только там.

Монахи, вооружившись дубинками, от которых темной тени вреда точно никакого, зато придают отваги самим загонщикам, двинулись галдящей толпой из общего зала в сторону тех келий.

Я был в келье, когда Смарагд забежал ко мне, возбужденный и взъерошенный.

— Брат паладин, вы идете? Вдруг там ее встретим?

— И что сделаете? — спросил я скептически. — Хотя, конечно, лучше пойти, чем оставаться в стороне, а то и вовсе позади.

В коридоре нас ждал Жильберт, на худом костлявом плече дубинка таких размеров, как только еще не сломала спину, сразу сказал торопливо:

— Брат Гильберт уже повел первый отряд на прочесывание!

— Удачи, — пожелал я. — Невероятной.

Мы вышли в первый зал, полупустой, к нам сразу присоединились трое слоняющихся там бледных монахов со встревоженными лицами, из всего оружия у них только серебряные крестики, зажатые в ладонях.

Я первым ощутил приближение опасности, остановился и выдернул меч из ножен, хотя и сам чувствую спинным мозгом бесполезность этого жеста.

Жильберт оглянулся.

— Брат паладин?

— Замри, — велел я.

Опасность приближается, уже не просто опасность, а беда, катастрофа, я стиснул челюсти и задержал дыхание, готовый к короткой и яростной схватке.

Из стены выметнулась огромная темная тень, нечто подобное чудовищно раздутому нетопырю с крыльями размером со створки ворот, я ощущал и ее непомерный вес, и леденящий холод, и страх, сковавший мое тело.

Тень стремительно приблизилась и без остановки одним движением метнулась в сторону и пропала в другой стене, за долю секунды преодолев широкое пространство зала.

Я стоял неподвижно с бешено стучащим сердцем, монахи охали и крестились, а брат Смарагд спросил внезапно:

— Брат паладин, а почему та черная тень избегает вас?

Я пробормотал:

— В самом деле?

Брат Жильберт сказал с неловкостью:

— Вообще-то мы с братом Авенариусом тоже заметили. Она мчалась прямо на вас, но отшатнулась, словно испугавшись, и, пробежав по потолку, унеслась в сторону подвалов.

— Вот-вот, — сказал Смарагд настойчивее. — Брат паладин, вы как-то можете объяснить?

— Нет, — ответил я честно. — Хотя меня это радует. Раньше всякая гадость набрасывалась на меня весьма охотно. И с удовольствием.

Жильберт сказал с сомнением:

— Может быть, у брата Ричарда велика сила святости?.. Ну что вы так, братья, я только предположил! Брат паладин сказал же, что можно высказывать самые дикие идеи!

— Это слишком дикая, — ответил Смарагд рассерженно. — Брат паладин все еще воин, святости в нем быть не может, потому что не может. Любой человек, проливающий кровь... пусть даже преступников, далек от святости!

— Тогда что? — спросил Жильберт. Он внимательно всмотрелся в мое лицо. — Брат паладин, вы что-то знаете.

Я покачал головой.

— Если бы.

Он сказал настойчиво:

— Или предполагаете нечто особое, но нам не говорите. Верно?

— Не совсем...

Он вздохнул.

— Ладно, у нас не капитул, а у вас есть право не отвечать на вопросы. Однако, брат паладин, всем нам помогло бы, делись вы с нами даже малейшими догадками.

— Да, — сказал я торопливо, — да, конечно. Как только, так сразу, я обещаю.

Они заметили, что я говорю тише, а губы мои едва двигаются. Я в самом деле чувствовал, как холодный ужас охватывает меня всего.

Эта темная тень, воплощение зла, похоже, в самом деле избегает меня потому, что боится. Но не из-за святости, которой во мне в самом деле как бы маловато, если говорить вежливо и с расшаркиваниями.

Похоже, боится меня, как мелкий хищник, который избегает крупного.

Моя идея кажется дикой самому, потому никого пока не посвящаю в подробности, посещаю все те места, что в центре кружков на карте монастыря, и тщательно переписываю всех, кто там трудится.

Когда наконец составил подробнейший список, никого не упустив, долго ломал голову над перечнями имен, но, увы, никаких закономерностей, никаких соппадений, каждый на своем месте...

Гвальберт то и дело заглядывал ко мне, но, видя мое расстроенное лицо, вздыхал и уходил, наконец перестал появляться вообще.

Этой ночью я снова услышал далекое пение, на этот раз сумел сосредоточиться и сообразил, что пение, так сказать, тоже призрачное, слышу только я, потому что оно такое вот... призрачное, словом.

Сам призрак выплыл из стены, чуть более плотный, чем в прошлый раз, я рассмотрел на лице выражение сильнейшей тревоги.

— Иду, — ответил я вслух. — Нет-нет, Бобик, ты спи! Я ненадолго.

Он посмотрел на меня мутным взором и снова опустил голову на пол. Я ухватил меч и выскочил за призраком, что медленно продавился сквозь стену рядом с дверью.

В коридоре тихо и пусто, свечи горят так же, как и днем, но теперь я по каким-то признакам, которые и сам не могу назвать, улавливаю, что наступила полночь, все монахи спят после трудов праведных и борются с плотскими соблазнами, ибо Санегерий посещает и монахов, особенно тех, кто помоложе и хорошо покушал на ночь мясных блюд со специями.

Призрак уплывает быстро, гораздо быстрее, чем в прошлый раз, но сейчас вроде бы управляет своим движением лучше, по коридору пронесся, не касаясь

стен, умело повернул в зале, дальше лестница вниз, я побежал за ним следом, прыгая через две ступеньки и рискуя на каждом шаге поскользнуться, камень под ногами заметно истерп...

Еще поворот, и тут призрака вдруг потянуло в стену. Я видел, как он напрягся, пытается удержаться, но та сила мощнее, он обратил ко мне искаженное усилиями лица, одной рукой пытается ухватиться за камень... или не за камень, а другой начал суетливо рисовать что-то в воздухе.

— Что? — спросил я. — Заклятие?

Его лицо выразило протест, он все еще продолжал нечто чертить, когда его утащило в стену полностью.

Я потащился обратно медленно, снова облом, но память сохранила эти жесты, и если бы за ними оставался светящийся след, это складывалось бы в некие символы... нет, даже буквы...

— Терц, — сказал я вслух. — Терц... Интересно...

Бобик снова чуть приподнял голову, когда я ввалился в келью, и продолжал дрыхнуть в полном осознании, что все в порядке, могучий вожак здесь, и если вдруг что-то нападет внезапно, я и сам отобьюсь, и его спасу...

Утром проснулся, чувствуя с досадой, что новые идеи насчет Целлестрина все еще не посетили мою светлую голову, потому я, больше для того, чтобы не слоняться без дела, еще полдня переписывал всех, кто работал в очерченных мною кружках. Тоже вроде бы безрезультатно, хотя начал ощущать, как в порядке имен начинает проступать некая закономерность...

Чтобы не оставаться в стороне от монастырской жизни, посетил даже общую молитву, к великому удовлетворению старших священников, ревниво наблюдающих мое отстаивание прав паладина на свободное посещение тех мероприятий, которые считаю нужным.

Когда все расходились, я с подчеркнутым смирением, им всем так это нравится, приблизился к приору.

— Отец Кроссбрин, да благословен ваш день и это утро...

Он ответил настороженно:

— Спасибо, брат паладин. Что-то случилось?

— Ничего особенного, — заверил я, — просто приятно потеряться возле умнейшего человека и наделенного такими широкими, даже широчайшими полномочиями.

— Брат паладин? — спросил он уже с подозрительностью в голосе. — Что все-таки случилось?

Я посмотрел по сторонам, мы уже одни, все разошлись по делам, спросил тихохонько:

— Кстати, святой отец, а кто такой Терц?

Он застыл, лицо стало каменным не только в силу неподвижности, но и заметно посерело.

Я ждал, он наконец повернулся ко мне всем телом, как вырубленная из гранита статуя. Тяжелые веки поднялись, вперив ощутимо острый взгляд, полный подозрения.

— Кто вы, брат паладин?

— Паладин, — ответил я. — А кроме того, принц, грандпринц, маркграф, герцог, барон... и еще много всяких титулов, но мне кажется, вас не это интересует?

— Да, — отрезал он. — Не это. Откуда вы можете знать о Терце?

— Да вот узнал, — ответил я невинно. — А что, это тайна?

— О Терце знают всего пятеро, — сказал он жестко. — И никто не проговорился бы, об этом остальным станет известно сразу. Потому повторяю вопрос: откуда вы узнали о Терце?

— Все еще подозреваете, что я визитатор?

Он сказал зло:

— Никакой визитатор не узнает о Терце! Это тайна нашего Храма.

— Отец Кроссбрин, — ответил я мирно, — если вы не намерены сотрудничать в интересах следствия, мне придется обратиться к другим, а вас оставить под подозрением. О подписке о невыезде пока промолчим... Говорите, знают еще четверо? Полагаю, в их число входит также и аббат...

Он сказал резко:

— У аббата много своих дел, к тому же он стар, нужно уважать возраст!

— Уважаю, — ответил я. — Но, отец Кроссбрин, мы хоть и в Храме, но Храм в реальном мире. Если вы не ответите, мне просто придется расспрашивать других.

Он сцепил челюсти и некоторое время рассматривал меня с той злостью, что позволяет чародеям испепелять противника на месте. Я смотрел на него ангельски спокойно, мяч на его стороне поля, к тому же в сетке ворот.

— Я задал вопрос не случайно, — ответил он. — Если вы узнали о Терце, это значит, что-то случилось. Кто проговорился? Почему?

Я ответил с одобрением:

— Вы крепкий орешек, отец Кроссбрин. Никогда не сдаешься, верно?..

— Вы не ответили, — произнес он сухо.

— Он сам мне сказал, — ответил я.

— Сказал?

Я широко улыбнулся.

— Все замечаете, да?.. Не сказал, а сообщил.

— Как?

— Да просто написал имя в воздухе, — ответил я. — Достаточно было проследить за его пальцем, даже рукой.

— Как он выглядит? — потребовал он резко.

— Высокий, — ответил я. — Худой. Плечи очень узкие, сутулится, даже горбится... Тонзуру не рассмотрел, то ли ее нет, то ли волосы отросли. У призраков могут расти? Ногти вроде бы растут... Правда, у мертвцевов.

Он тяжело вздохнул, плечи и грудь опустились. Лицо потеряло жесткость, а в глазах впервые увидел растерянность.

— Да, — проговорил он упавшим голосом, — описание... подходит. И почему он... вдруг?

— Вы сами ответили, отец Кроссбрин, — сказал я неприятным голосом. — Что-то случилось неладное. Или вот-вот случится.

— Но почему... вам? Постороннему?

Я ответил тем же тоном:

— Думаю, догадываетесь тоже.

Он тяжело вздохнул, было видно, как торопливо собирает достоинство, величавость, прилаживает на лицо невозмутимую надменность, а взор делает орлиным, наконец сообщил мне обычным холодным голосом:

— Я переговорю с братьями. Всего доброго, брат паладин. Да, кстати...

Я спросил хмуро:

— Ну?

— Брат паладин, — спросил он, — вы кому-нибудь уже говорили об этом... призраке?

— Пока нет.

— И не говорите, — распорядился он величаво. — До выяснения.

— Какого выяснения? — поинтересовался я.

— Совет вынесет решение, — ответил он милостию, — как реагировать. А пока просто забудьте о нем. Когда придет время, я сообщу.

Я проводил его оценивающим взглядом. Даже не поблагодарил, гад, за ценную, а может быть, и сверхценную информацию. Само собой разумеется, все должны служить ему, а только через него — Господу. А как же иначе?

А тебе покажу, сказал я мысленно, как бывает иначе. Еще как бывает.

Вернувшись к своему списку, почти сразу наткнулся на одно приметное имя: брат Целлестрин. Вот что значит на некоторое время отстраниться от проблемы — тогда она, обиженная невниманием, сама подскажет решение.

Так бы мог и не заметить, но это тот, который начал творить чудеса святости, так вот его имя я обнаружил в центре трех кружков.

Сердце забилось чаще, кровь бросилась в голову, я ощущил, что, похоже, наконец-то напал на след. Надеюсь, не ложный...

Еще день, имя брата Целлестрина обнаружилось уже во всех пяти кружках. Я подпрыгнул, убрал карту и ринулся разыскивать брата Целлестрина.

Он во дворе, впряженный в упряжку вместе с быками, хрипя и выкатывая глаза на покрасневшем от напряжения лице, тащит с ними огромную каменную глыбу в сторону ворот.

Его босые ноги с посиневшими от холода ступнями погружаются в рыхлый истоптанный снег, а сам он, худой и восково-бледный, с силой натягивает широкий ремень на груди, помогая животным тащить глыбу.

Я ухватился за постремки, помог быкам и самоотверженному монаху дотащить плиту до места, а когда брат Целлестрин сбросил упряжь и в бессилии опустился на покрытый инем камень, я настойчиво заставил его подняться, пока не простудил простату,

и повел, почти понес, в сторону распахнутых ворот здания.

— Рвение твое, брат, весьма, — сказал я, — но если так истязать себя в черной работе, на белую может не остаться сил.

Он слабо улыбнулся.

— Да, но... нужно напоминать себе о смирении.

— Благая мысль, — согласился я. — Брат Целлестрин, ты приставлен к рыбным садкам, если не ошибаюсь?

Он кивнул.

— Да. Я люблю разводить рыбок.

— Замечательные рыбки, — согласился я. — Вчера одну съел, маленькую такую, фунтов в семь, до сих пор отдыщаться не могу. А оранжерея?

— Там достаточно братьев, — ответил он, — которые любят работать в саду.

— Но ты там бываешь?

Он кивнул.

— Я с ними дружу, но дело в том, что у меня с садками все налажено, потому я иногда иду помочь там, где могу.

Я кивнул в сторону двора.

— Как там?

Он улыбнулся с неловкостью.

— Из меня неважный каменщик, но тащить, подать или принести все-таки моего умения хватает.

— Понятно, — сказал я. — В рудниках и шахтах тоже помогаешь?

— В меру своих сил, — ответил он застенчиво.

— Ты очень хороший человек, — сказал я с чувством, — только не изнуряй себя так уж слишком! Храму и монастырю понадобится вся твоя мощь.

— Спасибо, брат паладин, за добрые слова, — сказал он. — Буду молиться за тебя.

Я вернулся к себе изрядно поколебленный в своих предположениях, но все же одна полусумасшедшая мысль не дает покоя.

Темная тень появляется везде, где бывал брат Целлестрин.

Глава 5

Еще три дня я собирал информацию, на этот раз уже сильно сузив поиск. За это время никто не погиб, хотя все мы страшились, что темная тень продолжит нападать все чаще и с большей кровожадностью.

О Терце никаких известий, Кроссбрин тоже исчез, то ли не желает попадаться мне на глаза, то ли ведет сложные переговоры с остальной четверкой, которой доступна некая тайна об этом призраке.

Дважды наведывался брат Жак. Вовсе не по делу, а так просто, он чувствует понятную симпатию к человеку своего роста и сложения, а также, как он понимает, способному легко и без душевных терзаний дать в зубы любому, кто встанет на дороге.

Оба раза я угощал его вином, потом коньяком, что Жак принимал с великим энтузиазмом и жалел, что брат Целлестрин может создавать только простое монастырское, слабое и кислое, однако и того не делает, разве что на общей трапезе в присутствии аббата.

Когда я услышал жалобу во второй раз, в голове что-то громко щелкнуло. Я хлопнул себя ладонью по лбу, звук получился смачный, как будто ударил толстую женщину по тугой жопе, но зато не услышал привычный медный звон, что уже радует — становлюсь мыслителем.

— Постой, Жак... а когда первый раз появилась та черная тень?

Он ответил с недоумением:

— Примерно две недели тому... А что?

— А когда, — спросил я, — брат Целлестрин обрел святость?

— Три недели.

— Точно?

— Да, — подтвердил он. — Это было на второй день после празднования возложения святого Элизария. Но так, вроде мелкого темного пятнышка. На нее почти не обратили внимания. Мелькнуло, ну и мелькнуло. А что?

— Да так, — ответил я нехотя. — Мне показалось, это как-то связано.

Он сперва скептически выпятил губу, но коньяк уже растормошил мышление, и после паузы сказал многозначительно:

— А что, это тоже надо обдумать!.. У нас добавилось святых, вот темные силы и прислали нового врача, чтобы не дать нам усилиться.

Я переспросил:

— Как?

— Да просто усилиться!

— Если бы могли присылать, — напомнил я, — здесь бы уже все кишело демонами. Но стены этого Храма и монастыря, как я понимаю, никаким лбом не прошибить... Да и аббат бдит.

Он вздохнул, попил коньяк и поднялся, довольный, с раскрасневшейся мордой.

— Да, ты прав... Ну, я пойду.

На четвертый день я послал одного из молодых послушников, что вот уже двенадцать лет никак не получит статус монаха, отыскать и пригласить ко мне в келью нашу группу из Гвальберта, Смарагда, Жильберта, а также, если окажется свободным, отца Леклерка.

Он послушно умчался, очень услужливый, пропадал долго, а когда вернулся, доложил виновато, что они все уже в келье отца Леклерка, и если я восхочу...

— Уже восхотел, — ответил я бодро, — показывай дорогу.

Он пошел впереди, то и дело оглядываясь, то ли не слышит моей тяжелой поступи командора, то ли боится удара в затылок, мало ли что придет в голову человеку войны и прочих сражений.

Мы шли из зала в зал, почти везде тяжелые давящие своды, и хотя монастырь выстроен некогда легендарным зодчим Коркодеусом, который только играл на дудочке, а ему тяжелые камни тесали и складывали в стены то ли ангелы, то ли черти, но когда переходишь из зала в зал, не оставляет ощущение, что это просто туннели, старательно выгрызенные в толще исполинского горного массива.

Тем более норки келий, крохотных залов, и только когда видишь те, в которых свод теряется в вышине, начинаешь верить, что архитекторы здесь все же поработали, воплощая неведомый современным людям замысел.

Послушник остановился перед массивной дверью из металла, умело замаскированного под дерево. Или не металла, но что не дерево, точно.

Я постучал, густой голос сказал с той стороны:

— Брат паладин, открыто!

Я открыл дверь, в комнате за большим столом сбрались все, кого я хотел пригласить, да еще и брат Жак, все очень серьезные и даже мрачные.

— А что, — поинтересовался я, — отсюда видно, кто с той стороны двери ломится?

Ответил отец Леклерк, как хозяин, я уловил в его сдержанном голосе изумление:

— Конечно... а как иначе?.. Садитесь, брат паладин, где вам понравится по вашему статусу.

Я сел, сказал с ходу:

— Нравится вам это или нет, но удалось установить связь между братом Целлестрином и этой темной тварью.

Гвальберт вскочил, лицо сразу стало багровым.

— Да как вы... Это наш лучший...

— Тихо-тихо, — сказал я, — кто спорит? Я же не сказал, что они вместе пьют тайком, а потом в обнимку ходят по монастырю и горланят похабные песни?.. А у вас такое лицо, будто именно так подумали!

Он буркнул:

— А у вас такое лицо, будто вы именно это имели в виду!

— Темная тень, — сказал я очень серьезно, — появляется, только когда брат Целлестрин спит! Да-да, это я уже установил, хотя сообщать об этом аббату пока не решаюсь.

Отец Леклерк спросил с недоверием:

— Неужели темная тень настолько страшится свяности этого тихого, скромного и до предела застенчивого монаха? Тогда это замечательно... Но вы уверены?

— Почти полностью, — сказал я. — Связь в том, что последние трое суток темная тень вообще не появлялась, верно? И все трое суток брат Целлестрин денно и нощно молился у алтаря!

Жильберт посмотрел на Гвальберта, на меня, подтвердил с некоторой нерешительностью:

— Брат паладин поручил мне присматривать за ним, чтобы не переусердствовал, у того здоровье слабое, можем потерять будущего великого святого. Так и сказал, что без подвижников все человечество Господу на хрен не нужно... Это не я говорю, это брат паладин так рек!.. и его нужно либо снова утопить, как Господь уже разок делал, либо огнем Маркуса, о чем есть намек в Святом Писании...

Отец Леклерк прервал:

— Короче!

— Брат Целлестрин, — сказал Жильберт торопливо, — могу подтвердить, трое суток умолял Господа изгнать демона или дать ему и нам силы, чтобы изгнать самим.

— Я тоже видел, — подтвердил Смарагд. — Он там, как жаба под колесом, лежал, раскинув лапы... э-э... руки крестом. И молился.

Они обратили вопросивающие взоры на меня.

— Сегодня, — сказал я с нажимом, — он свалился и спит, и сегодня же сразу из двух мест доложили, что видели эту черную тень!.. Чувствуете, как это связано?

Гвальберт пробурчал:

— Может быть совпадением. А может и нет... Я в самом деле не помню дня, чтобы этот демон мрака появлялся, когда Целлестрин совершал молитву.

— А когда не совершал? — спросил я и пояснил: — Когда просто работал?

Он отмахнулся.

— Целлестрин почти всегда молится. Даже когда работает.

— А работает он усердно, — добавил брат Жильберт на всякий случай. — И всегда бросается на помощь!

— Значит, — сказал я, — не так уж и важно, молится или не молится, лишь бы не спал?

Они переглядывались, брат Жак шумно скреб в затылке, Гвальберт сказал серьезно:

— Вообще-то да. Похоже, он одним своим бодрствованием отпугивает эту тварь.

— Отпугивает мощно, — добавил брат Жильберт. — Она вообще прячется где-то так, что и не усмотришь.

— Тогда как с нею бороться? — спросил я. — Боятся она только брата Целлестрина, во всяком случае,

избегает. Но справиться с нею, похоже, может только он. Иначе бы эта гадина не пряталась.

Жильберт сказал сердито:

— Почему он один? Не может такого быть, чтобы во всем Храме никто больше...

— Аббат смог бы, — сказал Смарагд, — но его разве заставишь такими мелочами?

— Это не мелочь, — сказал Гвальберт, — хотя да, к аббату идти с такой проблемой не по рангу. Он сам все знает. Мы ничего нового для него не скажем.

— Но сами мы ничего сделать не сможем! — воскликнул Жильберт.

— Аббат все знает, — вмешался Гвальберт. — Если он ничего не делает, то на это есть какие-то причины. Я боюсь называть самую невероятную, но она сама лежит в голову...

Все молчали, поглядывали друг на друга, наконец Гвальберт сказал с сердцем:

— Мне тоже! Аббат может защитить Храм и монастырь от всех демонов на свете, но не может выловить эту блоху, скачущую внутри!.. Просто не может. Орел мух не ловит, лев мышей не давит. Просто не сумеет... Потому если не мы, то эта тварь, с каждым днем все наглея, всех нас разорвет на мелкие кусочки.

Я помалкивал; святость святостью, но у меня есть версия и покруче, о которой пока сказать не решаюсь, вернее, колеблюсь, я же умный, на одной не зацекиваюсь: брат Целлестрин переусердствовал в своем стремлении стать лучше и чище. Со всем пылом и жаром юности изгонял из себя все зло, все темное начало, все худшее и греховное, и... преуспел, на свою голову.

Сейчас он свят, а когда спит, темная половина выходит, и если поначалу просто дебоширила, бесчинствовала, то потом уже и вовсе начала убивать. Эта

версия имеет такое же право на существование, как и первая, но мне почему-то кажется более достоверной, хотя первая все-таки проще и реалистичнее, но трудно представить себе, что ужасные демоны страшатся такого милого и застенчивого паренька.

Да и знаю по горькому опыту, что жизнь обычно подбрасывает вариант потруднее. У меня самого это с трудом укладывается в голове, хоть вдоль, хоть попрек, но все же могу предположить и настолько дикое, как раздвоение души брата Целлестрина на светлую часть и темную.

Я в раздумье сотворил всем по кружке бодрящего вина, некрепкого, но сладкого, чтобы головы работали лучше, проговорил без всякой уверенности в том, что делаю правильно:

— Как мне весьма кажется, брат Целлестрин не смирял сугубо плоть, как добросовестно делали все другие братья, даже ставшие подвижниками, а то и святыми. Да-да, он пошел другим путем, весьма новаторским, пошел, пошел и в конце концов додшел...

Смарагд быстро спросил:

— До цели?

— До той, — ответил я, — какую сам себе поставил. А по юности, что всегда стремится совершить нечто эпохальное, он поставил огромную и дерзкую цель, которой, увы, добился.

Отец Леклерк спросил в напряжении:

— Брат паладин?

— Он сумел, — пояснил я, — полностью очистить свою душу! Он разделил ее... разорвал пополам... Это я figurально, есть во мне поэтическое нечто, какой артист умирает!.. И, разделив душу на чистую и темную половинки, вышвырнул из себя всю гадость, обретя с того дня так изумившую здесь всех святость.

Они разобрали кружки и молча осушили, а когда посмотрели на меня с одинаковым вопросом в честных глазах праведников, я торопливо наполнил их посудины доверху.

Отец Леклерк сделал глоток, подумал обстоятельно и сказал с недоверием:

— И что, вы полагаете, та темная часть его души пошла вот так...

— Да, — подтвердил я.

Он покачал головой.

— Не верю! Душа, если верить Святому Писанию, нематериальна, потому что она душа. Нематериальная, так сказать, душа. Вне материи, ибо создана Господом. Потому может разве что пугать кошмарами, если это нехорошая душа...

Он запнулся, монахи начали переглядываться, наконец брат Жильберт сказал осторожно:

— Меня кошмары и соблазны с особенной силой начали преследовать три недели тому.

— И меня, — сказал Гвальберт. — До этого я вообще спал, как неродившийся младенец! А потом вдруг это началось... Я даже могу вспомнить день, когда это случилось впервые! Такое да забыть? На второй день после празднования рождения святого Элизария. Мы и не пили так уж много...

Быстроумный Смаагд сказал торопливо:

— Как раз в тот день брат Целлестрин обрел нимб и начал творить чудеса!

Отец Леклерк нахмурился.

— Кошмары — понимаю, могут нанести раны душе, но чтобы исполосовать тело брата Брегония, а потом и остальных погибших братьев остройшими когтями?

— Или то были зубы, — сказал брат Смаагд. — Хотя не все ли равно?

Все перевели взгляды на меня, я сказал хмуро:

— Иногда кошмары становятся явью. Если долго делать вид, что их не существует. Зло, к сожалению, легче выживает в нашем мире, чем светлое и доброе. Потому любые ростки человечности нужно лелеять и холить, а тьму нужно уничтожать еще в головастиках!.. Как сказал пророк, не грешите даже в мыслях! Хотя, конечно, такое недостижимо, но стремиться нужно именно к недостижимому, иначе какие мы тогда люди, если будем тянуться к достижимому, как коровы какие-то?

Отец Леклерк сказал до жути трезвым голосом:

— Оба варианты для нас одинаковы.

— Пока брат Целлестрин не спит, — сказал Смаргд, — тварь не появляется, так? А как сделать так, чтобы он не спал?

— Или когда ложится, — предложил Жильберт, — закрывать все двери на замки и защищаться святой водой?

Отец Леклерк покачал головой.

— Тогда проще брата Целлестрина запирать, а еще обливать святой водой.

— Теплой, — уточнил брат Жильберт. — Чтобы не проснулся.

— Тогда он под себя лужу пустит, — сказал Смаргд авторитетно. — Это всегда так! Мы в детстве над спящими переливали воду из кружки в кружку, чтобы им слышно было...

Он крякнул и умолк, сконфуженно отодвинул от себя полупустую кружку.

Гвальберт сказал с сомнением:

— Можно попробовать изолировать брата Целлестрина, но что-то меня берут тяжкие, как святого Вла-сия, сомнения... Брат паладин?

Я покачал головой.

— Меня тоже. Как святого Перпендикулярия. Но что-то делать надо? Брат Целлестрин святой, не спо-

рю, однако вполне и даже очень возможно, что эту тварь выпустил он...

— Хоть и ненамеренно, — добавил брат Смарагд.

Отец Леклерк допил вино, со вздохом отодвинул кружку.

— Вообще-то, если быть точным в определениях, то слово «святость» неприменимо к брату Целлестрину.

Смарагд сказал обиженно:

— Почему? У нас должен быть свой святой!

— Он не только молод, — пояснил Леклерк, — и не весьма опытен, но и сама святость подразумевает нечто большее. Брат Целлестрин всего лишь может исцелять больных и чудесным образом творить монастырскую пищу...

— Это же делал Иисус, — сказал брат Жильберт, — разве это не святость?

— Иисус много чего делал такого, — напомнил отец Леклерк, — чего не сможет брат Целлестрин. А понятие святости, конечно, можно расширять до бесконечности. Вот брат паладин знает такие значения святости, как святой долг рыцаря, святая цель, святое братство ордена, святое дело, а наш апостол Павел вообще называл святыми всех христиан... Скажем только, Иисус мог воскрешать мертвых, что недоступно брату Целлестрину...

Жильберт и Смарагд переглянулись, явно не соглашаясь, брат Целлестрин умеет не только творить скучную монастырскую пищу, но и монастырское вино, хотя отец Леклерк, наверное, все же прав: настоящая святость — это больше, чем обладает брат Целлестрин.

— Да и нельзя называть его святым, — пробормотал Гвальберт, — а то зазнается...

— Брат Целлестрин? — ужаснулся Жильберт. — Да более чистой души я не знаю!

— И я не знаю, — согласился Гвальберт. — Но кто знает, как повернется жизнь, он еще так молод.

— Тогда прибьем его сейчас? — предложил брат Смарагд. — Точно попадет в рай.

— А мы? — спросил Гвальберт. — Нет уж, бейте его сами. У меня рука не поднимется даже ради правого дела.

Я посмотрел на него с покровительственным сочувствием: у меня тоже не поднимается, но я заставляю ее подниматься, когда интересы королевства требуют пренебречь интересами отдельного гражданина. Потому и вас, чистоплюйных гадов, приведу к всеобщему счастью, хотите того или нет...

Отец Леклерк взглянул на мерную свечу, поднялся.

— Пора на молитву. Но по дороге думайте, как нам решить эту непростую задачу.

Глава 6

Очень непростую задачу, думал я, возвращаясь окольными дорогами к своей келье. Уже несколько монахов погибло, а здесь никакой паники, ведь все в руках Всевышнего и Всепрощающего, отношение к смерти философское, братья не исчезли, а перешли в лучший мир, прямо в Царство Небесное...

Со спины пахнуло холодом, я моментально развернулся, выдергивая из ножен меч. Знаю, при молниеносности темной тени я не успел бы и пикнуть, как она бы насела сзади, но все равно с мечом в руке мужчина всегда чувствует себя надежнее.

В груди моей стало не просто холодно, а туда словно вложили огромную льдину. Почти вся стена стала темной, свечи исчезли, а в середине медленно и неот-

вратимо выпячивается нечто ужасно темное, похожее на пузырь с дегтем.

Меня тряхнуло, словно голым вышел навстречу морозному ветру, но заставил себя сделать шаг навстречу, потом еще осторожный полушажок и уперся в смертельный холод, в котором не было абсолютно никакой жизни.

Темная емкость перестала выдвигаться. Я тоже остановился, и некоторое время мы словно бы рассматривали друг друга, хотя это было не рассматривание, а скорее ощупывание или прощупывание.

Я задержал дыхание, готовый ко всему, заставил себя сделать шаг вперед. Темная емкость вздрогнула, по ней пошла рябь, я с каменным лицом сделал еще шаг, уже понимая, что она отступает, втягивается обратно в стену, хотя отступает неохотно, продолжая всматриваться в меня.

Как мне показалось, всматривается с некой заинтересованностью и опаской.

— Ну и что ты видишь? — спросил я зло. — Что-то такое, чего не зрю я?.. Вообще-то я еще та свинья, рассматривать меня не такое уж и удовольствие. Хотя кто тебя знает...

Внезапно разгадка показалась такой близкой, что в зобу дыхание сперло. Я умолк на полуслове и почти непроизвольно сделал еще шаг.

Темная тень моментально втянулась обратно в стену. Я тупо посмотрел на монолитный камень — ни следа, непонятно, как нечто могло только что проникать сквозь него легко и просто, но сердце только теперь начало колотиться с каким-то истерическим визгом.

Неужели я снова попал пальцем в небо и все не так, как я придумал так умно и красиво?

Еще трое суток никаких сведений о темной тени, за это время уже все в монастыре узнали от Жильберта и разговорчивого Смарагда, что эта тень появляется, только когда спит брат Целлестрин, но то ли боится встретиться с ним, то ли это часть его души, которую молодой монах сумел изгнать из себя молитвами и воздержанием от греха.

Я продолжал расспрашивать монахов, а братья Смарагд, Жильберт, Гвальберт и даже брат Жак по своей воле собирали для меня сведения, уже признав меня как неважного монаха, но толкового военачальника.

Подтвердилось, что когда Целлестрин свалился и спал беспробудно, тень появилась снова и бесчинствовала, убив еще одного монаха. Как только Целлестрин пробудился, она исчезла в тот же миг, это отмечали, так как я уже сказал, чтобы следили.

Сомнений больше не осталось: все дело в брате Целлестрине. Я оставил все дела и ринулся на его поиски.

Едва отворил дверь красильни, навстречу ударила ядовито-кислая волна спретого воздуха. Помещение наполнено густымиарами, я едва различил полуторальные фигуры вокруг огромных чанов, где шкуры очищают от мездры, выдубливают перед покраской, пахнет просто гадостно, а точнее воняет.

— Брат Целлестрин! — крикнул я. — Ты здесь?

Из клубов дыма вынырнула одна мощная фигура, явно глава красильни, спросил недружелюбно:

— Зачем он тебе?

— Ненадолго, — заверил я.

— Смотри, — предостерег он, — я лучшего работника не отдам... надолго!

Целлестрин вышел, пошатываясь, лицо не просто бледное, но желтое, под глазами темные круги, ряса отсырела, подол перепачкан синей краской, как и руки.

— Брат паладин?

— Он самый, — сказал я, — давай выйдем на свежий воздух. Я ко всему привычен, но это же просто ад какой-то.

Он послушно вышел вслед за мной, я плотно прикрыл дверь и повернулся к нему, всматриваясь в бледное изможденное лицо с неподдельным сочувствием.

— Брат Целлестрин, — сказал я, — у меня нехорошие новости. Даже дурные. Очень. Тебе этого не говорят, жалеют, да и верят, что все окажется как-то по-другому, но... В общем, та темная тень, что натворила столько зла... это твоя тень.

Он охнулся, отшатнулся.

— Брат паладин!

— Увы, — сказал я с неохотой. — Ты совершил беспримерный подвиг, выдрав из своей души все греховные помыслы и замыслы, все гадкое и плотское, все злое и подлое... ты нашел в себе силы изгнать из себя это все, теперь твоя душа чиста и беспорочна. Однако та часть, что порочна, теперь скитается по монастырю и творит все больше зла.

Он смотрел на меня испуганными глазами безгрешного ребенка того возраста, когда дети еще не догадываются, что можно лгать, хитрить и ставить другим подножки, это и весело, и помогает бодрее продвигаться по трудностям жизни.

— Брат паладин, — сказал он дрожащим голосом, — это правда? Как это... возможно?

— Насчет тени, — уточнил я, хотя вопрос понятен, но когда спрашивают вот так в лоб, стараешься выкроить для себя хотя бы секунду времени для ответа по-корректнее, — или как бы общие культурологические аксенты?

— Неужели, — спросил он страдальческим голосом, — это мое?

— А как именно тебе сказали? — уточнил я. — Многие монахи уже знают.

— Одни говорят, — ответил он и слегка покраснел, — что тень страшится моей... меня, потому выходит только в часы, когда сплю, а другие сказали, что из меня во сне выходит та часть, с которой мы всегда в душе боремся, и творит бесчинства... Это вы открыли, говорят!

— Я только сформулировал, — пояснил я с неловкостью. Не могу смотреть в эти чистые бесхитростные глаза. — А открыл душу ты... хотя ты и раньше открывал ее всем и каждому, а еще всему миру...

— Но если и раньше...

— Раньше твоя душа была, — сказал я, — как у всех нас, понимаешь? Дикая смесь из добра и зла, чистоты и грязи, возвышенных чувств и самой грязной похоти, ибо все мы несем в себе и семя Змея, что вобрала в себя Ева, когда переспала с этим гадом и родила Каина. Зло всегда жизнеспособнее добра, сам помнишь, если читал Библию, есть такая книжка... Каин, как известно, построил первый город на земле, у него было самое сильное и многочисленное потомство, это они научились добывать железо и ковать из него доспехи и оружие... от Каина пошли многочисленные народы, и теперь в нас его зло, ярость, живучесть, хитрость, стремление к победе любой ценой...

Он вскрикнул отчаянно:

— Но я боролся!

— И победил, — согласился я. — Как никто из нас. В людских душах добро и зло перемешаны, как если бы ком красной глины и ком белой взять и перемешивать долго-долго, пока все не сольется в одноцветную массу. Вот такие у нас души! Но ты сумел снова отделить агнца в себе от козлища, изгнал зло. Теперь ты свят, а твое зло мечется по монастырю и бесчинствует,

с каждым днем наглея и набирая силу, как вообще-то всегда и бывает со злом.

Он охнул, упал передо мной на колени и патетически заломил у груди руки, глядя снизу вверх, как на некое светоносное явление.

— Брат паладин! Быстрее скажи, что делать!.. Только скажи!

Я сказал угрюмо:

— Да есть разные дикие мысли, но только меня самого за них так отпаладинят, что и «мама» не успею хрюкнуть.

— Брат паладин?

Я покачал головой, его полные надежды глаза следят за каждым моим движением, я пробормотал:

— Нужно поговорить еще и с этой... твоей недобродой частью.

— Чтоб заманить в ловушку? — спросил он.

Я подумал, кивнул.

— Да, в ловушку. Из которой уже не вырваться.

Глава 7

На другой день братья монахи остановили силой и задержали выбегающим из кухни брата Ануристия, где он ухватил самый большой нож и бросился разыскивать брата Целлестрина. Схватившие его утверждали, что впавший в бешенство монах угрожал поступить с ним так же, как тот с братом Шелестини, его учителем и наставником, которому он обязан в монастыре всем лучшим.

Отец Леклерк зашел ко мне, мрачный и насупленный, как грозовая туча. Я сразу же создал кружку с вином и жестом пригласил за стол. В этом ничего необычного, в монастырях обычная норма вина на монаха

по два-три литра в сутки, а в некоторых, помню, и по четыре.

Он сел, осушил сразу половину содергимого, но морщины на лбу не разгладились, а голос прозвучал так же озабоченно:

— Сейчас практически уже все, даже затворники-алхимики, знают о ситуации. Я имею в виду появление этой темной твари.

— Появление было три недели тому, — напомнил я. — Теперь это уже не только появление.

Он поморщился.

— Да-да, но, как я уже говорил, наши братья к смерти относятся не так, как люди в миру. Потому и Маркус, из-за которого вы прибыли, воспринимается не совсем так, как у вас...

— Ах да, — сказал я, — все в руке Божьей. Но Все-вышний помогает больше тем, кто сам шевелится.

— Мы шевелимся, — сообщил он.

— Что-то не видно.

— К сожалению, — сказал он, — мы не можем брата Целлестрина полностью лишить сна. Однако некоторые отцы известили, что можно держать Целлестрина в сомнамбулизме. Это значит, может заниматься делами, но в то же время спать...

Я спросил с недоверием:

— А такое возможно? А то бы и я...

— У вас такое не получится, — ответил он сухо.

— Жаль, — сказал я. — Ну да ладно, где я только не упускал возможности! Главное, чтобы упускал не все.

Он оглянулся на дверь.

— Сейчас придет брат Целлестрин. То, что вы ему рассказали, он принял слишком близко к сердцу.

Я спросил едко:

— Как это слишком близко? Погибли и продолжают погибать люди!.. Не где-то в дальнем королевстве,

тех не жалко, хотя и должно бы, а те, с которыми он делил хлеб-соль и стоял рядом на молитве!

— Я же сказал, — произнес он с тяжким вздохом, — у нас иное отношение к жизни и смерти... но брат Целлестрин...

Я поднялся, взглянул на кружку в его ладони.

— Допивайте и пойдем навстречу нашему святому поневоле. Нужно кое-что прояснить весьма зело.

Он быстро осушил до дна, вышел из-за стола, аккуратно придвинув стул. Лицо оставалось хмурым и озабоченным, только щеки от вина чуточку покраснели, да и глаза стали выглядеть не такими озабоченными.

— Как скажете, брат паладин. Вы человек войны, вам и вожжи в руки.

— Кто-то должен держать меч, — обронил я.

— Но вам же это нравится? — спросил он.

Мы покинули келью, в коридоре я поинтересовался:

— А вам бы не нравилось в детстве?.. Всем это нравится. Но потом появляются другие интересы, более высокие, однако самых умелых в освоении меча старшие оставляют... с мечами. Дескать, кому-то все равно надо держать в руках оружие, а так как они лучшие... Дело в том, отец Леклерк, что те, кто лучше всех управляется в молодости с мечом, могли бы также хорошо управляться и с богословием, науками, политикой, экономикой...

— Хотите сказать, — спросил он, — вас оставили с мечом в руках несправедливо?

Я пожал плечами.

— А где она есть, идеальная справедливость? Мы можем только приближаться к ней... А вон и брат Целлестрин!

Из-под арки дальнего зала показался спешащий в нашу сторону Целлестрин, а с ним Смарагд и Жиль-

берт, все трое взволнованные, бледные и с вытянувшимися лицами.

Отца Леклерка поприветствовали почтительно, мне просто кивнули с некоторой неуверенностью, нет в уставе пункта, который скрупулезно расписывал бы, как приветствовать паладинов, слишком уж редкое это явление в монастырях, паладины если и обнаруживаются, то в битвах на переднем крае борьбы с демонами.

Целлестрин, еще более бледный и худой, одни святые моши, молчит и только время от времени крестится, а Смарагд, как самый словоохотливый, заговорил быстро, сбиваясь в жаркой речи:

— Мы думали, думали и придумали!.. Если организовать облаву с привлечением священников со святыми дарами...

— И святой водой, — добавил Жильберт.

— И святой водой, — согласился Смарагд, — то можно загнать ее в угол! А там напасть и уничтожить с Божьей помощью...

Заслышав голоса, примчался Бобик, запрыгал вокруг своего вожака стаи, тяжелый, как конь-брабант, и грациозный, как лисичка. Я похлопал, погладил, вспомнил о том, что давно не баловал своего самого преданного друга, создал пару широких кусков ветчины и бросил широким жестом сюзерена.

Он поймал на лету и проглотил, словно мух. На лицах монахов простило сурое осуждение, как же так можно, а отец Леклерк сказал наставительно:

— Видите, братья, как брат паладин борется со страстями и чревоугодием?

Они переглянулись, брат Жильберт спросил осторожно:

— Как?

— Для собаки, — объяснил отец Леклерк, — создает мясные блюда, а сам довольствуется постной пищей за нашим столом!

Смарагд сказал быстро:

— Ух ты, как здорово, а я даже и не подумал... Спасибо, отец Леклерк, за наставничество на верный путь мышления и понимания сути! Вы, как всегда, удивительно правы. Другому отдать труднее, чем просто самому не съесть, а припрятать.

— Так он же собаке, — несмело возразил брат Жильберт, — собаке никогда не жалко.

Бобик посмотрел на него с благодарностью и помахал хвостом, соглашаясь и весьма одобряя.

Целлестрин вскрикнул тонко и жалобно. Все посмотрели на него, почти забытого из-за его незаметности, его трясущаяся рука указывает в сторону дальней стены.

Я развернулся так, что чуть не перервался в поясе, кровь похолодела в жилах, а слова застрили в горле. На стыке стены и высокого потолка возникла с пугающей скоростью темная тень, уже густая и плотная, быстро опустилась по стене до самого низа и захватила потолок до середины.

Мы не успели шелохнуться, как она стремительно покернела и начала наливаться свинцовой тяжестью. Потолок заметно просел и продолжил опускаться, прогибаясь посередине, как раз там, где собралась так пугающая нас темнота.

— Лаудетор Езус Кристос, — заговорил Целлестрин мощно и ясно.

Все застыли, я ощущал странное волнение в груди, а молодой монах продолжил читать молитву сильным чистым голосом.

Голос зазвучал с такой страстной уверенностью и мощью, что весь мир застыл, зал озарился боже-

ственным светом, а уродливая тень отодвинулась под напором светоносной моши, втянулась в каменную стену и пропала.

Жильберт прошептал, часто крестясь:

— Победа...

Отец Леклерк ответил таким же шепотом:

— Не спеши...

Целлестрин читал все так же мощно, однако в том же месте снова почернело, померк свет и повеяло холодом. Темнота выступила неспешно, даже медленно, но в этой неторопливости не чувствовалось страха, а еще большая мощь, чем было раньше.

Брат Целлестрин проговаривал молитву уже торопливее, голос звучит с напряжением, будто удерживает нечто и страшится не удержать, то и дело творил крестное знамение, однако темная тень, не приближаясь, в то же время не отодвинулась ни на дюйм.

Я услышал горестный вскрик брата Смарагда:

— Мы думали...

— Она окрепла, — сказал Жильберт обреченно, он не отрывал от темной тени трепещущего взгляда, вид у него был такой, что вот сейчас бросится вперед, чтобы закрыть нас своим телом, — и уже не боится.

Гвальберт быстро повернул голову ко мне.

— Брат паладин?

Я тоже рассматривал чудовищную тень во все глаза и проговорил ошарашенно:

— Похоже... я все-таки дурак... хоть и умный... но дурак...

— Брат паладин?

Темная тень как будто с вызовом прошла по стене мимо нас, показывая, что никто на нее не действует, втянулась там в каменный монолит и пропала из виду.

Я потерянно смотрел ей вслед, монахи часто крестились и смотрели на меня с ожиданием.

— Старые гипотезы рухнули, — ответил я мрачно. — Как говорится, под натиском фактов. Увы, неопровергненное просто не бывает. Спит брат Целлестрин или не спит... это, оказывается, совсем неважно.

— Что делать будем? — спросил Смарагд.

— Не знаю, — признался я. — Но, с другой стороны, у нас вдвое больше возможностей.

— Брат паладин?

— Эта тварь, — сказал я, — боится не только меня, но и брата Целлестрина. А это значит, есть шанс зажать ее где-то с двух сторон.

Гвальберт сказал мрачно:

— Где?.. Разве что в каком-то святом месте.

— Разве Храм, — спросил я, — не целиком святое место?

Он поморщился.

— Но тварь эта носится здесь как у себя дома? Однако в ризнице не замечена ни разу, алтаря избегает тоже... Жаль, вас с братом Целлестрином только двое. А вот если бы зажать с трех сторон, то в любом месте она бы не вырвалась.

Брат Смарагд сказал печально:

— Сейчас ей достаточно рвануться вправо или влево... А что, если хотя бы с одной стороны держать что-то такое, чего она боится?

— Ну-ну?

— Святые мощи, например, — сказал он.

— А у нас они есть? — спросил Гвальберт свирепо.

Брат Смарагд смутился.

— Нету...

— Тогда и не болтай глупости, — оборвал он, повернулся ко мне. — Брат паладин?

— Обращаться за помощью не стыдно, — сказал я. — Кто из старших братьев мог бы спуститься к нам и принять участие в охоте?

Монахи испуганно замолчали, Гвальберт ответил после паузы:

— Пожалуй, я мог бы обратиться к отцу Ромуальду... или даже к отцу Аширвуду.

Смарагд сказал обрадованно:

— Отца Ромуальда знаю! Он как-то перенес нам пещеру с рассадой на две сотни ярдов правее.

Меня подмывало спросить, как это можно перенести пещеру, но смолчал, сейчас надо решить более важное, повернулся к отцу Леклерку, тоже мрачному, как грозовая туча.

— Отец Леклерк, мне кажется, своими силами не обойтись. Как бы монахи философски ни относились к жизни и смерти, эта проблема уже выходит за рамки данной этической дилеммы. Господь будет весьма разгневан нашим бездействием... Я имею в виду, общим бездействием, а не только нашей инициативной группы.

Он переспросил:

— Уверены?

— Как паладин говорю, — заверил я. — Не как паладин, что с мечом, а как человек, что часто общается со Всевышним, так как приходится выполнять всякие деликатные поручения. Ну, вы понимаете...

Он кивнул, посмотрел на меня с уважением и опаской.

— Вы имеете в виду...

— Да, — ответил я, — которые широкой демократической общественности монахов и послушников знать не стоит, дабы не волновать неокрепшие души картинами неустроенности жизни и теми не всегда гуманными способами, как ее... улучшаем по негласной указке сверху.

Он вздохнул, перекрестился.

— Да, понимаю. Значит, нужно идти к аббату?

— Вверенные его защите люди гибнут, — сказал я с нажимом. — Понимаю и что все в руке Божьей, и что это только статистика, но проклятая темная тварь и меня укусить может!.. А это недопустимо в демократически защищенном обществе.

Он снова кивнул, но сказал с некоторым раздумьем:

— Думаю, сперва заглянем, как вовремя вспомнил брат Гвальберт, к отцу Ромуальду.

— Это который носит пещеры?

Он коротко усмехнулся.

— Отец Ромуальд... своеобразный человек.

— А эта своеобразность нам поможет?

— Я бы особо не рассчитывал, — сказал он честно, — однако он как раз тот, кто если поможет, то это будет заметно.

Глава 8

Отец Ромуальд — огромный викинг, русая бородка, а я думал, для монахов бритость обязательна, густой голос и небрежные манеры. Мне он сразу не понравился, взгляд свысока, ни следа монашеской скромности, напротив — гордыней так и прет.

Выслушав сбивчивые рассказы брата Жильбера и брата Смарагда, нетерпеливо отмахнулся.

— Хорошо-хорошо. Как только появится, сообщайте, куда она метнулась, что делает!

— Но мы пока не знаем, — промямлил брат Смарагд.

— Не буду же я там у вас торчать часами, — сказал отец Ромуальд с надменностью высшего существа. — В общем, зовите!.. Если не буду занят, явлюсь.

На меня он посматривал с некоторым ожиданием. Я смолчал, тоже разглядывал его точно так же свысока и с ответным пренебрежением, дескать, мне эта их суматоха до их несгораемой свечи, я тут мимо проезжал, и эта темная тварь убивает не моих воинов армии, за которую отвечаю, а всего лишь монахов, за которых несет ответственность и отец Ромуальд, как должностное лицо более высокого ранга.

Он фыркнул и отвернулся. Я сказал громко:

— Пойдемте отсюда. Я уже встречал подобное. Мало кто признается, что не может. Все ссылаются на нехватку времени.

Монахи вышли первыми, я их пастушил к двери и все время чувствовал на спине прожигающий взгляд, но у меня, как у всякого политика, шкура толстая.

Уже в коридоре я сказал недружелюбно:

— Гордыня так и прет. Он такой и с аббатом?

Гвальберт буркнул:

— Думаю, да.

— А как же семь смертных грехов?

Он взглянул на меня искоса.

— Главное не сама заповедь, а ее трактовка, брат паладин.

— Ого, — сказал я. — Вообще-то мне такое нравится.

— Это всем нравится, — сказал он нехотя, — да только все стараются толковать так, чтобы вообще низвести...

— А у вас?

— Вы же видели брата Целлестрина, — ответил он. — Вот этой дорогой все и топают. По крайней мере, стараются.

— Несмотря на?

— Несмотря на, — подтвердил он. — Мало ли что!

Вечером поднялся великий крик — в одном из залов нашли убитым и растерзанным брата Ануристия. Того самого, который яростнее всего выступал за то, что Целлестрина нужно убить, тогда темная тварь исчезнет вместе с ним и проблема будет решена.

Последнее время, как выяснилось после его гибели, он готовил ловушки уже не для твари, а для Целлестрина, чтобы тот погиб, но это чтобы было не прямое убийство, а вроде несчастного случая.

Но когда ни одна ловушка не сработала, ангел-хранитель бережет молодого монаха, Ануристий взял со стола кухни большой разделочный нож и отправился на поиски новоявленного святого.

Его чудовищно растерзанный труп нашли под утром, кровью забрызганы стены, и даже с потолка срываются красные вязкие капли. Голова оторвана и размозжена, руки и ноги выдраны из тела, живот распорот, а кишками опутаны стол и стулья в комнате.

Жильберт стоял бледный, с вытаращенными глазами, Смарагд зажал ладонью рот и выскочил в коридор.

Гвальберт прокричал яростно:

— Я сам убью Целлестрина!.. И никакая тень меня не остановит!

— Это говорил и он, — сказал отец Леклерк тяжелым голосом. — Нет, надо что-то иное...

Я сказал с бессильной злостью:

— И быстрое. Аппетиты темной тени растут. Сейчас убивает тех, кто собирается чем-то навредить Целлестрину, а завтра начнет убивать всех подряд.

Гвальберта схватили за руки и плечи, утащили, за ними пошел отец Леклерк и прокричал вслед, что нужно его в молельную, пусть покается, это должно спасти от темной тени.

Бобик зарычал, приподнялся на передних, подумал и медленно встал во весь рост. Шерсть пока не поднялась, как и глаза не стали багровыми, но все-таки что-то недобродухое учудало. На меня даже не косится, знает, я тоже если и не учудало, то принял к сведению и малость готов.

Стена потемнела, в середине начала материализоваться черная клякса. Я взял меч, бесполезный или нет, проверим, но все равно с ним лучше, шагнул к стене, держа взглядом чернеющий центр.

Там моментально стало серым, я подбежал, а когда там очистилось, рывком распахнул дверь. Почти половина коридора погружена во тьму, несмотря на горящие свечи; холод пробежал по обнаженным плечам.

Я зарычал злобно и пошел вдоль ряда дверей, сжимая в ладони рукоять обнаженного меча. Со мной двигается, словно я нечто светоносное, освещенное пространство, а темное отступает. Не исчезает, хотя удрать может в одно мгновение, а словно присматривается, прицеливается, сравнивает наши силы...

— Стоять! — заорал я. — Ты, мелкий хорек! Нападаешь на беззащитных! А почему не потягаться со мной?

В проемах распахнутых дверей увидел испуганные лица монахов, брат Смарагд даже выскочил наружу.

— Брат паладин, — прокричал он срывающимся от ужаса голосом, — опомнись!

— Тихо, — огрызнулся и снова крикнул тени: — Ну иди же ко мне, тварь!.. Покажу, что такое настоящая тьма! Я покажу тьму, перед которой твоя тьма будет ярким солнечным днем!

Тень продолжала отодвигаться, я шел следом, раздуваясь от черной злобы, как рыба-еж, сердце колотится и гонит вскипающую кровь в голову. Мысли свирепые и хаотичные, уже рвут всех противников на части

и разбрасываю окровавленные куски, топчу и пинаю, подвергаю чудовищным пыткам, немыслимым для этого века...

За спиной топот ног, монахи осмелели, раз уж тень отступает перед паладином, которого сопровождает животворный Божий свет, хотя на самом деле просто свечи при отступлении тени начинают работать с прежней силой, значит, есть надежда, что с тварью скоро покончим.

Коридор закончился, мы с разбегу вынеслись на просторы зала. Я ожидал, что тень переместится на стены зала, однако там светло и чисто, все свечи горят в полную силу.

С обнаженным мечом в руке я озирался зло и разочарованно. В душе топчется странное чувство близкого завершения чего-то важного, но вот закончить так и не дали.

Монахи подошли тихохонько, хотя вроде и чувствуют победу, но видят мое разочарование, переговариваются между собой шепотом, только Смарагд, самый бойкий, подошел и спросил в лоб:

— Брат паладин, а что ты кричал той твари...

— Многое чего, — ответил я сердито, — а что именно?

— Про настоящую тьму, — напомнил он.

Я отмахнулся, стараясь выглядеть простодушным, как и положено человеку с мечом в руке.

— Да пугал, как всегда делаем.

— Пугал?

— Ну да, — подтвердил я. — Угрозы, угрозы...

Он спросил испуганно:

— А если бы тень не поверила и бросилась на тебя?

— Сожрала бы, — ответил я беспечно. — Или растерзала бы. Но мой блеф сработал, верно? Тварь тупая, как все зло, испугалась и попятилась.

— Еще как попятилась, — сказал он с нервным смешком. — Так попятилась, что даже не знаю как... Только черный хвост мелькнул!

— Даже мельканул, — подтвердил кто-то из монахов. — Значит, если она вас, брат паладин, так боится...

Я сказал твердо:

— Надо ее как-то зажать в угол. И тогда я встану у нее на дороге. Ей придется или сразиться со мной, чего избегает, либо... либо сразиться со святостью брата Целлестрина.

Смарагд сказал с восторгом:

— Который сразу же обретет еще большую святость...

Жильберт тяжело вздохнул, на бесконечно усталом и бледном лице читался мягкий укор.

— Брат Жильберт, Целлестрину воевать несвойственно...

Он отмахнулся.

— Да знаю, знаю. Но все-таки интересно было бы посмотреть, как монах побеждает такую опасную тварь!

Шум все-таки поднялся больший, чем я ожидал. В нашем крыле только молодые монахи, старшие вообще на втором этаже, а на третьем — священнослужители, куда запрещен вход послушникам, а на четвертый нельзя подниматься даже старшим монахам, не посвященным в некие обряды, так что у нас на этаже самые молодые и буйные.

Несколько человек разыскали и притащили брата Целлестрина. Бледный и вконец изнуренный бдением у алтаря, он посмотрел на меня отчаянными глазами.

— Брат паладин?

Я покосился на замерших монахов, их набежало уже множество, и сказал сразу главное.

— Брат Целлестрин, — сказал я, — ты не хочешь в этом признаваться даже сам себе, но эта темная тень, убивающая монахов, — часть твоей души...

Он вскрикнул в смертельной муке:

— Нет!.. Это неправда!

— Ага, — сказал я невесело, — выходит, ты это знаешь... Давно?

Он потряс головой.

— Я ничего не имею общего с этой... этой... нечистью!

— Значит, — сказал я, — ты чистый потомок Сифа, а семени Каина в тебе, в отличие от каждого из нас, нет абсолютно?.. Это гордыня, брат.

Плечи его затряслись, он сгорбился и заплакал совсем по-детски, всхлипывая, шмыгая носом и вытирая слезы кулаками.

Монахи придвигались все ближе, слушают молча, стараясь не проронить ни слова.

— Так что, — прошептал он потерянно, — что мне делать?

— Принять темную сторону своей души обратно, — сказал я тяжело.

Он вскрикнул в ужасе:

— Брат паладин!

— Я понимаю, — сказал я с великим сочувствием, — такое нелегко... столько лет шел к тому, чтобы порвать со своей темной стороной все нити... а теперь обратно?..

— Но как, — прошептал он с мукой в голосе, — как...

Монахи вокруг загадели, и хотя переговариваются негромко, но это наполнило зал мощным шумом, похожим на рокот морского прибоя.

— Пойми, брат, — сказал я с сочувствием, — то, что ты сделал, противоречит Божьему замыслу.

Он вскрикнул тонким птичьим голосом:

— Я же боролся с дьявольскими соблазнами!

— Точно? — спросил я. — А не отказался от борьбы таким интересным способом?

— Брат паладин?

Я объяснил громко, посматривая и на жадно слушающих монахов:

— Только в борении мы обретаем добавочную мощь! Только в противостоянии злу в самих себе нарастим ту внутреннюю силу, что поможет победить всех и вся, в том числе и самого дьявола... Встряхнись, брат! Однажды ты уже выказал силу духа! Яви ее снова.

Смарагд дернулся, посмотрел в сторону широкой лестницы. С верхних этажей торопливо спускается, привлеченная шумом, группа старших, как монахов, так и священников.

Я узнал отцов Леклерка, Мальбраха, Муассака, а последним важно двигается с двумя помощниками сам приор Кроссбрин.

Леклерк, как наиболее расположенный к нам, сказал издали живо:

— Нам сообщили, вы прогнали темную тварь?

— Не совсем так, — ответил я. — Зато со многим разобрались. И прояснили непроясненное.

Священники подошли важно, как стадо слонов, монахи почтительно расступились.

Я судорожно прогонял перед собой мысли, высматривая самые подходящие, приходится импровизировать, наконец сказал соответствующе торжественно тяжелым голосом:

— Думаю, уже все знают ситуацию.

Леклерк уточнил:

— Только в общих чертах, брат паладин.

— Хорошо, — ответил я. — Все знают о нашем беспомощности что-то сделать. С горьким сердцем признаю, что скажу святотатственную вещь, а то и богохульную...

Священники нахмурились, как один человек, приор сказал скрежещущим голосом:

— Брат паладин, у нас Храм, а не, простите, бардак.

— Нет другого выхода, — продолжил я, не поведя в его сторону и глазом, словно приора и вовсе не существует в природе, — как брату Целлестрину принять часть своей сути обратно.

Отец Леклерк дернулся, но смолчал, зато Крос-сбрин вскричал величественно и гневно:

— Что?.. Лишиться святости?

— Увы, — ответил я, — да.

— Это невозможно! — заявил он.

— Правда? — спросил я. — Лишать всегда легче, чем приобретать. Если только приобретаете не болезни и увечья.

Он сказал резко:

— Вы здесь чужак и ничего не понимаете! Достижение святости — это высшая цель!

— А что тогда эгоизм? — отрезал я. — Монах должен стремиться к повышению святости всего трудоспособного населения. Умеренному повышению, конечно.

Священники начали переговариваться, приор кипит в ярости, а отец Леклерк сказал примирительно:

— Монахи должны делать то и другое. Аскеты вообще идут, ни на кого не глядя. Но нет ли другого пути? Не такого... похожего на отступление?

Монахи, я заметил, смотрят на него с большей надеждой, чем на меня, что меня не обрадовало, Целлестрин вообще вот-вот трохнется в обморок, у монахов здоровье хилое, хотя и на здоровой пище.

Я сказал с нахимом:

— Если человек зашел, пусть и далеко, по неверной дороге, он просто обязан вернуться до развилки! И пойти по верному пути. Это и есть мужество! А не всякое там.

Молодые монахи переговариваются все громче, на меня начинают смотреть уже почти враждебно, разве можно такое предлагать, паладин должен ударить эту тварь мечом по голове... или что у нее там, и дело с концами.

Отец Муассак изрек мощным голосом, словно обращается к народу, заполнившему городскую площадь:

— Эта тварь, не выдержавшая святости брата Целлестрина, теперь носится свободно и непривязанно!.. С чего она восхочет вернуться?

— Это часть души Целлестрина, — напомнил я. — Он все еще имеет над нею власть.

Приор взял себя в руки и всего лишь сказал жельчно:

— Уверены? Я бы на это не рассчитывал.

— Да и как брат Целлестрин может принять? — осторожненько спросил Леклерк. — Это возможно в принципе?

— Еще как возможно, — сказал я горько. — Принять как раз легко, изгнать было непросто.

Отец Мальбрак возразил гневно:

— Нет! Тогда вся его подвижническая аскеза была напрасной? Нет! Ищите другие пути!

— Никакие усилия не бывают напрасными, — ответил я. — Брат Целлестрин добился полного контроля над своей сутью, разве это не подвиг?

Отец Мальбрак сказал почти с ненавистью:

— Нет, если вернет этого демона...

— Это не вселившийся в него демон, — пояснил я. — Это часть души брата Целлестрина. Он сумел ее разорвать, оставив светлую, а темную изгнать. Но тем-

ной части идти некуда, ее место в теле и душе брата Целлестрина. Отец Мальбрах, вы прекрасно понимаете, все мы носим в себе проклятое наследие Змея, от которого Ева родила двух детей. Потому в каждом из нас есть светлая часть от Сифа, сына Адама, и темная от Змея, созданного Господом. Увы, обе наши, и частички их не существуют отдельно друг от друга, а перемешаны.

Отец Леклерк произнес в напряженной, как тетива готового к бою лука, тишине:

— Брат паладин говорит неприятные вещи... но разве не в каждом из нас эти две стороны: светлая и темная? Они настолько взаимопроникли друг в друга, что мы сами не всегда можем сразу сказать, какой из наших поступков правильный, а какой не совсем...

Отец Мальбрах вскрикнул:

— Что?.. Это ересь!

Отец Леклерк уточнил:

— Я сказал «не всегда». Это значит, что в большинстве случаев мы знаем, где хорошо, где плохо, но все же бывают моменты, и тут вы, отец Мальбрах, что-то недопоняли по своей усталости из-за долгих бдений... в библиотеке.

Мальбрах сверкнул глазами, но, похоже, сообразил, что перегнул, засопел и сказал вынужденно:

— Да, видимо. Простите, отец Леклерк.

— Отец Леклерк, — сказал я с надеждой, — святые отцы! Мы должны помочь не только нашей монашеской обители, но и брату Целлестрину!.. Для него тоже важно, чтобы его душа была цельной.

Отец Муассак прогремел:

— Цельной? Когда половина души отдана дьяволу?

— Это поражение, — сказал приор трубным голосом, — это уступка дьяволу!

— Как раз нет, — отрезал я. — Поражение — сдаться дьяволу. А наша судьба — вечная борьба со Злом. Врага нужно не изгонять из себя, а победить в себе!

Монахи зашумели, живо обсуждая новый поворот и мое дикое предложение. Я чувствовал страшное одиночество, хотя вроде бы монахи мне должны быть ближе моих даже самых дорогих боевых друзей, но как раз вершины гор наиболее далеки друг от друга, а у основания мы все близки и одинаковы.

Леклерк что-то пошептал Кроссбрину, тот кивнул, властно вскинул длань с растопыренными пальцами.

Шум и голоса моментально умолкли, а Кроссбрин заявил непререкаемым тоном:

— Этот вопрос достаточно важный, и решать его вот так наспех и здесь неразумно. Как приор, я созываю малый совет для срочного решения.

Отец Муассак сказал быстро:

— Очень мудро!

Кроссбрин бросил на меня недобрый взгляд.

— Брату паладину присутствовать обязательно!

Голос его был оскорбительно повелевающим, сразу же возникли протест и желание послать его снежными торосами, но, возможно, он на это и рассчитывает, потому я поклонился и сказал вежливо:

— Благодарю, святой отец! Конечно же, я буду, как вы и велите... то есть повелеваете. В смысле, зело приказываете.

Он зло сверкнул глазами, мой ответ и подчеркнуто смиренный тон тоже понятны и не менее оскорбительны, но ничего не сказал, а повернулся и направился обратно в сторону лестницы, что ведет в запрещенные для нас высоты.

Глава 9

Буквально через час ко мне постучался молодой монах из незнакомых мне, поклонился и произнес елейным голосом:

— Брат паладин, вам велено идти со мной.

— На казнь? — спросил я.

Он жеманно поджал губы.

— Приор Кроссбрин собрал у себя малый совет, о котором вы оповещены.

— Ах да, — ответил я, — ну, если велят, как не пойти? С великой радостью, раз велят и даже повелевают. Вы, брат, в восторге, когда вам велят?

— Конечно, — убежденно ответил он. — Старшие лучше знают, что нам нужно!

— Вообще-то да, — согласился я, — но все равно как-то не весьма зело, а скорее обло и озорно. Хотя как кому. Верно?

Он сказал поспешно:

— Да, брат паладин!

— Я так и думал, — сказал я. — Молодец! Ты вообще-то весьма, да, весьма.

Он не понял моей зауми, потому шел по коридору, опустив голову и глядя только на свои ноги, скромный, значит, даже смиренный, аки голубь, а я двигался следом и прикидывал, как оно повернется.

Лестница повела на второй этаж, дальше открылся третий, однако монах свернул на площадке второго. Либо приор не допущен на самые верхи, что маловероятно, либо не желает допускать выше меня, а то и отца Леклерка, чья келья, по слухам, на третьем этаже среди священников младшего ранга.

За столом с десяток священников, во главе приор с отцом Аширвудом, его ближайшим помощником

и самым верным соратником, отца Леклерка почему-то нет, вообще ни одного знакомого лица, за исключением брата Целлестрина, однако он к столу не допущен, а смиренно стоит, сложив руки на груди, у стены, голова опущена на грудь так низко, что на меня смотрит только тонзура.

Приор взглянул на меня орлиным взором, выпрямился, рост вроде бы дает некоторые преимущества, проговорил обвиняющим тоном:

— Брат паладин, с момента вашего появления у нас в Храме начали происходить непонятные явления!

Я подошел, взялся за спинку свободного стула и, глядя ему в глаза, с грохотом придвинул к столу.

— Приор, — сказал я, — говорите яснее.

Сел я тоже прямой, злой и решительный, взглядом дав понять, что если он и орел, то я тоже тот еще гусь, голыми руками не возьмешь, а насчет полета так еще неизвестно, кто из нас летает выше.

Он смерил меня ненавидящим взглядом.

— Я говорю об этой отвратительной твари!

— Не надо орать, — ответил я смиренно, — и брызгать слюнями. Я вас прекрасно понимаю и даже сочувствую, я же христианин, но ваши братья по столу могут напомнить вам, что эта тварь появилась незадолго до моего появления.

— Что-о?

— Кошмары, — напомнил я. — Сперва появлялась в виде кошмаров, потом вышла наружу и носилась по стенам, наконец набросилась на брата Брегония... И с того дня аппетиты росли. И, возможно, сегодня она растерзает кого-то из вас, здесь сидящих. А то и всех. Сами видите, она становится все сильнее!

Их лица напряглись, вытянулись, у кого-то даже отвисли нижние челюсти. Занятые своими делами, как-то не вдумывались в новую угрозу, уверенные, что

с нею справляется и без них, но оказывается, младшим не все под силу.

Один из священников, с длинным вытянутым лицом, проговорил задумчиво:

— Я отец Мантриус, мне интересно знать, что вы об этом знаете... и как предлагаете быстро покончить с этим неприятным вопросом.

Я ответил быстро:

— Отец Мантриус, происхождение темной тени уже не оставляет сомнений. Я просто предложил брату Целлестрину принять изгнанницу обратно. Нужно быть милостивыми, как сказал Творец. Или вы против Господа?

Приор дернулся, но ничего не возразил. Губы отца Мантриуса чуть изогнулись в полуулыбке, дескать, оценил мой ход, но сказал строго:

— И как это может произойти?

Приор взглянул на отца Аширвуда, тот, словно ужаленный, подпрыгнул и прокричал возмущенным голосом:

— Подумайте, что этот чужак предлагает! Чтобы брат Целлестрин, ставший чудотворцем, принял в себя демона и перестал творить чудеса во славу Господа?.. Вы представляете, что это значит?

Священники сперва переговаривались мирно и степенно, потом начали горячиться, спорить, и я с удовольствием увидел, что они все-таки люди.

В конце концов гвалт поднялся такой, что стены начали подрагивать, а на своде покраснели камни, кое-где вздулись пузыри.

Я отыскал взглядом отца Аширвуда, сказал громко, стараясь перекрыть шум:

— А почему вы, отец Аширвуд, против Господа Бога?

Отец Аширвуд дернулся, открыл и закрыл рот, начиная багроветь от праведного гнева.

— Что-о-о?

— Господь постоянно посыпает нам испытания, — пояснил я громко и гордо-смиренно, — а вам хотелось бы на раз-два избавиться от своей темной половинки и стать как бы ангелом?.. А где борьба с трудностями? Разве Господь не сказал Адаму вдогонку насчет пота лица?.. А вы хотели бы попотеть разок, изгоняя часть себя, а потом всю оставшуюся жизнь возлежать на облаке и распевать... что у вас тут распеваю?.. Нет, мы должны бдить и постоянно бороться...

Он сказал гневно:

— Кто это «мы»? Вы не один из нас!

— Все мы, — сказал я смиренно, — братья на свете, все люди братья. Может быть, даже женщины, хотя про сестер ничего не сказано. А раз так, то мы за всех людей в ответе, а также, возможно, и за женщин! Пусть не за всех, но за достойных, а такие есть, как-то слышал... Отец Аширвуд, вы живете для себя или для людёв?

Он раздулся от гнева, как мексиканский дикобраз перед утконосом.

— Мы живем для Церкви!..

Отец Мантриус мягко, но достаточно громко, чтобы услышали все монахи, поправил:

— Для Господа.

Отец Аширвуд нервно дернул щекой, словно конь, отгоняющий слепня, сказал с той же громовой мощью, не сводя с меня гневного взгляда:

— Все, что мы делаем в стенах этого монастыря, служит спасению всего человечества!

Отец Мантриус снова поправил с подчеркнутым смириением:

— Спасению их душ. Впрочем, в кои-то веки вы абсолютно правы, отец Аширвуд, пусть это и получилось у вас нечаянно. Мы стараемся работать на весь

род людской, не допытываясь, кто от Сифа, кто от Каина.

Отец Аширвуд взглянул на него зло, но возражать — себе вредить, и он нехотя кивнул, пробурчав:

— Естественно, а как же... Не понимаю, почему вы это так долго не понимали?

Я поглядывал на отца Мантриуса, тот подумал, произнес достаточно громко, чтобы к нему начали прислушиваться:

— Мне тоже, как и вам, предложение брата Ричарда кажется неуместным и даже кощунственным, но, с другой стороны...

Отец Аширвуд воскликнул гневно:

— Другой стороны нет!

Несколько человек закричали:

— Кощунство! Отступление!

— Предательство!

— Мы не можем принять беса!

Отец Мантриус простер руки, утихомиривая братьев, сказал веско:

— А скажите мне, если душа бессмертна... как вы собираетесь ее убить? Или хотя бы ее половину?

Они умолкли, озадаченные, но приор уже собрался с мыслями и начал выстраивать некую систему доводов, вижу по его сосредоточенному лицу, сказал резко и уверенно:

— Какую половину? О какой половине речь?..
Брат Целлестрин изгнал из своей души лишь малую ее часть!.. Возможно, совсем ничтожную.

— Да-да, — поддержал Аширвуд, — а у брата Целлестрина осталась душа размером с океан!

Отец Мантриус сказал мирно:

— Согласен с отцом Кроссбрином и отцом Аширвудом. Но все-таки... как вы собираетесь убить даже малую часть бессмертной души?

Они снова умолкли, озадаченные, а я воспользовался паузой:

— Можно все-таки и мне сказать, раз уж вызвали именно меня? Приор Кроссбрин мудро и пророчески заметил, что брат Целлестрин изгнал из себя всего лишь малую часть, что и понятно, сколько зла могло быть в такой чистой душе?.. Я думаю, приор Кроссбрин, будучи человеком всецело мудрым, дальновидным, с широким охватом проблем, умеющим принимать просто замечательные по своей точности и мудрости решения... скажет нам, что брату Целлестрину будет нетрудно принять в океан своей безбрежной души такую малую часть тьмы. Он спрашивается!

Целлестрин смотрел все это время на меня жалобными глазами, пугливо вздрагивал, снова опускал голову, упираясь подбородком в грудь, интеллигентно-хилую.

Кроссбрин смотрел на меня бешеными глазами, но молчал, я видел, как быстро сортирует мои слова, стараясь найти отравленное жало, но непросто найти то, чего нет, а я послал ему открытую и чуть ли не влюбленную улыбку, поклонился.

На него начали поглядывать, ожидая веское слово, он вздохнул и сказал тяжелым голосом:

— У нас никогда ничего подобного не было. Потому непросто принять решение, потому что оно будет примером...

— Лучше бы таких примеров не было, — сказал отец Мантриус и перекрестился.

Другие священники тоже начали креститься и бормотать молитвы, отец Аширвуд быстро посмотрел на грозного приора и сказал торопливо:

— Вопрос отложим до более полного сбора информации!.. Сейчас все свободны...

Я первым отворил дверь и вышел из комнаты, но застыл как вкопанный. Огромный зал с множеством горящих свечей сейчас погружен в мертвую тьму, осталась только эта небольшая часть, где по обе стороны от входа горят две большие свечи.

За спиной послышался сдавленный вскрик, это отец Аширвуд выдвинулся важно следом и замер в страхе. Отстранив его, начали торопливо выдвигаться и остальные члены совета приората. Лица сразу побледнели и вытянулись, в зале смертельный холод, колонны покрыты инеем, чувствуется движение ледяного воздуха.

Отец Мантриус вскричал громким голосом:

— Отец Ромуальд!.. Отец Рому...

Слева от меня прогрохотал недовольный голос:

— Чего орешь? Я не глухой.

Викинг в рясе, как он только здесь и появился, сдвинулся на два шага влево, осмотрелся и вдруг оказался в самом дальнем конце зала, как я понял, стараясь темную тварь держать между нами.

Оглядевшись, я увидел брата Целлестрина уже далеко от нас, так что тень в самом деле оказалась посереди строгого треугольника. Я не отрывал от нее взгляда, и снова меня пронзило странное чувство, что эта темная тварь смотрит на меня то ли за помощью, то ли за какой-то подсказкой.

— Постойте, — крикнул я, — позвольте мне, профессиональному, так сказать, по различным видам изничтожения и убиания...

Отец Ромуальд не двинулся с места, брат Целлестрин, тем более, сам в присутствии старших, не проявил инициативы, а приор сказал за моей спиной строго:

— Нужно всем троим...

— Нет, — прервал я и, повернувшись к тени, сказал громко: — Мы не хотим тебя уничтожать... да-да, некоторым хочется, но... перехочется.

За спиной услышал возмущенный ох со стороны отца Аширвуда, недовольные голоса приора и других священников, но я заговорил еще громче и отчетливее:

— Слушай только меня!.. Я понял, кто ты есть... и почему так присматриваешься ко мне. Мы не должны тебя уничтожать, ибо это... неправильно. Ты — часть души брата Целлестрина, и хотя не лучшая его часть, но все же часть... Мы не знаем, какие свойства понадобятся в будущем для выживания... для захвата новых земель в других мирах!.. и потому я говорю тебе — вернись к брату Целлестрину.

Отец Ромуальд прокричал со своего места трубным голосом:

— Что?.. Он же потеряет святость!

— Не потеряет, — отрезал я, — а потеряет... то и хрен с нею, такой куцей святостью.

— Святость, — сказал за моей спиной приор обвиняюще, — это святость!

— Святость, — возразил я, — должна быть гремящая и воинственная, а не сопли на киселе!

Темная тень начала концентрироваться в центре, со свода потянулась книзу огромная капля размером с черное озеро.

— Начинаем! — крикнул отец Ромуальд.

Он сдвинулся с места, я видел, как наклонился, словно лег грудью на невидимую подушку, я заорал:

— Остановитесь! Это все неверно! Вы умные люди или только ими кажетесь? Что вы как драчливые юнцы?

Ромуальд остановился, Целлестрин поглядывает на меня со страхом и надеждой. За моей спиной священники встревоженно переговариваются, что-то в охоте идет не совсем так, как предполагалось, только отец Мантриус смотрит на меня как на вождя, который знает, что делает, а им нужно только быстро и точно

выполнять приказы, а обсуждать и критиковать после битвы.

— Ты должна вернуться, — сказал я тени, а брату Целлестрину крикнул: — Боишься испытаний?.. Боишься признаться, что шел не совсем той дорогой?.. Хочешь сказать, не спрашивайся?

Отец Ромуальд прокричал:

— Что ты несешь?.. Тогда не мешайте, я сам ее уничтожу!

Тень стала еще чернее, но поднялась к потолку, так что весь свод оказался словно бы залитым толстым слоем черного дегтя.

Я сказал язвительно:

— Как, отец Ромуальд?

— Не знаю, — крикнул он в бешенстве, — но я...

— Что ж, — прервал я, — гоняйтесь за нею сами.

Я в дурости никому не помощник.

Вокруг ахнули, отец Ромуальд побагровел, как бурак со снятой кожей, развернулся ко мне всем корпусом. Я ощущал, как по всему телу пробежали острые коготки, но не повел и глазом, а лишь сказал тени:

— Слушай меня. Они даже не понимают, о чем речь. А ты вернись! Да, будешь несвободна, однако... так у тебя будет больше возможностей. Святость, она не всегда святость... А человек не должен ограничивать себя одной святостью, иначе ничего в жизни не добьется и не получит!

Больше не говоря ни слова, я пошел через зал наискось, уже зная, что и тень не попытается напасть, и Ромуальд с Целлестрином вдвоем не смогут ее даже напугать.

В соседнем зале пусто, но дальше полдюжины монахов с ведрами в руках и тряпками на длинных швабрах старательно надраивают до блеска плиты пола.

Есть черная тень или нет, было написано на их со- средоточенных лицах, это дело старших братьев, они решают все, а для них самое важное в жизни — смире- ние и послушание.

На меня покосились недружелюбно, то ли как на грешника, раз уж не удостоен участия в их такой нуж- ной, хоть и грязной работе, то ли с завистью.

Я узнал только брата Альдарена, помощника отца Мальбраха, елемозинария, но остальные выглядят как его близнецы, такие же смиренные, с потупленными взорами, послушные, какими мы хотели бы видеть раз- ве что женщин.

— Бог в помощь, — сказал я бодро, — хотя, ду- маю, это сумеете и сами. Труд, знаете ли, тоже хоро- шо. Развивает, знаете ли. Из Адама сделал человека... В общем, у вас тоже есть шансы.

Брат Альдарен не понял, ответил сердито:

— Брат паладин... Вы уже несколько дней у нас, но еще никто не слышал, чтобы вы читали молитву!

— А что, — спросил я с интересом, — кто-то при- слушивался?

— Прислушиваются, — ответил он с ноткой вызова.

Я пояснил кротко:

— Тот, кто громко читает молитву в надежде, что бу- дет услышана лучше, принадлежит к маловерам, а также оскорбляет Создателя, подозревая его в тугоухости.

Монахи переглянулись, хотя теперь вижу по их не- стриженым макушкам, что это не монахи еще, а всего лишь послушники.

Альдарен оскорбленно поджал губы.

— Брат паладин... конечно же, Творцу наши молит- вы не нужны вовсе! Но они нужны нам.

— Мои?

— Наши!

— Зачем? — спросил я с интересом.

— Они позволяют нам сосредотачиваться.

— В основном, — ответил я, — все чего-то просят! Мне просить нечего, я получил от Создателя достаточно. Даже больше, чем надеялся, что меня страшит, понятно.

Он кивнул и сказал строго:

— Кому много дано, с того много и спросится.

— Вот-вот, — согласился я. — Вам хорошо, вам Всевышний ничего не дал, потому войдете в рай наряду с нищими и блаженными, так угодными Создателю. С них никакого спроса, а вот мне придется повернуться, как ужу на горячей сковородке, отвечая на каверзные вопросы биографии и не совсем трудовой деятельности...

Он поморщился, взглянул с подозрением, что-то моя похвала какая-то не совсем такая, хотя я вроде бы и завидую, что ему прямая дорога в рай, но как-то не так завидую.

— Благослови вас Господь, — произнес он сухо.

— Аминь, — ответил я.

Глава 10

Жильберт и Смаагрд уже час сидят у меня в келье и раскрыв рты ловят слова мудрости, что я роняю изредка, не признаваясь, разумеется, что не совсем мои, но раз уж усвоил из книг, то они, можно сказать, все-таки и мои.

В дверь резко постучали, Жильберт ринулся открывать, охнул, сказал торопливо:

— Это отец Ромуальд!

— Зови, — сказал я запоздало, потому что отец Ромуальд, отстранив молодого монаха, уже вошел достаточно бесцеремонно и властно.

Одного его взгляда на Смарагда и Жильберта было достаточно, чтобы оба смиренно ринулись к выходу и пропали в коридоре, плотно притворив за собой дверь.

Он прошел к столу и сел напротив меня. Капюшон небрежно отброшен за спину, вид гордый и надменный, уже не викинг, а вождь викингов, где-то на уровне ярла, а то и конунга.

— Брат паладин, — сказал он сдержанно.

— Отец Ромуальд, — ответил я вежливо.

— У нас не смотрят на прежние заслуги, — сказал он сильным голосом человека, привыкшего отдавать команды, — нам важнее, что человек представляет из себя сейчас... и кем он может стать.

Я ответил с самым отстраненным видом путешественника, что восседает на идущем верблюде и на все посматривает свысока:

— Отец Ромуальд, пусть эти вопросы вас не тревожат. У вас много важных дел...

Он коротко усмехнулся.

— Говоря понятным языком, советуете не лезть не в свое дело. Может быть, вы и правы. С другой стороны... это наш Храм, здесь наши правила.

— Я приехал не проситься в послушники, — напомнил я.

— Догадываюсь, — ответил он.

— Я надеялся получить помощь в борьбе с Маркусом, — объяснил я. — Видимо, все же придется самому, а то как-то неловко тревожить вашу святую обитель такими пустяками, как спасение мира.

Он чуть раздвинул губы в усмешке.

— Мы скромные монахи, но ваш ядовитый сарказм достаточно заметен. Даже слишком. Но эта задиристость у вас по молодости. Но все же один важный вопрос... Что значат ваши слова той темной стороне души

брата Целлестрина насчет... больших возможностей? Вы намекнули, что она со временем подчинит брата Целлестрина? И он станет весь таким чудовищем?

Я помолчал, глядя в его жесткое лицо с пронзительно светлыми глазами очень северного человека.

— Вы в самом деле так думаете?

— Мне важен тот смысл, — напомнил он, — что вы вложили. Возможно, вы говорили темной душе правду. Возможно, обманывали...

— Нет, — сказал я, — не обманывал.

Его лицо посуворело еще больше.

— Объяснитесь, брат паладин.

— Не знаю, — сказал я, — поймете ли... нет-нет, это не оскорблениe, не смотрите заранее враждебно. Хотя вы мне совсем не нравитесь, как и я вам, но у нас есть общее дело. Хотите вина?

Он покачал головой.

— Я слышал о вашем необыкновенном даре, однако я не пью вина. Вообще.

— О, — сказал я с уважением, — тогда кофе?

— А что это?

— То, — ответил я, — что пью сам. Отведайте.

Я сделал две изящные, но вместительные чашки из тонкого фарфора, наполнил горячим крепким кофе с сахаром. Он проследил, как я взял одну и отхлебнул, протянул руку за своей.

Брови чуть приподнялись, когда ноздри уловили запах, некоторое время вчувствовался в новый для себя аромат, наконец сделал первый глоток.

Я старался не посматривать на него слишком уж пристально, мирно пил кофе, а потом создал несколько изящных и почти невесомых пирожных.

Морщины на его суровом лице разгладились на глазах, он допил кофе и сказал еще более окрепшим голосом:

— Это лучше любого вина, но, понимаю, даже среди монахов надо помнить о врожденной слабости человека... Похоже, у нас с вами в чем-то вкусы да совпадают. Думаю, если порыться, то не только в привязанности к этому поистине божественному напитку... чему мы, возможно, удивимся оба.

— Теперь и мне так кажется, — признался я. — Отец Ромуальд, я хочу напомнить, что вы здесь в мире святости и стремитесь к еще большей святости, но мир вне вас! И развивается вне вас. Да, вы со всем Храмом необходимы, как университет по гуманитарным дисциплинам, но когда в мире кровавые войны, профессора искусства для любой из сторон идут в анус. Или я не то говорю? Что, сумбурно?

Он кивнул.

— Ничего, я понимаю.

— Так вот, — сказал я, — безгрешный человек может существовать только в раю. А в широком мире, куда пинком выбросил Всевышний обнаглевшего человека, Адам моментально бы подох... без той темной части души, что досталась от Змея! И Господь это прекрасно понимал... как мне кажется.

Он подумал, посмотрел на меня внимательно.

— Продолжайте.

— Я не стану объяснять, — сказал я, — что темная часть души есть в каждом из нас. И в вас тоже, отец Ромуальд!

Он ответил спокойно:

— Увы, я тоже грешен.

— Все мы грешны, — сказал я, — но именно греховность спасает нас в насквозь греховном мире. Наша задача — построить Царство Небесное на этой грехной земле... нашими греческими руками! И только тогда мы очистимся. А вот когда некоторые отдельные личности ухитряются совершить бегство из нашей об-

щей греховности в святость... это по большому счету трусость и даже предательство. Увы, не хочу говорить такое в адрес брата Целлестрина...

Он покачал головой, не сводя с меня взгляда.

— Вот вы как повернули...

— У него это ненамеренно, — сказал я. — Ему указали эту дорогу, он со всем неистовством и рвением ринулся проламывать там стены. И проломал, ибо дурная молодость нередко добивается успеха там, где отступает осторожная мудрость. Еще кофе?

— Да, если вы в силах...

— Это всегда в силах, — ответил я скромно. — Давайте только сделаю, если я правильно понял, чашу побольше... Вам покрепче? Сладости больше или меньше?

— Больше, — ответил он, как отвечает всякий нормальный мужчина. — Да, можно покрепче. Вы с такими случаями уже сталкивались?

— Есть опыт, — ответил я скромно. — В моем срединном королевстве есть так называемые йоги. Добиваются святости лично для себя, в то время как их соседи умирают от голода, болезней, нищеты, дерутся за кусок хлеба, гибнут от засухи, наводнений и саранчи... А соседние королевства, где совсем не было таких великих святых, приходят на помощь с караванами пищи, лекарств...

— Понял, — произнес он, — но все же на один вопрос вы не ответили. А он важен.

— Какой?

— Что насчет вас? — произнес он с расстановкой.

— Моя темная сторона души, — ответил я так же медленно, — в сто тысяч раз чернее этого мотылька, что выпорхнула из брата Целлестрина. А сейчас та половинка души Целлестрина сама жаждет вернуться на свое место, испугавшись огромности мира.

Он помолчал, все так же не сводя с меня взгляда.

— И как вы?

— Что именно?

— Как с этим живете?

— Светлая и темная, — ответил я честно, — во мне в постоянной борьбе. Знаете ли, отец Ромуальд, я часто об этом думал, и хотя это звучит крамольно, однако утверждаю, что не будь во мне этой страшной черноты, что постоянно призывает к буйствам и насилию, я не продвинулся бы в полезных делах!

Он хмыкнул и надолго замолчал, чашка в его ладонях иногда чуточку светится, один раз я отчетливо видел, как пальцы прошли сквозь стенку.

Наконец он поставил ее на стол и поднялся, огромный и собранный, как полководец перед боем.

— Хорошо, брат паладин. Я переговорю с приором.

Что в его тоне заставило спросить:

— Насчет Целлестрина?

Он взглянул в упор.

— И насчет Маркуса. Разве не ради него доблестный паладин покинул поле битвы с демонами?

Сквозь крепкий ночной сон я услышал пение, встрепенулся. Бобик поднял голову, в глазах вопрос: опять?

— Нет, — ответил я шепотом, — снова. Но ты спи, я туда-обратно.

Он спросил взглядом: а оно тебе надо, все эти призраки, их возня, темные тени какие-то, у тебя же другие важные и неотложные задачи, как, к примеру, чесать меня за ушами и бросать бревнышко как можно дальше.

— Надо, — ответил я тем же шепотом. — Я паладин, а паладину, как старой бабке, до всего есть дело.

Призрак не выплыл из стены, а почти выпрыгнул, я сказал быстро:

— Я бегу до того места, а ты можешь направимик...

Похоже, он понял, сразу ушел в стену, а я выбежал в коридор, пронеся по нему, как лось, дальше зал, лестница вниз, два пролета, вот то место, где призрака в прошлый раз утащило в стену...

Он появился из стены напротив, обратил ко мне мертвое ужасное лицо и поплыл по коридору дальше, там запустенье, обломки старой мебели, веет заброшенностью.

Когда он прошел через дверь, я, не колеблясь, сильно пнул, и трухлявые доски рассыпались. Призрак уже в комнате медленно подплывает к стене напротив, это монашеская келья, только давно заброшенная, проходившееся ложе, в стене пустые держаки для факелов, но ни одной свечи...

На моих глазах призрак протянул руки к стене, мне показалось, что с моими глазами что-то случилось: изображение стало двоиться, призрак вытащил из стены увесистый камень, опустил на такую же призрачную табуретку, я помотал головой, но в самом деле в комнате два призрака одного и того же монаха!

Один застыл неподвижно, второй вложил в нишу свернутый в трубочку лист бумаги и осторожно задвинул обратно камень, так что стена стала прежней.

Я раскрыл рот, чтобы поинтересоваться, что это значит, в этот же момент оба призрака слились в один. Тот повернулся ко мне, указал на тайник, и тут же его увлекло призрачным, но достаточно сильным ветром, и он исчез в каменной стене.

— Ага, — сказал я. — Ну да, ага. Как много смысла в звуке сем слилось! Как много в нем отзывалось...

Назад я шел уже неспешно, сна все равно ни в одном глазу, отоспаться в монашеской тишине вряд ли удастся, уже чувствую.

Когда открыл дверь, Бобик снова лишь приоткрыл глаз, хотя мог бы спать дальше, я-то знаю, что он учился меня еще в зале, и пока я шел по коридору, он уже знал, что возвращаюсь один, у меня все хорошо, все под контролем...

— Спим дальше, — сообщил я бодро. — До побудки еще целых четверть часа, с ума сойти какая уйма времени!.. Просто девять некуда. Вот так и живем, верно?

А утром убедился, что у отца Ромуальда в самом деле есть вес в этом пока что таинственном для меня обществе. Не знаю, что и как он сообщил, но сверху передали решение старших, что темную часть души в самом деле следует вернуть на место, ибо человек выковывается в трудных борениях за чистоту своей натуры, за правильное понимание и отношение к жизни, потому нельзя лишать его возможности борьбы за.

Целлестрин все это время лежал на полу часовни, раскинув руки крестом, молится негромко, но с такой страстью, что в часовне накалился воздух, а свечи вспыхнули с утроенной силой.

Я зашел, попинал его легонько ногой в рыцарском сапоге с золотой шпорой.

— Подъем, праведник...

Он повернул голову, я увидел залитое слезами бледное лицо с отчаянными глазами.

— Брат паладин, сейчас закончу молитву...

— Закончим дело с твоей душой, — возразил я, — это и будет твоей лучшей молитвой не себе, как сейчас, а Господу. А то все вы тут очень уж привыкли всю грязную работу складывать на Творца нашего, тут подмети, тут подай, тут сбегай сделай...

Он медленно поднялся, с трудом разгибая застывшие от долгого лежания на полу суставы. Лицо из просто бледного стало желтым, как у покойника.

— Брат паладин?

— Пойдем, — сказал я. — Будем патрулировать, пока она не появится. Ты как, готов?

Он проговорил дрожащим голосом:

— Как скажете, брат паладин.

Поддерживая его под локоть, острый, как долото, я вывел его в мир больших и просторных залов, а дальше Целлестрин сам направился по коридору, где по обе стороны расположены монашеские кельи.

Я поглядывал на него с сочувствием — он не может не понимать, что тень убивала тех, кого он осуждал за пренебрежение общей молитвой, ритуалами, за непосещение капитулов.

В последнее время она убивать перестала, но это лишь потому, что в самом деле отделилась, начала вести себя самостоятельно. Теперь предпочтения бывшего хозяина для этой твари больше не путеводная нить, отныне от нее можно ожидать чего угодно...

Я чувствовал холодок в груди, но не предупреждение об опасности, а от ощущения того, в какие дебри забрался. Насколько же проще одиночные квесты, когда скакешь на арбогастре в сопровождении верного Бобика... кстати, где он?.. рубишь безмозглые головы мерзких врагов, а из окошка принцессы машет платочком и якобы нечаянно роняет, чтобы ночью взобрался по стене и вернул ей прямо в спальню... Ну, пусть не обязательно принцессы, но молодая и красивая с вот такими, я же эстет, красоту ценю, женщин оберегаю и в их спальнях всегда на цыпочках и с постриженными ногтями на ногах, чтобы не клацали по полу, а то разбужу мужа...

Кто-то вскрикнул, я сперва увидел, что нас сопровождает целая толпа монахов, уже все знают, что предстоит, а затем огромную тень с той же стороны,

что накрыла половину огромного зала и с неспешной уверенностью двигается в нашу сторону.

— Целлестрин, — сказал я быстро, — соберись!.. Это твой звездный час. Давай, поговори с нею. Это же часть тебя...

Тень наползает так, как ночь, что поглощает весь мир. Я с содроганием в груди ощутил, насколько же она стала огромной, плотной, осязаемой, половина огромного зала уже исчезла в темноте, и это еще не все...

Целлестрин, бледный и дрожащий, как последний листок на уже зимнем ветру, сделал шаг вперед и вскинул руку ладонью вперед.

— Стой, — прокричал он громко и отчаянно. — Остановись!.. Повелеваю!

Глава 11

Темная тень в самом деле замедлила продвижение. Я с содроганием в похолодевшей груди всматривался в ее облик, сейчас уже не промелькнувший смазанный силуэт, а нечто объемное, откуда как северным ветром несет дикой мощью, коварством, яростью, злостью, жестокой расчетливостью, безумием и каждой убийств.

Я прошептал:

— Целлестрин, не спи! Ты хозяин!

Он крикнул снова:

— Повелеваю вернуться на место!

Темная масса сдвинулась с места, сделала как бы шаг к нему, хотя это не шаг, а некое отвратительное скольжение. Я задержал дыхание, как и наблюдающие за нами в сторонке монахи и священники.

Тень приблизилась еще чуть, я чувствовал, как замер весь мир, затем тьма резким прыжком перемести-

лась под свод, здесь как ни в чем не бывало засияли свечи, а тень исчезла.

Целлестрин опустил руки, лицо стало потерянным.

— Оно меня не слушается...

Сзади, возбужденно переговариваясь и опасливо поглядывая на все стены, приблизились монахи, впереди Гвальберт, Смарагд и запыхавшийся Жильберт.

Он и крикнул дрожащим голосом:

— И что будет дальше? Если бессмертная тварь, которую убить невозможно, выйдет из стен монастыря...

Гвальберт сказал мрачно:

— ...сперва убив всех в нем.

— Сперва убив, — повторил Жильберт механически, передернув плечами, осознавая эту мысль, — а затем начиная бесчинствовать...

Один из священников, незнакомый мне человек с суровым лицом аскета, сказал желчно:

— Но если погибнет брат Целлестрин, эта тварь тоже уйдет с ним?

Все переглянулись, Гвальберт кивнул.

— Наверное. Это же часть его души. И хотя действует сама по себе, но все равно привязана к хозяину... возможно, еще привязана.

Все оглянулись на Целлестрина, а тот, ощутив на себе взгляды, сказал отчаянным голосом:

— Я готов отдать жизнь!

— Самоубийцы не попадают в рай, — напомнил я, — а хоронят их вне ограды кладбища.

Он прошептал со слезами на глазах:

— Тогда убейте меня.

— А сами в ад? — спросил я. — На самое дно за убийство праведника? Пусть даже такого, от которого одни проблемы? Нет уж, мы пойдем другим путем. Подсказал бы кто, каким... Тихо там! Вы наподсказываете, перипатетики хреновы...

Целлестрин вскрикнул с отчаянием в голосе:

— Она не послушалась! Почему не послушалась, если она моя?.. Вы же обещали!

— Я что, — спросил я, — темная тень?.. За нее ничего не обещаю. И вообще... скорее всего, ты недостаточно хорошо ее звал... Нет-нет, я не обвиняю во лжи!.. Кто тебя обвинит, я сам с удовольствием брошу в того камень. А то и два, это я люблю. Но ты хоть и звал ее, понимая разумом, что надо делать, но сердце твое не принимало эту тварь, не хотело, не желало, противилось и брыкалось...

Он смотрел на меня испуганно и печально.

— Тогда что?

— Сосредоточиться, — сказал я. — Собраться. Уверовать не только умом, но и сердцем. Смотри, вон даже брат Жак понимает! Взгляни в его полные мудрости и сочувствия глаза и уверуй всем сердцем. И темная часть души повинуется.

Целлестрин покосился на молча слушающих монахов, они подошли ближе и уже окружили нас плотным кольцом.

— Вы... уверены, брат паладин?

— Почти, — ответил я. — А почти — это так много!

— Ну...

— Много-много, — заверил я. — В нашем неустойчивом мире, где черные души почти что им правят, «почти» — это наш якорь и надежда.

Монахи начали креститься, а Целлестрин спросил испуганно:

— В мирском... э-э... мире черные души правят?

— Сидя в телах, — уточнил я. — Там им комфортнее. Видишь ли, Первородный Змей мог бы и сам, он и есть та самая Первородная Черная Сущность, что теперь в каждом из нас! Но его потянуло к Еве, хотя он и понимал, будучи самым умнейшим существом

на свете, как сказано в Библии, что ему за это очень приятное действие потом не поздоровится. Им не похоть руководила, как считают дураки, умнейшие ей не поддаются, они сами ею руководят! Он пожертвовал собой и соблазнил Еву ради великого будущего еще несуществующего человечества. А она в свою очередь, будучи чистой и непорочной, почему-то вдруг потянулась к его порочности... Как думаешь, почему?

Монахи уже не только крестятся, но и бормочут очистительные молитвы, однако ловят каждое слово, на лицах страх, смятение, но и жадный интерес.

Целлестрин проговорил в растерянности:

— Не знаю... Почему?

— Никто не знает, — ответил я веско. — Кроме меня, конечно. Я такой, все знаю и все умею. Кроме того, конечно, чего не знаю и не умею, но это так мало, что можно не обращать внимания!.. В общем, Змей первым сообразил, что тьма и свет по отдельности значат мало, а могут еще меньше, а вот если их вместе... Борьба и единство противоположностей, как сказано в Писании! И он принес себя в жертву, но дал начало сильному и злому человеческому роду, что выживет в любых испытаниях, войнах, катаклизмах, дискуссиях, реформах!

Он посмотрел на меня с недоверием.

— Вы так говорите, — сказал он, слегка запинаясь от ужаса и крамольности своих слов, — будто сам Творец и был тем Первородным Змеем...

Я пожал плечами.

— Кто знает. Но если помнить, что все в руке Господа и что ни один листок не упадет с дерева без его пожелания, то так ли Змей действовал по своей воле, если свобода воли была дадена только человеку?

— Но Змей подговорил Сатана!

— А кто создал Сатану? — поинтересовался я. Он охнул и прикусил язык.

Я шел, мысленно перебирая самые разные, в том числе и достаточно дикие способы, как заставить всех монахов и таинственных старших братьев дружно и строем пойти против Маркуса, когда за спиной послышалось сдержанное:

— Брат паладин...

Я обернулся. Приор смотрит с прежней холодной суворостью, а теперь еще и на лице заметное неудовольствие, что приходится общаться с назойливым чужаком.

— Отец Кроссбрин, — сказал я. — Мое приветствие от меня лично и от того парня.

Он посмотрел в недоумении.

— Какого?

— Того самого, — ответил я таинственно и пониженным голосом. — Есть новости?

— Да, — сообщил он сухо. — Я переговорил с... посвященными.

— И что?

Он ответил с неприязнью:

— Выяснилось, отец Терц отличался буйным нравом и непослушанием. Он работал один, без помощников, что прямо не запрещается нашим уставом, но подвергается осуждению и порицанию. Однажды с ним что-то случилось, он начал дерзить, грозил настоятелю и даже всему Храму, впал в буйное помешательство и в одну из ночей покончил с собой.

— Сам? — переспросил я. — Или его все-таки убили?

Он покачал головой.

— Сам.

— У вас надежные источники? — спросил я с недоверием.

— Надежнее не бывает, — отрезал он. — Так что с этим все ясно. И дело закрыто. Непонятно только,

почему он вдруг появился в виде призрака и что пытался сказать вам... почему-то именно вам.

Я пожал плечами.

— Не потому ли, что со мной еще не дрался? А каждый незнакомый человек для христианина — человек по дефолту хороший до тех пор, пока не докажет обратного.

Он поморщился.

— А вы это еще не доказали? Странно. Нам так вот...

— Вы же не призраки, — пояснил я. — Вас жалеть нечего. С вас спрос... Впрочем, я готов кое-что объяснить и даже показать.

— Показывайте, — предложил он.

— Нет, — ответил я. — Это я предоставлю только всей вашей пятерке.

Он нахмурился.

— Вы играете с огнем...

— А вы говорите с паладином, — отрезал я. — И кроме того... я предложил что-то очень предосудительное? Вы пятеро считаете настолько ниже своего достоинства показываться мне, хотя я не жаба с дальнего болота, а брат паладин, тоже облеченный некоторым доверием Ватикана... и даже больше, чем некоторым!

Некоторое время он смотрел на меня почти ненавидяще. Я же ответил полным смирения взглядом, дескать, никакой конфронтации, зачем, мы же интеллигентные люди, в мире вообще еще нет интелигенции, кроме монахов. Зачем же нам вести себя, как тупые короли или простолюдины, что по сдержанности и по манерам почти не отличаются друг от друга?

Медленно выдохнув воздух, что явно ждал своего времени для рыка, Кроссбрин произнес сухо:

— Я переговорю с доверенными. Но ничего не обещаю.

Я поклонился.

— Отец Кроссбрин, я в самом деле начинаю вас уважать. Честно-честно!

Он удивился, не ответив, то ли не поверив, то ли заподозрив каверзу, а я направился в сторону тех келий, где и ночами молится несчастный Целлестрин.

С дорожками от слез на бледных ввалившихся щеках он бросился навстречу и пал передо мной на колени.

— Брат паладин! Хочу повиниться!

— Тогда встань, — велел я. — Так твои слова прозвучат менее... униженно. Что стряслось?

Он возопил:

— Я в самом деле страшился тогда принять ту темную тварь... и сейчас страшусь! Да, я знаю, это надо, но дух мой слаб, я весь объят трепетом, и душа моя устрашена стала...

— Надо, Целя, — сказал я твердо, — надо!.. Мы же не сами по себе, мы — часть человечества. И должны не только для себя, но и для человечества хоть иногда что-то да делать. В данном же случае и человечеству польза, и тебе выгода. Не таращи глазки, я-то знаю точно!

Он вздрогнул, его затрясло, я обнял его за плечи и повел в зал. Монахи, что попадались по пути, останавливались, провожая нас взглядами, одни потом шли по своим делам, другие двинулись в отдалении за нами.

Глава 12

Брат Целлестрин вздрогнул, колени его начали подгибаться, глазные яблоки начали закатываться под лоб.

Я торопливо подхватил его, чувствуя, как дрожит все тело, словно долгоостоял раздетым на морозном ветру.

— Что с тобой?

Он прошептал слабо:

— Брат паладин!.. Душа моя устрашена...

— Крепись! — сказал я резко.

— Не смогу, — простонал он. — Я слаб, я так слаб...

И я все потеряю...

— Как раз наоборот, — заверил я. — Жизнь будет полна! Еще как полна, не раз проклянешь этот день и час... но все равно нужно делать то, что делать нужно, ибо только так движемся к Царству Небесному, а не топчемся на месте, как язычники какие... Ты же хочешь Царства Небесного?

Он всхлипнул:

— Хочу, но...

— Никаких «но», — сказал я твердо, — у монаха должна быть воля! Это важное слово потом забудут и стыдливо уберут из употребления, но отдельные волевые люди все равно останутся и будут зело править сытым безвольным миром в свое и того парня удовольствие!.. Пошел-пошел, перебирай задними лапками, хомячок...

Он в самом деле пошел, ибо мой голос звучит командно и уверенно, и тут неважно, какую хрень несу, властные манеры завораживают, к тому же некий смысл все же улавливает, а он в том, что надо идти и бороться, тогда упадок воли наступит позже, да и то не у всех, а для мира крайне важно, чтобы оставались люди с сильной волей. Не станет таких — придется снова насыпать новый потоп.

Монахи попадаются все чаще, но разбегаются, только издали начинают кричать, что вот совсем не давно вон там видели темную тень.

Он прошептал:

— И кем я тогда стану?

— Полноценным, — заверил я. — А пока ты иисусик, а это не есть зело. Творец велел плодиться и размножаться, а какой из тебя размножатель?..

— Но я же...

— Приобретешь больше, — сказал я твердо. — Не сейчас, потом... А пока да, откат на прежние позиции.

— Но как же, — вскричал он и запнулся на словах «моя святость», — но как же тогда смогу...

— Сможешь, — заверил я, — если воля тверда, если мотивация не ослабла... Отступление для нового прыжка вперед и в сторону.

Где видели темную тень совсем недавно, меня не интересует, с ее скоростью передвижения она за долю секунды может обежать весь Храм и весь монастырь, потому я потащил Целлестрина туда, где, по моим прикидкам, темная тень должна появиться скорее всего.

Приближение темной тени я ощутил до того, как испуганные возгласы зазвенели, как птицы голоса в тесной клетке. Нечто уже не огромное, а исполинское начало приближаться с астрономической неспешностью и неотвратимостью.

Дальняя стена громадного зала потемнела, стала черной. По стенам справа и слева, потолку и расчерченному полу в нашу сторону потекло темное, что уже не тень, а больше похоже на толстый слой черной воды, если только можно представить себе воду, что двигается в нашу сторону по стенам и потолку.

Целлестрин, весь дрожа, остановился и смотрел глазами, полными ужаса.

Чернота поглотила третью зала, затем половину, но задняя стена так и не очистилась, я обреченно понимал, что темная тварь, никем не контролируемая, стала еще крупнее и могущественнее.

Я обернулся, махнул всем, чтобы отступили, но тень, похоже, на них вообще не обращает внимания.

Да и что они для нее теперь, даже не стадо овец для хищного волка, а мелкие мыши, может накрыть всех, а не накрывает только потому, что в самом деле уже мелочь, ей бы разрушить сам Храм...

Мы с Целлестрином не двигаемся, а тьма все наползает на мир, приближаясь к нам, воздух становится все плотнее, я все еще не чувствую прежнего леденящего холода, есть только ощущение неодолимой мощи, исполинской силы, и непонятно, почему эта космическая тьма иногда притормаживает, будто пытается вернуться, но что-то ее тянет к молодому монаху...

Я покосился на замерших у дальней двери монахов, они пока еще не понимают, что происходит, да и я тоже, только смутно чувствую, что нужно предпринять...

— Ладно, — сказал я громко, — придется все брать в свои недрогнувшие руки! У меня холодная голова, горячее сердце и... руки, ага, есть рукастые руки. Эй, ты, морда!

Даже на таком расстоянии я услышал, как от двери ахнули, а я дружески помахал растопыренной пятерней космической черноте.

— Порезвилась?.. Думаешь, я тебя не понимаю?.. Сам, бывало... Если сумеешь заглянуть в меня, увидишь... Но даже и не заглядывая ты сразу поняла еще с первого дня, что во мне такой тьмы в сто тысяч раз больше!

Тень не двигалась, я сделал к ней шаг, она вздрогнула по всей поверхности, но осталась на месте, словно приклеенная к камням стены и свода.

— Я не стану нападать, — сказал я дружески. — Точно-точно! Другое дело, если бы ты сама... я бы сразу, как пес муху. Сейчас тебе хреново, потому что все бессмысленно, верно? Увы, смысл всему придает только человек!

За спиной абсолютная тишина, словно и там космическая бездна, в которой нет даже далеких звезд.

Я хотел еще подойти ближе, но ощутил, что темная тень сейчас отпрянет, а то и вовсе скроется, остался на месте и сказал очень настойчиво:

— Решайся!.. Ты потеряешь свободу... но кто из нас свободен? И ты не свободна, ибо раба своей природы. И обязана делать только то, что ты есть. Но... соединившись со светом, ты сможешь больше!

За спиной хоть и тишина, но чувствую настороженность монахов и священников, что наблюдают за мной, контролеры хреновы.

— Ты сможешь, — крикнул я зло, — влиять и на свет!.. Ты можешь проникать в него и навязывать свою волю. Пусть не всегда это удастся... полностью, но возможностей у тебя будет намного больше!

Священники у двери молчат, большинство вообще не поняли, что я несу, разве что самые высшие улавливают смысл моей косноязычной речи, но только смысл, брат Целлестрин даже не пытается понять, а смотрит на темную тень, что уже не помещается в зале, испуганно и умоляюще.

Тень начала концентрироваться в передней части зала, захватив потолок, стены и даже пол. Воздух потемнел, подул холодный зимний ветер, с темного свода посыпался мелкий колючий снег.

Я сделал шаг в сторону от Целлестрина.

— Решайся... Я отойду еще, чтобы тебе... вам не мешать. Ты же чувствуешь, что я прав. Ты еще помнишь то счастливое состояние, когда вы были вместе...

Священники застыли группой у дальней двери, мрачные и несогласные, но ничего лучше предложить не могут, вообще ничего не могут, потому лишь смотрят и говорят друг другу, что я делаю все не так, и во-

обще почему это пришлому человеку разрешили такое сложное и деликатное дело...

Целлестрин сказал тени дрожащим голосом:

— Я открыт... Иди ко мне... Брат паладин говорит правду... наверное.

Я сказал с натужной уверенностью:

— Она знает, что говорю правду. Видит ту черноту, что уживаются во мне, и потому идет к тебе.

Целлестрин судорожно сглотнул ком в горле, закрыл глаза и раскинул руки в жесте, будто готовится обнять мир или же укладывает ладони на дерево креста, чтобы палачам проще было вбивать в них гвозди.

Темная тень собралась в тугой ком размером с небольшой сарай, ее блестящие очертания постоянно меняются, словно и хочет к Целлестрину, и страшится.

В зале повисла мертвая звенящая тишина.

— Давай, — скомандовал я, — промедление смерти подобно!

Черная масса сдвинулась к Целлестрину. Я подсознательно ожидал, что начнет втягиваться в его хилую грудь, однако тьма разом охватила молодого монаха со всех сторон.

Он исчез, словно в черном смерче. Донесся чей-то вскрик, я не оглядывался, смотрел неотрывно, как из тьмы появляется человеческая фигура.

Целлестрин вроде бы не изменился, хотя свет от его головы исчез, а сам он выглядит все так же понурым, испуганным и виноватым, готовым у служить всем и каждому.

Я быстро пошел к нему и крепко обнял, чувствуя, как его тщедушное тело крупно вздрагивает.

— Все-все, — сказал я успокаивающе. — Ты в самом деле подвижник!.. Когда изгнал из души все темное, ты совершил малый подвиг, а когда позволил вернуться — совершил великий!

Он проговорил мне в грудь:

— Брат паладин... вы меня утешаете?

— Нет, — заверил я, — это в самом деле так. И все иерархи Храма и монастыря скажут то же самое. С тьмой в душе, что подчинена тебе, совершишь намного больше чистых, светлых и нужных людям дел!

Он отстранился, посмотрел на меня снизу вверх с недоверием и надеждой.

— Правда?

— Правда-правда, — заверил я.

— А вы... у вас в самом деле...

— Твоя тьма страшилась моей, — сказал я ему негромко, чтобы не услышали направляющиеся в нашу сторону священники и монахи, — потому что твоя еще ягненок, а у меня чудовищный зверь невероятной силы. Если бы твоя посмела наброситься на меня, моя бы сожрала ее моментально без всяких усилий! И потому она избегала меня, хотя я постоянно попадался на ее пути.

Ромуальд и отец Леклерк подошли первыми, Леклерк обнял Целлестрина, а Ромуальд пожал мне руку и покачал головой.

— Все-таки это риск...

— Какой? — спросил я. — Мы все такие.

— Но мы не разделяли свои души, — напомнил он. — А что теперь будет с Целлестрином? Сольются ли там воедино?

— Малость повоюют, — согласился я.

— Но это же для него опасно!

Я отмахнулся.

— Ну и хрен с ним. Что насчет Маркуса? Вы обещали переговорить.

Он криво улыбнулся, оглянулся на молодого монаха, его уже окружили, одни утешают, другие поздравляют, восторгаются, повернулся ко мне, и я увидел по

его посупровевшему лицу, что и он тоже выкинул из головы этого мелкого Целлестрина, дело закончено, можно забыть и сосредоточиться на тех проблемах, что грозно вырастают впереди, перегораживая дорогу к светлому будущему, в конце которого маячит сверкающее Царство Небесное, выстроенное на некогда грешной земле.

— Я переговорил, — сообщил он. — Скажу сразу, решение уже принято и пересмотру не подлежит.

— Какое?

— Все имущество Храма и монастыря, — сказал он, — будет перемещено в уже подготовленные пещеры. Возможно, нам удастся накопить достаточно мощи, чтобы сдвинуть туда весь Храм, где и переждем короткий период катаклизма.

Я сказал с сердцем:

— Значит, отступление...

Он покачал головой.

— Не совсем. Впервые приняты все меры, чтобы никто из братьев не погиб. Из книг или инструментов тоже ничто не пропадет. Мы выйдем такие же, как и спустились в пещеры, не придется идти через дикость, как было раньше... И до следующего прибытия Маркуса сумеем разработать меры борьбы с ним.

Я чувствовал такое разочарование, что он сказал таким теплым голосом, которого никак от него не ожидал:

— Брат Ричард! В монастыре немало таких, что хотели бы дать отпор уже в этот раз. В основном это молодые да горячие, однако из священников высокого ранга тоже двое-трое готовы сделать все, что можно... однако есть ряд неразрешимых проблем.

— Каких?

Он хлопнул меня по плечу.

— Давай завтра соберемся и переговорим?

- Да хоть сегодня, — сказал я.
 Он покачал головой.
 — На сегодня день расписан. Завтра.
 — Когда?
 — Я пришлю за вами, — пообещал он.

Глава 13

Завтра будет завтра, а сегодня еще сегодня. Я прокидывал, где еще пошпионить в монастыре, больно много тайн, а я весь из себя такой таинственный и любопытный, что хлебом не корми, дай что-нибудь украсть, что и не кража вовсе, а восстановление технологического равновесия...

Донеслись молодые голоса двух монахов, я быстро шагнул в нишу, нет желания вступать в бесцельные разговоры, тем более что молодые обожают говорить о том, чего не понимают, а меня уже тошнит от болтовни о Боге и его целях.

Они разговаривают негромко, но я услышал:

— Я знаю, почему брату паладину удалось так с Целлестрином...

— Почему? — спросил второй шепотом.

— Ной не был праведником, — ответил первый, — праведниками были Ламех, Енох, Мафусаил... Они ходили по городам и селам и призывали опомниться, перестать грешить и начать честную жизнь. Их обычно побивали камнями. Ной же молчал, и вся его заслуга в том, что сам он в оргиях не участвовал. Потому его и взяли как отводок для нового человечества. Ты помнишь, сразу же после потопа он так ужрался вином, что обледевался и заснул голым посреди двора. Он хороший человек, но не праведник.

Они идут тихохонько, я проводил взглядом их сгорбленные, несмотря на молодость, фигуры, услышал, как второй сказал совсем тихо:

— Думаешь, брат паладин вроде нашего Мафусаила с мечом?.. Что умел побивать и острым клинком, и святым словом?

— Не знаю, — ответил первый тихо, — у меня язык не повернется назвать брата паладина праведником... ну, а вдруг Господь думает не совсем так, как мы?

Тот посмотрел на него сердито и свысока, как верблюд на ослика.

— С чего он стал бы думать не так, как мы?

Голоса их затихли, оба свернули в коридор и скрылись из виду. Нашего Мафусаила, мелькнуло у меня в мозгу. Вряд ли имеют в виду кого-то из своих монахов, им нельзя брать в руки оружие. Значит, уподобляют тому Мафусаилу, что для придурков только дряхлый старик, проживший дольше всех на свете и ничего не сделавший полезного, а они, как действительно грамотные, знают, что Мафусаил, чье имя означает «убивающий мечом», обошел весь мир, уничтожая демонов, а на самом краю, где небо соединяется с землей, узнал от давно умершего отца насчет будущего потопа и сумел отдалить его на семь дней, так что такая репутация и такое сравнение мне весьма льстит...

Прислушиваясь к голосам, я спустился из подвала в первую пещеру, а оттуда птеродактилем пошел круто вниз, снижая скорость на особо опасных виражах, хотя один раз все же долбанулся так, что шерсть полетела клочьями. Хорошо, не перья...

Еще Кэпингем охал, качал головой и дивился легкому металлу моих доспехов, самому прочному из всех существующих на свете. Я горделиво улыбался, есть чем похвалиться. Из адамантина изготавливают только в Вестготии, там залежи этих редких руд, хотя то

и дело просачиваются слухи, будто лучшие доспехи делают все-таки гномы, с которыми тайком от церкви поддерживаются вполне деловые и взаимовыгодные отношения.

Кэпингем тогда рассматривал, ощупывал, даже нюхал и чуть ли не лизал, а я старался понять, откуда такой интерес, все-таки это не кресты или святые мощи, хотя, конечно, если вспомнить, кто изобрел порох или генетику придумал, то сразу вспоминаешь, что монахи не только крестные ходы устраивают. Теорию Большого Взрыва придумал и разработал тоже монах. Правда, не бенедиктинец или цистерцианец, а иезуит.

Судя по тому, что вижу, все больше убеждаюсь: мне показывают далеко не все. И дело даже не во мне, здесь существует некая иерархия доступа.

Даже на верхние этажи, где обитают старшие монахи, молодняку нет доступа, а старшим монахам, как догадываюсь, нет доступа еще выше, где расположились иерархи Храма. Возможно, это потому, что там помимо спальных мест у каждого и собственная лаборатория, секреты которых всяч охраняет ревностнее, чем испачканные простыни.

Восходящие потоки уже не просто поддерживают меня в воздухе, а буквально мешают опускаться ниже и ниже.

Наконец показалась знакомая пещера, я пронесся мимо ступеней, глубоко врезанных в стену, снизу подпирает настолько теплый, даже горячий воздух, что приходится проламываться, словно это некая разреженная вода.

Далеко внизу огненный ад, сквозь поднимающийся дым видно, как по багровой равнине текут, ломая берега из раскаленного шлака, пурпурные реки, вскипают огненные водовороты из расплавленного металла, выплескиваются гремящие гейзеры...

Я опустился на знакомый выступ, здесь тогда стоял Кэпингем, торопливо перетек в людскую личину, некоторое время приходил в себя, лежа щекой на теплом камне, прогретом подземным огнем.

Совсем близко бежит красноголовый муравей, резко остановился, только у насекомых это возможно из-за отсутствия инерции, повернул голову и, шевеля сяжками, начал всматриваться в меня огромными фасеточными глазами.

Муравьев Ной не брал на ковчег, мудро рассудив, что эти трудолюбивые и праведные люди насекомого мира все равно спасутся, выстроив ли собственные ковчеги или же закупорившись глубоко в норах под землей, как делают каждый год, пережидая куда более длинные, чем сорок суток, зимы. И вода к ним не проникнет, как не проникают талые воды, давно научились с ними бороться.

Сейчас этот выживальщик в любых экстремальных условиях приподнялся на всех шести и, вытянув сяжки, ловит мой запах, пытаясь проанализировать на предмет полезности. Муравьи — лютеране, даже протестанты, они все прагматично делят на полезное и бесполезное, но, думаю, находятся среди них и те, кто пытается понять мир, в котором живут...

— Привет, — сказал я, — мы живем в разных мирах... у нас даже физические законы иные... вы для нас куда большие инопланетяне, чем те жукоглазые, что похищают наших блондинок и зверски насилиуют. Но мы когда-то начнем диалог и с вами...

Муравей взмахнул сяжками и помчался дальше, то ли согласился, то ли решил, что в муравейник меня не затащить, слишком узковаты норы для такой добычи.

Я посмотрел ему вслед, поднялся и уже без спешки вдвинулся в расщелину, откуда несет приятным запахом угля и железа.

За поворотом слышится перестук молотов. Я ускорил шаг, но оказалось, что мастерская не за поворотом, а дальше, эхо усиливает грохот; наконец открылась просторная пещера, где в дыму и фейерверке крупных шипящих искр дюжие мужчины бьют огромными молотами по вишнево-красному слитку металла.

Сам кузнец стоит ко мне левым боком и только изредка бросает молотобойцам указания. Когда они остановились и, ухватив клещами, снатуго сунули бруск в бочку с водой, кузнец обернулся ко мне, я содроганием увидел человека... так и хочется сказать — полчеловека, ибо правая сторона сожжена, как понимаю, внезапным жаром. Лицо с той стороны обуглено, жутко и страшно торчит височная кость и скула, от плеча и ниже только голая кость, переплетенная толстыми сухожилиями...

Он хищно улыбнулся уцелевшей половинкой рта.

— Что, страшно?

— Да вроде не дракон, — ответил я как можно более непринужденным голосом. — Хотя если вот так в профиль... и голову чуть выше... можно нижнюю челюсть подать вперед...

Он хмыкнул.

— Ну-ну, даже не изменился в лице. Ты и есть тот самый паладин, о котором даже здесь говорят?

— Я вообще тот самый, — ответил я скромно, — и самый замечательный. И умница. А что говорят?

— Разное, — сказал он злорадно. — Говорят, у тебя лицо прирожденного убийцы.

— Здорово, — сказал я. — Это же какое облегчение для городской стражи! Можно арестовывать по морде еще при въезде в город!

— Хорошо подметил, — согласился он. — А что воин, все равно заметно. Другой бы уже испугался моей блистательной красоты.

Я возразил с сочувствием:

— Творец не смотрит глазами человека. Мы видим только оболочки, а Всевышний смотрит прямо в наши души. Он видит чистые души, грязные, мелкие, подлые, благородные, прожженные, светлые, мохнатые, холодные... и еще много каких.

Он вздохнул.

— Да, конечно... Но мы вроде бы живем в мире людей?

— Когда придет время жить в мире душ, — пообещал я, — ты засияешь среди других дивным небесным светом. Кстати, я паладин, так что уже сейчас смотрю не на одежду... в смысле, на плоть, а зрю как бы в душу... если она у тебя есть, как думаешь?

Он сказал с сомнением:

— Может, лучше не надо? А то такое увидишь...

— Пока не увидел, — заверил я. — Может быть, — сказал я, — как и Целлестрин, ты часть своей души отпустил пока побегать, порезвиться? А то сидит сутками взаперти... Надо же быть милосердным!

Он ухмыльнулся, кивнул молотобойцам и, оставив молоток на рабочем столе, вышел со мной на свежий воздух, поднимающийся со дна огненной бездны, а тот, каким бы ни казался горячим, действительно свежий и даже прохладный в сравнении с тем, что в кузнице.

Я создал большую глиняную кружку, сразу же наполнив ее ромом, почему-то показалось, что именно ром ему понравится больше всего.

— От паладинов, — сказал я. — За людей огня и железа!.. Да здравствуют молот и клещи!

— И наковальня, — ответил он бодро и сделал мощный глоток. — И...

Он закашлялся, жутко перекривив и без того ужасное лицо.

— Передохни, — посоветовал я с фальшивым сочувствием. — У вас, монахов, здоровье слабовато...

Он посмотрел на меня свирепо, черная половина лица медленно побагровела.

— Думаешь, придумал, как создавать вино из огня... так и хвастаешься?

— Вино из огня, — повторил я. — А хорошо звучит!

Прокашлявшись, он сделал второй глоток, прислушался, как жидкий огонь катится по пищеводу.

— А вообще-то... в самом деле такое только для нас, мужчин... Те наверху помрут сразу...

— Потому угощаю только здесь, — сказал я. — Напиток настоящих мужчин!

Он с кружкой в руках оглядел меня оценивающе.

— Я знал, что не утерпишь... Меня зовут Гарнец. Кэпингем говорил о твоих доспехах. Ты пришел потому, что он обещал что-то?

— Да просто время девать некуда, — ответил я. — Сегодня покончили с темной тенью, бесчинствовала почти безнаказанно... и до завтра я свободен. Только завтра старшие братья мною заинтересуются. Слегка.

Он хмыкнул.

— Ну да, время просто девать некуда! Тем более что уже скоро полночь. Люблю людей, что его зря не теряют... Хочешь посмотреть, чем занимаемся?

— А покажете?

Он ухмыльнулся.

— Правильный вопрос. Конечно, покажем. Не все, конечно. И не сразу. А кто интересуется... монах или паладин?

Я пробормотал:

— Неужели я становлюсь похож на монаха? Нужно будет срочно кому-то морду набить. Или насчет дебоша подумать...

Он улыбнулся шире.

— Не поможет. Наш брат Жак дважды в неделю дерется, хотя дебоши устраивает чуть реже... но все равно остается монахом. В нашем монастыре рамки... гм...

— Широкие, — согласился я, — мне это весьма нравится. Так как насчет местных доспехов? Интересно сравнить...

— Можно, — ответил он уже без улыбки. — Брат Кэпингем пообещал выковать для тебя доспехи, каких никто и нигде... Теперь эта задача стала нашей.

— Не парьтесь, ребята, — сказал я дружелюбно, — я же знаю, таких вам не сковать. Это работа гномов! И не простых, а умельцев из южного королевства... где я немножко покуролесил. Здесь сплав орихалка с адамантием, получился особый адамантин, или адамантит, как его называют эльфы, хотя мне больше привычнее адамантер, так его зовут кобольды...

Он хмыкнул скептически.

— Как ни называй, но унобтаний и ценнее, и устойчивее. Его ничем не прошибить...

— Из орихалка был сделан щит Геракла, — напомнил я.

Он скривил рожу.

— И что? Он этим щитом почти и не попользовался, так что нельзя судить о его прочности. А вот доспехи из унобтания ничем нельзя прошибить, в том числе и никакой магией!

— Это уже что-то, — сказал я. — А чем-то... ну, святым?

Он посмотрел на меня остро.

— А это тебе зачем?

— Да так, — ответил я, — приходилось пару раз задираться с ангелами. Когда-то может дойти и до драки.

Он покачал головой, но по лицу я видел, идея создать доспехи одинаково несокрушимые для дьявола

и ангелов кажется соблазнительной, как всякая изящная задача для умелого мастера.

— Надо подумать, — изрек он. — Пойдем, покажу кое-что из наших запасов. Не густо, но все же...

Он оглянулся, сквозь открытую дверь видно, как молотобойцы уложили на широкую наковальню второй брусок, раскаленный почти добела. Гарнец кивнул мне и пошел мимо них прямо в густой от раздуваемых мехов дым.

Я поспешил следом, дым выедает глаза, последние пару шагов сделал почти вслепую, а когда поднял веки, трепет пробежал по всему телу.

Мрачный зал, холодный и пустой, только серые с зеленью стены, уходящие высоко в полумрак, кое-где проемы, но не от древности и ветхости, это скорее пробоины. Камни в этих дырах опаленные, обугленные, а через дыры видно, что там еще есть пустоты.

Гарнец остановился впереди и ждал, выказывая некоторое нетерпение. Я догнал бегом, выдохнул с жаром:

— Никогда бы не подумал...

В дальнем углу странного зала, кто мог вытесать такое и зачем, одинокий стол с тиглями разного размера, а также медной, бронзовой и серебряной посудой, плюс из неизвестного металла, при виде которого у меня появилось нехорошее предчувствие.

Гарнец с ходу сбросил кожаный фартук, мне показалось, что он странно меняется: стал выше ростом, тоньше, черты лица заострились настолько, что и здоровая часть лица стала похожей на ту обугленную. Грубые толстые пальцы потеряли всякую корявость, за мерные стаканчики взялся нежно и деликатно.

— Ты полагаешь, — проговорил он рассеянно и не глядя на меня, — Храм там, наверху? Нет, он здесь...

Глава 14

Я старательно всматривался, как он приготавляет нечто в большой медной чаше. Цвет менялся трижды, жидкость становилась иногда тяжелой и вязкой, иногда легкой, как спирт, какое-то время наматывалась на палочку, которой размешивает, затем палочка вообще оставалось сухой, а мне начало казаться, что жидкость избегает к ней прикасаться, образуя вокруг палочки некий туннель.

После того как приготовил и перелил в большую чашу из непонятного мне материала, пробормотал то ли короткую молитву, то ли заклинание, но вид не набожный, да и какой набожный вид может быть у кузнеца или оружейника?

Напрягся я, только когда он начал медленно водить пальцами по краю чаши, а там началось некое странное брожение, жидкость приняла неприятный зловеще-зеленый цвет, пошел пар, а через пару мгновений там вообще вскипело.

Я спросил шепотом:

— Это что?

— Иначе никак, — ответил он негромко. — Если этим вот покрыть... неважно, металл или дерево, никакой топор или меч даже не царапнет.

— Формула известна? — спросил я.

Он посмотрел исподлобья.

— Конечно. Что взять, с чем смешать, какой нагрев, сколько выдержать, что добавить, потрясти, дать остыть, добавить, снова нагреть...

— Понятно, — сказал я. — От дедов-прадедов?

— От братьев, — ответил он сухо, — которые давно ушли в лучшую жизнь. Они создали Храм, какой он сейчас есть и пребудет вовеки. Как и этот металл, кординит, самый прочный металл на свете!

— Извини, — сказал я, — почему-то подумалось, что хоть здесь знают, что делают. Иногда туплю, думаю о людях лучше... словно Целлестрин какой.

— А что с ним?

Я изумился.

— Совсем ничего не знаешь?

Он буркнул:

— Слышал, он стал чуть ли не святым. Что, правда?

— Ты многое пропустил, — заметил я. — Наверное, на общие молитвы совсем не ходишь?

Он сказал хмуро:

— Был бы я таким красавчиком, как ты...

— Все равно бы не ходил, — заверил я. — Я же не хожу?.. Слушай, а как насчет этого кординита? Я человек, конечно, бедный, как и положено у нас, паладинов, но если сделаешь скидку на добрый нрав, я бы заказал кое-что... а ты бы сделал богоугодное дело, покрыв этим составом мои доспехи.

Он хмыкнул.

— А что я...

На той половине зала раздался сухой хлопок, моментально возник и с бешеною скоростью начал раскручиваться смерч из багрового огня, где по кругу носится нечто темное, от которого пахнуло леденящим ужасом, то ли невесть откуда взявшимся обломки скал, то ли уплотненное пространство-время.

Смерч с дикой скоростью разрастался, свист стал невыносимый, поднялся ветер, а из самого центра, будто из-под земли, ударила струя оранжевого огня.

Гарнец попятился, на лице ужас, я крикнул:

— Бежим?

— Да! — прокричал он. — Это неостановимо...

Мы ринулись к двери, я успел увидеть, как два человека в рясах золотого цвета возникли у основания смерча, и он мгновенно исчез. На короткий миг воз-

никло некое окно, я потрясенно увидел белый снег, синее небо и далекие заснеженные вершины гор... и тут же снова на его месте угрюмые позеленевшие стены, покрытые древним мхом.

Золотые монахи обратили в нашу сторону лица, я потрясенно понял, что рясы не золотого цвета, а из жидкого золота, блестят и переливаются, придавая вместе с величием еще и некую непонятную защиту.

Гарнец сказал торопливо:

— Даже не смотри в их сторону!

Я поспешил отвернуться, хотя перед глазами все еще горят неземным огнем их золотые фигуры, а от нечеловечески прекрасных лиц идет неземной свет.

Отсвет на стенах исчез, я понял, оба незнакомца исчезли.

— Кто они? — спросил я шепотом.

Он буркнул:

— Забудь. Наши шкуры спасли, вот и ладно. Просто забудь, не упоминай нигде. Так принято.

Я проговорил медленно:

— Ты прав, о своей дури лучше не вспоминать даже самим... Или помнить о таких, как о неких вершинах? Если только не тупики... где-то очень высоко. Спасибо тебе, я понял больше, чем ожидал.

— На здоровье, — буркнул он. — Так тебе нужны или нет настоящие доспехи?

— Вообще-то у меня уже есть, — ответил я с осторожностью, — но если сумеешь сделать лучше, кто откажется? Только чем расплачиваться?

Он посмотрел с прищуром.

— Не поверю, чтобы воин с такими руками да не нахватал всякого по дороге!

— Да я обычно по старым и протоптанным, — сказал я.

Он коротко хохотнул.

— Да? Я видел твоего коня. Сам носил ему подковы, как сказали, а потом для пробы дал куснуть брони из алмазита. Так он у меня чуть руку не отхватил!.. А жевал так, что треск было слышно даже в самых глубоких кузницах.

— Ладно, — сказал я, — кое-что есть, иногда в самом деле срезали углы, кто их только и придумал...

— Те и придумали, — пояснил он, — у кого нет коней, которым дороги не нужны. Покажешь? Думаю, сторгуемся. Мне много не надо, но желательно то, чего у нас нет.

— Хорошо, — сказал я, — сейчас принесу.

Он посмотрел оценивающе.

— Сейчас? Или завтра к вечеру?

— Думаю, — ответил я скромно, — минут за десять управлюсь. Самое долгое — четверть часа.

Он оглядел меня испытывающе.

— Ты говоришь так, будто и ты допущен... Или тебе дадено.

— Скорее, дадено, — согласился я. — Так дадено, что еле удрал. А они догоняли и еще добавали от великой щедрости...

Он хмыкнул.

— Ну тогда это не наши давали. От наших бы не удрал.

— Ваши понастойчивее?

— И убедительнее, — добавил он. — Хорошо, подожду. Мне самому интересно.

В свое время я награбил у горных эльфов всяких волшебных вещей целый узел, но разобрался только с клеткой, меняющей размеры, в ней и сейчас уменьшенный до размеров муравья пленник, да еще Зеркало Наблюдений, как называют эльфы, но я убедился, что перемещаться через него можно тоже, хотя есть свои

рогатки. Правда, еще и волшебная раковина, можно призвать корабль-призрак, но пока к ней даже не притрагивался.

Все остальное больше похоже на украшения, чем наверняка и являются в первую очередь, но я чувствую всеми фибрами исходящий от них тревожный и манивший аромат магии, этому уже научился, но самому до всего доискиваться нет ни сил, ни времени, а самое главное — навыка. Это чтобы не сказать честнее, дескать, мозгов не хватает.

Через четверть часа я камнем пронесся до знакомого уступа, брякнулся с силой, чуть не обрушив его в бездну, перетек в человечье тело и прихрамывая пошел в мастерскую.

Кузнецы встретили меня заинтересованными взглядами, понятно, Гарнец уже рассказал о предполагаемой сделке, я прошел гордый и смиренный мимо наковальни и горна в его пещерные апартаменты.

Он окинул меня оценивающим взглядом.

— Ух ты... В самом деле принес или, так сказать, передумал по дороге?

— Тогда бы зачем спускался так далеко? — возразил я.

Он ухмыльнулся.

— Мне уже сказали, что ты можешь крылышками, крылышками... Но не по-птичьи, а как демон, что многим не нравится. Мне, кстати, тоже.

— Крылышки тоже устают, — напомнил я. — Однако новости, как погляжу, у вас быстро разносятся. Хотя про святость Целлестрина узнал только-только!

— А мне его святость нужна? — возразил он. — Неча голову забивать хламом.

Я вытащил из нашитых карманов серьги и две брошки, разложил по столу, показывая их в выгодном свете.

— А это зачем?

— Проверь, — посоветовал я.

Он поглядывал с недоверием, понимает, что привнес не все, лучшее припрятал, даже если еще не знаю, что там лучшее, но вытащил из дальнего ящика шкатулку из черной бронзы, если это бронза, осторожно повернул ключик в замочке и тут же отпрянул.

Крышка с мелодичным щелчком поднялась. Из шкатулки пошел золотистый свет, высветил широкий квадрат на своде, а внизу почти сразу серьги и обе броши засветились синеватым огнем.

Над ними медленно возник некий купол, похожий на прозрачный мыльный пузырь, расширился и заиграл цветными разводами. Над серьгами нежно-голубой, над брошками золотистый, но над одной с примесью недоброй багровости, похожей на пролитую кровь.

Гарнец сглотнул слону и сказал как можно небрежнее:

— Ну... вообще-то... что-то есть. Могу взять на переплавку.

— На переплавку? — переспросил я. — Нет уж, лучше эти серьги я своему коню повешу. И обе броши на грудь. У него грудь широкая, могу вообще всю мою коллекцию повесить.

Он перехватил мою руку.

— Погоди, давай договоримся. Это совсем не ценные штуки, но я, как гостю, сделаю для тебя скидку и скажу хороший панцирь!

— Не пойдет, — сказал я. — Выбирай одну, но за полный доспех. И чтоб зимой в нем было тепло, а летом прохладно!

Он охнул.

— Разве такие бывают?

— Ты сумеешь, — заверил я. — Разве не так?

Он всмотрелся в меня с новым интересом.

— А ты откуда знаешь? Эта догадочность в тебе от паладина?

— Чутье, — ответил я скромно. — Скорее, от Бобика. Так как? Мы с ним делимся. Он интеллектом и чутьем, я ветчиной и жареными гусями.

Он тяжело вздохнул.

— Ладно, за серьги и вон ту брошь. В ней какая-то очень сильная магия...

— За пару серег, — сказал я. — Зачем тебе брошь, ты вроде бы не женщина?

— А если я и серьги носить не собираюсь, — ответил он, — то мне их и покупать нельзя?

— Ого, — сказал я, — а я-то думал, здесь мужской монастырь!

Он сказал невесело:

— Мужской. Но магия этих серег позволит очищать металл от примесей. Понимаешь, не руду, а уже готовый металл!.. А это потруднее. Что еще могут, не знаю, но остальное не так важно...

— Тогда брошь тебе ни к чему, — сказал я решительно. — Ты кузнец и оружейник или кто? Настоящий мужчина не распыхается.

Он подумал, тяжело вздохнул.

— Ладно, чего не сделаешь для... почетного гостя? Может быть, ты и человек вообще-то хороший, хотя не умеешь себя показать, а все свинья свиньей... Хоть и себе в убыток, но хозяева должны быть гостеприимными, Господь потом возместит мне убыток.

Он сграбастал серьги, как мне показалось, достаточно поспешно, пока я не передумал, так что у меня осталось впечатление, что я продешевил, но по его лицу заметно, думает то же самое, а это значит, сделка состоялась на взаимовыгодных условиях, когда ни одна из сторон не получила явного преимущества.

Глава 15

Возвращаясь из преисподней рудокопов, кузнецов и оружейников, хотя до самих рудокопов еще не спускался, я обнаружил в большом зале монахов такую огромную толпу, какую вряд ли удавалось согнать и на капитулы.

Меня заметили сразу, у одних на лицах сразу появилось выражение неодобрения, у кого сдержанное, у кого ярко выраженное, кто-то смотрит вообще с негодованием, но некоторые — с одобрением и даже тайным восторгом.

Поляризую общество, мелькнула мысль. Хорошо это или плохо? Похоже, моя роль внейтрализации темной тени не перевешивает отрицательный эффект от порхания в виде гигантского нетопыря, да еще с холдной жабьей кровью.

Ко мне протолкался юркий Смарагд, сказал, живо блестя глазами:

— Вы так вовремя, брат паладин!

— Я всегда вовремя, — сказал я скромно, — особенно к обеду. А что я чуть не пропустил?

— Изгнание, — прошептал он горячо. — Такого у нас не было почти сотню лет! Потому все и пришли.

— И здесь панэм эт цирцэнзэс, — сказал я. — Что ж, монахи тоже как бы люди в некотором смысле и аксепте. Или их согнали для воспитательного эффекта?

Ответить он не успел, донеслись медленные и печальные звуки колокола. Все затихли, я тоже прислушался, что-то не так, не сразу сообразил, что впервые слышу звучание сразу двух колоколов.

Знаменитый Петр Дамианский осуждал «бесполезное звучание колоколов», но все же мудро купил по одному на монастырь «из милосердия к человеческой

слабости и к человеку, этому хрупкому существу, которое не может отказаться от ностальгических звуков, баюкавших его в детстве».

Но все же в большинстве монастырей запрещают использовать колокола весом больше пятидесяти фунтов, не разрешают звонить в два колокола одновременно, здесь немыслим шутовской перезвон, когда оголтенный дурак носится по колокольне и дергает за десятки веревочек, там подобное языческое кощунство называется колокольным перезвоном или даже музыкой.

Смарагд перекрестился.

— Сколько же в человеке, — сказал он грустно, — даже таком чистом, всяческих нечистот!

К нам протолкался могучий Гвальберт, держа в кильватере понуренного Жильбера.

Жильберт сказал грустно:

— Если даже в таком чистом, как брат Целлестрин...

Он зябко передернул плечами.

— Да, — сказал Смарагд сочувствующе, — в тебе точно побольше. Если бы выкарабкалось такое же темное из тебя... ого, я даже не представляю, что это было бы!

— Размером с облако, — сказал Гвальберт.

Жильберт вздрогнул, побледнел, быстро перекрестился и поплевал через левое плечо, повернувшись им к Смарагду. Тот ткнул его кулаком в бок.

— Да, — согласился я, — говна в каждом немало. А есть и такие, что как будто совсем из этого материала. Их так и называют говнистыми... Но для того и устав, чтобы не давать говнистости даже высовываться.

— Устав только у нас, — ответил он печально, — но монахов капля в мирском море.

— Эти капли, — объяснил я, — центры кристаллизации всего лучшего на свете!.. А для простого народа существуют десять заповедей, на основании которых сами

же люди и разработали законы. Если в заповеди сказано «не убий», то в законе подробно расписано, кому какое наказание за убийство умышленное, какое за неумышленное, какое за убийство с грабежом, а какое с изнасилованием... Так что даже нечистые люди в рамках заповедей, подкрепленных строгим законом, могут жить чисто, пусть и поневоле, и даже строить Царство Небесное!

Они смотрели на меня с надеждой.

— Брат паладин, — сказал Жильберт с запинкой, — это вы нас утешаете?

— Ничуть, — ответил я. — Все человечество — это огромная армия ремесленников! Вы только успевайте поставлять ему инженеров и зодчих.

Толпа заволновалась, послышались голоса: «сам аббат», «ведут двое», «какой же бледный», наконец из-под стрельчатой арки показалась группа священников, во главе аббат и приор, дальше деканы, келарь и прочие, а замыкают шествие трое в черных рясах, каких я еще не видел здесь, средний — Целлестрин, в самом деле бледнее бледного, еще больше исхудавший и жалобный.

Я быстро зыркнул на несчастного подвижника, на заполненный монахами зал, острое сочувствие пронзило сердце. Старшие братья поступают абсолютно верно, Целлестрину здесь не место. По множеству причин, среди которых гибель монахов не самая важная.

Он погибнет, мелькнула мысль. Эта бедная овца погибнет не от мирской неустроенности, а от того ужаса, что натворила. Он будет терзать себя раскаянием, чувство вины будет жечь его изнутри, пока не умрет от переполнившей его горечи и страдания.

Аббат оглядел всех запавшими глазами из-под морщинных бровей, вскинул руку, широкий рукав соскользнул до плеча, обнажив руку почти такую же высохшую, как правая у Гарнела.

— Сегодня у нас скорбный день, — проговорил он слабым голосом, но заполнившим собой весь зал. — Мы удаляем из своих рядов брата Целлестрина, что был излишне ревностен в аскетизме... чем навлек на монастырь и живущих в нем братьев беду. И да будет это для остальных примером и предостережением!

Кроссбрин кивнул здоровякам в черных рясах, что поддерживают Целлестрина, тот едва стоит на ногах, и те вывели его вперед.

Отец Мальбрах, как елемозинарий, вышел вперед с увесистой котомкой и умело надел ее Целлестрину на спину, деловито выворачивая ему вялые и безжизненные, как у куклы, руки.

— Готово, — сказал он.

Я слушал последние ритуальные слова изгнания, в груди нарастают злость и тоска, нельзя же вот так отправлять человека на верную смерть, заставил себя шагнуть вперед, в голове пронеслась ослепительная мысль: а оно мне надо, не мое же дело, не стоит портить отношения с руководством, но как будто и не я, а нечто из меня сказали громко, стараясь придать голосу максимум смиренния и кротости:

— Как паладин и единственный здесь представитель паладинства, хочу... а также имею полное право добавить...

Приор нахмурился и что-то быстро шепнул отцу Мальбраху, я ощущил, что сейчас меня прервут и вырут, дескать, не мое собачье дело, это внутреннее дело Храма, и сказал еще громче:

— ...хочу добавить, что настоятель монастыря и его совет поступили абсолютно правильно и справедливо!..

Отец Мальбрах остановился с его поднятой для шага ногой, как охотничий пес, повернул голову к приору. Тот кивком велел ему погодить, речь этого заезжего паладина явно хвалебная, такое прерывать грех.

— Есть Устав, — продолжил я громко и вдохновенно, стараясь, чтобы меня не просто слушали, но и проникались, — есть Правила, которые были приняты после тщательнейшего разбора каждого слова, каждого момента, после чего папа римский утвердил Устав, и тот стал непреложным законом, на страже которого стоят аббат Бенедарий, приор Кроссбрин... и другие старшие братья.

Кроссбрин расслабил напряженные мышцы лица, на глазах превращаясь из приготовившегося к прыжку голодного хищного волка в... не овцу, конечно, а в волка сытого и довольного.

— Такое случалось, — сказал я, — случается и еще долго будет случаться!.. Первым был изгнан наш прародитель Адам, ему пришлось покинуть безмятежную жизнь в раю и окунуться в ужаснувшую сперва жизнь за его пределами. Однако он нашел в себе силы выжить и обустраивать дикую землю, постепенно превращая ее в цветущий сад, подобие рая... Вторым был изгнан самим Адамом неистовый Каин, убивший брата и положивший начало всем убийствам на земле. Но Каин не погиб в еще более диких землях, а сумел выжить, дать начало великим племенам и народам, первым основал города и создал то, что называем цивилизацией. Все мы дети Адама, но все мы и дети Каина, хотим того или не хотим, и от Каина в нас намного больше, чем от тихого благочестивого Сифа...

Весь зал, заполненный монахами от стены до стены, превратился в один распахнутый рот, все смотрят с вытаращенными глазами, но и горящими в непонятном... вообще-то мне понятном, восторге глазами.

Аббат нахмурился, смотрит строго, но я вижу на его лице понимание, зато приор снова начал беспокойно подергиваться. Старшие братья за их спинами

смотрят бесстрастно, мне даже показалось, что большинство думает о своем, каждого из них оторвали от важного дела ради всего лишь ритуала.

Я повернулся к Целлестрину. Он поднял голову и смотрит на меня с испугом и надеждой.

— Целлестрин! — сказал я. — Ты понимаешь, что тебе повезло?

Он проговорил хрипло и с душевною болью:

— Повезло? Меня изгоняют...

— Создатель, — заверил я, — посыает тяжкие испытания тем, на кого рассчитывает! Остальные ему просто неинтересны. Величайшее испытание мужества — потерпеть поражение и не пасть духом. А ты даже не потерпел поражение!

— Брат паладин?

Я сказал с подъемом:

— Это изгнание — дорога к твоей настоящей славе!

Только там, в подлинном жестоком мире, который мы должны облагородить и превратить в Божий Сад, ты и покажешь свою настоящую мощь... если выдержишь испытание несправедливостями жизни.

Он прижал руки к груди.

— Брат паладин!

— Помни, — сказал я торжественно, — тебя не изгоняют, а отпускают... Отпускают в мир. Даже, можно сказать, направляют... ну, неофициально. Не афишируя. Как Создатель послал Адама, далеко послал, но подано было так, будто выгнал... Но мы-то знаем! Мы смотрим, что получилось из этого изгнания. и потому прозреваем великую мудрость Творца, который тоже якобы изгнал... ну да, изгнал!.. Так что тебе оказаны великая честь и доверие. Ибо ты показал себя в монастыре, покажешь и в миру.

Отец Хайгелорх быстро зыркнул на меня, сказал Целлестрину:

— А про то, что случилось... Будь ты занят мирскими делами и мирскими заботами, ты бы никогда не выпустил из себя темную часть.

Отец Леклерк добавил, как он обычно делал, проясняя мысли слишком уж возвышенного Хайгелорха:

— Да, как брат паладин речет, это не наказание, как ты думаешь и как могут подумать некоторые. Да, это доверие! И осознание твоей силы, которая на открытых просторах совершил больше великих дел, чем взаперти.

Отец Хайгелорх сказал житейским тоном:

— В мирской жизни и так простые люди каждый день выпускают из себя темноту каждый день... Но по немногу. На жену накричит иной, собаку пнет, с соседом полается, а здесь от тебя требовалось слишком много.

Хайгелорха прервать не решился даже Кроссбрин, все-таки претендент на кресло настоятеля, вдруг да победит, потому Кроссбрин молчал и лишь теребил серебряный крест на груди.

К Целлестрину начали подходить, осмелив, монахи, одни просто кланялись и крестили его, другие обнимали, хлопали по плечам и спине, сняли с его спины суму, дескать, еще натрет себе ею спину, а пока они помогут донести хотя бы до ворот.

Отец Хайгелорх проводил взглядом провожающих, целая толпа двинулась с Целлестрином, затем развернулся и совсем не старческой походкой направился ко мне, за ним еще несколько священников, как за лордом верные вассалы.

Я насторожился, но на лице изобразил предельное смирение и предельную кротость, все мы, дескать, белые овечки.

Он посмотрел мне в лицо, покачал головой.

— И все-таки, брат паладин...

Я спросил смиленно:

— Вы чем-то недовольны, отец Хайгелорх?

Он вздохнул.

— Любезный брат паладин... Надо ли было это говорить брату Целлестрину?

— Простите, — сказал я крайне почтительно, даже перепочтительно, — я что-то сказал неверно?

Он поморщился.

— Я имел в виду, надо ли было говорить именно так?.. Да, это верно, жестокие и несправедливые люди побеждают в жизни, они сильнее, однако это... это...

— Тупик, — подсказал я.

Он взглянул остро и с некоторой неприязнью.

— Вы, похоже, что-то понимаете, брат паладин. Даже странно. Так вот, чтобы из тупика выбраться, нужно растить в себе доброту и милосердие. Только так все общество станет выше и сильнее! А вы говорили так, словно Адам и Каин — лучшие люди на свете, которым мы обязаны всем.

Я ответил миролюбиво:

— Вообще-то так и есть.

— Брат паладин!

— Разумеется, — уточнил я, — верно не то, что лучшие люди, а что им мы обязаны всем... что так ценится в мирской жизни.

Он остро взглянул мне в глаза, но промолчал, как промолчал и я. Конечно же, он, как и я, прекрасно знает, что начало миру, в котором теперь живем, дали сыновья Каина, а не кроткого и богообязанного Сифа. Каин выстроил первый на земле город, и теперь всюду города, его внук Тувалкаин освоил выплавку меди и железа, и вот теперь живем в железном веке, научился ковать не только доспехи и оружие, но и дивные по красоте украшения, что категорически отвергает церковь, однако простой народ жадно украшает

себя ими, другой внук Ювал сделал первую свирель и научил людей играть, потом придумал лиру, а Явал показал всем, как строить шатры, и усовершенствовал кочевое скотоводство... а что сделали за это время потомки Сифа? Пасли скот и усердно молились.

— В мирской, — повторил он с нажимом, — всего лишь в мирской!

— Это наш мир, — напомнил я. — Мы отгородились в монастырях не для того, чтобы уйти от мира, как многие думают по неразумению своему.

— Брат паладин?

Я поинтересовался с изумлением:

— Что, и вы так думаете, брат Хайгелорх?.. Не-е-ет, мы в монастырях потому, чтобы мир не размыл нас, не поймал в свои сети по отдельности. Здесь мы поддерживаем друг друга, помогаем один другому устоять против излишней кайноизации. Отсюда, из монастырей, мы забрасываем в мир зерна грамотности, учености, лучшего устройства общества, милосердия, запреты на войны и на оружие... Но сами монастыри оставляем, как крепости! Наш главный враг — мир!.. И его мирские суеты.

Он помолчал, затем перекрестил меня.

— Ты мудр, брат паладин.

— Не я, — признал я честно, — это все усвоенное из хороших книг и от хороших учителей. Ни один человек не может быть мудрым без хороших книг и мудрых учителей.

Он кивнул.

— Говоришь мудро, брат паладин...

Я покосился на остальных, большинство смотрит все еще с непониманием, умности с ходу воспринимаются только умными, остальным нужно время и долгие размышления, разговоры на эти темы.

— Отец Хайгелорх, — сказал я, — с этим вопросом закончили, надеюсь. Ведь закончили?.. Теперь пора бы

нам всем поговорить о главном и даже самом главном...

Брат Жак, стоя смиро в сторонке с молодыми монахами, услышал и сделал жест, дескать, о главном? Наливай!

— О главном, — переспросил Хайгелорх задумчиво, — это, конечно же, о служении Господу?

— Разумеется, — ответил я. — Вы же все знаете, из-за чего я приехал. Только чтобы лучше послужить Всевышнему и попробовать уберечь созданный им мир от разрушения. Времени мало, потому давайте сразу: что такое Маркус, его возможности, слабые места... По вашему прямому и недвусмысленному повелению можем двинуться в палаты, где столы и диваны, но рассказывать можете прямо по дороге.

Хайгелорх усмехнулся, оглянулся на своих вассалов.

— Какой напор, какая страсть! Неужели и мы были когда-то такими?

Священники смотрели на меня с ужасом и непониманием. Один сказал резко:

— Мы? Никогда!..

Второй подтвердил:

— Я бы вообще покончил с собой, несмотря на смертный грех...

Хайгелорх проговорил со скорбным вздохом:

— Да, я тоже почти забыл, что в молодости... гм... в самом деле, пойдемте отсюда.

Я быстро оглядел зал. Аббат уже исчез, но приор и его группа наблюдают за нами строго и настороженно. Как только Хайгелорх двинулся через зал, а за ним его группа, то приор со своими помощниками и сторонниками пошел следом, что, на мой взгляд почти искушенного интригана, говорит о возрастающем влиянии отца Хайгелорха, претендента на кресло аббата.

Часть третья

Глава 1

Мы расположились в небольшом и почти уютном зале, хотя и обставленном со всей строгостью и непримиримостью к излишествам и суетному украшению: длинный стол, два ряда простых стульев со спинками и широкими подлокотниками, но никаких мягких обивок, резных ножек.

Дежурящие монахи принесли серебряные чаши и кубки, перед всеми расставили по какому-то сложному ритуалу, во всяком случае, Хайгелорху, мне и Кроссбрину досталось последним.

Еще двое молча явились с большими кувшинами, но еще до того, как вино полилось в чаши, я сказал напористо:

— Прежде всего, что представляет из себя Маркус?

Священники кто поморщился от такого бесцеремонного начала, кто опустил голову, то ли не находя ответа, то ли стыдясь за меня, не умеющего начинать беседу издалека и постепенно.

Отец Мальбрах перекрестился и сказал со вздохом:

— Кара Божья.

— Орудие Сатаны, — немедленно возразил отец Леклерк.

Отец Мальбрах проговорил с нажимом:

— Это кара Господа! И у нас есть почти неопровергимые доказательства...

Отец Леклерк уточнил вежливо:

— Доводы.

— Доводы, — кисло сказал отец Мальбрах, но метнул в сторону отца Леклерка злой взгляд. — Весьма веские. И убедительные.

— Для тех, — отпарировал отец Леклерк, — у кого нет головы. Понятно же и без доказательств, что это происки Сатаны!

— Какие доказательства нужны тем, — согласился отец Мальбрах, — у кого вместо мозгов...

Я сказал громко:

— Братья, простите смиренного послушника, однако кто знает что-нибудь конкретное? Его размеры... я говорю о Маркусе, как действует, какого размера десант?

Кроссбрин взглянул с неудовольствием, поморщился, ответил с легким пренебрежением:

— Паладин везде паладин, не так ли? Его пока не занимают высокие вопросы... и высокие ответы. Ему важен свой огород и чтоб корова хорошо доилась. Я имею в виду, чтобы меч не остывал от пролитой крови.

Я ответил смиленно:

— Вы правы, святой отец. Я только стремлюсь всей душой к высокому, но помыслы мои, увы, пока что простые, житейские, мирские. И пока вы возлифтываете мыслями к небесам, я постарался бы облегчить ваши земные заботы...

Он кивнул, сказал довольно:

— Это хорошо, что ты это понимаешь, сын мой. А то иногда приходят такие заносчивые... Земные заботы да, вы правы, иногда донимают. Вот отец Ашир-

вуд расскажет подробно, чем надлежало бы со всем смириением заниматься в нашем Храме и монастыре...

— Спасибо, — сказал я, — спасибо, отец Кроссбрин. Я весьма как бы ценю вашу заботу. И отца Аширвуда тоже как бы ценю и весьма оцениваю. Я просто уверен, что вы все в лепешку расшибетесь, но обратите наконец-то внимание на приближающийся Маркус.

Отец Хайгелорх допил вино и с неудовольствием поставил кубок на стол.

— Брат паладин... а чем мы сейчас и занимаемся?.. Ты мог бы заметить, не будь так занят, что монастырь уже начал неспешно и планомерно перемещаться под землю.

Я сказал горько:

— То есть бегство.

— Отступление, — ответил Хайгелорх мирно. — Перед неодолимой силой. Мудрое и правильное отступление.

— А чтобы подсластить пиллюю, — сказал я, — была озвучена версия, что это Божья кара, потому ей грех противиться?.. Чтобы умаслить свою совесть.

Приор сказал резко:

— Брат паладин, не забывайтесь! Это не просто наше мнение. Это воля Господа!..

— Наше толкование воли Господа, — уточнил я. — А еще точнее, ваше толкование, отец Кроссбрин. Нет-нет, я не спорю, этого же мнения придерживается и очень большая группа священников... возможно, подавляющее большинство. Так гораздо комфортнее для нашей совести.

Кроссбрин сказал веско:

— Вы правильно сказали, брат паладин. Подавляющее большинство! Именно подавляющее.

Я сказал зло:

— Понимаю, прибытие Маркуса — неизбежность, бороться с ним никак, потому появляются тысячи причин, почему это нужно и даже как бы хорошо. Надеюсь, еще никто не говорит, что разрушения, которые сотворит Маркус, — благо?

Леклерк, на поддержку которого я так надеялся, помалкивает, смотрит то в чашу, то в стол, отец Хайгелорх криво улыбнулся, но ответил с едкой горечью:

— Представьте себе, уже есть и такие.

— Здорово, — сказал я пораженно. — И чем же объясняют?

Он махнул рукой.

— Вы же знаете, все можно объяснить и оправдать...

— Все, — ответил я после паузы. — Вон даже стасть и затем смерть любого человека повернули так, что это благо и необходимость для общества. Дескать, смена поколения, нужно освободить жизненное пространство... хотя если собрать всех людей на свете в одно королевство, самое крохотное на свете, то и там будет наполовину пусто...

— Что делать, — сказал он трезво, — человек нуждается... не сколько в утешении, а в вере, что жизнь его не оборвется, что продлится и после смерти, а потом станет бессмертным. И что надо трудиться, быть хорошим и справедливым, после смерти все зачтется и воздастся... Так и с Маркусом, сын мой. Все понимают, что это неизбежно. Но человек не может мириться с неизбежностью, без надежды просто умрет. Потому всегда старается найти выход хотя бы в надежде на чудо...

Чудовищной катастрофе всемирного потопа, подумал я с горечью, нашли объяснение и оправдание, мол, на благо, те люди были плохие, а спасся только самый лучший... что в какой-то мере верно, выживает силь-

нейший, и мы ведем род от сильнейших, точно так же дадут объяснение и Маркусу, дескать, погубил плохих и пощадил хороших...

Это тоже в какой-то мере верно: большинство населения, слишком слабое и ленивое, примут свою участь покорно, как скот, и погибнут почти все, выживут самые деятельные, что запасут достаточно зерна и устроятся возле подземных ручьев, а потом сумеют пробиться к поверхности...

Я с силой стиснул кулаки. Похоже, уже и я начинаю исподволь смиряться с поражением и пытаюсь найти в катастрофе нечто положительное. Как же, выживет только каждый сотый, а то и тысячный, зато это будут супермены!.. Как будто это я обрезал мышам хвосты и спаривал, чтобы получить бесхвостых...

Накал страстей приутих, священники подают дежурящим знаки, чтобы те наполнили чаши, переговариваются негромко, день сегодня тяжелый, расстались с братом Целлестрином, что взлетел так быстро и высоко, но тем неожиданнее была катастрофа... а тут еще неприятный разговор о Багровой Звезде, хотя каждый старается о ней вообще не думать...

Хайгелорх медленно отхлебывал вино мелкими глотками, за широким окном догорает великолепнейший закат, изысканный в суровой строгости, без варварски пышных красок юга, а именно сдержанnyй, элегантный, стильный...

— Подумать только, — произнес он медленно, — все исчезнет с лица земли, а эта красота будет повторяться каждый... или почти каждый вечер.

— Это напоминание, — сказал я, — что мы должны отстоять эти закаты для себя, а не только для муравьев.

— Однако же, — сказал он задумчиво и негромко, однако к нему сразу начали прислушиваться, — когда Господь перетопил человечество и позволил спастись

только лучшему из лучших, он резко улучшил породу людей, разве не так? Они снова расплодились по всем землям, но теперь человечество стало намного нравственнее, работоспособнее, чище...

Отец Мальбрах победно вставил:

— Вообще лучше. Во всем.

— Во всем, — согласился отец Хайгелорх. — Брат паладин, то же самое произойдет и на этот раз. Маркус уничтожит гречное человечество, но по Божьей воле спасутся самые сильные, самые работоспособные и энергичные...

Я добавил едко:

— А главное, спасетесь вы со всем храмом и монастырем?

Он кивнул, ничуть не обидевшись.

— Брат паладин, но ведь это для дела! Для улучшения человеческой породы. Мы сразу же можем установить для выкарабкивающихся из-под руин уцелевших правильный образ жизни. И народы пойдут к свету быстрее, избегая прошлых ошибок и тупиковых путей.

— Потому, — добавил отец Аширвуд, в голосе прозвучало сочувствие, — большинство после длительных размышлений, споров и бурных дискуссий пришло к выводу, что хотя это и жестокое решение, но оно единственное верное. Конclave высших священников Храма решил одобрить действия Господа по очищению земли от гречного человечества, дабы дать начало новому, более чистому и нравственному.

Я решил пропустить мимо ушей пассаж, что они решили, видите ли, одобрить действия Всевышнего, спросил быстро:

— А меньшинство?

Отец Кроссбрин напомнил с неудовольствием:

— Не меньшинство, как сказал отец Аширвуд, а абсолютное меньшинство!

— Меня всегда интересовало меньшинство, — пояснил я вежливо. — Большинство... это... простите, нет, лучше умолчу, а вот праведники и подвижники никогда не были в большинстве! Однако же, как все мы знаем, Господь сохранял мир только ради них. Я просто безумно счастлив, что в Храме есть такое меньшинство!

Кроссбрин сказал едко:

— Оно слишком уж малое, ваше меньшинство!

— Ной был совсем уж меньшинством, — напомнил я. — Хотя я абсолютно согласен с вами, отец Кроссбрин, что люди, которых Всеышний перетопил, в самом деле были полнейшей дрянью! Если учесть, что лучший из лучших из них, Ной, с нашей точки зрения тоже далеко не идеал и сам пил как последняя свинья, и его потомство в Содоме и Гоморре устроило всякое интересное непотребство...

— За что в той долине пять городов и были сожжены, — проговорил отец Мальбрах, выказывая эruption, потому что тупые и малограмотные сказали бы только про два города. — Так что мы все еще те...

— Нет! — сказал я резко. — Из всего огромного рода человеческого был выбран все-таки самый здоровый и сравнительно устойчивый к дряни отводок!.. А пример Содома и Гоморры только доказал, что это отдельные язвы, поражающие немногие места, но человечество в целом топает в верном направлении, очищается, становится лучше, и главная заслуга в этом принадлежит церкви!

Отец Форенберг сказал задумчиво:

— Даже не представляю, каковы были те, если Ной среди них был образцом чистоты и нравственности... И что они там такое вытворяли...

Кроссбрин сказал резко:

— И не представляйте! Сегодня же вам назначаю покаяние, исповедь и молитвы на всю ночь!

— За что?

— Грешить нельзя даже в мыслях, — отрезал Крос-сбрин лютко. — А вы, судя по вашей блудливой и мечтательной улыбочке... нет, мне тоже сегодня нужно будет помолиться и почистить все тайные уголки души.

Я слушал, поворачивая голову то к одному, то к другому, злость нарастает медленно, но за время пустой болтовни, чем она является на мой взгляд, набралось на небольшое озеро.

— Покаяние, — проговорил я таким голосом, что все умолкли, — просто замечательно... Даже необходимо! Как жить без него — не понимаю... Но мы зашли сюда, как я понимаю, чтобы без помех поговорить о том, как нам дать отпор Маркусу...

Хайгелорх деликатно поправил:

— Сперва решить, сумеем ли.

— Сперва решить, — согласился я, — а потом врезать, согласен. Но о чем говорим? О чем угодно, только бы не о главном и самом важном?

— Именно потому, — сказал отец Мальбрах, — что на самом деле сказать нечего, брат паладин. Вообще-то не от хорошей жизни начинаем перетаскивать библиотеку в самые глубокие пещеры. Полагаете, если бы у нас была возможность...

Я отрезал:

— Полагаю!

— Но как вы можете...

— Могу, — сказал я еще злее. — Слишком многие надеются выйти из пещер и сразу стать королями!.. Что, не так? Отец Кроссбрин, вы не у тех заприметили блудливые глазки! Я вижу еще и блудливые помыслы!

Приор мрачно посмотрел на меня, но не ответил. Почему-то промолчали и другие. После паузы Хайгелорх

лорх проговорил задумчиво, совершенно не обращая внимания на мой разъяренный вид:

— Ну что, вы этого хотели?

Я хотел ответить, хотя и не понял реплики, затем сообразил, что обращается не ко мне.

Кроссбрин буркнул:

— Полагаете, он годится?

— Не очень, — ответил Хайгелорх. — Но почему не попробовать?

Отец Леклерк поднял голову и сдержанно улыбнулся. Кроссбрин сказал с неудовольствием:

— В нем, как все мы видим, слишком сильна кровь Змея. Либо не выдержит искус, либо употребит полученную силу на свое возвышение и удовлетворение своих низменных страстей.

Отец Мальбрах тут же добавил:

— Хотя нам и нужен дикарь, способный биться яро и проливать кровь недрогнувшей рукой, но в то же время...

Он запнулся, подбирая слова, отец Хайгелорх сказал благожелательным голосом:

— Отец Мальбрах, как я понимаю, хочет сказать, что если бы взять свирепого дикаря и, к примеру, брата Целлестрина, смешать их в одного человека, то получился бы как раз такой... гм... стоящий посредине. И кровожадный по натуре, и в то же время стремящийся к всеобщему благу.

Я зыркнул на него с подозрением, случайно ли говорит так ясно, или же это лишь философские раздумья. Но на самом деле я достаточно дик, как все молодые, и в то же время видел больше, чем остальные люди этого мира...

— Хорошо, — сказал я, — вы нашли этого дикаря. Я сам пришел! Меня всю дорогу пугали искусствами

и тяжкими испытаниями, но... может быть, не будем тратить на них время?

Отец Мальбрах смотрел на меня из-под приспущеных век, голос прозвучал почти сонно:

— Что вы имеете в виду, брат паладин?

— Давайте подумаем, — сказал я, — как остановить Маркуса. Мне в том мирском... э-э... мире уши прокужжали про невероятную мощь обитателей Храма. А что оказалось?

Кроссбрин скептически искривил губы.

— А оказалось, что мы не в состоянии убить даже мышь. Верно?

Я промолчал, потому что все только вздыхали и отводили взгляды. Наконец Леклерк проговорил с тоской:

— Наверное, мы можем сказать брату паладину? Он так много для нас сделал... В общем, всесильность наша только в самом Храме. Покидать его не можем... Понимаете, брат паладин, не можем... это совсем не то, что не хотим.

Я ощущал себя не в своей тарелке, спросил довольно глупо:

— Совсем?

Он кивнул, сказал совсем уж мрачно:

— Однажды брат Каролинус, пройдя все испытания, уверовал в то, что сумеет выйти из Храма и принести миру полученную здесь истину...

Я спросил:

— И что с ним?

— Он исчез, — ответил Леклерк, — на пороге Храма. От него ничего не осталось, ни волоска, ни ресницы, ни запаха... Как исчезает тень, когда зажигают свечи, что породило еще одно предположение о том, кто есть мы...

Я помолчал, неудобно такое спрашивать, но, с другой стороны, мы же здесь все называем друг друга братьями...

— А кто... вы?

Он отвел взгляд.

— Предположений, как я уже сказал, много.

— Хорошо, — сказал я поспешно, — я так просто... я же новичок, а новички люди простые, любопытные. Если не можете покидать Храм, то могу я. Если нужно выкопать где-то зачарованный меч — как же они дошли! — только крякните, сбегаю и вырою раньше, чем. То есть я готов рыть на ровном месте!

Они переглядывались, молчали, но меня не оставляло ощущение, что обмениваются хотя бы репликами, но я почему-то единственный здесь глухой как тетеря. Тетеря — это, наверное, тетерев, хотя тетерева, как знаю, птицы с прекрасным слухом.

Хайгелорх сказал после тягостной паузы:

— Давайте отложим решение до завтра. Я за то, чтобы дать брату паладину проявить свое естество, о котором он говорит... гм... без всякого отвращения.

Я просиял, но спросил на всякий случай:

— А я не сгорю... переступив порог?

Он покачал головой.

— Вы же не монах.

Глава 2

Бобик наскакивал на меня, валял по полу и требовал играть с ним, раз уж мы заперты в этом каменном муравейнике. Иногда поддавался, и тогда я наваливался на него и впивался зубами в горло, но у него там такая шкура, что только довольно похрюкивает, вытягивает шею и просит почесать зубами еще.

Я даже не заметил в азарте схватки, когда чуть приоткрылась дверь, монах заглянул вполглаза и сказал торопливо:

— Брат паладин, вас ждет аббат с отцами Храма.

Я оставил Бобика, развалившегося в истоме на полу, поднялся. Монах торопливо поклонился, глядя на мой громадный рост.

— Ого, — сказал я, — с отцами Храма... Звучит! Как отцы церкви. В самом деле они строили Храм?

Монах застеснялся, торопливо поклонился и пробормотал:

— Идите за мной. Здесь рядом.

В соседнем зале аббат Бенедарий, приор Кроссбрин, отцы Мальбрах и Форенберг, все переговариваются слишком эмоционально и в несвойственной для монахов манере, тем более для священников высокого ранга, но когда заметили мое приближение, умолкли разом и повернулись в мою сторону, очень серьезные и настороженные.

Кроссбрин сказал сухо:

— Мне пришлось приложить изрядные усилия, чтобы собрать тех, кто знает о проблеме.

— А где пятый? — спросил я.

Отцы Мальбрах и Форенберг обменялись взглядами, но смолчали, а Кроссбрин ответил с резкостью:

— Брат паладин, не испытывайте наше терпение. В другой раз не соберете и троих. Да я и сам не приду.

— Хорошо, — сказал я. — Будем считать, что кворум есть. Пойдемте, что-то покажу. Надеюсь, что покажу.

Кроссбрин спросил:

— Но можете и не показать?

— Я бы вам еще не то показал, — заверил я, — но не все зависит от меня, что вообще-то странно, как думаете? Я тоже удивляюсь и удивляюсь...

На всякий случай я шел медленно, все-таки старики, да и солидность не позволит идти быстро, это же ронять достоинство, а монахи по части этикета дадут сто очков рыцарству.

По дороге иногда попадались монахи, но Кросбрин делал легкий жест рукой, и все поспешно исчезали.

Я долго вел по лестнице вниз, престарелый аббат спускался медленно, несмотря на помощь, наконец впереди показалась келья с разбитой дверью.

— Кто-нибудь помнит, — поинтересовался я, — кто здесь... обитал?

Кросбрин зло ответил за всех:

— Все знают, почему мы спустились сюда!

— Ах да, — сказал я, — тогда заходите...

Ударами ноги я обрушил оставшиеся обломки двери, отшвырнул в сторону, чтобы никто не запнулся и не упал, а то костей не соберешь, снова буду виноват.

Они заходили один за другим, остановились у стены возле входа. Я протянул кирку отцу Кросбрину.

— Честь раскрыть древнюю тайну мы доверим, как я надеюсь, нашему приору! Под руководством которого мы уверенно и с песней. В смысле, с молитвой... Отец Кросбрин, нужно выковырять вот этот каменный блок.

Он посмотрел на кирку, на меня.

— Надеюсь, мы получим объяснения?

— Как только, — заверил я бодро, — так сразу!.. Я не думаю, что камень так уж крепко держится.

Он поморщился, но ударил довольно умело, разбивая застывший цемент, если это цемент, но им вообще-то пользовались еще римляне, но не это важно, Кросбрин бил часто и сильно, каменный блок дрогнул и зашатался.

Кроссбрин отбросил кирку и взялся обеими руками за камень. Покраснев, долго тащил на себя, дергая из стороны в сторону, выволок его и поспешно уронил на землю, тяжело дыша.

Я заметил мирно:

— А отец Терц вытащив его одной рукой.

Настоятель впервые нарушил свое молчание:

— Откуда вы знаете?

— Сам видел, — пояснил я. — Отец настоятель, может быть, вы лично достанете из этого тайника...

— Что? — спросил он.

— Не знаю, — признался я. — Но я знаю, что отец Терц спрятал там некие бумаги.

Кроссбрин посмотрел на аббата, на меня, оставил кирку и, сунув руку в темную выемку, пошарил там. Шарил долго, у меня екнуло сердце, а вдруг там пусто, опозорюсь еще как, петушился, топорщил перья, распускал хвост, а тут такой облом...

Все охнули, когда Кроссбрин вытащил свернутый в трубочку лист бумаги, с поклоном передал его аббату, даже не сделав попытки развернуть самому.

Все молча ждали, я тоже не двигался, чтобы не отвлечь на себя внимание.

Аббат развернул медленно, облеченные все делают неспешно, чтобы дать себе время приготовиться к любой неожиданности. Свиток все разворачивался и разворачивался, наконец дошел до конца, что вообще-то начало, и все затаили дыхание.

Зыркнув на меня испытующе, он снова всмотрелся в свиток и произнес не по-старчески суровым голосом:

— Это рука брата Терца. Подтверждаю.

Мальбрах и Форенберг охнули, Кроссбрин нахмурился.

— Вы его почерк, — спросил он, — все еще помните?

— Еще бы, — ответил аббат. — Он переписывал книги в течение многих лет со всем тщанием. Да, это его почерк... узнаю...

Мальбрах сказал просяще:

— Не томите...

Аббат сказал чуть тише:

— Да-да, понимаю... Пишет он... сейчас-сейчас... ага, вот: «Я боролся со всей кротостью и смирением, но темная часть побеждала. Я боролся с гневом и яростью, но она побеждала еще быстрее. Тогда я решился на самый святотатственный для христианина поступок — убить себя, зная прекрасно, что самоубийц в рай не берут, а на земле хоронят за оградой кладбища.

Прошу простить меня, братья. Я слаб, я пытался поднять камень не по своим силам и был наказан за гордыню. Бойтесь серой стены и присматривайте за нею».

Он умолк, лицо оставалось таким же неподвижным, но я видел, что он достаточно озадачен.

Кроссбрин сказал недовольно:

— И что мы узнали? Кроме того, что у брата паладина бывают видения?

Аббат взглянул на меня, я сделал шаг вперед и поклонился всем.

— Мы кое-что да узнали, — пояснил я. — Что именно... еще надлежит осмыслить. Жаль, он написал так мало об этой таинственной темной части, но подозреваю, она же имеет отношение к той темной твари, что так долго бесчинствовала в стенах монастыря!

Приор фыркнул.

— Что за бред!

— Предложите что-то умное, — сказал я с готовностью. — Если не можете, то будем рассматривать и бред. Даже полнейший! Это лучше, чем тонуть сложа руки. Что за серая стена?

Они переглянулись, смолчали, только аббат прогонил:

— Она перекрывает часть подземелий... в самом нижнем этаже. Даже не этаже... там просто пещеры. Некоторые пришлось закрыть и опечатать святыми заклятиями. Пойдемте отсюда... что-то меня ноги подводят.

Мальбрах и Форенберг с готовностью подхватили его с обеих сторон. Я пошел рядом с Кроссбрином, тот выглядит до крайности раздраженным, как всякий администратор, которому приходится заниматься вопросами, выходящими за рамки.

— Как видите, — сказал я как можно более дружелюбным тоном, — я не подвел вас.

— В смысле?

— Вы пригласили старших братьев, — объяснил я, — и это оказалось не зря.

Он буркнул недружелюбно:

— Не уверен.

— В записке не было смысла?

— Похоже на то, — сказал он с неприязнью. — Мне он всегда не нравился, гордыня его родилась раньше него самого!.. А его признание, что он не был убит, а покончил с собой, свидетельствует против него.

— Возможно, — осторожно сказал я, — у него не было выбора.

— Выбор есть всегда!

— Вот он его и сделал, — сказал я. — А что, если некая темная сила уже начала брать над ним верх? И чтобы этого не допустить, он едва успел... Что за серая стена и почему ее надо бояться?

Он замедлил шаг, потом остановился вовсе, чтобы не наступать на пятки медленно двигающейся тройке с настоятелем посредине.

— Отец настоятель ответил, — произнес он подчеркнуто терпеливо. — Серая стена перекрывает дорогу в некоторые нижние пещеры.

— Почему?

— Там прекращены работы, — ответил он с таким видом, что объясняет тупоголовому, а я, обидевшись, должен прекратить расспросы.

— Ох, — сказал я радостно, — как вы хорошо и подробно объясняете, отец Кроссбрин! Я просто счастлив. Чувствуется, что эта тема вам самому крайне интересна до фиброн вашей необъятной души, исполненной благочестия и набожности. А почему прекращены работы? Рудная жила исчерпалась?

Было видно, что поначалу он вроде бы ухватился за подсказку и готов был подтвердить, что да, так и случилось, но вовремя сообразил: в пустые пещеры глупо перекрывать дорогу особой стеной да еще укреплять святыми заклятиями повышенной мощности, а то и убойной силы.

— Отец Терц, — сказал он мрачно, — был из тех людей, кто слишком уж рисковал...

Я картинно изумился:

— Здесь, в Храме?.. Где тиши да гладь?

Я постарался сделать свой тон при всей показной вежливости предельно оскорбительным, и Кроссбрин, будучи все-таки самцом, хоть и в монашеской рясе, моментально взъерошился.

— У нас вовсе не тиши, — ответил он сквозь зубы. — Вы гость, а гостю принято показывать оранжереи, а не кухню.

— Но риск, — сказал я, возвращаясь к Терцу, — благородное и богоугодное дело...

— Когда касается себя лично, — возразил Кроссбрин. — Но когда находки грозят нанести ущерб всем, а то и вообще разнести все...

Он возобновил движение, хотя, на мой взгляд, можно бы отпустить аббата с помощниками и подальше, ползут как черепахи.

Я догнал, пошел рядом, сердце колотится в радостном возбуждении, хотя чему тут радоваться, тот придурок зашел слишком далеко и чуть все не разрушил...

Хотя почему придурок, обычный увлекшийся ученик, что отыскал нечто и пробует из любопытства, мол, получится или не получится взорвать мир...

Глава 3

Поднимались мы достаточно долго, намного дольше, чем опускались, словно побывали в каких-то небедомых подземельях, а не просто на нижнем этаже в крыле с заброшенными кельями.

Кроссбрин всем видом показывал, что ни в какие разговоры вступать не желает, хотя я сыпал комплиментами, говорил о высокой роли приора, который как раз всем Форенберг, в то время как аббат просто царствует, распинался о том, как непросто ему управляться с таким непростым хозяйством, где и люди непростые, и условия жизни не совсем комфортные...

Уже когда шли по залу с расчерченными плитами пола и цветными стеклами в стрельчатых витражных окнах, я оставил Кроссбрина и догнал аббата.

Отцы Мальбрах и Форенберг посмотрели недружелюбно, от меня одни неприятности, но я признаю аббата, несмотря на его немощность, великим человеком, потому поклонился и спросил в лоб:

— Отец Бенедарий, простите за беспокойство, но я, радея токмо о благе Храма и монастыря, как зело любимого нами Отечества, хочу спросить, где и над чем работал отец Терц?

Он остановился, тяжело дыша и всматриваясь в меня слезящимися глазами. Меня больно куснула совесть — заставил такого старого человека проделать долгий и трудный для него путь, но ладно уж, сделал так сделал, теперь либо вдарит, либо ответит...

Ответил быстро отец Мальбрах:

— В мастерской по очистке серой руды. Брат паладин, имейте совесть!

— Да имею, — ответил я с неловкостью, — самому бывает стыдно за такой разврат. Но где эта мастерская? Судя по тому, что впервые о такой руде слышу...

— Брат паладин, — сказал отец Форенберг сварливо, — если проживете здесь сто лет, и то каждый день можете слышать о чем-то новом!..

— Так чего сейчас не слышу?

— У нас большой монастырь, — буркнул он. — Не в ширину, как может показаться новичкам, а вглыбь.

Аббат все еще переводил дыхание, подошел Крос-сбрин и вперил в меня тяжелый взгляд.

— Это глубоко, — буркнул он с прежней неприязнью. — Отец Терц почти не поднимался наверх, что ему разрешалось нашим чересчур снисходительным настоятелем!.. Отец Бенедарий, обопритесь на мое плечо, я отведу вас в ваши покои...

Аббат послушно принял его помощь, а я пошел рядом с Мальбрахом и Форенбергом, искательно заглядывая в их лица.

— Святые отцы, я вижу ваши мрачные лица, но все же рискну спросить... Мне будет позволено туда заглянуть? Я имею в виду, в то место, где работал отец Терц? Мне кажется, вы могли убедиться, я бываю достаточно полезным. Так, хотя бы временами.

Они переглянулись, отец Мальбрах сказал мрачно:

— Там ничего не найдете.

— Почему?

— Те пещеры закрыты, — напомнил он, — а вход опечатан. Кроме того, отец Терц был достаточно скрытен, никто не знает подробностей о его работах. Известно только, что были опасны, потому и проводились там на месте, вдали от Храма и монастыря. Кроме того, были предусмотрены меры...

Он прервал себя на полуслове, взглянул на отца Форенберга. Тот покачал головой, Мальбрах поджал губы.

— По изоляции? — спросил я.

Они переглянулись, Мальбрах проронил неохотно:

— Вы быстро схватываете ситуацию, брат паладин.

— Я не всегда паладин, — напомнил я. — Иногда я и просто умный. Но что-то пошло не совсем так, верно? Вряд ли отец Терц собирался изолировать и себя в том опасном месте...

Отец Мальбрах молча двинулся вслед за аббатом и Кроссбрином, а отец Форенберг посмотрел на меня почти страдальчески.

— Что вы хотите, юноша?

— Я же знаю, — сказал я, — сейчас у вас там на верху состоится срочное совещание в закрытом кругу за плотно закрытыми дверьми. По поводу отца Терца и его письма. Там, не поднимая паники, вы припомните все, чем занимался отец Терц, и обсудите, что может значить его письмо. А оно тревожное, отец Форенберг!.. Как бы вы ни делали невозмутимое лицо, дескать, озабочены только тем, что подадут на обед, но вы встревожены. Вы очень встревожены.

Он буркнул, не глядя вообще в мою сторону:

— И что?

— Есть вариант, — сказал я. — Пока будет идти совещание, на которое у меня нет допуска, я мог бы смотреться туда вниз к мастерской, вдруг что вынюхано? А то еще и наррю?

— Нароете?

— Не в буквальном, — поспешил заверить я, ибо лицо отца Форенберга стало пепельного цвета. — Это так говорится у нас, паладинов. Еще со времен Геракла, который рылся в авгиеевых конюшнях и нашел там малость испачканный пояс царицы амазонок...

Он покачал головой.

— Там все перекрыто.

— А вдруг? — спросил я. — Я имею в виду, просто погуляю возле той стены, что воздвигли для защиты, посмотрю. Я все равно не занят на каких-то важных работах! Гуляка праздный. Монастырь ничего не потеряет, если зря потрачу время в тех мастерских... или возле, где добывали ту серую руду. Кстати, а сейчас ее кто-то там добывает? В другом месте?

Отец Мальбрах, опустив голову, поспешил двинуться вслед за аббатом и Кроссбрином, делая вид, что вспомнил что-то важное и жаждет немедленно донести до их внимания.

Отец Форенберг посмотрел на меня страдальчески.

— Брат паладин, что вы мне руки выкручиваете? Покрутите вон у отца Кроссбрина!

— У него скользкие, — ответил я, — как и он сам. А вы человек сравнительно честный... в допустимых рамках, конечно. И увиливаете недостаточно умело, профессионализма еще нет... Недавно рукоположены в допущенные?

— Два месяца тому...

— Ничего, — утешил я, — научитесь и врать, и хитрить, и просто недоговаривать. Священник теряет простоту монаха и становится дипломатом местного разлива... Значит, с теми мастерскими сейчас насколько-то что-то неладное и крайне опасное?

Он спросил жалобно:

— Почему вы так решили?

— Вы подсказали, — пояснил я. — Вы лично, а также аббат и Кроссбрин с Мальбрахом. Если бы там все в порядке, чего темнить? Колитесь, отец Форенберг, я же все равно узнаю! Только, возможно, больше, чем скажете вы сами.

Он тяжело вздохнул, потоптался на месте, развел руками, я смотрел на эту пантомиму терпеливо, жду слов, он наконец сказал нехотя и приглушенным голосом:

— Те мастерские закрыты, как вы уже слышали.

— Слышал, — подтвердил я.

— И опечатаны.

— И это слышал, — сказал я. — Руда кончилась?

Он явно хотел сказать, что да, закончилась, уже и рот открыл, но я смотрю, как отец Дитрих на грешника, он закрыл рот, вздохнул, снова открыл и сказал уже совсем погасшим голосом:

— Они запечатаны святым словом. Сам аббат запечатывал, а другие отцы... вы их не знаете, укрепили стены и туннель, чтобы уж совсем наверняка.

— Ого, — произнес я, чувствуя, как мышцы напряглись на краткий миг. — Что с той стороны?

— На этот вопрос мог бы ответить только отец Терц, — сказал он с неохотой. — Да теперь уже не ответит.

Вообще-то мог бы, подумал я, если бы у меня под рукой был некромант достаточно высокого уровня, я не слишком щепетильный, когда дело касается опасности национального масштаба, но сейчас придется довольствоваться только догадками.

— Хорошо, — сказал я быстро, — а кто?.. Ладно-ладно, тогда намекните, из-за чего все там так пошло.

— Там появилось нечто, — ответил он с неохотой. — Теперь понимаем, отец Терц то ли создал, то ли вызвал это нечто в силу своей нетерпеливости и строп-

тивости характера. Аббат запретил не только дискутировать, но даже упоминать о том, что за той стеной. Нечто настолько... видимо, грешное, что вспоминать о нем... вводить себя в грех. Я и сейчас совершаю грех, рассказывая вам, но пусть он будет на вас отныне...

— Пусть, — согласился я, — на мне их столько, этих грехов, что даже не знаю, как моя спина не хряснет... Но я все вынесу, святой отец. Где эти мастерские?

Он съежился, сказал жалким голосом:

— Я даже не знаю точно.

— А кто знает?

Он ответил совсем шепотом:

— Здесь лучше не спрашивать. Одни не знают, другие не скажут. Лучше спуститесь на самые нижние этажи. Там есть мастерские, где куют из орихалка... всякое разное. Там знают. Может быть... скажут.

Я переспросил:

— Может? А может, и не скажут?

Он горестно вздохнул и ответил, глядя исподлобья:

— Вам да не скажут?

Снова я опускался вниз на крыльях, ускоряя падение в пещерах с высокими сводами, медленно пробираясь по тесным туннелям, снова полу полет-полупадение, сбоку несутся вверх камни по стене из мерцающего желто-зеленым камня, воздух все плотнее и жарче.

Взгляд зацепился за широкий выступ, знакомая щель, я опустился, торопливо перетек в людскую личину — лучше лишний раз не травмировать людей своим нездешним видом, хотя, догадываюсь, они тоже могли бы удивить меня чем-то своим, но пока не раскрываются.

Воздух из щели идет еще горячее, чем здесь, я сорвался, вскинул подбородок и шагнул в проход, пригибая голову.

Впереди слышны осторожные удары по металлу, я медленно вышел в пещеру, стараясь не шуметь и даже не колыхать плотный горячий воздух.

Спиной ко мне у наковальни Гарнец, неспешно постукивает небольшим молотком по некой фигурной штуке.

Я залюбовался широчайшей спиной с рельефными мышцами, вернее, той половиной, что не обгорела, на другую смотреть страшно, хотя я сейчас уже вроде бы политик и почти интеллектуал, должен морщить нос и говорить, что сила — уму могила, но мало ли что должен, на людях, может быть, и наморщу, а сейчас откровенно любовался вспотевшей поверхностью, где все прорисовано красиво и мощно.

— Ну как, — спросил Гарнец, не оборачиваясь, — там наверху закончили, брат паладин?

— Да, — ответил я и подошел ближе. — Чем занимаемся?

— Заказ, — ответил он лаконично.

— Понятно, — ответил я, как обычно отвечаем, когда понятно только то, что нам объяснять не собираются. — Ты можешь сказать, где расположена мастерская отца Терца?

Его рука дрогнула, из-под молотка выметнулся такой дикий рой искр, что я отпрыгнул в испуге и неожиданности. Часть искр рассеялась, другие поднялись вверх, медленно пошли по кругу, а затем начали всплывать, словно пузырьки в плотной воде, к своду.

Гарнец осторожно опустил молоток на свободный конец наковальни, повернулся ко мне всем корпусом, нахмуренный и злой, как разбуженный среди зимы медведь.

— Зачем?

— Незаконченное дело, — ответил я мирно. — Понимаешь, уйти от проблемы — не решение. То зло, что

заперли в мастерской отца Терца, никуда не делось. Оно растет, брат Гарнец. И когда-то вырвется на свободу.

Он буркнул:

— Вырвется ли?

— Вырвется, — пообещал я, — тогда здесь покажется очень тесно. Покажи мне, где он работал. Или просто укажи, в какую сторону идти...

— Указать-то я могу, — ответил он недобро, — да только... Впрочем, я лучше отведу сам. И прослежу за твоими руками.

— Ничего трогать не собираюсь, — заверил я. — Правда-правда!

— А как же тогда...

— Это само, — пояснил я. — Не собирался, не собирался, а потом р-раз!.. и уже все, бежать поздно. Только драться или умереть без драки.

Он вздохнул, неспешно снял фартук, закрывающий живот и часть груди, отбросил на верстаки из толстых стальных прутьев.

— Этого-то и побаиваюсь. Как и старшие братья наверху.

— Ты тоже, — спросил я осторожно, — из старших?

Он посмотрел на меня оценивающе.

— А сам как думаешь?

— Думаю, — ответил я осторожно, — наверху только хозяйственники, администраторы... ну, один-два из старших присматривают за всем, а остальные здесь.

— Почти в точку, — одобрил он. — Соображаешь! Видно, мало тебя по голове били.

— Ничего, — ответил я, — когда все выбьют, пойду сюда кузнецом. Ладно, подмастерьем.

Он ухмыльнулся, кивнул, предлагая идти следом, сам двинулся к выходу.

— Снова в точку! Здесь только чутье спасает, а не то, что наверху называют разумом...

Я вышел вслед за ним за уступ, Гарнец преспокойно сделал шаг дальше в пустоту. У меня екнуло сердце, однако он остался на том же уровне, а подошвы так и стоят прямо в воздухе. Ухмыльнулся, глядя на мое лицо, сделал еще шаг отступа.

Глава 4

Сцепив зубы и холдея от ужаса, я заставил свои ноги двигаться и встал следом за ним на нечто твердое, ребристое, но абсолютно прозрачное.

Он спросил чуть разочарованно:

— Ну как?

— Неплохо, — ответил я небрежно, — только чутье как раз предостерегало, а вот разум сказал, что там всего лишь прозрачный лифт... Ну, чего стоим? Поехали или как?

Он нахмурился, проговорил несколько слов скороговоркой, площадка под нашими ногами ухнула вниз. Я снова постарался держаться невозмутимо, у меня аж два козыря: мог бы прямо щас распустить крылья, ну а если не успею и нас шарахнет, то моя регенерация должна чуть ли не моментально срастить все мои кости, она, как и я, с каждым прожитым днем набирается опыта и умения срабатывать быстрее и совершеннее.

Стена проносится вверх в отдалении, потом начала угрожающе приближаться, иногда зло оскаленные каменные зубья проносятся совсем рядом, в другое время все отдаляется так, будто вообще опускаемся не через пещеру, а падаем из одной галактики в другую.

Гарнец то и дело испытывающее поглядывал на меня, но я пару раз демонстративно зевнул довольно натуально, для политика невозмутимость один из важнейших атрибутов, и он сказал с разочарованием:

— Сейчас прибудем. Будь готов...

— Нападут?

— Тряхнет.

— А-а, — сказал я равнодушно, — ну ничего, вы же кузнецы, не ювелиры.

И хотя я почти похвалил, лицо его оставалось мрачным и недовольным.

Далеко внизу показалась ровная плита, наше движение замедлилось, тряхнуло не так уж сильно, я зря подгибал колени, подошвы не уперлись в основание, а чуточку зависли на полдюйма выше.

Гарнец с прежним разочарованием проследил взглядом, как я соступил с незримой платформы, и по мне видно, что я понимаю происходящее.

— Это самое-самое? — спросил я.

— Да, — буркнул он. — Ниже ничего... Вот видишь в стене? Тут крапинки, а в штольнях целые жилы. Но туда вход теперь опечатан святыми заклятиями.

Я переспросил:

— Туда? Или оттуда?

Он посмотрел на меня зло.

— И туда, и оттуда. Туда — чтоб не совались такие, как ты, а оттуда... так, на всякий случай.

— Гарнец, — сказал я, — не нужно со мной хитрить. Кто станет просто так опечатывать штольни с такой ценной, как вы все говорите, рудой? Я уже знаю, произошло нечто настолько опасное, даже старшим братьям не под силу...

Он огрызнулся:

— Старшим все под силу!

— Тогда почему же...

— Не все решения разглашаются, — отрезал он. — Иные нужно принимать на веру!.. Если мы, конечно, люди верующие!

— Мы верующие, — согласился я, — но верующие все-таки во Всевышнего, а не в непогрешимость конclave старших или самых старших братьев. Даже папа не так уж непогрешим... а непогрешим потому, что сказанное им сперва сто раз просмотрено по буквенно советом кардиналов и проверено ими же. А здесь даже не знаю, почему вдруг решили закрыть эти штольни!

Он сказал строго:

— Нужно доверять старшим!

Голос его был сильным, звучным и звучал очень правильно. Я кивнул, молодец, так и говори дальше, пусть никто и не подумает, что ты доставил меня сюда вопреки своей воле, сам бы ни за что, ты человек ревностный и послушный, но этот брат паладин никаких авторитетов не слушает...

Стены настоящие, в том смысле, что чувствуешь всеми фибрами, да, это один сплошной кусок камня в несколько миль во все стороны. И трещин нет, это прорубленные кем-то штольни. И пещер здесь нет, во всяком случае в данном регионе, слишком все добротно и монолитно.

Однако будь здесь всего лишь стена, то ужас, из-за которого отец Терц покончил с собой, прошел бы сквозь нее, как легко проходила темная тень.

Я провел на ходу кончиками пальцев по стене, везде шероховатая поверхность камня, не отличить, где настоящий, а где имитация...

Хотя, будь я на месте аббата, я бы все равно забил выход настоящим гранитом, а потом еще и сплавил в единую массу. Хотя, думаю, тех тварей, что ужаснули отца Терца, а теперь ужасают аббата, каменная преграда беспокоит мало, а вот святые слова, которыми запечатаны все выходы...

Кончики пальцев ощутили холод. Я остановился с поднятой ногой, вслушался, не отрывая руки от камня, затем аккуратно приложил и ладонь.

Холод потек в руку медленно, но вскоре кисть занемела, я поспешил отдернуть, уже белую и покрытую инеем, потряс, разгоняя кровь, сердце стучит в бешеном темпе, размораживая смерзшиеся капилляры.

Гарнец наблюдал за мной из-под приспущеных век, сидя на обломке камня и делая вид, что дремлет.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Палец поцарапал, — ответил я.

— Помощь нужна?

— Не смеши, — ответил я. — Я паладин, у меня самолечение весьма как бы мощное. Вход был здесь?

Он поднялся, оглядел меня оценивающе.

— Как-то почуял?

Я ухмыльнулся.

— Ты же сам сказал, здесь не умищем надо, хоть его у меня палаты, а первобытными инстинктами, полученными нами от нашего великого прародителя Змея...

Он поморщился.

— Поменьше бы ты о Змее...

— Как это? — изумился я. — Если даже Иисус сказал своим апостолам, будьте кротки, как голуби, что летают низко и на все срут, и мудры, аки змии! Не-е-ет, против Змея, нашего прародителя, стыдно говорить плохие слова, пусть даже он и не был безупречным с точки зрения строгой церкви... А кто из нас, если совсем уж честно, не становится таким же Змеем, зайдев Еву с вот такими?.. Ага, все понял!

Он пробормотал:

— Понял-то понял, но не о всем, что понимаешь, можно говорить вслух, да еще если в приличном общеп

стве. И пусть я сейчас в неприличном, но где-то же есть и приличные?

— Есть, — заверил я, — только нас там нет. Хотя, если мы там будем, какие будут приличные?.. В общем, если вход был не здесь, то я не знаю что вообще.

— Как ты узнал?

— А вот это серьезный вопрос, — сообщил я. — Дело в том, что с той стороны копают. Ну, роют... Или грызут. Это неважно, главное в том, что защиту, поставленную аббатом, ломают весьма усердно и, хуже всего, успешно.

Он посмотрел исподлобья, уцелевшая половина лица приобрела синюшный цвет.

— Почему так решил?

— Я их чую, — ответил я. — Сомневаюсь, чтобы аббат поставил такую тонкую стенку и ушел довольный. Наверняка ставил так, чтобы не слышать, а потом еще наложил пару слоев... или рядов. Для гарантии.

Он проговорил медленно внезапно охрипшим голосом:

— Если это правда...

— Я их чую, — напомнил я. — И ход был здесь, верно?

Он кивнул.

— Беги наверх и поднимай тревогу. А я тут посмотрю, что можно сделать...

— Только не долбись с этой стороны, — предупредил я и, развернувшись, отбежал на полдюжины шагов, а там грянулся оземь, как пишут в древних летописях, и взметнулся крыластым змеем, хоть и некрупным и не очень страшным.

Я обещал больше не летать в облике этой мерзкой твари, по крайней мере на виду, но сейчас ввиду особых обстоятельств внёсся прямо в зал, грянулся на

красиво расчерченные квадратами и ромбами плиты пола, как можно быстрее поднялся, злой и взъерошенный.

— Тревога! — прокричал я. — Враг у ворот!

У двери, что ведет в покой настоятеля, вскочили двое крепких монахов, но вперед вырвался отец Мальбрах.

— Тихо-тихо, — прокричал он почти плачущим голосом. — Отец настоятель очень устал после той изнурительной для него прогулки... спит, не тревожьте! Что стряслось?

— То, — сказал я, — что случается со всеми, которые думают, что выстроенные в древности стены удержат и новых врагов! Не удержат, дорогой, отец Мальбрах.

— Да что случилось?

— Защитная стена, — сообщил я, — что вы поставили внизу, уже трещит под напором сил Зла.

Он с заметным облегчением вздохнул.

— А-а-а, это... Не волнуйтесь, брат паладин. Там запас прочности выше, чем думаете. Меня сейчас вообще интересует... зачем вы это делаете?

— Что? — спросил я туповато.

— Помогли с братом Целлестрином, — сказал он, — теперь вот так волнуетесь, как бы в наш мир не прорвалось некое древнее зло глубин...

Я сказал саркастически:

— А предположить, что делаю бескорыстно? Ибо паладин и все такое? Я же весь в белом?.. Ну, иносказательно, на самом деле вообще очень яркий, красочный и разноцветный, как павлин.

Он проговорил с сомнением:

— Да могли бы... но что-то в вас еще такое, что заставляет предположить, что вы... как это сказать по-мягче, значительно разностороннее, чем праведник.

— Да? — спросил я с интересом. — Ну, спасибо... не ожидал.

— Да это не совсем комплимент, — ответил он осторожно. — Брат Жак сказал бы в лоб, что это совсем не комплимент, а мы вот с отцом Форенбергом предположили, что у вас есть и другие мотивы, раз уж вы сами себя обозвали таким мерзким словом, как политик... что говорит о вашей, как бы это сказать...

— Скромности, — сказал я и опустил глазки, — и великому смирению перед. И вообще зело. Да, весьма!

— Да, — произнес он кисло, — как бы скромности... И даже великому смирению, как вы сказали в своей несомненно великой скромности, — добавил он ядовито.

Я вздохнул.

— Вы правы, святой отец. Скромность моя велика и удивительна. Сам иногда дивлюсь и потрясаюсь целями часами, когда полдня стою перед зеркалом. Вот уродился же такой умный, красивый, замечательный, но почему такой скромный?.. Не понимаю... Конечно, я все делаю бескорыстно, это же так естественно — делать добрые дела за просто человеческое, а иной раз и за нечеловеческое спасибо!.. Однако же, раз уж я тут, то от оплаты отказываться не стану, не смогу вас так грубо и несправедливо обидеть ввиду врожденной деликатности, что так усилилась в процессе общения здесь с вами...

К отцу Мальбраху приблизился отец Аширвуд, первый помощник Кроссбрина, послушал меня внимательно, и когда отец Мальбрах начал морщиться и кривиться, кивнул и сказал с полным пониманием:

— Да-да, мы понимаем ваши терзания, брат паладин. Это так трудно — принимать хоть благодарности, хоть всего лишь мирские деньги! Особенно такой чувствительной натуре.

— Золотые слова! — воскликнул я.

— Так что же вы хотите? — спросил он уже деловым тоном.

— Я собирался сказать, — ответил я, — что просто от ваших щедрот... сколько дадите, то и будет достаточно, но убоялся, что вы в своем великодушии и щедрости отадите мне весь Храм и монастырь, а мне будет так неловко...

Отец Мальбрах, честная натура, возвел очи горе, а отец Аширвуд сказал почти весело:

— Да-да, вы все удивительно точно поняли!.. Как я слышал, брат Гарнец кует для вас какие-то особые доспехи?

Я отмахнулся.

— Да что там особого... А плату с него возьму со всем пустяковую. Я надумал, знаете ли, мир спасти, потому мне нужно, чтобы помогли в деле поискать оружия или средств против Маркуса. Потому как бы вот помогаю вам по мелочи.

Он посерезнел, потому что в моем голосе разом пропали даже намеки на шуточки, отец Аширвуд их уловил сразу, это отец Мальбрах все принимал за чистую монету.

— Не могу обещать, — ответил Аширвуд так же серьезно, — что все бросят свои дела и бросятся вам на помощь, однако часть наших братьев выказывала серьезные желания хотя бы попытаться дать отпор Багровой Звезде Дьявола, как они ее называют.

Я ощущил, как гора медленно сползает с плеч, но сказал сдержанно:

— Но большинство считает ее карающим мечом Господа?

Он посмотрел на меня испытующе.

— И что?.. У вас тоже есть выбор, чем ее считать.

— Большинство всегда неправо, — сказал я.

— Тогда ваш выбор ясен, — произнес он с холодком. — Не могу сказать, что я верю в ваш успех, Багровая Звезда — это не темная тень в закоулках пещеры, однако все-таки успеха желаю, несмотря на свои убеждения.

За нашими спинами распахнулась дверь, тихий скромный монашек пролепетал, опустив глазки долу:

— Отец настоятель готов принять брата паладина.

— Иду, — сказал я, — простите, святые отцы, но мир спасать тоже надо. И это не совсем шуточка.

Я махнул рукой и прошел под арку двери, что почтительно придержал для меня вежливый монашек.

В приемной двое монахов заполняют убористым почерком длинные листы бумаг, в мою сторону даже не посмотрели.

Монашек взялся за ручку двери с вырезанным на ней большим крестом.

— Сюда, брат паладин.

Я перешагнул порог, что-то во мне сразу ощетинилось и взъерошилось, готовое то ли к бою, то ли к яростному сопротивлению, но в комнате тихо и пусто, за исключением самого аббата за столом возле окна.

Выглядит он маленьким и сухоньким, но это, наверное, потому, что и стол для слонов, и чернильница фунтов в десять, и кресло такое, что я бы в нем мог сесть вместе с Аскланделлой.

— Отец настоятель, — сказал я почтительнейше, — я счастлив, что вы сумели выкроить в своем плотном календаре встречи великих свершений щелочку и для меня, весьма скромнейшего паладина Господа...

Он сделал слабый жест рукой.

— Садитесь, брат паладин. Как бы гладко вы ни строили речь, я вижу ваше горькое разочарование.

— Горькое разочарование? — воскликнул я. — Как можно, отец настоятель? Это не разочарование, я просто убит. Раздавлен. Размазан по стенам.

Глава 5

На стул я, однако, сел вежливо, не разваливаясь и не устраивая руки на подлокотниках, напротив, наклонился чуть вперед, выказывая крайнее почтение, как старшему по возрасту, так и самому главному в иерархии.

Ощущение могучей силы продолжало тревожить, но я не видел признаков опасности, да и чутье молчит, так что ладно, это на потом.

Аббат посматривал на меня из-под дряблых приспущеных век добрыми старческими глазами.

— Сын мой, — сказал он наконец мирно, — ты весьма горяч и нетерпелив... что и понятно в твоем возрасте. Мы уже почти верим, что ты не визитатор. Однако, прости, даже перед самыми высокими гостями из Ватикана не раскрываемся. То есть раскрываемся, конечно, но не во всем и не везде.

Я охнулся.

— Даже сейчас? После того, как я разобрался с этой темной тварью, что вылезла из Целлестрина? Разве это не работа паладина? А разве паладин пойдет в визитаторы?

— Верно, — согласился он. — Однако же, пока работаешь над некоторыми вещами... несколько непривычными для большинства, лучше избегать огласки... пока не прояснится сперва для самих. А что-то из открытого или воссозданного, бывает, лучше скрыть и не показывать даже Ватикану.

— Ого!

Он посмотрел с настороженностью.

— Не коробит? Дело в том, что Ватикан при всей своей святости частенько вынужден бывает руководствоваться и мирскими интересами. А взгляды и мнения простого народа — это совсем не то, что взгляды человека мудрого. А все короли, даже самые мудрые, вынуждены говорить и действовать в интересах простого народа, герцогов, графов и прочих баронов.

Я пробормотал расстроенно:

— Да все понимаю... Но как-то надеялся, что меня встретят как своего, все покажут, поделятся. Я, вон, готов всем делиться, хоть у меня и ничего нет!

— Думаю, — сказал он с сочувствием, — ты переживешь это горькое разочарование.

— Да уж топиться не пойду, — сказал я зло. — У вас тут и речки нет. А лезть в самые глубокие пещеры только для того, чтобы утопиться в ручье, как-то не совсем зело, а скорее скоморошно. Но все-таки многое мне кажется здесь неправильно...

— Догадываюсь, — сказал он слабым голосом. — Ты насчет гибели монахов?

— Ну, — ответил я, — это весьма тоже.

— Гибель наших монахов, — проговорил он с нерешительностью, то и дело поглядывая на меня и проверяя, как я реагирую, — не совсем та гибель, что в мирском значении...

— Это я догадываюсь, — ответил я, стараясь не показать свою реакцию, — ибо реакция на гибель была какой-то неадекватной...

Он сказал с облегченным вздохом:

— Я рад, что ты догадался сам. Или почти догадался. Паладин просто обязан быть не только с мечом, но и верой в сердце! Думаю, завтра-послезавтра ты бы окончательно связал концы с концами...

— Конечно, — сказал я уверенно; о каких концах он говорит, что я за дурак, ни одного не увидел, неужели я красивый, — еще бы! А то и уже сегодня к вечеру...

Он вздохнул.

— Ну вот, теперь ты знаешь главное. Для настоящих людей гибель не повод, чтобы перестать, как ты понимаешь...

— Да-да, — поддержал я, — мы все обязаны служить... всегда! Даже когда, увы, вот так. И вообще, если не мы, то кто? Это же элементарно... разумеется, для людей такого склада, как мы. Я имею в виду паладинов и монахов Храма Истины. Мы да, это же как иначе?

Он начал неуверенно улыбаться.

— Как хорошо, что ты все правильно воспринял!.. А то я, честно говоря, побаивался неадекватности...

— Ха, — сказал я оскорблённо, — какая может быть неадекватность в моем замечательном случае? Я всегда адекватен, что бы ни случилось!

— Тогда догадаешься, — сказал он, — что это не ты недопонимаешь сути того, что здесь происходит, а тебе всего не показывают и не рассказывают. И если полагаешь, что побывал в самых нижних этажах и в самых удаленных наших... гм... кельях, то это не совсем так. Потому не суди, да не судим будешь.

Я постарался держаться с видом полнейшего понимания, ну да, а как же, мы тоже там у себя всяких сопливых не пускаем в секретные лаборатории. Особенно если погибшие жуткой смертью монахи продолжают работу, возможно, как люди с ограниченными возможностями?.. Ну там в виде привидений, например, они же тоже в каком-то смысле люди с ограниченными возможностями?

Более того, они еще и люди с ущемленными правами. Хотя, к счастью, еще далеко до разгула демократии.

— Увы, — сказал я, — многое я не понял, да и сейчас, как обезьяна, верчу головой...

Он слегка кашлянул, сказал тихо:

— Ты не первый раз поминаешь обезьяну...

Я спохватился, в великом смущении поклонился и развел руками.

— У нас говорят, не поминай черта, а то придет! Потому уговорились не упоминать Змея, обрюхатившего Еву Каином и Авелем, а называть его иначе, например обезьяной... И когда говорим, что в каком-то человеке много от обезьяны, то всяк понимает, что речь о семени Змея... Это называется в богословии табуизация. Табуирование имени, замена настоящего условным. Чтоб Змей там в аду не радовался, слыша свое имя.

Он подумал, кивнул, произнес задумчиво:

— Разумно. Богословие, как вижу, в ваших краях шагнуло дальше, чем здесь.

— Точно, — согласился я. — Шагнуло так шагнуло! Семимильными шагами. Даже не увидеть, куда оно... шагнуло. Отец настоятель, я примчался насчет случившегося тогда давно с отцом Терцем...

— Да, сын мой?

— Дело не закончено, — сказал я твердо. — Твари с той стороны ломают защиту. Как я понял, успешно. Да-да, отец настоятель, я ощущил их совсем близко!.. Готовы ли вы драться, когда они ворвутся через подземные норы в Храм и монастырь?

Он побледнел, поднялся, упираясь в края столешницы обеими руками.

— Этого не может быть!

— Это уже есть, — сказал я. — Пошлите кого-нибудь проверить. Сами лучше всего начинайте сразу продумывать, как поступить на тот случай, если это не совсем мне привиделось.

Он проговорил, тряся головой:

— Лучше бы привиделось... Ганс, быстро за отцом Ромуальдом и отцом Велезариусом!

Когда я спустился туда снова, к своему изумлению, обнаружил там с полдюжины незнакомых мне священников, только отца Ромуальда узнал в лицо да еще одного по имени, когда того назвали отцом Велизариусом, а это, как уже знал, лучший знаток по демонам.

Выстроившись перед тем местом, где я ощущал присутствие зла, они тягучими голосами читают молитву, лица у всех не просто серьезные, а почти похоронные.

Я неслышно приблизился, потрогал стену, и снова меня охватил смертельный холод. Отец Ромуальд обратил внимание на мое исказившееся лицо, подошел тихо и ступая неслышно, стараясь не мешать литургии.

— Вы так побледнели, брат паладин... Чувствуете?

— Еще как, — ответил я зло. — Рука занемела до плеча!

— Не до плеча, — уточнил он, — но даже кисть... уже опасно. Они близко, вы подняли тревогу вовремя.

— Стену восстановят?

Его лицо потемнело, а взгляд ушел в сторону.

— Нет. У нас никого равного по моши аббату.

— А его снести сюда?

Он покачал головой, голос прозвучал невесело:

— У отца Бенедария нет прежних сил.

— А новый аббат сможет?

Он поморщился.

— Должность не прибавляет святости. У нас самые сильные из старших братьев, что в самом деле могут творить чудеса, предпочитают оставаться простыми монахами.

— Это понятно, — сказал я, — умные люди избегают становиться правителями. А напрасно! Так что теперь?

— Аббат собрал у себя советников, — ответил он. — Что-то решит. У вас свежий взгляд постороннего человека... я бы посоветовал присутствовать. Если, конечно, допустят.

— Есть такой способ, — воскликнул я, — называется «постучать в дурака». Это значит обратиться с вопросом к неспециалисту. Выслушать его, он всегда брякнет что-то не из общего потока!

— Говорят, — сказал он, — посоветуйся с женщиной и поступи наоборот, это что-то вроде?

— Да, — ответил я. — Спасибо, бегу!

Он хмуро посмотрел на мой бег, когда я ударился о землю и торопливо взмыл птеродактилем, но ничего не сказал, а только проводил долгим тяжелым взглядом.

Превращения, как я теперь понимаю, это во мне наследие проклятого Змея, гадкого и мерзкого, но которое иногда удается заставить работать на себя, ибо для победы и успешного продвижения по жизни нужно применять кое-что из его арсенала, так называемые запрещенные приемы.

Они запрещены, как бы это сказать покруглее, в быту, а когда прижмет рогатиной к стене, то хоть и нельзя, но можно. Сам Творец назвал жизнь высшей ценностью, потому хоть обращение к наследию Змея и грех, но искупаемый раскаянием и обещанием больше так не делать, пока снова не прижмет.

В приемной аббата не меньше двух десятков священников, все спорят, многие передвигаются от группки к группке с несвойственной в монастырях торопливостью.

Я вошел быстро и, не давая остановить, бросил отрывисто:

— Положение чрезвычайное!.. Всем быть весьма!

Дверь распахнул сам, опередив служку, аббат в кабинете не один, с ним двое священников, почти таких же дряхлых, как он сам.

Они оглянулись на меня с неудовольствием, я сказал быстро, торопясь захватить инициативу:

— Доверенные отцы крепят стену, отец Бенедарий! Однако по некоторым непроверенным, но заслуживающим доверия данным, это лишь глоток воздуха перед утоплением.

Один из священников спросил враждебно:

— Что вы несете? Какой глоток воздуха?

Аббат сказал ему устало:

— Брат паладин сообщает в свойственной ему манере, что отсрочка вторжения минимальна.

— Святые отцы, — сказал я серьезно, — мы что-то сможем сделать немедленно? Скажите, что там за твари?

Они рассматривали меня не просто серьезно и придирчиво, но и с явным недоброжелательством. Я насторожился, вроде бы все было в сравнительном порядке, мелочи не в счет...

Первым нарушил молчание отец Ансельм, камерий, он же глава местного церковного суда, мазнул по мне взглядом, обратился к остальным:

— Понимаю, это гость, но коль он с таким пренебрежением относится к нашему уставу, постоянно и демонстративно его нарушая, что недопустимо не только по этикету, но и по закону, я предлагаю выдворить брата паладина за ворота Храма.

Отец Леклерк точно так же скользнул по мне взглядом, правда, сочувствуя им, возразил:

— За ворота... это слишком. Просто ограничить в передвижении по Храму. Все-таки ношение меча в нашем Храме не такое уж и страшное нарушение.

Отец Аширвуд сказал жестко:

— Брат паладин ни разу еще не был на общей молитве! Нет, один раз был, когда только явился. Думаю, просто из любопытства.

— И вообще никто не видел, — добавил отец Мальбрах, — чтобы он читал молитву. Или крестился!

Отец Фростер все это время молчал и к чему-то прислушивался, вздрогнул, покачал головой, я видел, как его брови приподнялись в изумлении, затем он поднял голову и посмотрел на меня в упор.

— Думаю, — произнес он жестким голосом, напомнившим мне удары молота по наковальне, — я добавлю на чашу весов нечто, что разом заставит умолкнуть всех сомневающихся и сочувствующих брату паладину...

Все повернули к нему головы, аббат сказал сердито:

— Не тяните, времени у нас в обрез.

— У меня только один вопрос к брату паладину, — спросил отец Фростер. — Скажите... как вы добрались из подземелья сейчас?

Я напрягся, в голове заметались суматошные мысли, ответил сдержанно:

— Успешно.

— Это мы видим, — заметил он. — Меня интересует, вы добрались, как понимаю... очень быстро?

— Да, — ответил я скромно, — я очень спешил.

— Вы поднимались, — спросил он, повышая голос, — как люди или как... мерзкая богопротивная тварь, подлежащая уничтожению?

Лица и выражения глаз у всех быстро менялись, я ощущал, что враждебно смотрят даже те, кого я считал сторонниками. А Леклерк покачал головой, вздохнул и отвел глаза в сторону.

— Я очень спешил, — ответил я виновато, — потому и нарушил строжайший запрет... Очень важные и тревожные вести!

Отец Фростер проговорил жестким командным голосом:

— Никакие новости не могут быть оправданием! Отец Бенедарий, на основании устава я требую...

Неожиданно поднялся во весь рост Кроссбрин, метнул на меня острый взгляд, который показался мне весьма странным.

— Отец Бенедарий, я чувствую себя виноватым, что осмелился прервать отца Фростера, которого безмерно уважаю, но есть и у меня новости, которые я получил только что. Они касаются непосредственно...

Все в молчании смотрели, как он задумался, подбирая слова, отец Фростер даже сказал в нетерпении:

— Отец Кроссбрин, ночью будет время спать!

— Спасибо за напоминание, — ответил Кроссбрин так же медленно, — а то я все в ночных бдениях, в то время как вы и днем вечно спите... Я хотел сказать, что вынужден уронить песчинку на чашу весов брата паладина.

Отец Фростер поморщился.

— У вас какие-то новые данные?

— Да, — ответил отец Кроссбрин. — Братья Альдарен и Райнек под присмотром отца Аширвуда продолжают собирать по моему поручению все сведения о брате паладине... Многие из них весьма удивительные, но нас не касаются, потому умолчим. А вот в королевстве Гиксия только что закончился съезд верховых лордов, а также наиболее влиятельных герцогов, графов и баронов, что представляют какую-то силу. Там вспыхнула было гражданская война за трон... между законным сыном короля Себастьяном и другими претендентами, но лорды после ряда кровавых боев пришли к компромиссному решению, оно позволит избежать кровавых распреи, что ввергнет их всех в нищету...

Фростер прервал в нетерпении:

— Разве это имеет отношение к разбираемому вопросу?

— Имеет, — ответил Кроссбрин с явной неохотой, — хотя я вас понимаю, отец Фростер. Я тоже предпочел бы, чтобы не имело.

— Какое? — потребовал отец Фростер, в то время как остальные молча переводили взгляды с одного на другого.

— Абсолютным большинством голосом, — сказал Кроссбрин, бросив в мою сторону взгляд, полный неприязни, — съезд лордов решил не отдавать трон ни одному из претендентов, в том числе и наследнику, тот слишком молод, заносчив и глуп, а избрать будущим королем младшего сына умершего короля, которому сейчас семь лет...

Отец Фростер сказал зло:

— И при чем тут далекое королевство...

Кроссбрин прервал, повысив голос:

— А на все время достижения необходимого возраста, когда тот сможет сесть на трон и править, принцем-регентом будет некий грандпринц Ричард, которого мы знаем здесь как брата паладина!.. Это говорит о том, что у брата паладина, оказывается, репутация миротворца и строгого блюстителя законов, кто бы подумал!.. Лорды королевства, где брат паладин, возможно, и не бывал или же проехал там краешком, предполагают вручить всю верховную власть в королевстве ему, а не законному наследнику или кому-то из своих лордов, кого знают! Разве это не говорит о громадном доверии к этому человеку, что сейчас стоит перед нами, ожидая нашего суда?

Все молчали, ошарашенные, в полной тишине отец Леклерк проговорил озадаченно и с явным облегчением:

— Это не просто доверие... Это огромное доверие. И оно само по себе не берется ниоткуда...

Отец Ансельм пробормотал:

— Если только эти сведения верны...

Кроссбрин оскорбленно вскинулся.

— Отец Ансельм!

Отец Ансельм сказал примирительно:

— Простите, вырвалось, больно все неожиданно...

Еще раз простите, отец Кроссбрин. Я знаю, сколь надежны ваши методы... потому с полным уважением и доверием к вам песчинку своего немощного голоса тоже кладу на чашу весов брата паладина... вот уж не подумал бы, что так сделаю!

Я с трудом перевел дыхание, ощущение еще то, словно голым окунули в ледяную воду, подержали над огнем, а теперь отпустили и сообщили милостиво, что вообще-то ничего против меня не имеют.

Аббат Бенедарий, как мне показалось, улыбнулся одними глазами и сказал слабым голосом:

— Тогда продолжим...

Я еще не собрался ни с силами, ни с мыслями, но инициативу нужно хватать, пока не ухватил кто другой, а то хрен отдаст, так что сделал шаг вперед, расправив упрямые плечи, и сказал напористо:

— Отец Бенедарий, темные твари доламывают нашу защиту! Могут ворваться... уже сегодня. Это не я вам говорю, ибо я — мыслящий тростник, как сказано в Писании, это говорят отцы Ромуальд и Велезариус! Промедление смерти подобно, как сказано там же в Священном Писании. Надо весьма и достаточно круто уже сейчас, а не после дождичка!.. Хотя тут дождичка, наверное, и не как-то вот, хотя и зря.

Аббат наклонил голову, ответил, ни на кого не глядя:

— Отец Ансельм и отец Кроссбрин, останьтесь. Остальные свободны.

Голос престарелого настоятеля прозвучал жестко и повелительно, монахи любого уровня и так все ходят смиренно, опустив головы и держа кисти рук в рукавах на груди, а сейчас вообще вышли не толпой, а стадом овец.

Я, выйдя со всеми, быстро подошел к отцу Муассаку.

— А можно что-то еще о тех тварях?

Он ответил упавшим голосом:

— Ничего не знаем. Знаем только, что... допотопные. Да и то это не столько знание, сколько предположение.

— Значит, — переспросил я, — допотопные потопли не все?

Священники, кто слышал, только переглянулись, а Муассак сказал слабым голосом:

— Считается, что все, и это, конечно, правильно. В основном. Но из всякого правила есть исключения. Одни сумели пробраться на ковчег Ноя тайком и прятались в трюме, другие пережидали в пещерах, закупорившись наглухо и впавши в спячку, кто-то выжил, уцепившись за плавающие по безбрежному океану деревья, вырванные потопом с корнями... Таких были единицы, но они выжили и дали потомство. Или вы полагаете, что Творец намеревался спасать и комаров?

Священники остановились в сторонке, у них завязался жаркий, но сдержаный спор, в их группе, как мне видно, лидирует отец Фростер, он поглядывает на меня сумрачно, но когда один из его соратников направился к нам с отцом Муассаком, останавливать его не стал.

Священник поклонился мне, игнорируя отца Муассака, и сказал:

— Брат паладин, я отец Стоунвуд. Первый из барьеров ставили мы с отцом Фростером. Там допотопные, но не совсем те, о которых вы думаете...

Я насторожился.

— Еще какие-то?

Он кивнул, оглянулся на отца Фростера. Тот чуть наклонил голову, давая разрешение, отец Стоунвуд сказал нерешительно:

— Думаю, вам стоит сказать правду.

— Конечно, — воскликнул я, — стоит! Правду, только правду и одну только правду! Желательно всю, хотя понимаю принципы секретности и разделения ответственности...

Отец Стоунвуд сказал с тоской и злостью:

— Эти допотопные вовсе не спасались! Их задолго до потопа загнали под землю. Изолировали. И поставили стражу. Потоп вообще был великой чисткой совсем по другому поводу. Нужно было очистить землю не только от людей, сбившихся с пути, но и от всяких там чудовищ, с которыми люди слишком хорошо ладили, избавляясь от них не хотели, а напротив — очень даже хорошо общались, а женщины от них рожали еще больших чудовищ...

Отец Муассак посмотрел на меня с грустью.

— Это он о стоккимах, ширнашимах и всем прочем нефилином...

— Да, — подтвердил отец Стоунвуд, — и всем прочем. Земля была слишком наводнена этим разумным зверьем. Мир стал совсем не таким, каким его замыслил Всевышний. И если бы еще тогда этих тварей не загнали глубоко под землю, то они уничтожили бы род людской полностью, попросту употребляя его в пищу.

Я воскликнул жарко:

— Святые отцы, я готов! Надеюсь, снабдите меня особыми доспехами, оружием, одеждой, заклятия-

ми и вкусной едой, чтобы у меня хватало сил драться с врагом... и я им покажу, кого назначили доминантом на грешной по их вине земле!

Они переглянулись, отец Муассак сказал значительно:

— Просто ждите. С минуты на минуту вас вызовет аббат.

Отец Стоунвуд прислушался, сказал со вздохом:

— Уже зовет. Идите.

Я торопливо направился к дверям кабинета аббата, оттуда выскочил молодой проворный монах и остановился, видя, как я решительным шагом направляюсь в ту сторону.

— Как хорошо, брат паладин, — воскликнул он, — что вы здесь. Отец настоятель приглашает вас срочно явиться к нему.

Глава 6

У настоятеля в кабинете только он сам, отцы Ансельм и Кроссбрин словно испарились, свечи горят несколько жарче — старым костям необходимо больше тепла, чем молодым, сам аббат, едва возвышаясь над столешницей, вялым жестом указал мне на кресло по ту сторону стола.

— Однажды, — сказал он старчески скрипучим голосом, — не так давно... по нашим меркам, в ворота обители постучал молодой рыцарь, отважный и чистый. Он хотел было посвятить себя Богу, душа его была чиста и сияла таким дивным небесным огнем, что его все стали называть Рыцарем Света. Он пробыл у нас всего два месяца, больше мы его держать не стали...

Я спросил в недоумении:

— Почему?

— Брат паладин, — сказал аббат с грустью в голосе, — вы как-то сказали в пылу спора, что монахи должны не свои души спасать, а душу человечества!.. Это было в азарте, вы тут же забыли, однако это действительно высшая цель монашества, и меня поразило, что вы это как-то прозрели... Вам было откровение, да?

— Скорее, озарение, — ответил я скромно. — Хотя откровения меня тоже посещают чаще, чем гуси пруд. Отец настоятель?

Он кивнул.

— Да-да, я отвлекся. У стариков это бывает часто, уж прости, сын мой... В общем, мы посовещались и решили, что он свою душу спас и без монастыря, а сейчас пусть лучше идет сражаться за душу и плоть человечества. Но не молитвами и проповедями, а тем, что умеет лучше всего: копьем и мечом.

— Здорово, — сказал я озадаченно. — Вообще-то мудрое решение. Вы здесь не просто монахи, святой отец. Вы мудрецы! Не побоюсь сказать вам со всей мужской прямотой и резкостью прямо в глаза: вы мудрецы!..

Он покачал головой.

— Мы только люди, занятые вопросами совершенствования человека. Даже не всего человека, а только той его части, что называется душой...

— Но разве Всевышний не вложил ее уже готовой?

— Но она далеко не у всех властвует, — ответил он так же мирно, — у большинства вообще спит. Недаром же говорят: мертвая душа, прожженная душа, пустая душа, продажная душа... Так вот я и подумал, может быть, тебе стоит, гм, встретиться с ним и объединить усилия? Дело в том, уж прости, но если силы Тьмы пробьют защитную стену святости, то здесь мы

их удержать не сможем. И ты не сможешь, увы, даже при всей пока что непонятной нам мощи...

Я пробормотал:

— Если вдвоем получится лучше, то я не настолько дурак, чтобы отказываться. Особенно если настолько опасно. Он где-то близко?

— Нет, — ответил он, — но ты найдешь его очень легко. С твоим-то конем... Я дам тебе карту. И... отмечу для тебя.

Я молча ждал, а он, порывшись в ящиках стола, вытащил несколько свитков, прочел надписи на шнурках, все убрал обратно, один оставил на столе.

— Вот это и есть карта, — произнес он. — Смотри...

Смотрел я туповато, все-таки картографы у них хреновые, горы едва обозначены, реки чересчур прямые, пропорции искажены, словно для того, чтобы запутать прилетевших на Маркусе.

Не сразу начал улавливать нечто знакомое в очертаниях горных хребтов, всматривался так и этак, наконец спросил:

— Это карта с точки зрения шмеля?.. Или как землю видит гордый орел, сытый и довольный?

Он проследил за моим взглядом, покачал головой.

— Не туда смотришь, брат паладин. Вот эта синяя точка... присмотрись к ней.

Я присмотрелся, ничего не случилось, поднял взгляд на него, наблюдающего за мной с видом терпеливого деда, которому поручили присмотреть некоторое время за туповатым внуком.

— Вижу, — сказал я. — Точка как точка.

— Смотри дольше, — посоветовал аббат. — Потвоему, точка стоит на месте?

Я всмотрелся.

— Нет...

— Это тот, о котором я говорил, — пояснил он. — Рыцарь благородных кровей, прошел у нас испытания начального и среднего уровня, теперь ведет бой с демонами...

Я снова всмотрелся в карту. Если смотреть долго и внимательно, можно заметить, что точка медленно переползает с места на место. Видимо, это значит, что герой скачет полным галопом.

— Здорово, — сказал я потрясенно, — умеют ваши братья...

— К сожалению, — сказал он, — карта одноразовая. Нет-нет, не исчезнет, просто нельзя отмечать больше людей, чем одного. И как только найдешь, точка исчезнет.

— И можно наносить другую? — спросил я. — Кого-то еще?

Он сдержанно улыбнулся.

— Можно...

— Ура!

— ...Но твоего умения, — договорил он, — здесь недостаточно.

— Большое спасибо, — сказал я с жаром. — Никто для меня не делал так много!

— Это не много, — ответил он, — сумей воспользоваться этим. А дальше будет видно. В добрый путь, брат паладин!

Я поцеловал ему руку и быстро вышел, учтиво сдвигая плечи и горбя спину.

Бобик помчался по залам к выходу, все моментально сообразив и подпрыгивая на высоту моего немалого роста, показывая себя, а то вдруг не замечу и не возьму с собой.

Ворота распахнулись в морозный мир, здесь, оказывается, зима, кто бы подумал, уже и забыл о ней

в огромном прогретом до последнего камешка Храме и монастыре.

Свежий ветерок злорадно вбил в раскрытую пасть горсть снежка, я закашлялся, но быстро пришел в себя и бегом сбежал со ступенек. Снег захрустел под сапогами резко и смачно, небо синее и яркое, монахи разгружают с саней прозрачные глыбы льда, наколотые в ближайшем озере, а при виде брата паладина учтиво поклонились.

— И вам мир и процветание между братскими народами, — ответил я бодро. — Бог в помощь!

— Спасибо, брат паладин, — ответили они вразнобой.

Из конюшни донесся громовой голос арбогастра, тоже учゅял дальнюю дорогу, какие они у меня замечательные, это я один среди них толстокожий, грубый, нечуткий, черствый, спокойный, умный, редкий, замечательный, великолепный, ума палата, светоч...

Судя по карте, за бесконечной равниной высится грозная горная цепь, но дорога ведет прямо к перевалу. Арбогастр с превеликим удовольствием разогнался, долина промелькнула под копытами, как нечто несуществующее, а горы поднялись во всем зловещем блеске острых скал и заснеженных вершин, где снег давно превратился в лед и уже не тает с того знаменательного дня, когда Адама отправили пинком во взрослую жизнь.

Дорога повела, как и ожидалось, к перевалу. Бобик несся, как выпущенная из стационарного гастрофарета стрела, первым взбежал наверх и победно оглянулся.

Перевал не самый удобный для путешествий: каменные стены по обе стороны иногда сдвигаются слишком узко, можно двигаться только по одному, много камней и глыб, что скатились с вершин.

Копыта звонко стучат по каменистой земле, сплошь из вбитых глубоко в сухую, а сейчас еще и промерзлую землю камней и камешков. Я поглядывал на высокие скалы, но чутье опасности помалкивает, а в таких уединенных местах оно срабатывает лучше, это в толпе иногда теряет нюх.

Впереди на продуваемом всеми ветрами каменистом нагорье несколько особо крупных глыб торчат в слишком правильном порядке. Снег сдуло в долину свирепыми ветрами, камни стоят молча и упрямо, словно продолжают некий бой.

Я придержал арбогастра, Бобик понесся вперед и обнюхал первый же камень, оглянулся, дескать, опасности нет, никакой магии, не бойся, я с тобой.

Подъехав ближе, я покинул седло. Камней шесть, Бобик побежал вперед, сделал круг и вернулся с вопросом в больших коричневых глазах.

Камни все отесаны с той стороны, что повернута к дороге, надпись уже почти стерлась от пронизывающих ветров, летних дождей и зимней выюги, я с трудом разобрал надпись: «Герцог Ген.....гиб...»

На остальных камнях надписи чуть лучше, первый принимает на себя все удары стихий, я переходил от одного к другому, здесь какой-то отряд из шести человек принял бой и победил, но сами умерли от тяжелых ран прямо на поле боя.

Сердце сжалось от горячего сочувствия. Там дальше внизу долина, защищенная от ветров, там села, которые закрыли собой эти люди и погибли здесь, оставив дома ожидающих их любящих жен и детей.

В груди разлилось тепло, я ощущал, как жар пошел в ладони, начал покалывать кончики пальцев.

Оглянувшись, никого нет, никакого позора, если ничего не выйдет из глупой затеи, я вытянул руки и сказал громко:

— Во имя!.. Ты знаешь, что я хочу. Это только справедливо! И никому не нанесет вреда.

Из-под ног донесся легкий гул, словно далеко-далеко внизу прокатили бочку размером с гору. Земля под ногами быстро и страшно стала пурпурной, будто наверх выступила вся кровь, пролитая в те давние времена.

Камни охватил трепещущий огонь, короткий и нервный, тут же исчез, сбежав по ним в землю, что снова стала серой и унылой.

Камни остались такими же, но теперь все буквы смотрятся так, словно их вырезали только что. Я прошелся еще раз, читая имена, даты рождения разные, но день смерти у всех один...

Бобик резко повернулся, шерсть поднялась, но не зарычал, только замер в боевой стойке. Из каменной горы вышел человек в темном плаще с капюшоном, надвинутым на лицо. Гора старая, изрезанная трещинами, впадинами и звериными норами, но мне все же показалось, что незнакомец вышел прямо из стены.

Я ждал молча, он посмотрел на ясно видные теперь надписи, на меня, некоторое время стоял молча, а мне почудилось, что ветер пытается сдвинуть и унести его фигуру, у которой, что странно, даже полы длинного плаща не шелохнулся под резкими порывами.

— Кто ты, — спросил он глухим и странно безжизненным голосом, — напомнивший миру наши имена?

— Вы из этого отряда? — спросил я. — Меня зовут Ричард, я паладин Милостивого и Высочайшего.

— Герцог Генрих Плангенет, — назвался человек в плаще. — Это я их привел сюда. Все моя родня, лучшие из лучших рыцарей моего герцогства! Потому и остался на вечной страже.

— По своей воле? — спросил я. — Или по приказу?

— Приказывать нам было некому, — ответил он горько. — Все королевство было в огне... Вон тот камень над моим четырнадцатилетним сыном.

— Сочувствую, — сказал я искренне.

Герцог произнес с горьким достоинством:

— Он был старше доблестью, чем годами.

— Сочувствую, — повторил я. — Но если не мы будем защищать землю, то кто? Гробница доблестных — вся земля.

— Спасибо, — произнес он, — за то, что сделал.

— Жаль, — ответил я, — что не могу больше.

— Да, — согласился он, — но ты сделал и так много. Я здесь для того, чтобы снова призвать их всех, если будет грозить большая беда. Но призвать их смогу только один раз.

Я подумал, поклонился.

— Спасибо тебе, герцог Генрих.

Он молча смотрел, как я вскочил в седло и пустил коня в галоп. Когда я оглянулся, на пустом плоскогорье перевала только эти белые камни, доблестный герцог исчез.

Этот павший герой не подозревает, что скоро в самом деле придет беда, страшнее которой ничего просто быть не может.

И его отряд, возможно, еще скажет свое слово.

Синяя точка на карте двигается гораздо быстрее, чем раньше, я совсем близко. Бобик вообще что-то учゅял, подпрыгнул, чтобы лучше видеть, в верхней точке прыжка огляделся по сторонам.

Арбогастр наддал без команды, а Бобик ринулся по прямой, не разбирая дороги и взлетая над камнями, как огромная черная птица.

Дорога пошла вниз резко, Бобик иногда почти садился на зад, его несло ледяными дорожками, иной раз

подбрасывая на камнях, арбогастр тоже осторожничал, а внизу распахнулась долина...

Я охнул: один-единственный всадник в белом плаще сражается против огромного отряда, почти войска. К счастью, не стоит на месте, иначе бы забили все равно, а умело носится по снежному полю, нанося страшные удары направо и налево.

Его могучий крупный конь белой масти легко опрокидывает противника, бьет копытами, хватает жуткой пастью, отрывая руки и головы. Всадник в белом плаще рубится настолько яростно, что противники рассыпаются, как орехи, а те, кто разогнал коня, спеша вступить с ним в схватку, торопливо натягивают повод.

Одно только показалось странным: в правой руке у всадника меч, а в левой нечто вроде фляжки, и после каждого удачного удара он скучо роняет на труп несколько капель воды, что сильно затрудняет для него схватку.

Я направил арбогастра на небольшой отряд, что с пригорка наблюдает за схваткой. Бобик мчится рядом и посматривает умоляюще, я погрозил пальцем.

— Не сметь!.. Ты не людоед, а мой друг, мы с тобой больше по жареным гусям умельцы...

У подножия холма несколько человек на конях и один с тяжелым воротным арбалетом, упERTым в землю. Всадники повернули коней в мою сторону, а пеший поднял арбалет с уже взвешенной тетивой и направил его на меня.

Я видел, как палец с силой нажал на спусковую скобу. Движение словно замедлилось, стальной болт с острым, как игла, наконечником летит в меня, я ощущал, что успею ухватить на лету, если захочу, однако попросту чуть отклонился, за мной все равно никого, а сам взметнул руку с мечом в высоком замахе.

Удар получился таким быстрым, что дурак даже не понял, что раскроило ему череп. Арбогастр врезался в группу всадников у подножия, один успел вскинуть топор в жесте защиты над головой, но я перерубил окованное железом древко и рассек лицо. Второй попытался нанести косой удар сбоку, этому я разрубил плечо тоже наискось до середины груди.

Остальные орали, гремели доспехами и вздымали мечи и топоры, но кони под ними почему-то пятятся, подчиняясь хозяйствским рукам, и я, не обращая на них внимания, послал арбогастра наверх...

Тот, что в центре, крупный и весь в железе так, что не видно даже глаз, проревел приказ, на меня бросились сразу пятеро. Я рубил направо и налево, арбогастр с явным удовольствием кружит все впереди, но на какое-то время остановить сумели.

Я взвинтил метаболизм до предела, успевая отстраниться от острого меча за полдюйма от лица, на один удар отвечал полудюжиной, наконец мы с Зайчиком снова сдвинулись и пошли проламываться к главному.

На этот раз выдвинулись двое, настоящие чудовища в такой толстой броне, что даже не знаю, как только не падают под ее тяжестью. Я ударил одного для пробы в голову, но тот с неожиданной ловкостью уклонился, а в ответ нанес удар такой силы в мой бок, что затрещали ребра, стегнуло острой болью, а по горлу поднялась выплеснувшаяся внутри кровь.

— Ах ты сволочь, — прошипел я бессильно, начал больше отмахиваться, чем наносить удары, осторожничал, пока не ухитрился точно попасть в почти незаметный зазор между разошедшимися пластинками, когда тот замахнулся снова. — Получи...

Я не заметил, когда их вожак успел замахнуться топором, однако тот почему-то повернулся в могучей

ладони и ударил плашмя. Голова загудела, как гигантский колокол.

Рухнув с коня на промерзлую землю, я как в тумане видел, что Бобик одним махом снес вожака с седла и терзает на земле.

Больше на вершине холма никого не осталось, последние уцелевшие отступили, повернулись и помчались прочь. Я бросился к сбитому Бобиком, тело вожака вздрогнуло, выгнулось дугой, я наклонился над ним, еще можно успеть спасти смертельно раненного, потому что человек должен погибать от человека, не хочу, чтобы на светлейшей душе наивного и чистого Бобика был тяжкий грех человекаубийства...

...Однако доспехи на поверженном со звоном разлетелись. Щиток с плеча просвистел возле моего виска. Тело начало быстро меняться, через пару секунд на земле уже распластался огромный зеленый монстр с чудовищной пастью крокодила.

Я охнул, поднялся и повернулся к Адскому Псу:

— Бобик... молодец, молодец... учゅял...

Он требовательно гавкнул. Я быстро обернулся, чувствуя смертельный холод в шее. Зеленый монстр с пастью крокодила уже в прыжке, как только и сумел вот так, из положения лежа.

Я едва успел сдвинуться, он зацепил меня когтем за плечо и обрушился на то место, где я только что стоял, но не упал, а развернулся на задних лапах, толстых и коротких.

Глава 7

Чудовищно широкая морда с вытянутыми вперед челюстями и горящие дикой злобой глаза, пасть распахнулась, там два ряда острых зубов, что-то прошипел.

Я не разобрал, переспросил:

— Может, покаяться восхотел?

Он взревел, прыгнул, растопырив все четыре. Я шагнул в сторону и взмахнул мечом. Сверкающее лезвие задело переднюю лапу монстра. Там сочно хрустнуло, словно я перерубил тугой кочан капусты.

Монстр ударился о землю, упал мордой, не удержавшись на трех лапах, а срубленная по локоть брякнулась рядом, разбрызгивая голубую, как у аристократов, кровь.

Он обернулся, на жуткой морде недоумение и боль, быстро переходящие в ужас.

— Ты... кто?

Голос прозвучал грубо и плохо различимо. Я шагнул к нему с вытянутым в его сторону мечом, острие направлено в то место, где у людей горло, а у этой твари лишь выемка под сидящей на плечах огромной головой.

— Так ты и говорить умеешь, — заметил я. — Нет, кто ты?

— Мы, — прохрипел он, — Наказующие...

— Надо же, — ответил я, — тебе не повезло, я как раз Милосердствующий. И потому отменяю наказующее... и самих наказываемых.

Он прижался к земле, мышцы напряглись, готовые метнуть тело в воздух и обрушиться на меня всей тяжестью, но коротко взглянул на отрубленную лапу, с шумом выпустил из себя воздух.

— Ты... не должен...

Я сказал зло:

— До чего я дожил! Уже и такие твари начинают указывать, что я должен, а что нет...

Он зашипел, я краем глаза увидел, как рыцарь в белом плаще развернул коня и погнал в мою сторону, но не сводил взгляда с монстра.

— Ты чем недоволен?

— Ты не должен, — начал он шипящим голосом.

Я быстро взмахнул мечом. Острый кончик погрузился в ту выемку легко, словно в трухлявое дерево.

Монстр захрипел, откинулся на спину. Я дернул меч на себя, а зеленое чудовище завалилось на спину, лапы дергаются в судорогах, но все слабее и слабее.

Рыцарь направил коня на холм, я оценивающе всматривался в обоих, мы, мужчины, в других мужчин всегда всматриваемся оценивающе, мы всегда соперники, что бы там ни говорили о мире и дружбе, одно другому не мешает, даже в самом тесном и спаянном дружбой коллективе есть место соперничеству.

Белый конь под рыцарем крупный, высокий, но не тяжеловоз, которые могут сдвигать горы, но ходят только шагом, попона в крупную шахматку покрывает кольчужную сетку, налобник коня закрыт стальным щитком.

Доспехи на Рыцаре Света горят как жар, словно закатное солнце освещает их со всех сторон, хотя небо закрыто низкими темными тучами. Страшно и красиво блещут пурпуром шлем, застежки, бляхи и даже узелчка на конской морде.

Щит снежно-белый без герба и других опознавательных знаков.

Плащ сильно изорван, забрызган кровью, доспехи помяты, даже на шлеме пара заметных вмятин.

Он соскочил на землю и, чуть прихрамывая и косясь настороженно на Бобика, пошел ко мне, не в силах поднять меч и вложить в ножны, а волочил за собой, вырезая дорожку во льду.

— Сэр, — обратился он еще издали чистым звонким голосом, — кто вы?.. Без вас бы я не сумел...

Голос показался мне настолько знакомым, что сердце вострепетало и ликующе подпрыгнуло.

Я бросился к нему навстречу.

— Поднимите забрало, сэр!

Он попытался поднять, но там скрежетало и не поддавалось, и он обеими руками снял шлем целиком. На меня взглянуло измученное и бледное лицо Сигизмунда, все такое же юное, но похудевшее и, как говорят, отмеченное печатью страданий.

— Сигизмунд!

Он всмотрелся в меня, громко охнул:

— Сэр Ричард?

Я раскинул объятия и счастливо прижал его к груди. По всему моему телу разлилось благостное тепло, словно я на какое-то время очутился в раю, когда все хорошо, замечательно, светло и радостно.

Сигизмунд и сам прижался, но только на миг, затем отстранился и продолжал всматриваться в меня с радостным удивлением.

— Сэр Ричард! Как вы здесь оказались?.. И что это с вами за зверь...

— Совсем не случайно, — заверил я. — У нас с тобой, оказывается, есть общие знакомые. Из Храма Истины.

Его счастливое лицо стало строже, переспросил быстро:

— Вы прибыли от них?

— Точно, — сказал я. — Пойдем отсюда?.. А это не зверь, а ласковая тихая собачка. Людей не трогает, а демонов давит, как воробьев. Нет, воробьев она тоже не трогает.

Он покосился в ее сторону, сказал с завистью:

— Хотел бы я такого же друга... Да, сэр Ричард, у меня и шатер неподалеку, как и положено странствующему рыцарю... Эй, Баярд! Ко мне!

Его конь, что уже отбежал на всякий случай по дальше, вздрагивал и не решался приблизиться, поглядывал он не на Бобика, а на страшного арбогастра.

Я кивнул Бобику, тот все понял и начал деликатно подгонять его в нашу сторону, а когда конь все же запрятался, ухватил за повод и притащил к нам.

Сигизмунд с уважением посмотрел на канавки, которые прорезал всеми четырьмя копытами во льду упирающийся конь.

— А у вас собачка... крепенькая.

— Хорошо кормлю, — объяснил я. — Слушай, а чем ты брызгал на них? Неужто святой водой? Не самое подходящее занятие для воина.

Он вставил ногу в стремя, поднялся в седло, глаза снова вспыхнули восторгом удачной битвы.

— Сэр Ричард! — воскликнул он с жаром. — Не знаю, что у вас за меч... чую в нем огромную темную силу, но почему? Он совершил то, что не мог мой клинок, освященный на алтаре Храма Истины... Однако у меня все равно нет другого пути, как сперва нанести демону смертельный удар...

— ...который, — уточнил я, — для него совсем не смертельный. Не так ли, дорогой друг?

— Вот именно, — сказал он с досадой. — Человек сразу бы умер, но демон лишь впадает в оцепенение на несколько мгновений. Если не успеть брызнуть святой водой, он вскакивает, полностью исцеленный своей адской силой... Нам нужно проехать между вон теми скалами, здесь недалеко.

— Проедем, — согласился я. — Твой метод борьбы с демонами несколько громоздок, согласен, но ведь срабатывает?

Он сказал с завистью:

— Если бы мне такой меч... Что у вас за такое, не понимаю! Однако я чую в нем что-то очень нехорошее.

— Любое оружие, — ответил я серьезно, — нехорошая вещь.

— Но есть святое оружие, — возразил он.

— Нет такого.

— Освященное! — воскликнул он. — Мое освятили в Храме! И прочли над ним сорок молитв.

— Над моим, — ответил я, — ни одной, Сигизмунд... Но демонов, как видишь, убивает с одного удара. Если, конечно, попасть хорошо. Дело в том, что справедливость и оружие редко уживаются друг с другом, а оружие и законы — вообще никогда.

— Сэр Ричард?

— Когда меч покидает ножны, — сказал я, — законы замолкают. Потому я, вот уж не поверишь, последний год почти не обнажал меч. Ну, единичные моменты не в счет. Все старался решить вопрос как-то мирно: посыпал армию, а если не получалось, то две... Обычно так удавалось решить проблемы быстрее, а договаривался так и вовсе без всяких проволочек!

Он сказал с изумлением:

— Как вы изменились, сэр Ричард!

— А ты не изменился вовсе, — ответил я. — Видишь, мы сказали противоположное, а получилось, оба похвалили друг друга. Значит, говоришь, демон после удара твоим мечом парализуется... э-э... обездвиживается на несколько мгновений? Любопытно. Значит, у них какая-то защита от святости? Полузашита, так сказать? Хорошо, Сиг, давай на тот случай, если вдруг впереди отряд демонов, то я пойду впереди, как твой бывший сюзерен, а ты прикрывай мне спину. Нет-нет, и не спорь! Прикрывать спину еще важнее, чем идти впереди. Я сдуру смело и отважно, как и подобает, ломанусь в самую гущу, меня сразу же окружат, и на тебя навалится впятеро больше, чем на меня. Понял?

— А-а-а, — ответил он, — хорошо, я прикрою вашу спину.

Мы проехали между скалами по узкой тропке, усеянной крупными глыбами, скатившимися сверху,

а в сотне ярдов впереди под скальным навесом показался простой шатер из белого полотна, такой не рассмотреть на фоне снега издали. Справа от шатра второй конь мирно жует овес из подвязанной к морде торбы.

— Без оруженосца? — спросил я.

— Как и вы, сэр Ричард.

Я ответил горько:

— Неужели мы обречены быть одинокими?

— Разве вы одиноки, сэр Ричард? Вы общительны, как никто... И рот у вас вообще редко закрывается.

— Люблю послушать умного человека, — объяснил я. — Вообще-то людей вокруг меня бывает даже слишком много. Но чем их больше, тем сильнее чувствую одиночество. Да-да, одиноким можно быть и в толпе!..

Бобик огляделся по сторонам и первым вбежал в шатер. Я прислушался, покачал головой.

— И никаких тебе испуганных воплей спасенной из лап дракона принцессы...

Сигизмунд спросил удивленно:

— Принцессы? Какой принцессы? Откуда здесь принцесса?

— У других откуда только и берутся, — ответил я и невольно подумал, что у меня самого их было больше, чем воробьев в стае. — А ты вот счастливый!.. Без заморочек. Тебя, возможно, и Санегерийя не посещает...

Он посмотрел в удивлении, соскочил на землю легко и ловко, уже успел отдохнуть, пока доехали до шатра.

— Кто это? Нет, никто не посещал. Тут только демоны.

— Ну да, — согласился я, — к тебе демоны точно не приблизятся.

В шатре обломок толстого дерева, именно обломок, с торчащими, как острия пик, острыми дере-

вяшками, и массивный камень с плоской вершиной. Обломок дерева, как понимаю, лавка для сидения, а камень — стол. Ложа нет вообще, Сигизмунд либо спит на голой земле, завернувшись в плащ, либо не спит вообще.

— Ты аскет, — сказал я. Сел на промерзшее дерево, пусть и сухое, посмотрел по сторонам. — И огня не зажигаешь?

— Адам и Ева жили без него, — ответил он просто. — Первый огонь зажег Каин.

— Каин вообще много чего сделал первым, — согласился я. — Но огонь признан и церковью, так что не доходит в своем совершенстве до таких уж крайностей... К тому же Адам и Ева жили в другом климатическом поясе, отцы церкви это учитывают.

Я обломил, не глядя, кусок дерева, бросил на свободное место, а следом со словами «Во имя Господа!» метнул сгусток огня, искрой тут не отделаться.

Сигизмунд напрягся при виде такого колдовства, а я перекрестился размашисто и добавил жирным голосом:

— Благодарим тебя, Господи, за огонь и тепло!..
Мой друг Сигизмунд, вот он стоит, благодарит тоже.

Сигизмунд сказал поспешно:

— Да-да, Господи, спасибо... хотя я привык не затруднять тебя мелочными заботами.

Он присел на корточки и смотрел на меня несколько исподлобья. Я снова перекрестился и сказал величаво:

— Во имя Отца и Сына, и Святого Духа... Спасибо, Господи!

На плоской поверхности появилось широкое блюдо из простого дерева с крупными кусками тонко нарезанной ветчины на одной половине и горячего мяса на другой. Пар пошел такой смачный, что даже у меня

громко и требовательно квакнуло в желудке, а Сигизмунд вздрогнул и посмотрел круглыми глазами.

— Даст Бог день, — сказал я и, проглотив привычное «...а черт работу», договорил благочестиво: — И даст нам пищу... Спасибо, Господи! Еще вина принеси, лучше сладкого. Это перед другими стыдно признаваться, но ты же сам видишь нас насквозь, что мы, как все мужчины, любим сладкое, хотя вслух говорим, что обожаем сухое, эстетов из себя строим... Амины!

Сигизмунд повторил машинально:

— Амины...

— Приступай, — велел я и сам взял первый кусок ветчины. — И не гневи Господа отказом!

Он поспешил ухватил ломоть, но на лице разрасались страх и смятение.

— Сэр Ричард... но это же колдовство?

— Почему? — изумился я. — Или думаешь, что если это умеют делать и колдуны, то это становится колдовством?.. Но колдуны ходят по земле ногами, так что делать нам, ползать на брюхе?

Я сотворил кусок ветчины потолще, метнул Бобику. Тот поймал, как муху, и сразу лег, устроив ломоть между лап. Сигизмунд посмотрел на него, пробормотал:

— Однако же святые отцы...

Я покачал головой.

— Сигизмунд, ты не паладин, а все еще мальчишка, взявший в руки меч и научившийся им владеть лучше всех в округе. Даже в королевстве! Но быть паладином... это высшее испытание!.. Это быть аскетом и пуританином внутри души своей, но в то же время для успешного выполнения своей боевой задачи паладин обязан... учи, обязан!.. задействовать все ресурсы!

— Сэр Ричард?

Я пояснил:

— Если тебе дана задача, к примеру, взобраться на гору, отыскать там пещеру, где проклятый дракон держит принцессу, убить его, а деву отвезти родителям, то ты не смеешь изнурять себя постом или воздержанием от скромной пищи! Об этом так и записано в Священном Писании, не помню только, в какой суре. Иначе едва-едва взберешься на гору и там обессиленно падешь к ногам дракона. Понимаешь, к воинам другие требования, чем к монахам. А мы с тобой воины-монахи!.. Мы сочетаем то и другое... Ты ешь-ешь!.. Даже от холодного мяса становится теплее. А это вино вообще воспламеняет кровь по доброте Господа нашего Милостивого и Милосердного.

Глава 8

Он ел сперва с трудом, борясь со своими запретами, но потом разошелся, мясо исчезало с его стороны блюда едва ли не быстрее, чем с моей, хотя я поесть люблю и умею. На бледных щеках проступил сперва робкий румянец, как в небе в начале рассвета, затем разгорелся и наконец заполыхал во всю мощь молодого и здорового организма.

— После того, — сказал он с набитым ртом, — как мы расстались, я прибыл с большими трудностями в Храм, где меня приняли хорошо... А потом вот здесь... А где были вы, сэр Ричард?

Я отмахнулся.

— Да так... сейчас под моей рукой несколько королевств, я принц, грандприц и все такое. Это чтоб не брать королевскую корону, однако, чувствую, уже прижали к стене... и взять придется.

Он отшатнулся на полотняную стенку палатки, засашлялся, едва не удавившись ветчиной, изумленный и потрясенный.

— Сэр Ричард?

— Здесь, — сказал я, — наверное, и не слышали о великих битвах, что сотрясают материк за сотни миль отсюда к югу? В последних боях перед наступлением зимы был разбит некий завоеватель Мунтвиг, а теперь я прибыл сюда...

Он пробормотал:

— О Мунтвиге доходили смутные слухи. И что некий паладин разметал все его армии... Этот паладин вы, сэр Ричард?

— Слухи всегда преувеличены, — ответил я, — но Мунтвига, верно, разгромил, а церкви восстановил. А демонам перекрыл дорогу, так сказать, в массовом порядке.

— Это как?

— Пора переставать мелочиться, — объяснил я. — Хотя и красиво бить их по головам, это еще и возбуждает немного... но так всех не перебить.

Он с трепетом смотрел, как перед ним появляются фужеры из тончайшего стекла, вино даже по запаху великолепное, на серебряных тарелочках горки пирожных, мороженое, сладости, дивные конфеты.

— Вы раньше так не делали...

— Я паладин, — напомнил я, — а паладинов Все-вышний одаряет от щедрот. Я что-то делаю для Создателя, а он для меня. Пей, это кагор, самое что ни есть церковное вино.

Он посмотрел на меня растерянно прежними детскими глазами.

— Но... почему? Я ушел от вас, когда вы не заступились за женщину, слезно молившую вас о защите. Вы отдали ее прямо в руки дьяволу, и сердце мое облилось кровью! Вы поступили несправедливо, жестоко и немилосердно!.. Почему вы... все еще паладин?

Я помедлил, сказал осторожно и с глубоким сочувствием:

— Сиг... я знаю, это выглядит жестоко и несправедливо, но Господь неспроста брякнул, что одна раскаявшаяся блудница для него дороже ста незапятнанных девственниц. Смысл в этом очень глубокий, как нибудь объясню. А пока могу сказать, что ты и есть та чистейшая непорочная душа, а я, увы, раскаявшаяся блудница.

— Сэр Ричард?

— Даже не раскаявшаяся, — уточнил я, — а полу-раскаявшаяся!.. Я все еще на пути из сладкого такого блуда в чистые райские куши... но время от времени прыгаю взад и предаюсь всяческому разврату... я имею в виду не только женщин, это пустяки, а блуду в политике, войнах, дипломатии, мировоззрении, в отношении к разного рода начинаниям...

Он прошептал:

— Но... почему?

Я вздохнул.

— Если я правильно понял твой вопрос, ты спрашиваешь, почему мне, такой свинье, дано больше, чем тебе, такому чистому и непорочному?.. Нет-нет, не возражай, Сиг, я ценю твою деликатность, но ты спросил именно это. Все дело в том, Сиг, что ты свят и даже чересчур слишком свят...

— Сэр Ричард!

— Правда-правда, это не похвала, все так и есть. Тобой будут восторгаться, но за тобой не пойдут. А я прекрасно понимаю людей и человеческие слабости, ибо сам слаб и местами порочен, потому тащу их в светлое будущее не бегом, а с остановками на ночлег и блуд с местными, где и сам, того, весьма грешу, ибо во мне сильно семя Каина, полученное им от первородного Змея! Я поднимаю на священную борьбу со злом целые королевства, а ты все еще дрешься один, как когда-то дрался я. Всевышний це-

нит и любит тебя больше, чем меня, но мне поручает работы больше.

Он смотрел все теми же глазами ребенка, как и при первой встрече. Мы с ним ровесники, я тогда еще ощутил себя старше и мудрее, а теперь вообще вдруг восхотелось погладить его по головке и дать пряник.

— Сэр Ричард, — прошептал он, — но ведь так неправильно?

— Конечно, — заверил я. — Еще как!.. Но когда жизнь неправильна, что нам остается делать?..

— Что, — спросил он с растущим негодованием, — смиряться?

— Исправлять, — сказал я наставительно, — потихоньку, чтобы не сломать. Потому, Сиг, я тебя люблю, ценю и восторгаюсь твоей святостью, но понимаю отцов Храма, что держат тебя вдали от людей.

— Сэр Ричард?

— Ты их убьешь, — пояснил я, — за их пороки, либо они тебя убьют. Нет, сперва ты перебьешь массы этих грешников в праведном гневе, потом они тебя убьют... когда ужаснешься и засомневаешься в праведности совершенного.

Он вскрикнул, словно раненный в самое сердце:

— Но разве путь праведности не праведный?

— Праведный, — заверил я, — даже слишком праведный. Но неправедным людям нельзя вот так сразу ввести сухой закон, велеть прекратить блуд с женой соседа, запретить кричать на жену и собаку... Грех из человека нужно выдавливать постепенно! Даже в монастырях это делается мягко и терпеливо, а ты хотел бы все человечество сразу очистить?

Он вскинул голову и прямо взглянул мне в глаза.

— Вы о Маркусе?

Я чуть опешил от неожиданного поворота, у Сигизмунда очень серьезное лицо и строгие вопрошающие

глаза, он даже дыхание чуть задержал, а взгляд стал острее.

— Хорошо, — ответил я, — что ты о нем заговорил. Как ты относишься... Хотя, боюсь, уже знаю. Потвоеому, это кара? За все грехи людские?

Он ответил твердо и без колебаний:

— Да. В откровении Адама сказано, что первый раз Господь истребит нечестивых водой, а второй раз огнем. Потому Адам оставил две стелы с законами...

— Одну на камне, — прервал я, — на случай потопа, вторую на глине, что в огне станет только крепче. Знаем, Сиг, проходили. Не знаю, говорить ли тебе, что Творец и в первый раз давал людям шанс опомниться? Думаю, ты это и сам знаешь. И сейчас нам дан такой же шанс. Если сумеем спасти человечество, значит, уже повзрослели и выдержали испытание.

— А если нет, — проговорил он мрачно, — начинать все сначала? Но ведь с Ноя началось человечество намного более совершенное, чем было?

— Если бы Ной, — ответил я, — вместо того, чтобы строить ковчег для себя лично и семьи, прошелся по городам и пламенно призывал бы опомниться... кто знает, не опомнились бы? Вот тот народ, опомнившись, был бы точно в сто тысяч раз ценнее того, что потом начался от Ноя. Творцу ценнее раскаявшиеся блудницы, помнишь? А это было бы целое человечество раскаявшихся блудниц!.. Ладно, Сиг, был рад с тобой повидаться... Меня послал к тебе аббат монастыря Истины. Он думает, что ты сможешь помочь защитить их обитель от сил Тьмы, что уже почти пробились снизу. Но если ты считаешь, что миру предназначено погибнуть по воле Создателя...

Я поднялся, он тоже встал, сильный и красивый, могучий размах плеч и гордая посадка головы, только в глазах горькое выражение.

— Уходите, сэр Ричард?.. И что вы решили?

— Что тебе лучше оставаться здесь, — ответил я честно. — Ты опасен, Сигизмунд. Серьезно опасен. Когда Авраам умолял Всевышнего пощадить жителей Содома, он сказал: «Если Ты хочешь правосудия, мир не может существовать, а если Ты хочешь, чтобы мир существовал, правосудие не может существовать. Мир не выдержит Твоего суда».

Он нахмурился.

— Что это значит?

— Все грешны, — ответил я терпеливо. — И вытаскивать из греха нужно всю жизнь, как из топкого болота. А доверь тебе, ты потянешь с такой силой, что оторвешь голову!

— Я никого не тяну, — сказал он с отчаянием. — Я дерусь с демонами! Не даю им выйти из их норы в мир!

— Сколько бы я ни убил демонов, — ответил я, — их меньше не становится, сам знаешь. Но когда на бой веду армию...

Он проговорил сдавленным голосом:

— Армию грешников!

— Да, — согласился я, вспомнив, что в моей армии есть алхимики, маги, ведьмы и даже тролли. — Нечистая сила в чистых руках абсолютно непобедима.

— Но служит ли она Господу? — спросил он резко.

— Спроси отцов Храма, — посоветовал я.

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Думаете, я не задавал им подобные вопросы?

— Уверен, их ответ тебе не понравился, — сказал я мягко. — Но их, надеюсь, не заподозрил в связях с дьяволом? Или все-таки заподозрил?.. Ох, Сиг, что ты с собой делаешь...

Он ответил с силой:

— Я не сдаюсь! Я не уступаю греху.

— Не уступай, — сказал я тихо, — но от других не требуй, чтобы и они тоже... Не все такие чистые, не все такие сильные. Иначе тебе придется жить в пустыне...

— Но великие аскеты жили?

— И чего добились? — спросил я. — Улучшили жизнь хоть одному человеку? Спасли хоть одного ребенка?

— Их подвиг не мог быть напрасным, — возразил он.

— Значит, — сказал я, — ты поверил словам некоторых ригористов Храма, что Маркус — это карающий меч Всевышнего? Грешное человечество должно погибнуть, а святые отцы дадут начало новому человечеству, подобно Ною с его семьей?

— При чем здесь ригористы, — отрезал он. — Я сам так считаю!

— Да, — согласился я, — конечно. Думаю, даже настоятель монастыря Истины для тебя небезупречен, не так?

Он стиснул челюсти.

— Все грешны, сэр Ричард!

— Однако...

Он прервал с яростью:

— Однако есть границы! И ваши границы, как понимаю, очень даже зыбкие, что пропускают много греша и несправедливости. Отец Бенедарий грешен, но он рядом с вами ангел!

— Ну да, — пробормотал я, — как Ной рядом с Мафусаилом или Енохом явный грешник, но среди остального человечества праведник... Ладно, я возвращаюсь. Но ты сказал, что знаешь, откуда демоны выходят?

— Да, — ответил он, — но они ее охраняют...

— Показывай, — ответил я.

Несмотря на размолвку, что проложила между нами трещину, он просиял, как ребенок, которому дали большую сладкую конфету.

— Правда? Пойдем вместе?

— Да, — ответил я, — ты можешь тоже. Что делать, надо дать и тебе подраться.

Он засмеялся счастливо.

— Сэр Ричард! Там их столько, даже вам не одолеть!

— Тогда зачем...

— Проредим их стаю, — сказал он. — Когда их мало, держатся в той долине. Когда больше, выходят за пределы. Только тогда я их и настигаю. По одному — по два. Иначе не успеваю со святой водой.

— Нас двое, — сообщил я, — значит, мы сильнее впятеро... не так ли?

Он воскликнул:

— Как скажете, сэр Ричард!.. Ударим, как в старые времена!

Я засмеялся, это хорошо звучит, когда почти мальчишка вспоминает о старых временах, словно древний дед.

— Тогда не будем медлить, — сказал я. — У меня вообще-то времени в обрез...

Он перекрестился.

— Да, сэр Ричард. Хотя скоро все равно Творец начнет все сначала...

Я смолчал, сердце уже и так переполняла горечь, я чувствую, как поднимается по горлу. Сигизмунд, самая чистая душа в мире, самый что ни есть праведник...

Но каково место праведности в этом мире? Наибольшего успеха в жизни добиваются неправедники, однако их путь тоже неверен, общество неправедни-

ков развиваться не может, и оно вскоре погибнет под ударами того, в котором праведности сохранилось больше.

Однако и общество праведников немыслимо, никто не вынесет такой груз. Недаром же во всех монастырях, где люди добровольно принимают на себя намного более строгие ограничения, чем в миру, во всех уставах записано, что нужно быть снисходительнее к слабостям человеческим, ибо монахи тоже люди, и если перегнуть — можно сломать.

И вот я, раздираемый противоречиями, праведник и грешник в одном лице, иду по жизни с обнаженным мечом в руке, часто и жестоко пускаю его в ход, ибо оружие быстрее всего решает почти все вопросы... и вроде бы строю Царство Небесное.

И уверен, что поступаю правильно.

Глава 9

Бобик выскочил первым, весело прищурился на ярком солнце. Кони Сигизмунда держатся от арбогастра подальше, даже зашли с другой стороны шатра, хотя Зайчик не обращает на них внимания, а Бобик пробежался взад-вперед перед шатром, вскинул голову и некоторое время с надеждой всматривался в каменный навес.

Я поднялся в седло арбогастра, Сигизмунд стрено-жил коня и пустил его пасться рядом с ручьем, после чего ловко и красиво вскочил на своего коня.

— Сэр Ричард, — поинтересовался он чересчур небрежным тоном, — а почему вы сказали, что за последний год почти не обнажали меч? Разве это не наша святая обязанность — защищать мир?

— После первого убитого твоим мечом, — сказал я, — уже нет ни ужаса, ни колебаний, нет... ничего. Только статистика. К тому же я никогда еще не убивал никого с холодной кровью... А когда в ярости или когда защищаешь кого-то, то жизнь отнять легко хоть у одного человека, хоть у многих...

Он воскликнул:

— Но разве с холодной кровью убивать можно?

— С холодной кровью, — пояснил я, — убьешь только того, кого нужно. А так в пылу битвы рубишь всех... И даже после битвы. Другое дело, что с холодной кровью трудно заставить себя убить даже виновного... Это что там за уродливая пирамида?

Он повернул голову, некоторое время всматривался.

— Вон тот конус? У вас острые глаза, сэр Ричард! Это гробница одного великого искателя Древних сокровищ. Говорят, велел все свои находки захоронить вместе с ним. Многие пытались туда проникнуть, там дальше их разбросанные кости.

Я ответил сдержанно:

— В гробницы проникают только воры, называй они себя честно грабителями или красиво — дипломированными археологами. Потому мы пойдем дальше, Сиг.

— Святые слова, — произнес он почтительно. — Я всегда чувствовал, что есть что-то нехорошее в том, что читают чужие письма, пусть даже великих, или вскрывают их могилы.

— Простолюдины всегда находят оправдание своим бесчинствам, — сказал я, — и всегда будут находить и оправдывать. Но мы — рыцари! И должны соответствовать. И пусть весь мир опускается в низость все глубже, но мы будем драться и за этот мир.

Сигизмунд смотрел на меня со страхом в глазах.

— Сэр Ричард... а это не гордыня?

— В чем?

— Объявить себя праведником, — ответил он замерзающими губами, — ради которого Всевышний должен остановить карающий меч, уже занесенный над погрязшим в грехах человечеством?

— Никто из нас не знает, — ответил я скромно, — насколько он праведен. Все мы себя переоцениваем, иногда недооцениваем, только Всевышний зрит верно и оценивает сравнительно точно.

— Вы хотите сказать...

— Уже сказал, — ответил я. — Возможно, мы недооцениваем свои силы? И свою праведность?.. Думаю, скоро сами увидим.

Он привстал на стременах, я проследил за его взглядом и рассмотрел в дальней рассыпающейся от старости горе широкую темную расщелину, а возле нее... так бы сразу не заметил, с десяток мертвенно-бледных тел, почти неразличимых на снегу.

— Они? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Но из норы будут выскакивать еще и еще...

— Еще бы, — согласился я. — Должны защищать Отечество, это закон, а мы должны рушить чужое отчество, чтобы утвердить свое, это тоже закон. Не забыл насчет моей спины?..

— Да, — ответил он с долей обиды, — как я могу?

Я высвободил меч из ножен, чуть наклонился вперед и пустил арбогастра быстрее, чтобы малость оторваться от Сигизмунда и чуть прочистить для него дорогу.

Демоны развернулись в нашу сторону. За исключением того, что все бледные, почти белые, они почти не отличаются от людей, и я, приготовивши меч для удара, напряженно соображал, что демоны Юга и де-

моны Севера — это абсолютно разное, как теперь понимаю. Здесь это действительно потомки тех падших ангелов, что сошли с неба и жили с земными женщинами, рожая от них бессмертных нефилимов, стоккимов и ширнашимов.

От бессмертных нефилимов рождались такие же бессмертные дети, хотя и намного более уязвимые, как и от стоккимов и ширнашимов, одни сразу выглядели чудовищами, другие шли в мать и оставались людьми, так что демоны Севера имеют вполне понятную и близкую нам природу, а многие вообще могут жить как люди и не знать, что они люди как бы не совсем, если им это не сказать.

Демоны Юга... даже не знаю их природу, но это что-то совсем нечеловеческое, и земные женщины точно не имели отношения к их появлению на свет...

Бобик несется рядом, на меня поглядывает искально, но я смолчал, эти слишком похожи на людей, а вдруг Бобик потом начнет убивать и людей, нет, лучше пока что ему оставаться вне схватки...

Их стена приблизилась, я заорал и, вгоняя себя в боевое исступление, когда ускоряюсь только я, а все вокруг замедляется, начал дико рубить, рассекать, повергать, разбивать головы, крошить...

Тупой человек всегда примерно одинаков, что в радости, что в горести, что в злобе. У него все мелковато, а у благородного размах и ширь, потому когда прихожу в ярость, все говорят, что у меня такое лицо, даже друзья страшатся смотреть в мою сторону.

И дерусь остервенело на одних инстинктах, у благородного они тоже глыбже и ширше, так что обычно вижу все, что спереди, с боков и даже сзади, чую, какой удар куда направлен и кто опасен, а кто выбирает момент, чтобы удратить.

Сигизмунд врубился рядом, дерется по-рыцарски красиво, я же просто убиваю, и когда Сигизмунд, сразив первого, торопливо выхватил приготовленную баклажку и, зажав зубами деревянную пробку, выдернул и плеснул святой водой на сраженного, я за это время срубил троих и продолжал бешеными ударами прорубываться в сторону норы, что больше похожа на туннель, не оглядываясь, кто убит, а кто еще может ударить в спину.

Пару раз зыркнув на Сигизмунда, ощутил, что все-таки он уже не тот, это я понял в прошлой схватке, а сейчас так и вовсе вижу его прежний яростный на-тиск и нынешнюю расчетливость, ни одного лишнего движения, ни одного промаха, есть люди, рожденные с музыкальным слухом, есть будущие монахи, а есть созданные для войны и кровавых битв.

Но меня наполняет печалью эта несправедливость жизни, что эта чистейшая душа с упоением наносит тяжелые удары стальным мечом, разбрызгивая кровь веером, убивает, повергает и топчет конем, а ему бы играть на арфе и любоваться полетом сказочно огромных бабочек с дивной расцветкой...

У входа в пещеру сразу пятеро ринулись в схватку, все в костяной броне, мой меч безуспешно высекает икры и вырубает мелкие щепочки, однако там либо тут же зарастает, либо у меня руки окривели, но бой некоторое время шел на равных, потом меня начали теснить...

Дикий жар охватил сперва мозг, потом все тело, взбеленил, осатанил, и дальше я дрался, превратившись в некий яростный вихрь, чувствуя, как мою рожу не просто перекашивают, а ее почти отрывают центробежные, а мир почти застыл, все в нем двигается едва-едва...

...хотя при десятке демонов, что подступили со всех сторон, такая скорость вовсе не роскошь, а средство спасти шкуру и вообще выжить для торжества демократии.

Что-то кричит сзади Сигизмунд, но оборачиваться никогда: вломился в саму нору, что на самом деле приличный туннель, не надо пригибаться, а там, сцепив челюсти, сдерживал остервенелый натиск, отвоевывая каждый шаг, переступал через трупы и продвигался, продвигался вперед. В тесном туннеле уже не ударят сзади и даже с боков, враг только впереди...

В туннеле адский холод, но я разогрелся так, что вокруг меня иней на стенах превращается в капли воды, а сзади гремят яростные крики Сигизмунда, он гордо и красиво, хоть и с остервенением, рубит одиночных демонов, которым я даю возможность проскользнуть мимо меня за спину.

Злые и разгоряченные, мы сперва продавливались, потом шли, повергая окровавленные тела себе под ноги, наконец побежали по расширяющемуся туннелю в сторону странно мерцающего зеленоватого света.

Некоторое время бежали уже не по туннелю, а по длинному залу, пусть и с неровными стенами и волнистым полом, камень из стен постепенно исчез, мы в причудливой ледяной крепости, стены из зеленоватого льда, пол усеян мелкими камешками и осколками льда, странный мертвенный свет из стен отбрасывает наши черные тени сразу во всех направлениях.

Когда вбежали в следующий зал, Сигизмунд охнул и попятился: ступня его правой ноги зависла над бездной.

Я крикнул в нетерпении:

- Не отставай, Сиг!
- Но там же...

— Просто лед, — прокричал я. — Хорошая вода, без примесей.

Бледный и напряженный, избегающий смотреть вниз, он догнал меня на другом конце пещеры, что действительно зал, а не пещера, настолько хорошо отесаны стены, а пол идеально ровный.

Все-таки он страшился опустить голову, но здесь лед с примесями, нет ощущения, что ступаешь по воздуху, а всего лишь по местами мутной воде, что, правда, вот-вот расступится...

В этом зале сразили еще четверых, я увидел широкие ступени, что ведут вниз, крикнул Сигизмунду:

— Мы уже у цели!

— Какой? — прокричал он.

— Не знаю, — ответил я бесстрашно. — Да какая разница! Мы же рыцари?

— Ну да...

— Тогда вперед во славу!

Ступени, красиво и даже вычурно изогнувшись, вывели в просторное помещение, где прямо на полу, укрепленный в небольшом кольце из зеленой меди, высится огромный стеклянный шар, наполненный отвратительной даже на вид зеленой жидкостью, похожей на слизь.

Высотой он в полтора моих роста, видно, как по ту сторону стенок более темные сгустки медленно перемещаются, словно толстые черви, вскарабкиваются повыше, а другие, еще полупрозрачные и мелкие, толкуются у дна.

Сигизмунд прокричал:

— Это их сердце!.. Они рождаются отсюда!

— Рождаются не из сердца, — ответил я. — Хотя, наверное, тебе еще рано такое знать...

— Сэр Ричард! — вскричал он оскорбленно.

— Держись! — прокричал я.

Из-за шара выбежали трое демонов, эти огромные, толстые, в доспехах, а из дальней двери выметнулась еще куча, там немалое разнообразие: от карликов мне до колена до гигантов на голову выше, втрое тяжелее и шире в плечах.

— Последний бой, — крикнул я, — он трудный самый... Сигизмунд, не рискуй!

Но, пренебрегая моим предостережением, он прорубился к шару и с силой ударил стальным клинком, который освятили в Храме, как он сказал, и прочли над ним двадцать молитв. Раздался красивый хрустальный звон, звенящий и печальный. Руку с мечом отбросило с такой силой, что Сигизмунд едва удержал оружие, я видел, как лицо исказилось болью.

— Железное сердце? — крикнул я. — Или просто черствое?

Он увернулся от одного удара, но другой пропустил, шлем слетел с его головы от мощного удара, сам Сигизмунд покатился, как выброшенный из костра уголек, я прыгнул вперед и достал того демона кончиком острия.

— Может, — крикнул, — это женское сердце?

Он с трудом поднялся, крикнул с упреком:

— Сэр Ричард!

— Сердце плохой женщины, — уточнил я. — Или плохих не бывает?

— Не бывает настолько плохих!

— Зато какое большое, — сказал я. — Хотя да, полно нечистот... Что там сказал о женском сердце мудрый Соломон?

Он срубил еще одного, торопливо достал флягу, пока я защищал его со спины. Вообще-то здесь в зале не он охраняет мне спину, а я ему: слишком уж снова рвется в центр зала к этому шару с зеленою гадостью, который окружили стеной набежавшие демоны: карлики, средние и гиганты.

Глава 10

На какое-то время нас разъединили, он рубился среди зловещего вида карликов, не достававших ему и до пояса, а навстречу мне выступил гигант выше меня на полголовы, весь в черных, как ночь, доспехах. Даже зловещие факелы, разгоняющие тьму, не могут оставить даже отблеска на странном металле вполне рыцарского доспеха.

Я слишком уверовал в свое умение, попер как на простого демона, а у них разнообразия куда больше, чем у людей, парировал взмах меча, нанес два удара, самоуверенно изготовился завершить еще одним, но гигант опередил, ударив быстро и неожиданно.

Толстая полоса стали в его руке разрубила на моем плече пластину доспеха, как тонкую полоску железа на деревенской наковальне. Острая боль заставила вскрикнуть, алая кровь брызнула фонтанчиком.

Я стиснул челюсти, отступил, фонтанчик исчез, а через пару мгновений я ощутил, как на месте глубокой раны спешно рубцуется в грубый шрам соединительная ткань, отчаянно зачесалось.

Рыцарь не ринулся добивать тяжело раненного, пусть враг истекает кровью, но я перевел дыхание и взял меч в обе ладони.

Он ухмыльнулся, шагнул навстречу уверенно и мешно, меч тоже взял в обе руки, дескать, схватка будет на равных, и окинул меня оценивающим взглядом.

— Паладин, — прорычал он, в густом голосе только уверенность, но нет страха. — Что ж, умирают и паладины...

— Но этот сперва отправит в ад тебя, — заверил я. Он широко оскалил пасть.

— Только не меня.

Я вскинул меч, клинки сшиблись с таким оглушительным звоном, что на миг по всему залу замерла схватка, затем крики, лязг, стоны и грохот наполнили мир от стены до стены и от пола и до свода.

На этот раз я старался не допустить ни наималейшего промаха. Этот в самом деле великий воин, если не величайший, не только сам хорош, но и пользуется малейшей небрежностью противника.

Несколько минут мы рубились настолько ожесточенно, что время словно растянулось на часы. В какой-то момент оба опустили мечи, давая себе передышку, оба дышим тяжело и с хрипами. Я высматривал момент, чтобы нанести решающий удар, он, видимо, тоже, судя по его оценивающему взгляду, затем оба одновременно подняли тяжелые клинки, и тут с диким воем и грохотом в нас буквально вломилась группа демонов, разъединила, за ними погнался разъяренный Сигизмунд с растрепанными белыми волосами и кровью на щеке.

Демоны в присутствии гиганта в черных доспехах ободрились и, остановившись, попытались выстроить защиту против яростного рыцаря, тот выкрикивал что-то похожее на слова молитв, его меч блестает все так же красиво и страшно, не окрашиваясь кровью, в то время как мой весь в пурпуре по самую рукоять, демоны рычат и бьют его кто палицами, кто молотом, а кто и голыми лапами, где кулаки размером с каменные глыбы и такие же по крепости.

Гигант в черных доспехах с той стороны тоже пытался добраться до Сигизмунда, я начал прорубываться с этой, а Сигизмунду крикнул:

— Этот мой!..

Он откликнулся, не поворачивая головы:

— Как скажете, сэр Ричард!

Я сразил последнего из простых, остался только гигант в черных доспехах. Он поднял меч, но вместо того, чтобы попытаться нанести удар, к которому я вообще-то готов, отступил на шаг и прорычал мощно:

— Сэр Ричард?

Я спросил нервно:

— Что, мы знакомы?

— Еще бы, — ответил он, и страшная ненависть прозвучала в его голосе, что из могучего и грохочущего превратился в некое злобное шипение, — хотя вы меня таким еще не видели.

Я всмотрелся пристальнее. Огромный рост и широкие плечи — это не примета, хотя чем-то знаком подбородок, похожий на выдвинутую вперед каменную ступеньку...

— Назовите свое имя, — потребовал я. — Сэр!

— Галантлар, — ответил он. — Не помните, сэр?

Когда-то о самом великом воине Зорра, славном рыцаре Галантларе рассказали мне отцы Епифантий и Дитрих. Тот в силе и доблести спорил с Ланселотом, учтивостью превосходил Галахада, а в чистоте помыслов мог потягаться со святыми отцами. Но я встретил его в замке Амальфи, когда он в облике древнего старца уже иссущил себя колдовством, потому убил без всякого сожаления, начав свое победное восхождение по лестнице титулов и приобретая земли.

— Помню, — ответил я, — рад за вас, сэр... и за себя тоже.

— А почему за себя?

— Старика было убивать неловко, — пояснил я, — а вот такого бугая... с радостью.

— Меня убить невозможно, — отрезал он с великой убежденностью, — на этот раз все будет иначе...

Я молча стер зеленую слизь с рукояти меча. Галантлар вздрогнул, уставился на нее расширенными глазами.

— Это... меч Вельзевула?

— Это мой меч, — ответил я громко на тот случай, если вдруг услышит Сигизмунд. — А от кого я получил, это неважно.

Он опустил меч и упер его острием в пол.

— Я ненавижу вас, сэр, — произнес он с яростью, — как никто никогда на свете! Но тому, у кого в руках этот меч, обязан повиноваться.

Я не поверил глазам, когда он преклонил колено, одной рукой держа меч, снял шлем и наклонил голову, вперив взгляд в пол.

Грохот и крики в зале затихли. Уцелевшие демоны сбежали, как только их предводитель преклонил колено и подставил под удар моего меча шею.

Сигизмунд в недоумении оглянулся, я видел изумление на его прекрасном лице, а невинные глаза вовсе стали как два голубых блюдца, только что вышедшие из рук гончара.

— Сэр Ричард!

— Оставайся там, — велел я.

Он не послушался, двинулся ко мне, держа меч на готове и настороженно всматриваясь в коленопреклоненного.

— Это... кто? И почему он...

— Сигизмунд, — сказал я с тоской, теперь все рухнет, — не влезай, это личное...

— Сэр Ричард?

— Это в прошлом доблестнейший рыцарь, — пояснил я, — замок которого мы захватили... замок Амальфи!.. У него было трудное детство, плохое окружение, влияние улицы, так что все пошло не совсем так, как планировали отцы церкви... Пойди лучше посмотри,

как можно разбить ту как бы стеклянную емкость. Нам нужно поскорее убираться отсюда... чует мое сердце, убежавшие приведут подмогу.

Он кивнул и послушно бросился к гигантскому шару, а я повернулся к Галантлару.

— Повинную голову меч не сечет... но секут другое место. Сэр Галантлар, я оставляю вам жизнь и повелеваю вернуться к Вельзевулу, раз уж вы признаете его власть.

Он медленно поднялся, взглянул на меня с удивлением, но ненависть в глазах не ослабела, теперь в глазницах полыхает настояще яростное пламя.

— Оставив мне жизнь, — проговорил он хриплым от ненависти голосом, — вы оскорбили меня еще больше. Я вернусь за вами, сэр Ричард!

— Буду ждать с нетерпением, — ответил я. — В следующий раз так легко не отделаетесь!

— Что-о?

— Еще и надругаюсь, — пояснил я. — С особым цинизмом. Думаете, если я паладин, то как бы здешний иисусик?.. Вы и трети не знаете тех гадостей, через которые я прошел бодро и с песней в далеком детстве... ибо познать надо было как бы все, так у нас было заведено и модно.

Он отступил на шаг, его охватило отвратительно зеленое пламя, но я услышал отчетливо:

— В другой раз я буду готов лучше, сэр...

— Я тоже, — пообещал я. — Уж надругаюсь так надругаюсь, сэр!

Зеленое пламя поглотило его целиком, а когда погасло, на том месте осталось быстро исчезающее пятно на полу.

Сигизмунд в замешательстве бегал вокруг емкости с зеленой гадостью, на мои шаги оглянулся с самым расстроенным видом.

— Убили?

— Отправил обратно в ад, — ответил я гордо, что Сигизмунд оценил, конечно, единственно правильно, дескать, зарубил, — а как тут?

— Не получается, — объяснил он расстроенно.

— Чем бил?

— Мечом, чем же еще?

— Можно головой, — предположил я, но когда Сигизмунд наклонил голову и собирался с короткого разбега таранить стеклянную емкость, крикнул: — Погоди-погоди!.. Не исключено, что можно еще и уговорами...

Он сказал рассерженно:

— Какими уговорами? Уже затупил лезвие дальше некуда, но на этом стекле ни царапины!

Я промолчал, рыцарские мечи и так все с тупыми лезвиями, все равно бьют по железу доспехов, их сила в тяжести, призваны раскалывать панцири, как орехи, мой меч тоже тупой, к чему никак не привыкну, но если им шарахнуть по этому выпуклому боку...

— Отойди в сторону, — сказал я, — лучше вот туда. И встань повыше.

— Ваш меч, — спросил он с надеждой, — прорубит?

— Попробую, — ответил я, — думаешь, я каждый день такие раскалываю?.. Совсем нет. И даже не раз в неделю...

Он в самом деле отступил, хотя и с великой неохотой, обнаженный меч ярко блестит в руке, а с лица уже осыпается скорлупа засохшей крови. Только побруленные доспехи не регенерируют, хотя я уже как-то видел такие.

Нужно докопаться до их секрета, мелькнула отстраненная мысль, — вот так я, как дурак или мудрец, могу думать и о чем-то постороннем, — и сварганить себе хотя бы такой же регенерирующий панцирь...

Сигизмунд вздрогнул, когда я с силой нанес жестокий удар по выпуклому боку стеклянного чана. Раздался не звон, как при ударе Сигизмунда, а сухой и зловещий треск, будто лопнула от внутреннего напряжения каменная стена.

— Сэр Ричард!

Я отпрыгнул в сторону, ощущив, что совершил громадную дурость. Зеленая жидкость ударила мощной струей, но Бог дураков все же как-то оберегает: стеклянная емкость не раскололась вертикально, как должна бы, а мой удар всего лишь проделал окошко в боку.

В образовавшуюся дыру зелень шарахнула с такой силой, что достигла дальней стены, но тут же более плотные сгустки забили отверстие, дальше проникавшись густая масса слизи, блестящей, как дождевые черви, на полу сразу же началось шевеление, конвульсии, бульканье...

Я отступил, делая вид, что так и задумывал, не стоит терять лицо даже перед бывшим вассалом, аккуратно вытер лезвие меча и убрал в ножны.

Когда я бодро, но с достоинством поднялся к Сигизмунду, он дышал все еще часто и сжимал рукоять меча обеими руками с побелевшими от напряжения пальцами.

— Еще хочешь подраться? — спросил я с одобрением. — Какой ты неистовый...

Он оглянулся со страхом и надеждой.

— Сэр Ричард?

— Закончено, — сообщил я, стараясь произносить как можно более буднично. — Что-то как-то скучно... Ты еще не засыпаешь? Ах да, ты же рвешься на славные и великие подвиги... Пойдем отсюда. Будут тебе еще подвиги. Всякие.

Он торопливо сунул меч в ножны, попал с третьего раза, руки все еще трясутся, отступил на пару ступеней выше, грудь вздымается часто и с натужными хрипами.

— Сэр Ричард?

— Пойдем-пойдем, — сказал я отечески. — Я не о тебе забочусь, а о своем коне и бедной собачке.

Он судорожно кивнул, принимая сказанное как должное, все мы в первую очередь заботимся о любимой собаке, а потом уже о людях. А если есть конь, то о нем после собаки, но все же перед людьми, даже близкими.

Когда прошли обратно, скользя в пролитой крови, переступая через трупы и дивясь, как же их много, откуда столько и набралось, Сигизмунд нервно начал рассказывать, что он давно присматривался к этой норе, но одному тут было бы трудновато, зато сейчас мы вдвоем вообще решили эту проблему...

— Не совсем, — сказал я, — не совсем...

Он сказал быстро:

— Мы же разрушили то, из чего они появляются!

— Любое разрушенное можно построить заново, — ответил я. — Нужно только время, много времени... а также ресурсы. Как трудовые, так и всякие там интеллектуальные. Увы, интеллектуалы почему-то на разрушение работают охотнее, чем на созидание. Плохо за ними присматривает церковь.

Он нахмурился, уязвленный, словно он и есть церковь, а я — выпрыгнувшая из ада нечистая сила.

— В смысле, мало сжигает?

— Да сжигает достаточно, — согласился я, — я бы увеличил процент сжигаемости всяких там, сам понимаешь, а интеллектуалов бы перевоспитывал...

— Каленым железом?

Я кивнул.

— Ты прав, многие этот метод понимают лучше, чем сладкий пряник. Других бы перевербовывал. Знаешь, сколько я перевербовал! Теперь стали такими ревностными...

— Христианами?

— Алхимиками, — ответил я. — Это почти одно и то же...

Впереди заблистал солнечный свет, донесся веселый гав, Бобик ринулся навстречу прямо в нору, придирчиво обнюхал.

Сигизмунд опасливо отодвинулся, когда глаза Адского Пса вспыхнули багровым, а из горла донеслось глухое рычание, похожее на раскаты далекого грома.

Я сказал одобрительно:

— Видишь, как божья собачка реагирует на зло? Он насторожился.

— Кто из нас зло?

— Учуял чужую кровь, — пояснил я. — Вон на твоих штанах. А ты еще сомневаешься, святость я сама во плоти или как бы не совсем! А собачка вон не сомневается. Ей верить можно, у нее нюх.

Солнце уже клонится к закату, небо медленно начинает краснеть, но не ярко, как летом, а едва-едва, как нежнейший румянец. Арбогастр перестал отрывать от скалы камни, приветствующе ржанул.

Я направился к нему, Бобик ринулся следом.

Сигизмунд спросил потерянно:

— Возвращаешься в Храм?

— Да, — ответил я, — там беда. Настоятель послал за тобой, но я не думаю, что тебе следует возвращаться.

— Почему?

— Ты веришь в очищающую роль Маркуса, — сказал я. — А раз так, то зачем сражаться с силами Тьмы? Все равно вот-вот Маркус сметет всех. И Тьму тоже.

Он насупился, пробормотал:

— Но вы же помогли мне... Я просто обязан помочь вам.

— Это не моя война, — ответил я. — Сам помогаю тем, кто будет бороться против Маркуса.

Он сказал с задавливаемой злостью:

— Против Маркуса я бороться не буду, ибо он — благо! Но помочь Храму против каких-то там сил Тьмы я просто... обязан.

— Ничего ты не обязан, — ответил я.

Он смотрел, как я поднялся в седло, поспешил вскочил на своего коня и развернул его вслед за мной.

— Сэр Ричард!.. Я еду с вами!

— Не со мной, — ответил я сухо, — но да, мы едем в одном направлении... и в одно место.

Глава 11

Некоторое время наши кони шли галопом вслед за веселым Бобиком, он и здесь ухитрился исчезнуть ненадолго за деревьями, вернулся уже со здоровенным оленем в пасти, догнал нас и начал совать добычу Сигизмунду, уже зная, что я откажусь.

Сигизмунд обалдело принял, так и скакал дальше, держа оленем туши перед собой поперек седла, а на меня посматривал донельзя сконфуженно.

— Сэр Ричард, — сказал он наконец с неловкостью в голосе, — вы освободили меня от присяги верности вам. Я за эти годы прошел... долгий путь. И должен признаться, я все это время провел в одиночестве, сражаясь как с демонами ада, так и с демонами в себе...

— Сочувствую, — сказал я, — даже не знаю, какие битвы труднее.

Он взглянул на меня исподлобья.

— Вы это понимаете?

— Еще как, — ответил я. — Одного не разумею, почему в одиночестве?

— Везде грех, — произнес с таким отвращением, что переходит в отчаяние, — везде похоть, блуд, предательство, низкие интересы... человек хуже животного...

— ...Когда он животное, — подсказал я, — так? Сигизмунд, скажу без лести, я тоже прошел огромный путь после того, как мы с тобой расстались, но еще не встречал такой чистой души, как у тебя. Однако, Сиг, у тебя слишком высокие требования... Нет, не к себе, к себе можно быть как угодно строгим! Но людей Господь выпускает в мир всяких, Он почему-то не любит одинаковых... хотя здесь я Его понимаю и даже одобряю.

Он посмотрел на меня злыми глазами.

— Вы осмеливаетесь одобрять или не одобрять действия Господа?

— Конечно, — воскликнул я. — Он же мой военачальник, к которому я пришел добровольно, то есть по своей воле без всякого принуждения! И раз дал вассальную присягу, то служу Ему верно и честно... пока верю в Него и одобряю Его действия!.. Разве ты не ушел от меня, когда усомнился в моей правоте?

Он сказал твердым, но чуть надломленным голосом:

— Я и сейчас не сомневаюсь, что поступил верно!

— Это хорошо, — сказал я быстро, — нет сомнений — здоровый крепкий сон, а сон — залог здоровья. Но у Всевышнего много дорог, ведущих к счастью, и ничего, что не все люди прут, как бараны, по одной!.. Потому Творец и выпускает людей разненькими.

Он сказал с нажимом:

— Никогда нельзя отказывать людям в помощи! Всегда нужно, обнажив меч, бросаться...

Я подумал, поинтересовался медленно:

— Где вы были, доблестный сэр Сигизмунд, когда в королевстве Бриттия... вы о нем и не слыхали, знаю... люди Мунтвига сожгли всю деревню с ее жителями? Загнали в сарай мужчин, женщин, стариков и детей и — сожгли заживо!

Его лицо исказилось болью.

— Вы прекрасно знаете... нельзя быть повсюду!

Я покачал головой.

— Разве? А вот моя армия теперь может.

Дальше мы не проронили ни слова, я списал это на то, что оленья туша при тряске постоянно норовила соскользнуть в ту или иную сторону, а Сигизмунд такого допустить не мог, Бобик несется поблизости и поглядывает на него очень даже строго.

К воротам подъехали, когда солнце уже опустилось, а по-северному блеклый закат грозил вот-вот уступить место темной ночи. Калитку нам открывал брат Жак, я приветствовал его по-дружески, а себе напомнил, что надо поинтересоваться, как это он ухитряется оказываться в двух разных местах одновременно, или почти одновременно, и почему его речь иногда начинает звучать очень... книжно.

— Дорогой Сигизмунд, — сказал он растроганно, — как же мы все соскучились по тебе, дорогой... Надеюсь, ты надолго?

— Зависит не от меня, — ответил Сигизмунд и посмотрел на меня с подозрением. — Сэр Ричард наговорил такие страсти...

Жак посмотрел на меня с интересом:

— Сэр Ричард?

— Его высочество, — уточнил Сигизмунд с некоторой гордостью, — грандпринц Ричард, принц крови. Мой бывший сюзерен... Сэр Ричард, я отведу пока коней?

— Хорошо, — разрешил я милостиво, — только Бобика там не запри.

Жак проводил его задумчивым взглядом.

— Даже принц?.. А где же корона?

— В мешке, — ответил я и ощутил, что при этих словах холод пробежал по внутренностям. Корона в мешке, все верно, но не корона принца, а корона Повелителя Темного Мира. Вожу за собой, как дурак в писаной торбе, и надеть нельзя, и выбросить опасно. — В мешке, где ей еще быть?

Он сказал, соглашаясь:

— Ну да, конечно. Какой же дурак ее на голове носит? Только в мешке, все правильно.

Он шел в здание рядом со мной, я сказал дружески:

— Может быть, заодно и настоятелю сообщишь, все сделано, их доблестного паладина отыскал, доставил... теперь могут заняться моими проблемами.

— Да, конечно, — ответил он. — Сообщу. А какими проблемами?

— Да вот решил спасти мир, — сообщил я. — Все равно зима, делать нечего...

Он ухмыльнулся.

— Идите отдыхайте, брат паладин и сэр Ричард. Вас позовут сразу, как только настоятель освободится.

Я кивнул и свернулся в коридор, что ведет к кельям монахов. Вообще-то брат Жак и не должен быть простым, это же самый первый барьер по отсеиванию. Он может отказать любому, апелляцию подать некому, потому он наверняка чем-то да обладает.

Бобик с удовольствием разлегся у порога, теперь будем отдыхать эту ночь, завтрашний день и еще ночь, но едва он опустил голову на пол, как в дверь деликатно постучали.

— Открыто! — сказал я.

В дверь опасливо заглянул Жильберт, бледный и умеренно трепещущий.

— Брат паладин...

— Заходи, — пригласил я. — Тебя уже обнюхали и признали чересчур костлявым.

— А вдруг он проголодался в дороге? — возразил он. — Брат паладин, отец настоятель ждет вас у себя.

Я вскочил.

— Ура! Все начинает ускоряться. Пойдем, пока не передумали.

Бобик посмотрел нам вслед с неудовольствием, но не стал даже поворачиваться на другой бок, снова уронил голову и заснул, крепко, но чутко.

Жильберт поглядывал на меня с вопросом в глазах, но я помалкивал, так дошли до кабинета настоятеля. На этот раз никто ничего не спрашивал, передо мной с поклоном распахнули двери, один из помощников аббата что-то сказал в спину крайне учтиво-любезное.

Я перешагнул порог, слегка дернулся. Сигизмунд уже сидит на стуле напротив аббата Бенедария, правда, на самом краешке, на лице готовность вскочить в любое мгновение и поклониться.

Аббат повернул в мою сторону черепашье лицо, прошамкал устало:

— А вот и брат паладин... Благодарим вас, брат, что отыскали так быстро нашего доблестного брата и доставили его незамедлительно!

— Да он и не особенно упирался, — сказал я. — Так, совсем чуточку...

Сигизмунд вскричал:

— Отец Бенедарий, это неправда! Я не упирался! С чего бы я упирался? Я совсем не упирался!

Аббат ему улыбнулся, а на меня бросил взгляд, полный ласкового укора, мол, с юным паладином шутить не стоит, слишком честен, а любые шуточки имеют

в своей основе либо хитрость, либо двойное истолкование.

— Отец Бенедарий, — сказал я, — введите меня сразу в курс дела. Думаю, кстати, брат Сигизмунд знает об этом еще меньше меня. Что там внизу? От чего отгораживаетесь?.. Вернее, от чего отгораживаемся, потому что я сейчас с вами и тоже как бы один из.

Аббат затих, потемнел, стал еще меньше ростом.

— Внизу, — проговорил он дрожащим голосом, — Тьма. Даже Тьма!.. Не знаю, извечная или же это случилось по ошибке кого-то из старших братьев? Если и так, то это было очень давно.

— Насколько давно? — спросил я.

— Еще до Первых Войн Магов.

— Ого, — сказал я невольно. — Храм уже был?

Он ответил уклончиво:

— Не совсем таким, как сейчас. Но пещеры уже были. Хоть и не так много.

— И не такие огромные, — согласился я. — Хорошо, но я же паладин или кто?.. Разве не должен вести неустанную войну супротив?..

Сигизмунд посмотрел на меня с надеждой, сам не решается разговаривать с аббатом по своей инициативе, младшие должны только отвечать на вопросы старших.

Аббат сказал с тяжким вздохом:

— Брат паладин... Не люблю говорить неприятные вещи, но вы напрашиваетесь на порку. Ваша святость паладина, которой так бахвалитесь, все равно что свечи рядом с пылающим солнцем наших старших братьев! Далеко вашей святости до их святости, очень далеко. Как муравью у подножия горы до ее вершины. И то, как вы знаете, старшие братья не рискуют опускаться в нижние пещеры. Как вы должны понять, не из трусливости.

— Ну да, — согласился я, — чего трусить, если душа все равно бессмертна.

— Вот-вот! Если они одолеть не могут, то что можете вы?

— С моей куцей святостью, — пробормотал я. — Ну да, конечно. Это да, нужно будет потрудиться. Может быть, даже вспотеть... Сиг, ты как?

Сигизмунд ответил незамедлительно:

— Сэр Ричард, только прикажите!

Аббат посмотрел на него и тяжело вздохнул.

— Уже полночь, — сказал он дряблым голосом. — Отправляйтесь спать. А утром, возможно, будем готовы на некоторые... добавочные действия. Контрмеры, если можно так сказать.

Остаток ночи я ломал голову, стараясь догадаться, что же это за контрмеры, если видно, насколько их всех страшит сама возможность падения защитной стены из двойного слоя святости.

Трижды проваливался в сон и тут же просыпался с сильно стучащим сердцем. Бобик сперва поднимал голову и смотрел с изумлением, потом потянулся всласть, вытянулся и заснул, уже не обращая внимания на мои мерехлюндии и повышенный вертеризм.

Утром, когда уже не кричали петухи и не звонил колокол, я оделся и тихо выскользнул из кельи, прошел вдоль стенки по коридору, а там по залам проbralся навстречу свежему морозному воздуху, чье присутствие ощущается уже в первом же зале, примыкающем к холлу.

Во дворе темное небо с краешком луны, таинственно поблескивающий снежок под ногами, отдалившись грохот в небе, словно тоже ждет восхода солнца...

В конюшне арбогастр вскинул голову, выходя из спячки, которая ставит в тупик ухаживающих за ним

и другими конями монахов: а живой ли этот конь, легонько ржанул, потянулся ко мне, дыхнув горячим, как у дракона, воздухом.

Я погладил по аристократически вытянутой морде с филигранно вырезанными ноздрями, просто произведение искусства, поцеловал в нос и сказал тихонько:

— Скоро уберемся отсюда. Что-то здесь не совсем то, что хотелось.

Он внимательно, хоть и слегка свысока наблюдал, как я роюсь в седельном мешке. Еще когда прибыли в Храм Истины, я просто расседлал арбогастра и все оставил там же, в конюшне: седло, потничок, попону, всю сбрую, даже седельный мешок, объяснив, что в стены святого монастыря негоже заносить мирские вещи, пусть даже личные, что монахи приняли с полнейшим одобрением и сразу выдали мне монашескую робу.

Я перебрал всякие штуки, начиная с медного кастета, подаренного отцом Дитрихом, и кончая украденной у горных эльфов мелочью, все аккуратно сложил обратно, только корону Повелителя Темного Мира сунул в широкий карман, пришитый изнутри к рясе. Карманы, кстати, первыми придумали и начали использовать тоже монахи, бенедиктинцы.

Она там некоторое время выпирала острыми зубчиками, хотя вообще-то не корона в классическом виде — широкий обод с высокими копьеобразными клинышками, а больше похожа на корону императоров, то есть золотой венец в виде лавровых листьев, но вскоре я привык и перестал обращать внимание, чем у меня забиты карманы.

Когда вернулся, снаряженный уже по-своему, из молельной комнаты вышел Сигизмунд, бледный и решительный, на лице готовность красиво отдать жизнь за, именно красиво и возвыщенно, с гордыми словами

на устах, покрытых кровавой пеной, сверкающим взором и в возвышенной позе.

Вообще-то в наше рыцарское время многие готовы отдать жизнь за правое дело, но большинству хотелось бы сделать это на глазах сюзерена, любимой женщины или хотя бы своей собаки, а вот Сигизмунд готов отдать и в безлюдном месте, а это уже в самом деле подвиг и самоотверженность.

— Сэр Ричард, — произнес он возвыщенно и строго, — я готов и полностью в вашем распоряжении.

— Пойдем к аббату, — сказал я. — Старики вообще мало спят, так что, думаю, уже проснулся и думает над операцией.

— Операцией?

— Да, — ответил я. — По удалению. Хотя как, не соображу пока.

Старики, как оказалось, то ли не ложились вовсе, то ли встали раньше нас, но все в полном сборе, я услышал гул голосов, едва только приблизились к двери кабинета аббата.

Дежурный священник попросил нас подождать, вошел в кабинет, плотно прикрыв за собой дверь. Отсутствовал недолго, я не успел съязвить насчет бюрократии или чего-нить еще, мы в таких случаях всегда выглядим умнее и чище, мы же не бюрократы и прочие, дверь распахнулась, тот же священник сказал почтительно:

— Заходите. Вы как раз вовремя.

Он отступил в сторону и поклонился, Сигизмунд остался на месте, пропуская меня вперед, а я, выпрямившись и выпятив грудь, вошел с самым скромно-гордым видом и остановился по ту сторону порога, отступив на шаг влево, чтобы дать место бывшему васалу.

Священники некоторое время рассматривали нас, пока мы стояли, смиленно опустив взоры, наконец аббат проскрипел:

— Как вижу, вы готовы... Что ж, промедление смерти подобно. Если вы в самом деле готовы...

Я ответил бодро:

— Весьма!

Аббат перевел взгляд на Сигизмунда.

— А вы, дорогой наш друг?

Сигизмунд ответил пылко:

— Да, конечно. Если сэр Ричард ведет в бой, я никогда не отстану...

Глава 12

Аббат, Кроссбрин и другие иерархи Храма ревниво поморщились, разве что Леклерк тайком подмигнул и приподнял кверху большой палец. Само собой предполагалось, что их гордость, Сигизмунд-аскет, будет ведущим в нашем тандеме, а он сам почему-то добровольно передает руководство пришлому паладину.

Да и называет не братом паладином, что как бы ставило меня косвенно в подчинение местным священникам, а сэром, а это уже совсем другое, параллельное измерение.

— Тогда не будем медлить, — ответил я бодро. — Мы не кунтаторы, хотя Кунтатор был победителем, несмотря на кунтаторную кунтаторность... Отец Бенедарий, вы покажете, где нам с Сигизмундом встать с обнаженными мечами, или пошлете кого-нить из этих ваших мальчиков?

Кроссбрин посмотрел на меня остро из-под нависших бровей.

— Мы за ночь разработали несколько иной план, брат паладин.

— Слушаем, — ответил я настороженно.

— Расскажу по дороге, — сказал он. — Меня страшит любое промедление.

Кабинет покинули все, даже аббат, я с тоской прикинул, сколько будем спускаться по пещерам, моя птеродактильность не поможет, однако все остановились, сбились в кучу.

Отец Леклерк ухватил меня за локоть и потянул к себе, Сигизмунд уже и так почти в центре группы. Я видел, как отец Ромуальд сложил ладони ковшиком на груди и усердно молится, а потом прохладный воздух стал сухим и горячим, а я растопырил рот, когда вместо строгих стен из серого камня вокруг разом возникло буйство всех цветов стен глубокой пещеры.

И почти сразу странный холод пронизал изнутри всего, впился острыми когтями во внутренности. Не сразу сообразилось, что холод нарастает внутри, а снаружи все тот же плотный жаркий воздух.

Сигизмунд протиснулся вперед, ладонь на рукояти меча, выглядит красивым и готовым отдать жизнь за, монахи возбужденно переговариваются, уже разбиваются на группки, а от той, где аббат, пошло распространяться ощущение могучей и огромной силы, доброй и снисходительной...

Пещера самая обычная, с покатыми стенами и выгнутым сводом, но одна из стен почти целиком ровная, поблескивающая таинственно и странно, словно камень оплавили, превратив верхний слой в чистейшее стекло.

Отец Велезариус, это который знает всех демонов, а также всю более-менее значительную нечисть, медленно пошел вдоль этой стены, иногда притрагивался кончиками пальцев, иногда вообще проводил ладонью,

в двух случаях останавливался и прикладывал обе растопыренные пятерни, но качал головой и шел дальше.

— Что он ищет? — спросил я. — Где спинку почесать?

Сигизмунд не ответил, мои шуточки считает неуместными, да я и сам так считаю, но когда такая торжественная нервозность, то как-то оно само срывается с языка, то ли чтобы разрядить общее напряжение, то ли только свое, а они пусть как хотят...

Отец Велезариус прошел вдоль стены до самого конца, долго прислушивался и там, покачал головой и двинулся в обратную сторону, все так же прощупывая, на этот раз даже прикладывал к оплавленному камню ухо.

Когда он прошел от меня дальше, а все внимание и так сосредоточено на нем, я тихонько сделал шагок к стене, став боком и почти касаясь, ткнул в камень оттопыренным пальцем.

Камень остался камнем, отказавшись реагировать, хотя я быстро повернул колечко Хиксаны Дейт камешком вниз, и еще дважды с силой надавил, но лишь чуть не сломал ноготь.

Сигизмунд оглянулся в мою сторону, лицо расстроенное.

— Неужели сегодня не получится?

— А что он щупает?

— Мы должны войти, — сказал он, — когда твари будут далеко.

— Ого, — сказал я, — ты знаешь больше о нашей операции? Чего же не сказал?

— Я думал, — ответил он и посмотрел честными глазами, — вы знаете. Но разве не лучше войти туда самим, чем дожидаться, когда они проломят защиту и ворвутся всем войском?

Я пробормотал:

— Ну да, конечно. Но тогда нужно, чтобы там не стояло это самое войско. А то и нас сомнут, и сюда ворвутся.

— Потому отец Велезариус прослушивает, — объяснил он. — Сейчас там войска еще нет, защиту ломают только особые демоны. Не воины, а ломатели... Но они тоже иногда уходят.

— Пообедать?

— Не знаю, — ответил он все еще вежливо. — Просто уходят.

— Надолго?

— Сэр Ричард, — ответил он, — этого не знают даже святые отцы. Жизнь демонов темна и непонятна.

— А что, — спросил я, — они прямо там, за стеной? Он пожал плечами.

— Только отец Велезариус чувствует, когда они приближаются, а когда уходят далеко.

— Проблема, — сказал я, — быстро открыть портал, запихнуть нас и закрыть за нашими спинами?

Он кивнул и ответил гордо:

— И если не вернемся, то всем будет понятно, что погибли с достоинством и честью.

— Откуда понятно? — спросил я.

Он посмотрел на меня чуточку с недоумением.

— А как еще можем?

— Ну да, — побормотал я, — мы только так... но монахи могут и не понять... они ж монахи, у них широкие взгляды, будущее развитой демократии, а там не будь героем...

Отец Велезариус покачал головой, к нему подошли Кроссбрин и Аширвуд, все трое долго совещались, наконец аббат Кроссбрин сказал ровным голосом:

— Сегодня войти не удастся.

Я вскрикнул:

— Почему? Мы готовы!

— Они тоже, — ответил он зло.

— А что завтра? — спросил я. — Не будут готовы?

— Возможно, — ответил он и посмотрел на меня в упор. — Дело вовсе не в вас, брат паладин. Если откроем сейчас, не успеем запечатать портал до того, как сюда ворвутся силы Тьмы.

— Хорошо, — ответил я, — будем спать с мечами в руках. Как только, так сразу!

Он кивнул.

— Вас позовут сразу же. А отец Велезариус здесь останется до тех пор, пока не сообщит нам хорошие новости.

Возвращаясь со священниками, я наслушался мнений столько, что голова начала пухнуть, как наполняемый горячим воздухом шар Монгольфье.

Что там ниже, никто не знает, а когда начинают высказывать предположения, споры закипают такие, словно и не ученые люди собрались, а где-то в кабаке пьяные скотоводы заспорили, готовые к драке, у кого табуны лучше.

Известно только, что внизу Зло. Откуда взялось под Храмом — другой вопрос. Одни утверждают, что там начинается чистилище, а то и сам ад, другие говорят, что где святость, там и грех, все Зло мира начинает яриться и злобствовать, стягивается в ту сторону, где святость, чтобы навредить, сбить с пути, а то и уничтожить вовсе.

Мне эта точка зрения показалась самой реальной, вон как с братом Целлестрином, что сумел в себе отделить святость от греха, так и здесь сами монахи могли, наращивая в себе святость, загонять собственную греховность в подполье, здесь в буквальном смысле.

На подходе к моей келье догнал Бобик, довольный и облизывающийся, у каждого свои радости, а едва

переступили порог, он тут же бухнулся на бок прямо посредине комнаты и широко зевнул, а я дополз до койки, рухнул вниз лицом и сказал вяло:

— Все, спать...

В коридоре послышался топот, Бобик зарычал и поднялся на всех четырех. В дверь постучали торопливо, с истерической поспешностью.

— Иду, — ответил я. — Бобик, лежать!..

Бледное лицо Жильберта показалось в дверной щели. Он перехватил мой взгляд, судорожно кивнул.

— Брат паладин...

— Что, — спросил я упавшим голосом, — прорвались?

— Нет, — сказал он быстро, — но говорят, что демонов сейчас нет близко...

— Тогда бежим, — ответил я. — За Сигизмундом послали?

— Рыцарь Света уже там.

— Эх, — сказал я с досадой, — от недосыпа у него будет слабая реакция.

Несколько священников вошли в зал с другой стороны, впереди отец Ромуальд. Он сразу же вскинул руки, затем сложил ладони у груди и забормотал молитву.

Меня подтянули ближе к группе, как я понял, чтоб Ромуальду было легче, я задержал дыхание, готовясь к переносу, но снова даже не тряхнуло, только стены вокруг иные, воздух жаркий, холодок смертельной опасности сразу проник во внутренности.

Сигизмунд с обнаженным мечом в руке уже возле стены, там же отец Велезариус, он даже ухо приложил к стене и прислушивается настолько долго, что я тихо-хонько подошел к группке, где в окружении священников стоит аббат, сказал самым почтительнейшим тоном:

— Отец Бенедарий, нашего самоотверженного отца Терца стоило бы... реабилитировать.

Кроссбрин воскликнул в негодовании:

— Самоубийцу? Вы понимаете, что говорите?

— А вы? — спросил я. — Он совершил высший подвиг, какой только возможен! Отдал душу свою на вечные муки, только бы уберечь наших братьев от жуткой гибели в когтях этих тварей!..

Приор побагровел, собираясь возразить резко и яростно, но отец Леклерк, воспользовавшись крохотной паузой, бросил на меня беглый взгляд и вставил:

— Отдать жизнь за товарищей — это искупление любой вины. Самопожертвование — высшее для христианина!..

— Самопожертвование, — сказал отец Мальбрах значительно.

— Отдать свою жизнь, — сказал отец Муассак, — дабы жили другие...

Приор зло зыркнул в их сторону, умолк, даже отец Аширвуд, его первый помощник и верный соратник, молчит, а это значит очень многое.

Настоятель слабо пошевелился, все мгновенно умолкли, а он в полной тишине произнес вско:

— Место захоронения отца Терца найти, раскопать, кости перенести в усыпальницу для наших монахов. Отслужить по его душе заупокойную и вознести Господу молитвы о его великом подвиге! Все, приступайте.

Я подивился, как почти половина священников не просто отправилась выполнять его приказ, а помчалась трусцой, ай да аббат, ему бы командовать битвой при Азенкуре, победа была бы у Шарля де Альбре.

Аббат повернулся ко мне, в его взгляде я распознал глубокое сочувствие, хотя не понял причины, но в этот момент по защитной стене прошли некие тени, холод вонзил острые зубы даже в мои кости.

Я напряг все чувства, начал всматриваться с такой интенсивностью, что затрещали виски.

— Отец Велезариус, — прошептал я тихохонько, — их там трое?

Он повернул голову, взглянул на меня с угрюмой настороженностью.

— И вы их видите?

— Смутно...

Он сказал голосом обреченного к смерти человека:

— Значит, совсем близко.

Аббат сказал ровным и до жути бесстрастным голосом:

— Кто бы там ни был... они знают о Маркусе. И тоже готовятся. Только они совершенно не пострадают... в отличие от людского рода. И надеются выйти на поверхность и стать властелинами земли.

Сигизмунд тихохонько вскрикнул, а я сказал так же ровно:

— Понимаю вас, отец Бенедарий.

Он поинтересовался:

— Что именно?

— Почему, — пояснил я, — разрешаете нам спуститься в те запрещенные пещеры.

Сигизмунд смотрел непонимающими глазами, аббат бросил короткий взгляд в его сторону, а мне сказал кротко:

— Что ж... вы понимаете также, что мы поможем... в меру своих сил. К сожалению, наша мощь не простирается дальше территории Храма.

Кроссбрин сказал быстро:

— Вы также понимаете и то, что и так идем на огромный риск, открывая для вас ворота...

— Щелочку, — уточнил я.

Он сказал неохотно:

— Щелочку. Но даже ее опасно...

— Вы же сразу захлопнете ее за нашими спинами, — сказал я зло и бесстрастно. — Чего волноваться? Все ваши надежды на то, что мы перебьем там достаточно тварей, прежде чем они сомнут нас.

Сигизмунд краснел и бледнел, то стыдясь меня, то переживая, а священники отводили взгляды.

Отец Велезариус от стены сказал громко и ясно:

— Демоны слишком близко. И прорвут защиту вот-вот...

Кроссбрин сказал резко:

— Тогда начинаем!.. Медлить нельзя. Они перед прорывом обязательно соберут сюда все силы. Отец Ансельм! Отцы Аширвуд и Леклерк!.. Начинаем немедленно!

Сигизмунд подошел ко мне и стал рядом, лицо бледное, глаза вытаращены, но весь исполнен отваги и жажды погибнуть красиво и за вот это правое дело.

— Сейчас, — прошептал он. — Во славу Господа... Да будет Имя Твое, да будет Царствие Твое...

Священники громко и дружно читали молитву, слова незнакомы, я вообще такую никогда не слышал, что-то в ней от времен первых христиан, те несли в сердцах неистовую веру, что уже при их жизни греховный мир станет праведным, а Царство Небесное построят на земле уже к следующему лету.

Стена меняла цвет от стального до голубого, затем синего, фиолетового, потом пошла в обратную сторону. Я тихонько отошел от Сигизмунда и шепотом поинтересовался у аббата:

— А как узнаете, что возвращаемся?

Священники за его спиной переглянулись, по короткому замешательству я понял, что такая мысль даже не приходит в голову.

Аббат начал прокашливаться, давая себе время для обтекаемого ответа.

— Гуманно, — сказал я после паузы, не дожидаясь, — и вполне в духе наступающих после рыцарства времен. Запланированные потери... Главное — нанести урон противнику побольше в живой силе и... побить у него всю посуду. Ладно, я понял. Только Сигизмунду не рассказывайте.

Отец Мальбах сказал жалко:

— Брат паладин, мы над этим работаем!..

— Над чем?

— Уже есть предположение, как учゅять ваше приближение с той стороны.

— Чтобы открыть для вас, — услужливо пояснил скороговоркой отец Муассак.

— Да? — спросил я с подозрением. — А я думал, чтобы посмотреть, как с разгона убьемся о стену.

— Брат паладин!

— Хорошо-хорошо, — прервал я. — Повторяю, Сигизмунду ни слова! Я политик, понимаю. Высшие чины все политики, даже в монастырях.

Со стороны стены раздался мощный хлопок, и я увидел за желтым светом троих коренастых демонов с огромными кирками в руках, а за ними длинный туннель в розовом камне.

Глава 13

Демоны в изумлении раскрыли рты, широкие, как у огромных двуногих жаб. Я прыгнул, ускоряясь в движениях, рассек мечом одного, срубил голову второму и ткнул острием в горло третьего. Подоспел Сигизмунд и обрушил тяжелый удар рыцарского меча, развалив этого же демона надвое.

— Нужно было успеть, — пояснил я священникам, — пока не подняли тревогу. Ладно, мы посмотрим, что там у них дальше... Закройте за нами!

Сигизмунд побежал следом, крикнул:

— Это были простые рабочие увальни...

— Пусть они все будут такими, — ответил я.

— А как же подвиги?

Я не послал этого Рыцаря Света в жопу, мы же благородные герои, хотя послать хочется, но Сигизмунд настолько чист и светел, что к своему изумлению и как будто бы не весьма, конечно, но чуточку, а это уже много...

За нашей спиной потемнело, я с холодком понял, что священники в точности выполнили мое указание и спешно замуровывают выход отсюда в мир людей.

Сигизмунд тоже все понял, но лишь возгордился оказанной честью умереть за Храм, идет за мной с сияющими глазами, оступается на камнях, теряет равновесие, но не достоинство.

Далеко снизу донеслись слабые звуки, я с изумлением понял, что это некая старинная воинская песнь, слишком в ней много суворого мужества и готовности умереть в бою...

Мы спускались все осторожнее, песня звучала все громче, я сам не заметил, как начал тихохонько подпевать:

— Ё-вэй-о... Ёвэй-о, помравэй, йовэй-ран бруненджи...

Сигизмунд шарахнулся от меня так, что едва с металлическим лязгом доспехов не размазался по стене.

— Сэр Ричард!

— Да? — ответил я.

— Как вы можете?

— А что, — ответил я нервно. — Ну привязался мотивчик, вот и намурлыкиваю...

— Но вам эта песня знакома!

— Да где-то слышал, — пробормотал я. — Давно, правда. Еще в прошлой жизни.

Он вжался в стену и смотрел на меня круглыми, как у совенка, глазами.

— В прошлой жизни?.. Вы что, тоже были падшим ангелом?

— А что, — спросил я, — это их песня? Может быть, даже гимн?.. Интересно, какие шуточки может выкидывать родовая память: все, что было не со мной, помню.

— Но... как? — пролепетал он. — Ваша родословная простирается до падших ангелов?

— Ну знаешь ли, — возразил я оскорбленно, — почему ты решил считать всего лишь с падшими? Когда-то они не были падшими!.. Совсем напротив, это были самые близкие и любимые. Именно потому и приревновали к человеку, которого Творец вдруг приблизил, отодвинув самых могучих и доблестных ангелов...

Он смотрел на меня расширенными глазами.

— Да-да, верно, они ж не родились падшими...

— Это был эпизод в жизни моих великих предков, — пояснил я. — Незначительный. Ну, упали... Подумаешь! Отжались и встали... Ладно, Сиг, потом разберемся. Сейчас нам нужно перебить тех гадов, чтобы вернуться к обеду. Как думаешь, будет тот знаменитый карп, которого выращивает брат Кемберлит в своих подземных прудах?

Сигизмунд чуть успокоился, сказал все еще вздрагивающим голосом:

— Не знаю. Мне как-то не до карпа...

— А-а-а, — сказал я понимающие, — ты же вегетарианец, а карп подозрительно похож на рыбу.

— Любая рыба, — сказал он нервно, — без чешуи запретна!

— Не говори со мной ртом, — сказал я задумчиво, — которым ешь рыбу... Да, помню, было... А еще вам нельзя есть угрей и сомов...

Он охнулся, остановился. Дальше ход расширился, открылся вид в чудовищный красный мир ужаса, где небо багровое, кое-где ярко-пурпурное, но чаще виден страшный закат от края и до края. Я с трудом напомнил себе, что это вовсе не такое небо, а свод исполинской пещеры, и вон те застывшие тучи вовсе не тучи, а особо крупные скалы, нависающие над миром.

Там же в этом небе появляются не то призрачно-красные исполинские корни мирового дерева, если это ясень, то Иггдрасиль точно, не то щупальца, словно Гигантский Кракен и сюда добрался, гад головоногий.

Я пробормотал потрясенно:

— Не такими я представлял себе жилища падших ангелов...

Сигизмунд ухватился за стену, чтобы не осесть на подкашивающихся ногах.

— Сэр Ричард, — прошептал он, — нефилимы, ширнашимы и стоккимы не падшие ангелы, а их дети.

— Да ну!

— Правда, — сказал он, не замечая отвлекающей его провокации, — те ангелы сошли к падшим женщинам...

— Падшие к падшим, — ответил я, — как хорошо было в те времена! А сейчас хорошие женщины предпочитают падших, а падшие тянутся к хорошим... Как было во времена Каина.

Он обиженно поджал губы.

— Сэр Ричард, ничего подобного! Благородные леди не допускают ничего подобного.

— В хорошем месте ты жил, — ответил я со вздохом, — и хорошие книги читал... Тихо, там идет кто-то!

Он замер, долго так стояли, прислушиваясь, он уже начал посматривать на меня с недоумением, наконец в самом деле послышались далекие шаги, тяжелые, слегка шаркающие, а я сам подумал, что со мною что-

то творится, хотя не сказал бы, что плохое: услышать шаги задолго до того, как услышу, это ж здорово, только не начать бы слышать всякие другие голоса, после которых становишься блаженненъким...

— Нет, — сказал я тихо, — давай чуть назад. Кто бы это ни двигался, он в такой туннель не пролезет.

Сигизмунд сказал быстро:

— Зато просунет руку.

— Молодец, — сказал я изумленно. — Тогда... а, вот как раз щель кстати. Давай быстро сюда!

Он слабо сопротивлялся, все жаждал принять бой, а когда я придержал его там, он обеспокоенно спросил:

— А не будет ли это уроном нашей рыцарской чести?

По норе пронеслась жаркая волна нечистого воздуха. Сигизмунд зло зашипел, некий гигант явно заглянул в туннель, дожнув тем, что у него в легких, а это значит, у них тут есть легкие, и вообще почти как люди. Ну да, от падших ангелов и земных женщин как раз и рождались люди, одни ничем неотличимые от обычных, другие с разными странностями... как вот этот, например, вымахавший ростом, я думаю, с дерево.

Камень под нами слегка вздрогивал, когда великан удалялся, но не поскрипывает, что значит, сплошная плита, а не составное нечто.

Я осторожно двигался, воздух жаркий, наполнен гарью, Сигизмунд идет сзади и недоумевает, почему я прячусь, это недостойно рыцаря, нужно отважно и смело в бой за церковное дело...

Щель закончилась быстро, мы вышли прямо из стены огромной пещеры, где не успели сделать шажок, как над головой загрохотало. Я инстинктивно ухватил Сигизмунда и прижал к стене. Сверху на расстоянии вытянутой руки от нас с шумом пронеслась

хищно блестающая острыми сколами глыба, размером с сарай.

Внизу раздался мощный шлепок. Взвился красочный фонтан из расплавленной магмы, я уловил запах горящего железа. Сигизмунд как прилип к стене. Огненный столб поднялся на пару ярдов выше, чем стоим мы, нас опалило жаром, но, к счастью, тот сразу же и опустился в багровую поверхность расплавленной магмы с застывшими гребнями.

Я все еще придерживал Сигизмунда, вслед за первой глыбой обрушилось еще с полдюжины, хоть и помельче.

— Может быть, — предложил я, — лучше узкими щелями?

Он ответил твердо:

— Сэр Ричард, я ценю вашу заботу, но по щелям ходить долго, да и заблудиться можно. А здесь хоть видно, куда идем.

— Правильное решение, — одобрил я. — Ты здесь не бывал?

— Нет, — ответил он с удивлением. — Откуда?

— Да так, — пояснил я, — больно хорошо ориентируешься.

Он польщенно напыжился, похвала и рыцарю приятна, не такие уж мы железные.

— Опыт, — пояснил он скромно. — Я в основном за пределами монастыря.

— Да, — согласился я, — тут еще тот монастырь!

— Сэр Ричард?

— Думаю, — предположил я, — они и здесь, несчастные, прозябают без женщин. Потому и злые. Хотя вообще-то...

Он воскликнул шокированно и с гневным возмущением:

— Сэр Ричард!

— Ладно-ладно, — сказал я. — Тоже мне Рыцарь Света!.. Свет бывает тоже разным. Цветным, к примеру. С оттенками. Говорят, бывает даже черный свет, но я прагматик, такое просто не могу вообразить... Дескать, днем в освещенной солнцем комнате зажигаю черную свечу, а от нее идет темнота?

Он почти не слушал мое умничанье, тоже мне Рыцарь Света, должен быть внимательным и чутким к собеседнику, оглядывался по сторонам и прислушивался, демоны то и дело показываются в поле зрения, но чаще всего простые, что не только паршивые как воины, но и как работники не очень...

У людей мало разнообразия, мелькнуло у меня, у нас штамп, по которому выпускают в мир, а для демонов нет даже чертежа, потому от падших ангелов первые дети были все-таки похожи на людей, хотя и огромного роста, невероятной силиши и очень, как сказано в Священном Писании, красивые лицом, но это не закрепилось в породе, и дальше пошли такие помеси, что ни словом сказать... Сейчас среди демонов можно встретить как гигантов, так и карликов размером с мышь, одни дышат злобой и стремятся всех убивать, даже своих, другие вообще питаются только травой и живут в глубоких норах.

Одни освоили способность полета, многие умеют трансформировать свои тела, но все-таки большинство из них тупые животные, мимо которых можно пройти, а они даже не поймут, что обязаны броситься с лютой злобой и хотя бы вцепиться зубами в штаны.

Справа донеслись топот и шарканье множества ног, хриплые и грубые голоса, похожие на гортанное блеяние овец. Сигизмунд гордо улыбнулся и взял меч на изготовку.

— Крестьян бить нехорошо, — сказал я.

Он охнулся.

— Сэр Ричард, вы за демонов?

— За справедливость, — ответил я с надлежащим высокомерием, чтобы звучало достойно и по рыцарски. — Нужно сражаться с демонами-рыцарями!.. Хотя ты прав, я буду бить ихних рыцарей, а ты бей простолюдинов...

Он прошипел оскорбленно:

— Я? Почему я?

— Ты допускаешь саму мысль, — начал объяснять я, но оборвал сам себя: — Тихо!

Топот приблизился, демоны вышли из широкой норы нестройной толпой и прут в нашу сторону, еще не замечая нас. У большинства в руках или на плечах кирки и лопаты, ну прям люди, если бы не зеленая кожа и не уродливые фигуры, некоторые вообще с тремя руками, другие четвероногие, многие с рогами...

— Пусть идут, — прошептал я. — А то мечи затупим... и сами намахаемся! А нам еще драться с воожаками!

Он шепнул с восторгом:

— Да! С воожаками!

— Тихо...

Мы вжались в стену, они идут прямо на нас, вот уже несколько шагов осталось, вот совсем...

Я тоже задержал дыхание, готовясь ударить, однако демоны свернули, не биться же лбами в стену, по которой распластываемся мы с Сигизмундом, пошли вдоль, а мы, не шевелясь и стараясь даже не дышать, смотрели на них, что за тупые животные, все бы такими были, их бы палками забили...

Они шли и шли, я потихоньку перевел дыхание, когда из норы вышли последние, самые мелкие, даже лопаты поднять не в состоянии, ташат за собой, скрежеща металлом по камню.

Когда проходили мимо последние, Сигизмунд с облегчением вздохнул, я ткнул его локтем в бок, но демоны его не заметили, и только самый последний, покачнувшись от усталости, наступил Сигизмунду на ногу, поднял голову, всмотрелся в страшное железное лицо и вдруг заверещал тонко и пронзительно.

— Бежим, — сказал я быстро, — их и не перебить столько...

Сигизмунд послушно бросился за мной, я помчался, как олень, руководствуясь интуицией, она у меня всегда на высоте, когда не спит и не отвлекается, и сейчас как чувствовал, куда бежать и где ускоряться, пока не выбежал к краю широченной пропасти, и внизу слышно, как река из расплавленного металла ворочает камни и подгрызает берега.

Я инстинктивно ускорил бег, мощно оттолкнулся и прыгнул, уже в момент отрыва ступни от скального выступа понял, что совершаю великую глупость...

Меня несло и несло над этим ужасом из кипящего металла, жар разогрел доспехи, навстречу несется скала с пологой вершиной, я грохнулся на край, ноги свисают, и тяжелая задница тянет вниз, но вскарабкался из последних сил, повернулся там, тяжело дыша.

Сигизмунд, мчавшийся следом в десятке шагов, замедлил бег, затем остановился вовсе.

— Сэр Ричард! — прокричал он. — Я приму бой!

— С толпой простолюдинов? — крикнул я. — Не роняй рыцарской чести!..

Он смерил взглядом ширину расщелины.

— Я не перепрыгну!

— Нужно верить в свои силы, — сказал я пламенно. — Ты же Рыцарь Света!.. В тебя верят, на тебя возлагают и даже кладут... Давай, ну быстрее!

Он оглянулся, следом с топотом и визгом несется толпа демонов, хоть и кривоногие, но все-таки догонят любого, кто остановится.

— Прыгай! — крикнул я снова.

— Но... как?

— Быстро! — закричал я.

Он оглянулся и сказал бесстрашно:

— Лучше приму бой и погибну с честью!

— И опозоришь свое имя! — заорал я страшным голосом.

Он в ужасе от такого будущего оттолкнулся от стены, сделал два быстрых шага, для третьего нет места, и прыгнул изо всех сил. Я видел его искаженное усилием лицо, но и даже в таком прыжке Сигизмунд красив, полураскрытый в крике рот и патетически вытянутые руки.

Не долетел самую малость, с силой ударился грудью о край, но соскользнуть в пропасть не получилось, я поймал за руку и вздернул к себе наверх.

— Сперва выполним задание, — пояснил я. — Убьем всех главных, а потом вернемся и побьем этих простолюдинов, если ты почему-то так странно этого хочешь. Понял?

Он просипел полузадушенно:

— А мы... не бежали сейчас с поля боя? Это по зор...

— А мы заманиваем, — сказал я. — Кроме того, Сиг, правила рыцарства здесь неуместны.

— Почему?

— Это не люди, — объяснил я, — а демоны. А рыцарство гласит, что нужно блюсти все в отношении других людей и даже дам, а всякие демоны, простолюдины и девки к ним не относятся!

Он подумал, приподнял брови и ответил с неуверенностью:

— Вроде бы верно... но я на всякий случай буду с достоинством и к демонам. Это же мое имя и моя честь, при чем тут кто из них кто? Кто я — вот что важно!

Я сказал пристыженно:

— Ты меня уделал, Сиг. Редко кому удавалось, но ты меня, как Бог черепаху.

— Сэр Ричард?

— Признаю, — сказал я великодушно. — А теперь вставай, пойдем погибать отважно и в красивых позах. Но только сперва убьем всех тех, у кого в руках оружие, а не лопаты.

Глава 14

Мы шли чудовищными туннелями, поразительно похожими на внутренности гигантского дождевого червя, и хотя внутри червяков никогда не был, но в руках держал в детстве не раз, один раз даже разорвал, то ли нечаянно, то ли нарочно, все мы в детстве невинны, и сейчас мчался со всех ног, прыгал на пульсирующих сочленениях, прислушивался к Сигизмунду, трижды напоролись на работающих там демонов, но разбираться некогда, даже Сигизмунд рубил отчаянно, я объяснил ему, что это называется у рыцарей высшей категории зачисткой, когда и так называемое мирное население уничтожается под корень, чтобы не путалось под ногами...

Потом мчались через горячее плато, где постоянные взрывы, раскалывающие землю, огонь вырывается слепяще-белый, и вокруг сразу начинает все гореть, даже камни, гейзеры взлетающей к своду магмы...

...И мы, как два оленя, красиво несемся через огонь, рубим, сшибаем, сносим головы, взлетают отрубленные руки, как хорошо вот так ворваться к против-

нику, когда он еще не успел напялить доспехи и взять в руки оружие!

Сигизмунд пару раз все-таки требовал, чтобы мы дали им возможность вооружиться, иначе бой не честен, но я пообещал по возвращении предстать перед воинским трибуналом и отчитаться за все нарушения воинской этики и даже этикета, а он, Сигизмунд, невиновен даже в военных геноцидах, так как приказы отдаю я, грубая скотина и будущий военный преступник против нечеловечества, а он всего лишь хороший исполнительный воин, опора церкви и общества.

Я потерял счет времени, сколько мы прорубывались по туннелям, старательно избегая больших пещер, где нас легко окружить. Сигизмунд сперва спрашивал, туда ли идем, а я сперва отвечал, что да, туда, наконец поинтересовался, не все ли ему равно, он же готовился умереть красиво и с возвышенными словами на застывающих устах, и он перестал спрашивать, только хрипло дышал и наносил точные экономные удары.

Ближе к центру, как я чувствовал, попадаются уже настоящие воины, а однажды прямо из пола поднялся такой гигант, что сердце мое затрепетало. Демон ростом с трехэтажный дом, толстый, как водонапорная башня, а ко всему еще на нем доспехи то ли из металла, то ли из камня, даже издали видно, что не тоныше наковальни даже в самом незащищенном месте.

— Отходим! — крикнул я Сигизмунду. — Быстро за мной!

Сигизмунд послушно пошел, отступая рядом, отражая удары и нанося в ответ, но когда я свирепо гаркнул и побежал, ринулся следом, но ни разу не забежал вперед, это же недостойно и может быть расценено, а это недопустимо и вообще как можно...

По дороге смяли еще несколько демонов, пусть даже в доспехах, но я с дрожью прислушивался, как вздрагивает земля все ближе и ближе.

Мы бежали через огромную пещеру, когда едва не на четвереньках в нее вошел гигант и быстро расправился во весь рост.

Я со смертным холодом в груди ощущал, что не успеем пробежать все огромную пещеру до туннеля на той стороне, этому огру достаточно сделать два шага...

— Сиг! — крикнул я бешено. — Мы покроем себя славой! Встань вон в ту щель и задержи всех, кто попытается прорваться!.. И погибнем с честью!

— Да! — прокричал он воспламененно. — И доблестно!

Он повернулся и побежал к стене, а не к туннелю, а я помахал гиганту мечом и провел лезвием горизонтально, показывая, как перережу ему глотку.

Взревев, он двинулся ко мне, я ринулся в противоположную от Сигизмунда сторону. Разогнался и похолодел, несмотря на жар. Впереди бездонная пропасть, ее не перепрыгнуть еще и потому, что на той стороне просто голая ровная стена. Это значило бы в прыжке удариться о нее тупой головой и упасть в озеро расплавленного металла.

Гигант в два огромных шага оказался за моей спиной, расхохотался гулко, его смех наполнил мир жутким грохотом, а когда протянул ко мне руку, я ощущал, что не смогу отрубить даже палец, тот толще колонны во дворце короля Барбароссы.

— Да пошел ты, — крикнул я и ринулся вниз головой с уступа.

Он попытался поймать в падении, гигантская ладонь пронеслась совсем рядом, отшвырнув меня тугой волной воздуха, но сознание у меня уже помутилось, я смутно помнил, что инстинктивно растопыриваю

крылья, а когда увидел перед собой быстро приближающуюся жаркую поверхность, крылья уже несут на бреющем над оранжевым расплавом, шерсть начала дымиться, запах паленого ударили в ноздри.

Задыхаясь от жара, я мчался вдоль опаленных камней, щелей много, но мелкие, ага, вот по мне, я ринулся к ней уже с помутившимся сознанием, влетел, обдирая крылья, упал и больно расшибся о каменный пол, но здесь при всей иссушающей жаре хотя бы нет палящего жара от растопленного металла.

Чуточку переведя дыхание, я все-таки перебрался в личину человека, так надежнее, начал притискиваться по извилистой щели, цепляясь железом доспехов за острые сколы камней, на выходе споткнулся и позорно вывалился, как мешок с картошкой.

В десятке шагов впереди раздался злой смех. Двое мужчин в черных рясах с капюшонами на головах рассматривают меня, как жалкого полураздавленного таракана.

Я торопливо поднялся, выхватил меч, но сделал вид, что да, настолько смертельно измучен, что не могу даже держать, со стоном напряг руки, но меч опустился и уперся острием в землю.

Монахи переглянулись, а тот, что повыше и чуть пошире, сказал почти веселым голосом:

— Кто бы ты ни был... тебе лучше сдаться!

— Зачем? — спросил я. — Чтобы успели еще и попинать?

После паузы, явно он тихо советовался с напарником, он сказал еще громче:

— Нет, просто мы не знаем, кто ты.

— Такие любознательные?

— Не очень, — ответил он. — Но когда столько тысяч лет ничего не происходит... и тут является такой... необычный!

— Ничего, — заверил я голосом умирающего, — скоро другие подойдут.

Он расхохотался.

— Это кто-то? Назови хоть одно имя!

— Имена? — переспросил я. — Да хотя бы отец Кроссбрин...

Он гулко расхохотался, задирая голову и откидываясь назад всем корпусом, так что будь я ближе, точно успел бы нанести разящий удар, и не спасла бы его черная ряса.

— Отец Кроссбрин?.. — повторил он, чуть не всхлипывая от смеха. — А он все еще надевает перед сном женское платье?

Я изумился:

— Женское?

Он расхохотался:

— А как искусно прячет в стену! Там у изголовья кровати камень расшатался, отец Кроссбрин его вынимает и сует в нишу женские тряпки, ха-ха!

Я сказал резко:

— Не бреши! Откуда ты знаешь такое?

Он сказал весело:

— Меня звали в той жалкой жизни братом Александро. Я помогал отцу Кроссбрину, еще когда был послушником, а потом пять лет монашества... Я знаю о нем все! Он никогда не приведет сюда войско. Никогда! А ты сложишь здесь голову, если сейчас же не поклонишься мне и не признаешь меня хозяином. И тогда твое место здесь будет выше, чем было там... Так что лучше присоединяйся к нам! Мы скоро окончательно доломаем примитивную защиту Храма... И легионы наших хлынут наверх... Потому лучше быть с нами.

— В Священном Писании сказано, — возразил я, — «имя им — легион». Всего лишь!

— Когда это было? — ответил он небрежно. — Теперь уже легионов сто!.. Хочешь одним из них командовать?

— Одним? — переспросил я. — Это оскорблениe! Но соглашусь командовать всеми. У меня ранг.

Он расхохотался.

— Молодец! Ты точно должен быть с нами. Все наглые здесь, вот увидишь.

Он продолжал подходить ближе, ладони с растопыренными пальцами время от времени приподнимал в успокоительном жесте, дескать, хоть меч и на месте, какой же мужчина без меча, но мы можем говорить мирно, настоящие мужчины могут договориться, у настоящих настоящие интересы...

Я поднял меч, дескать, держу наготове, ничего обидного, настоящие всегда настороже, потому выживают и дают потомство, а те, которые страшатся показаться чересчур осторожными, оставляют своих жен вдовами, чтобы их брюхатили менее щепетильные.

Он посмотрел внимательно, как я со стоном опустил меч и снова упер острием в пол, а я краем глаза увидел, как из расщелины в стене появился Сигизмунд, весь в крови, доспехи порублены так, что остались только обломки, шлем утерян, белокурые волосы слиплись от крови.

Ухватившись за край, он удержался от того, чтобы выпасть, как лихо получилось у меня, попытался махнуть мне рукой, но не смог поднять, как я вот не могу поднять меч.

Черный монах, бывший брат Александро, кивнул напарнику, тот вытащил из складок рясы довольно длинный меч с извилистым лезвием, вскинул левую руку к своду пещеры, и его с ног до головы окутала неприятная черная дымка.

Брат Александро сказал мне покровительственным тоном:

— Твой друг тоже может жить... если по нашим законам поцелует брату Секерду ногу. Но он не так интересен, как ты... в тебе есть что-то необычное, я чую...

Он слишком красовался и бахвалился, уверенный в абсолютном превосходстве, а я сделал вид, что совсем едва живой от усталости, что вообще-то недалеко от правды, прохрипел вяло:

— А ты уверен...

Он подошел ближе.

— В чем?

— Что ты... — проговорил я еще тише, что заставило его сделать еще шаг, — бессмертен?

Я рывком поднял меч и резко двинул вперед острием, как копьем. Жало клинка, прорубив черную ткань, попало точно между пластинами доспеха и, пропоров плоть, погрузилось на две ладони, пока не уперлось в кости.

Он дернулся, дико вскрикнул с такой силой, что со стен посыпались камешки, а земля под ногами дрогнула. Я нажал сильнее, но меч остановился, явно клинок уперся в позвоночный столб, и я торопливо дернул на себя, отступил с дымящейся кровью на стальном лезвии.

Он покачнулся, рухнул на колени, изо рта плеснула кровь. Я отступил еще на шаг, меч наготове, а черный монах прохрипел:

— Но... как...

— Святость, — ответил я громко, видя как Сигизмунд, сразив своего противника, старается приподняться на руках и снова падает лицом о камни. — Ладдэтор Езус Кристос!..

Он сказал сипло:

— Это не свя...

Я ударил его ногой в лицо, он завалился навзничь, так и не закончив разоблачающей меня фразы.

Сигизмунд кое-как поднялся, цепляясь где за стену, где за рыцарскую гордость, губы разбиты в кровь, но рукоять меча уже в руке, хотя пока служит только костылем.

— Сэр Ричард, — сказал он с великим почтением, — вы сразили бессмертного нефилима? Верно?

— Бессмертного, — согласился я, не подтверждая, но и не отрицая, — это лучше, чем неуязвимого. А бессмертные бессмертны, пока их не убьешь... Ты как?

Он ответил быстро крепнущим голосом:

— Уже все раны почти затянулись.

— Пора возвращаться, — сказал я. — Мы своей диверсией сорвали план по немедленному вторжению, а там наши святые отцы что-нибудь да придумают... надеюсь. А что это у этих, племя или только семья — ячейка общества и фундамент государственности, мы узнаем в следующий раз.

— Какого общества? — спросил он в недоумении.

— Надеюсь, — пояснил я, — демократического. Демократические разрушать легче, хотя можно потом самому подхватить эту заразу.

Он сказал с подозрением:

— А вы ее не подхватили? Я слышал, бесчестно вели какие-то переговоры с этими тварями в людском облике!

— Зато узнал, — пояснил я, — что они готовят масштабное вторжение!

— Все равно, — отрезал он гневно, — вы разговаривали с ними так, будто временами склонялись на их сторону!

— Военная хитрость, — объяснил я. — Не все ли равно, хитростью или доблестью победил врага?.. А эти

придурки настолько уверены в своей хитрости, что забывают про хитрость своих противников.

Он вскрикнул:

— У меня нет и не будет хитрости!

Я взглянул на него остро. По настоящему ловкие всю жизнь делают вид, что гнушаются хитростью, на самом деле просто приберегают для исключительных случаев, обещающих исключительную выгоду, но Сигизмунд даже не помыслит о такой удобной возможности.

— За что тебя все так и любят, — сказал я мирно. — Притворяясь, будто мы попали в их сети, мы проявляем настоящую хитрость высшей пробы, потому что обмануть врага легче всего тогда, когда он хочет обмануть нас.

Он воскликнул и затряс головой:

— Даже слушать не хочу про какие-то недостойные рыцаря уловки!

— Хорошо, — сказал я с готовностью, — не отставай. Дорогу не очень-то запомнил, но главное направление... Побудь здесь, я взгляну, что там дальше в той щели. А то она какая-то странноватая.

Он крикнул в спину:

— Только не зажигайте огонек! Демоны сразу почуяют.

— Не зажгу, — пообещал я. — И так все видно.

Лица Сигизмунда не видел, но, думаю, он проводил меня ошарашенным взглядом, в котором все больше подозрения. Ну не может человек, посвятивший себя служению Свету, видеть в демонской тьме, да еще хорошо!

Я шагнул в полумрак, а затем в темноту, но глаза быстро приоровились, я дернулся, когда прямо передо мной выросла человеческая фигура в модном камзоле, зауженных брюках и сапогах из тонкой кожи с задранными носками.

Охнув от неожиданности, я сказал почти с торжеством:

— Ну наконец-то увидел вас, сэр Сатана, дома!..
Хоть и явился без приглашения...

Он светски улыбнулся.

— В отличие от меня, который никогда не является без него. Кстати, почему вы решили, что это мой дом? Нет уж, сэр Ричард! Мой дом в вашей душе. И не только в вашей. Я живу в людских душах, потому и являюсь так моментально... А направлялся я, кстати сказать, в монастырь и Храм Истины.

Я охнул:

— Шутите? В святое место?

Он посмотрел на меня несколько странно, а когда заговорил, голос звучал с неуверенностью:

— Сэр Ричард, вы так шутите? Тогда предупреждайте, а то вид у вас такой серьезный, что просто неловко за человека, на которого возлагаю такие надежды. Не могу же я предположить, что вы не знаете такой очевидной вещи, что монахов посещают чаще всех! Ну, разве что чаще святых, еще более интересные собеседники.

Я сказал зло:

— Хотя бы монахов оставили в покое! Это же соль земли.

— Здесь с вами согласен, — сказал он, — умнейшие люди в мире! От них зависит, каким будет общество, согласны? Ну вот... и чтобы я пропустил хоть одну возможность повлиять на них?.. Кстати, сэр Ричард, раз уж сами по доброй воле и без моего подстрекательства забрались сюда...

— К падшим ангелам?

Он покачал головой.

— Падшие в другом месте, а немного из их потомства — нефилимы, ширнашимы и парочка стоккимов.

Они бессмертны, сэр Ричард, как вы уже поняли... У вас есть шанс стать тоже бессмертным, стоит только захотеть.

Я подумал, спросил осторожно:

— Я бы согласился, но с условием...

— Говорите.

— Чтобы все люди на свете тоже обрели бессмертие.

Он поморщился.

— А как же наслаждение властью? У вас ее не будет. Вы не сможете вести народы, как бессмертный правитель, по пути прогресса. У вас вообще не будет безграничной власти, если остальные тоже окажутся бессмертными.

— Я как бы паладин, — ответил я со скорбью, — обязан! Не хочу, но обязан. Должен.

Он произнес медленно в раздумье:

— Не понимаю... вы идете по пути, который я на-чертал... вы изумитесь, насколько точно!..

— В самом деле?

Он взглянул на меня, коротко усмехнулся, блеснув зубами.

— Точно-точно. Если не считать совсем уж мелкие отклонения, но это выглядит, как если бы обходили некие камешки, заметные только вам, но всякий раз возвращаетесь на дорогу. Так... почему?

— Что почему?

— Почему, продвинувшись так далеко, отвергаете руку помощи?

Я подумал, пожал плечами.

— Не знаю. Умом понимаю, что это оправдано, как и народной мудростью, где насчет клока шерсти с паршивой овцы, уж простите за сравнение, но это не я, а демократическое большинство, или что ласковый теленок двух маток сосет...

— Ну-ну?

— Но это умом, — сообщил я. — А ум у нас лишь то-о-о-о-оненькая пленка на кипящем в глубоком котле молоке инстинктов, доставшихся от первородного Змея... Это точно не вы были, сэр Сатана?.. Ну-ну, это я пошутил. Конечно же, вы его всего лишь раззадорили, как я вот Сигизмунда... Змей дурак, вы его умело использовали, но, увы, и от дураков дети бывают, что он и доказал на Еве. Так вот, инстинкты волят и насчет сыра в мышеловке, и вообще... Я, конечно, как разумный человек, с презрением отмечую примитивные инстинкты, однако, как действительно разумный, я понимаю, что формировались миллиард лет, когда я был еще амебой, рыбой, ящерицей, динозавром и макакой, и в конце концов сформировали так называемое чутье...

Он поморщился.

— Примитивно.

— Еще как, — согласился я. — Но ведь срабатывает же, зараза!.. Да и если уж по совести, то как без инстинктов, когда я вот стою вертикально, а должен бы, как крокодил, бегать на четвереньках!.. У меня же позвоночный столб формировался как горизонтальная балка, без всяких застоев в заднице... Я рассуждаю потому, что мамонтов били лучше те, кто сперва рассуждал, как это сделать... Я весь из инстинктов и ведомый ими, потому и поступаю так вроде бы нелогично, но это с точки зрения недалекого ума нелогично, а инстинкт уже продумал длиннюю цепочку, но мне выдал только готовый результат, чтобы не заморачивать мне голову и не объяснять, как и почему. Это и называется чутьем, озарением. Потому я вот так, самостоятельно и по-своему. На интуиции. А ваш разум пошел в задницу! Он только гадости всякие умеет советовать.

Он покачал головой.

— Ничего не понял. Вижу только, что вы быстро растете, сэр Ричард. Очень быстро! Временами даже начинает казаться...

— Что?

— Нечто, — договорил он, — дикое и невероятное...

Лицо у него стало нехорошим, на губах появилась недобрая усмешка.

Я спросил с тревогой:

— Что за невероятное?

— Что вы хотите, сэр Ричард, — ответил он сумрачно, — стать Третьей Силой.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	145
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	282

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ – ПРИНЦ-РЕГЕНТ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариakov*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Н. Билюкина*

Корректор *Д. Горобец*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: Info@eksмо.ru

Өндіруші: Издательство «ЭКСМО-ЖШК, 127299, Москва, Россия, Клара Цеткин кв., д/18/5.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Казахстан Республикасында дистрибутор және енім бойынша арзы-талааттарды
қабылдаушының

екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы к., Домбровский кв., 3 «а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksмо.kz

Өзіннін жарымдастырылған мәрзімі шектелмеген.

Сертификация туралы актірет сайты: www.eksмо.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: [http://eksмо.ru/certification/](http://eksмо.ru/certification)

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 18.07.2013.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 21000 экз. Заказ 1809

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-66571-6

9 785699 665716 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: International@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**
E-mail: vrzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-pak@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.**

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-699-66571-6

9 785699 665716 >

